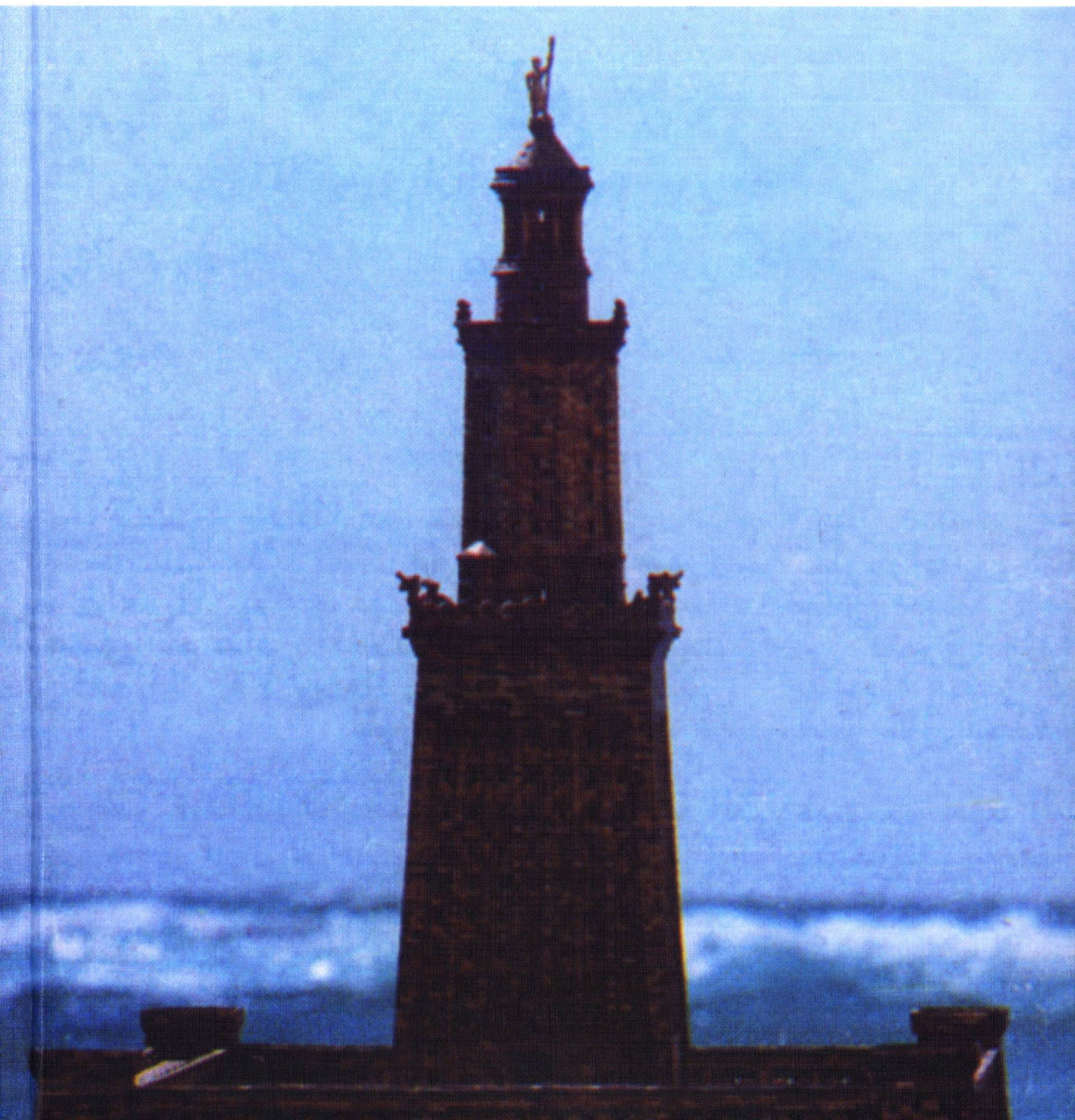

Г.В. Горячкин

РУССКАЯ АЛЕКСАНДРИЯ
Судьбы эмиграции в Египте

Российское
ИМПЕРАТОРСКОЕ
КОНСУЛЬСТВО
въ
Александріи.

28 Января 1917.г.

№ 441.

AGENCE CONSULAIRE
DE RUSSIE
ISMAILIA (Egypte).

М.И.Д.
Российское
ВИЦЕ-КОНСУЛЬСТВО
ВЪ КАИРЬ.

9 Сентября 1917.г.

№ 1350.

MINISTRE DE RUSSIE
EGYPTE

Le 28 Mars 1922.

No....

РОССИЙСКОЕ КОНСУЛЬСТВО

въ

Александріи.

30 Апрелья 1919 года.

№841.

#140
3 мая 1919
Каирь

Согл

МИНИСТЕРСТВО
ИНОСТРАННЫХ
ДЕЛ
КАИРЬ
АЗИЯ
Mail

Российское
Дипломатическое Агентство
и
Генеральное Консульство
въ Свинтъ.

Александрія, 21 іюня 1920.

*Россійская Миссія
въ Египтѣ.*

№ 140.

II Octobre 1923.

Милостивый Государь

Георгій Гавриловичъ,

AGENCE DIPLOMATIQUE
ET CONSULAT GÉNÉRAL
DE RUSSIE

Feu Son Excellence A. A. SMIRNOFF
Chambellan à la Cour de Sa Majesté l'Empereur de Russie
Envoyé Extraordinaire et Ministre Plénipotentiaire en Egypte.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ А. А. Смирновъ
Камергеръ Двора Его Императорскаго Величества
Чрезвычайный Посланникъ и Полномочный Министръ
въ Египтѣ.

ОБЩЕСТВО "РУССКАГО ГРАЖДАНИНА
ВЪ КАИРѢ.
CERCLE RUSSE
SOCIÉTÉ DES CITOYENS RUSSES)
DU CAIRE
IDAN KANTARET EL-DEKKA SQUARE

ТВО
ХЪ ДѢЛЪ
АМЕНТЬ
ТСКИЙ
14-го июля 1894 года
2334

РОССИСКОЕ КОНСУЛЬСТВО

ВЪ

АЛЕКСАНДРИИ

2/16 Іюля 1922 года.

№ 7463

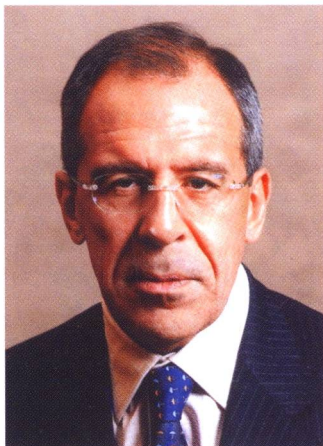
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА

Военно-походная

Канцелярія.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Обращение к читателям
Председателя Правительственной комиссии
по делам соотечественников за рубежом

Вашему вниманию предлагается книга о российской диаспоре. Примечательно, что она подготовлена самими соотечественниками и рассказывает о том, как складывались их судьбы, формировалась диаспора. Ее лейтмотив в том, что, несмотря на различия, всех нас объединяет любовь к Отечеству, чувства сопричастности великой русской культуре, гордости за нашу страну.

Развитие отношений партнерства с зарубежными соотечественниками всегда будет среди приоритетов внешней политики России. Это также касается защиты их законных прав и интересов, укрепления позиций русского языка и культуры за рубежом.

Убеден, книга найдет своего заинтересованного читателя, будет востребована как убедительное подтверждение традиционно тесных связей соотечественников с исторической Родиной, объединяющей нас приверженности раскрытию колоссального созидательного потенциала «русского мира».

С. ЛАВРОВ

Издание осуществлено при поддержке
Правительственной комиссии
по делам соотечественников за рубежом

Alexandrie

Canal Mahmudieh à Minet el Bassal

Г.В. Горячкин

РУССКАЯ АЛЕКСАНДРИЯ
Судьбы эмиграции в Египте

Москва
Русский путь
2010

УДК 94/99
ББК 63.3(2)6-4
Г 719

Редколлегия:

М.Л. Богданов, посол РФ в АРЕ (председатель),
И.Н. Молотков, Н.М. Холов, Б.Н. Ромачев

Г 719 Горячкин Г.В. Русская Александрия: Судьбы эмиграции в Египте. — М.: Русский путь. гою. — 324 с.: ил.

ISBN 978-5-85887-366-2

В книге исследуются вопросы формирования русской колонии в Александрии в 1920-1952 гг. на фоне развития русско-египетского цивилизационно-культурного диалога в сравнении с данными по другим иностранным общинам города. Кроме того, дается анализ становления русской общины за более ранний период.

Основное внимание уделяется прибытию русских эмигрантов после окончания Гражданской войны в России, их численности, роду занятий, социально-политическому положению, вкладу в культурную жизнь второй столицы Египта. Отдельно изучается проблема взаимоотношений российских дипломатов и эмиграции. Видное место занимает влияние русской культуры, в том числе эмигрантской, на александрийское общество, рассматривается поэзия эмигрантов. В книге помещены несколько десятков иллюстраций, большинство которых публикуется впервые.

УДК 94/99
ББК 63.3(2)6-4

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	
Русская колония среди иностранных общин Александрии до 1920 г. ...	и
1.1. Александрия сквозь века	и
1.2. Иностранные общины Александрии	16
1.3. Условия формирования и становление русской колонии Александрии до 1917 г.....	41
1.4. Политическая практика русских эмигрантов в Александрии до Октябрьской революции	60
Глава 2	
Русская белая эмиграция в Александрии в 1920-1952 гг.....	73
2.1. Массовый исход эмигрантов из России. Транзитные лагеря в Сиди-Габере, Аббасии, Тель аль-Кебуре и Исмаилии.....	73
2.2. Лагерь Сиди-Бишр в Александрии.....	90
2.3. Русская община после Сиди-Бишра: численность и род занятий эмигрантов.....	115
2.4. Социально-политическое положение колонии	125
2.5. Российские дипломаты и эмиграция.....	140
2.6. Русская эмиграция и социально-культурная жизнь Александрии	173
Глава 3	
Русская культура и Александрия.....	192
3.1. Русская культура и Александрия	193
3.2. Эмигрантская поэзия Александрии	219
Заключение	232
Приложения	241
Примечания	265
Альбом.....	299

*Русским александрийцам,
живым и мертвым,
детям и внукам,
посвящается*

Предисловие

Считается, что после Февральской и Октябрьской революций, Гражданской войны и специальных мер Совнаркома по высылке интеллигенции из Советской России, например, «философским пароходом», за пределами страны оказалось 2,5 млн человек, в том числе в Китае — 800 тыс., во Франции — 400 тыс., в Турции — 100 тыс. и т.д.¹

О центрах русской эмиграции первой волны опубликовано много литературы — «Русский Нью-Йорк», «Русский Берлин», «Русский Харбин» и т.п. Разумеется, будут написаны и другие книги, посвященные средоточиям русского рассеяния. Материалы, обладателями которых мы стали, дают основание говорить о «Русской Александрии».

До конца 80-х гг. прошлого столетия тема русской эмиграции привлекала внимание отечественных исследователей, но была непроходной². Лишь с развитием интереса российской общественности к этому запретному прошлому³, после посещения Президентом РФ В.В. Путиным кладбища белоэмигрантов Сент-Женевьев-де-Буа в окрестностях Парижа российские власти дали «добро» представителям архивных учреждений и библиотек на открытие этой запретной темы для отечественных исследователей.

Так, в фонде № 317 «Дипломатическое агентство и Генеральное консульство в Египте» в Архиве внешней политики Российской империи (АВ-ПРИ) сравнительно недавно появилась опись № 820/3, которая содержит более чем 300 единиц хранения, состоящих из сведений о русской белой эмиграции вплоть до 30-х гг. минувшего века⁴. То же самое можно сказать в отношении Архива внешней политики России (АВПР), где в руках исследователей оказались доступными материалы о белой эмиграции в 20-50-х гг. XX в.⁵

В описи №820/3 имеется духовное завещание Чрезвычайного посланника и Полномочного министра Российской империи в Египте с апреля 1905 г. Алексея Александровича Смирнова, который не признал Совете-

кую Россию и находился в Стране пирамид вплоть до своей кончины в феврале 1924 г.

Кроме этого, третья опись содержит интересные сведения о последних годах существования Российского посольства, а после лишения россиян капитуляционных прав в октябре 1923 г. — Русской миссии; о переписке Миссии с центральным эмигрантским кабинетом в Париже, правительствами различных стран, международными организациями, представительствами зарубежных государств в Каире, англо-египетскими властями. Эта опись включает интересные данные о расходах Миссии, составе русской колонии, занятости русских эмигрантов, моральных и материальных трудностях, которые они испытывали. Кроме того, здесь можно найти полезную информацию о внутривосточной обстановке в Египте, о Первой мировой войне, деятельности различных международных организаций в этой стране. В описи № 3 содержатся сведения о русских военнопленных и раненых, доставленных с полей фронтов Первой мировой войны, а также о беженцах из Палестины, покинувших ее в результате боевых действий между британской и турецкой армиями⁶.

Обнаружение автором копии завещания А.А. Смирнова повысило интерес как к его личности, так и в целом к колонии русских эмигрантов в Египте. Выяснилось, что бывший посланник похоронен на погосте греческого православного монастыря Св. Георгия в южном Каире.

Сравнительно часто бывая в столице Страны пирамид на научных конференциях, в командировках и на общественно-политических форумах, автор несколько раз предпринимал попытки найти могилу дипломата. И лишь 4 января 1999 г., спустя 75 лет после его кончины, удалось ее обнаружить⁷. Здесь же на кладбище располагаются отдельные захоронения и братская могила россиян из первой волны русской эмиграции 20-60-х гг. XX в. и сооруженная над «русским склепом» часовня.

Следует отметить, что к середине 2000 г. у автора вышла (в соавторстве с другими исследователями) на основе архивных источников небольшая монография, которая имела прямое отношение к упоминаемым выше проблемам⁸.

После защиты докторской диссертации автор «освободился» от прежней темы и почти целиком посвятил себя изучению чрезвычайно интересной проблемы, связанной с деятельностью Алексея Смирнова — колоритной и трагической фигуры русского зарубежья, отечественной культуры, крупного дипломата «тютчевского» типа.

Углублению исследования проблем пребывания, адаптации белых эмигрантов в Египте способствовала командировка автора монографии в Александрию в качестве директора Российского центра науки и культуры (РЦНК) с июля 2000-го по январь 2005 г. Она же предопределила и уточнила название книги «Русская Александрия».

При выполнении вышеозначенных задач и решении научно-практических вопросов автор ощущал постоянную помощь и поддержку со стороны ныне покойного посла РФ в АРЕ Николая Васильевича Картузова, также ушедшего из жизни советника посланника Андрея Михайловича Захарова, Генерального консула РФ в Александрии Нурмахмада Махмадуллаевича Холова, представителя Росзарубежцентра в АРЕ Олега Ивановича Фомина.

В целом при определении исследуемого ареала автор исходил из достаточно хорошо знакомых ему египетских реалий. Дело в том, что в общей сложности он провел в Египте около ю лет на протяжении 1967-2005 гг., не говоря о двух десятках кратковременных поездок в эту страну на различные конференции. Это пребывание в качестве студента на историко-филологическом факультете Каирского университета в 1967/1968 учебном году, руководителя советских стажеров там же в 1986 г., военного переводчика после окончания МГУ им М.В. Ломоносова в 1969-1971 гг., директора александрийского РЦНК (Российский центр науки и культуры) в 2000-2005-е гг.

Что касается композиционного строения монографии, то автор предпринял попытку комплексного компаративного изложения материала о большинстве крупных иностранных колоний города, на фоне которого можно было бы нагляднее показать высокий культурно-образовательный уровень александрийского сообщества россиян с его относительным превосходством над соответствующими показателями по другим колониям второй столицы Египта.

Уже летом 2000 г. (см. Приложения) в Александрии произошла незабываемая встреча с Татьяной Николаевной Монти (Серикова), практически «последней из могикан»⁹, которая сразу же предложила автору монографии поехать на александрийское кладбище Шатби, где покоится прах сотен русских александрийцев, в том числе и родителей самой Татьяны Николаевны, и где автор сфотографировал ее у могилы родителей. С этого времени Татьяна Н. Монти становится главным помощником и вдохновителем проведения различных мероприятий РЦНК, свя-

занных белой эмиграцией в Александрии. С использованием, главным образом, ее архивов в культурном центре был проведен большой вечер, посвященный нашим бывшим соотечественникам (см. Приложения).

Благодаря Татьяне Николаевне Монти по приглашению РЦНК в Александрию прибыли дочь русского александрийского консула А.М. Петрова М.А. Петрова-Ульман из ЮАР и его внука Элен Владимировна Дивов из Парижа. По инициативе Т.Н. Монти в РЦНК побывала наша соотечественница из Бордо Зоя Бобылева. И, наконец, РЦНК в городе Александрия пригласил Татьяну Дмитриевну Конн-Робертс из Глазго с мужем Норманом Робертсом в качестве своих гостей (см. Приложения).

Все упомянутые выше гости в знак благодарности за гостеприимство поделились своими воспоминаниями на вечерах РЦНК, устроенных в их честь, а также копиями семейных реликвий. И в дальнейшем, вплоть до последней точки в этой книги, помогали автору в ее написании, поэтому он с полным основанием считает их своими соавторами.

И еще один аспект. Он заключается в том, что несмотря на то что Александрия уступает многим точкам русского рассеяния на земном шаре по численности представителей белой эмиграции, она также заслуживает изучения менталитета «своих» белоэмигрантов. Потому что в этом деле нет частностей, пока существуют «белые пятна» в исследовании проблем русской эмиграции, даже если они касаются нескольких русских эмигрантов. Как говорится, пришло время «собирать камни».

Речь также идет о сохранении письменных и иных свидетельств о революции, Гражданской войне и последующих годах: то, о чем писал и говорил А.И. Солженицын — основатель Российской мемуарной библиотеки и Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» (БФРЗ)¹⁰.

*Доктор исторических наук, профессор Геннадий Горячкин
январь 20Ю г., Москва*

Глава I

РУССКАЯ КОЛОНИЯ СРЕДИ ИНОСТРАННЫХ ОБЩИН АЛЕКСАНДРИИ ДО 1920 Г.

I.i. Александрия сквозь века

Александрии около 2340 лет. Она основана в 331 г. до н. э. и носит имя своего великого создателя — императора Александра Македонского. Миновали века, приходили и уходили завоеватели, менялся облик Александрии, которая была всегда в круговороте событий и времен.

Действительно, еще при Птолемах Александрия становится городом мирового значения. Главными историческими достопримечательностями города в греческий период, в то время столицы Египта и самого крупного центра мировой цивилизации, были маяк Фарос, университет Мойсейон и его знаменитая библиотека, многочисленные храмы — Серапиум и др. Храм Серапиум был построен Птолемеем II в честь бога Хапи (Сераписа), его жены Изис и их сына Хапократа. В культе бога Сераписа соединились две религии — египетская (поклонение божеству в виде быка Аписа) и греческая (поклонение Зевсу).

Фаросский маяк являлся одним из чудес света. Он был возведен в 280 г. до н.э. и представлял собой колоссальное сооружение высотой около 135 м, свет которого был виден на многие десятки километров. Его построили из известняка с колоннами из мрамора и гранита, декорировали бронзой. Это было четырехэтажное здание квадратной формы внизу с восемью колоннами, несущими купол. Сам купол украшала 7-метровая бронзовая статуя бога морей Посейдона. Маяк простоял более полутора тысяч лет до сильного землетрясения 1375 г., которое его разрушило. Фрагменты маяка были использованы впоследствии при постройке форта Каит-бея на месте бывшего маяка.

С крахом Птолемеев и последовавшим за ним арабским завоеванием в мамлюкский и османский периоды Александрия лишь в краткие промежутки времени немного оживала, в целом находясь в упадке¹.

Последовательное развитие города началось с XI в.: из захолустного городка с числом жителей ю тыс. человек Александрия превра-

щается в крупнейший средиземноморский порт с населением 232 тыс. в 1882 г.

Александрию можно вполне отнести к средиземноморскому типу города, несмотря на то что она относится к Африке и к арабскому миру. Кстати, факт принадлежности Александрии к средиземноморскому содружеству не отрицается, а, наоборот, подтверждается многими историками. Особенно пристальный интерес и глубокий пиетет питали к ней греки, однако продолжительное время контакты двух великих культур оставались случайными. Александр Македонский впервые связал их в прочный узел, который оказалось под силу разрубить лишь арабам спустя тысячелетие. Основание Александрии в 331 г. до н.э. означало начало эллинизации не только Египта, но и огромного пространства вплоть до Индии. Несмотря на то что после смерти Александра Великого империя распалась, многочисленные Александрии, Антиохии, Птолемаиды оказались на территории бывшего огромного государства, и египетская Александрия стала не только крупнейшим торговым, экономическим центром Египта, но и духовным средоточием всей ойкумены и культурной столицей мира.

Сразу после основания в город отовсюду устремились люди самых разных национальностей, занятий и профессий. Основным этническим элементом Александрии были греки — всех слоев, высших, средних и низших, которые придавали городу греческий облик в системе управления, в государственных и общественных институтах. Египтяне, которые поначалу враждебно относились к пришельцам, со временем стали входить с ними в контакты — появились смешанные браки, начала возникать и крепнуть греко-египетская прослойка. Не обошлась Александрия и без иудейской общины, существовавшей в Египте с незапамятных времен и занимавшей в городе два квартала. Обосновались в Александрии и представители других инациональных торгово-предпринимательских общин — сирийцев, эфиопов, персов, индийцев и даже китайцев.

Несмотря на наличие иностранных колоний, со временем, правда, потерявших свое былое значение, справедливости ради следует сказать, что долгое время после завоевания арабами в 642 г. город носил чисто арабский характер вплоть до экспедиции Наполеона Бонапарта в Египет в 1798-1801 гг. и прихода к власти основателя современного египетского государства Мухаммеда Али в 1805 г. Даже в 1810 г. французский участник строительства барражей на Ниле Линан отмечал арабскую

физиономию Александрии. Благодаря прорытию и подводу к городу пресноводного канала Махмудия из Нила в 1820 г. и осуществлению ряда других реформ Мухаммеда Али население к середине XIX в. составляло уже около 150 тыс. человек. К этому времени наиболее крупные иностранные колонии стали объединяться и образовывать общины, приобретаая юридический статус.

Большой толчок к росту Александрии, наплыву иностранцев дало горообразующее предприятие — судовой верфь, вступившая в строй в 1830 г. Ее строительство возглавил француз Серизи, привлечший на стройку французских, итальянских и мальтийских мастеров и рабочих. Впервые со времен мамлюков Мухаммед Али позволил иностранным судам входить в до этого закрытую западную гавань александрийской бухты, что привело к расширению торгового оборота порта, к учреждению в нем значительного числа иностранных торговых контор и, следовательно, увеличению численности европейцев. Они приложили немало усилий по упорядочению административной системы города, по наведению в нем чистоты и красоты: создали городской совет в 1807 г., который со временем превратился в губернаторство. В 1834 г. был образован также при содействии европейских консулов Санитарный совет, члены которого, в основном, были иностранцами. Это был дальновидный шаг египетского паши. Муниципальный орган провел массу мероприятий по улучшению санитарного состояния города, в том числе выносу кладбищ за городские стены, что способствовало процессу застройки города. Если в начале XIX в. город ограничивался примерно двумя кварталами — Гумрук и Маншия, то в середине столетия он начал расти на север, включая районы Рас ат-Тин и Анфуши, в юго-восточном направлении, охватывая торговое сердце города (в том числе франкский квартал) до улицы Хуррия. В это же время была спланирована и застроена одна из главных площадей Александрии, названная в честь реформатора — Мухаммеда Али, которая соседствовала с площадью Консулов.

Во времена правления преемника Аббаса-паши I (1848-1854) иностранцы в Александрии да и вообще в Египте перестали играть сколько-нибудь заметную роль, но ссора с турецким султаном толкнула его в объятия англичан, с помощью которых (Стивенсон) он сподобился построить железную дорогу между Каиром и Александрией. Любопытно, что она соединила обе столицы Египта в то же самое время, что и Санкт-Петербург и Москву.

Следующий правитель Египта — Саид-паша (1854-1863), наоборот, способствовал усилению влияния европейцев — открытию школ иностранными общинами, а также учреждению коммерческих трибуналов, столь необходимых для развития внутренней и внешней торговли Египта. В эпоху хедива Исмаила (1863-1879) Александрия вновь возвращает себе торгово-экономическую активность, расширяется деятельность иностранцев, увеличивается круг социальных услуг, растет благосостояние горожан, что заметно по их жилью и одежде. В Александрии разбиваются парки и скверы, прокладываются новые улицы и площади, открываются фонтаны, устанавливается уличное газовое освещение, строятся театры. Все это сопровождается заметными положительными сдвигами в культурной жизни города: проводятся музыкальные фестивали и вечера, устраиваются художественные выставки, все чаще приезжают мастера культуры и искусства из Европы. Город постепенно теряет свой восточный колорит, приобретая космополитический облик. Есть данные о том, что в это время более четверти жителей второй столицы не имели египетского гражданства.

Причем каждая иностранная колония привносила свой вклад в городскую архитектурную мозаику, украшая «свой» квартал или район, в котором она проживала. Англичане, например, отличились в Рамле, где построили дома в английском стиле, окруженные зелеными газонами; итальянцы украсили возведенные ими здания в Азарите балконами «перголос» по-флорентийски; греки или поклонники архитектуры Эллады строили дома и школы в Мухаррам-беке и Шатби по афинскому образцу. Именно такой вид имеет ныне здесь здание Международной организации здравоохранения.

«На торговой улице Шериф (сейчас Салах Селим. — *Авт.*) по воскресеньям и праздникам можно было увидеть флаги различных государств на балконах и дверях домов на всем протяжении улицы. Вот здесь в бутике продают парижские товары, рядом палестинское бюро путешествий. Греческий торговец книгами соседствует с продавцом ковров из Константинополя, а бакалейная лавка неаполитанца — с датским магазинчиком, предлагающим порселеновые чашки с продукцией из масла и сыра из Дании, по соседству болгарин производит забади (йогурт), затем следует цветочный магазин, парикмахерская, ювелирная лавка, кондитерская, банки, страховые компании... Таким же образом улица Шериф похожа на любую другую подобную торговую улицу в Генуе или

Марселе. В этом смысле она конкурирует с другими александрийскими улицами — Фуад (сейчас Хуррия) или Саад Заглюль. Летом набережная Александрии заставляет думать о том, что человек проводит отпуск в приморском европейском городе, например, в Каннах». До настоящего времени городские кварталы носят европейские названия — Камп Сезар, Спортинг, Стэнли, Глимонупулу (Глим), Зизиния и т.п.

Кольцеобразное развитие мирового капиталистического рынка, человеческой цивилизации приводило к еще более интересным явлениям и процессам. Почти одновременно (середина 90-х гг. прошлого века) в крупнейших европейских столицах, в Каире и Александрии, Москве и Санкт-Петербурге появляются вместо конок электрические трамваи. В это же время в Александрии, Париже, Санкт-Петербурге братья Люмьеры демонстрируют свое чудо — «синема».

Египетские исследователи считают, что в результате влияния европейцев и симбиоза культур александриец, прежде всего, «стремится скопить деньги. Поэтому спекуляции на хлопковой бирже и ценных бумагах оказали влияние на александрийское общество. Что касается александрийской женщины, то она соблазнительна, смела, жизнелюбива, проныцательна и мила. Эти ее качества постоянно привлекали внимание европейских литераторов. Самыми красивыми александрийками были гречанки и еврейки».

«Трудолюбие и авантюризм александрийцев, — продолжает египетский историк Хасан Субхи, — неизбежно должны были сопровождаться склонностью к веселью, жизнелюбием, использованием времени для отдыха и восстановления сил, чтобы успокоить нервную систему. Поэтому они всецело отдавались спорту, организации походов и кемпингов в пустыне и на дальних морских пляжах. Некоторые исследователи проводили параллель между Александрией 30-х гг. XX в. и высказыванием о ней Геродота, посетившего Египет в 5 в. н.э.: “Александрия сегодня напоминает дом Афродиты. В ней можно найти и богатство, и спорт, и сырое небо, и красивые виды, и замечательных юношей и девушек, и красивых женщин, которых можно сравнить с богинями, как отмечает Парис, который прежде избирал Афродиту”...»².

Многие путешественники отмечали в последней половине XIX-первой половине XX в. «интернациональную» физиономию Александрии. «Население всех городов, расположенных на южном берегу Средиземного моря, может рассматриваться как весьма смешанное; но нигде это

смешение не достигает такой степени, как в Александрии», — писал посетивший город русский писатель В. Андреевский³. По словам современников, это был космополитический, скорее европейский, чем арабский, город, где «в ходу все языки и все валюты». В александрийском порту, равно как и в других крупных гаванях региона, общались натак называемом средиземноморском языке «сабир», означавшем ломаный разговорный язык из смеси испанских, итальянских, греческих, французских, английских и арабских слов.

1.2. Иностранные общины Александрии

Таблица 1

Динамика численности основных иностранных общин Александрии

	1882	1917	1927	1937	1947
Греки	18688	35393	37106	36822	30753
Французы	8215	8556	9429	7318	3259
Итальянцы	11579	17860	24280	22881	12370
Англичане	3552	10659	14394	14030	9659
Всего иностранцев	72053	84705	99605	88351	63535

Источник: Всеобщая перепись населения Египта за 1882 год. Ч.1, Каир, 1882, с.22-23 (на араб, яз.); Всеобщая перепись населения Египта за 1947 год. Каир, 1953, с.2 (на араб. яз).

На иностранные колонии, несмотря на их давнее пребывание в Египте, весьма широко влияли внешние и внутренние факторы, заставляя их количественно то сокращаться, то расширяться. Приведенная выше таблица 1 указывает на постоянный рост их численности до 30-х гг. XX в.

До провозглашения формальной независимости Египта в 1922 г. подданные европейских держав обладали существенными привилегиями: они находились под покровительством своих консульств, подлежали юрисдикции смешанных судов, обладали правом безвизового въезда и выезда, могли свободно передвигаться и жить в стране, не спрашивая особого разрешения властей, другими словами, обладали правом экстерриториальности.

В 1937 г. был упразднен режим капитуляций с его привилегиями и иммунитетом для иностранцев. В это время были ликвидированы смешанные суды, иностранцы перешли под юрисдикцию египетских судов, стали подконтрольными деревенским и квартальным шейхам, лишились налоговых льгот и т.д. Вводилась визовая система, и даже постоянно проживавшие в Египте иностранцы должны были получать визы и регулярно продлевать их.

Играли роль и экономические ограничения в правах неегиптян. Например, с 1923 г. в правления всех акционерных компаний, зарегистрированных в Египте, должен был входить как минимум один египтянин. Дальше — больше. В 1947 г. вышел закон, согласно которому за египтянами резервировалось не менее 40% в административных советах, 75% для служащих и 90% для рабочих. Этот законодательный акт вызвал массовые увольнения иностранцев и отток их из страны.

Кроме того, на сокращение числа иностранцев в Египте влиял еще один не менее важный фактор — растущий из года в год в стране национализм. О его росте говорит новейшая история страны после Первой мировой войны, богатая крупными потрясениями — восстанием 1919 г., общенациональными стачками и важной их частью — сравнительно мощным забастовочным движением египетских пролетариев в 20-40 гг. Антиколониальное движение египетского народа было направлено не только против британского присутствия в стране, но и имело в целом антииностраный характер. Крупные успехи освободительной борьбы египтян привели к достижению формальной независимости в 1922 г., англо-египетскому договору 1936 г., значительно ослабившему колониальный гнет, наконец, к антиимпериалистической, антимонархической и антифеодальной революции 1952 г. Последнее событие ускорило отток иностранцев из Страны пирамид. Тройственная агрессия Англии, Франции и Израиля против Египта 1956 г. привела к насеровской «египтизации» собственности агрессоров в стране. Кроме них пострадали бельгийцы, немцы, австрийцы и др. Политическая нестабильность, по мнению представителей иностранных меньшинств, не позволяла им рисковать. Добавим к этому, что первая арабо-израильская война 1948-1949 гг. повлекла за собой значительное уменьшение численности египетских евреев и недобавила чувства стабильности другим европейским общинам. Кстати, интересное в архитектурном отношении здание резиденции российского посла на территории посольства принадлежало еврею, эмигрировавшему в это время в Израиль.

Таким образом, с одной стороны, уменьшалась численность крупнейших иностранных колоний: число греков сократилось с 37,1 тыс. в 1927 г. до 30, 6 тыс. в 1947 г., французов — соответственно с 9,4 до 3,3 тыс. Этот процесс был характерен и для малочисленных европейских общин. В целом по Египту численность всех иностранцев только за десятилетие (1937-1947 гг.) уменьшилась более чем на 40 тыс., с 146 до 187тыс. человек⁴. Значительно в меньшей степени эти изменения коснулись пока еще «хозяев» Страны пирамид — англичан, которые стремились к закреплению своих позиций в стране за счет громоздкого колониального аппарата. С другой стороны, рост городского населения второй столицы Египта происходил за счет египтян. Оно увеличилось почти в два раза (см. табл. 1).

С середины XX в. стали подмечать относительную потерю Александрией своего средиземноморского колорита, приобретение чисто арабского облика. Сейчас это еще более заметно, если сравнить восточную и западную части города. Западная (Анфуши, Маншия, Рамля) состоит (особенно по набережной — «корнишу») из домов старой колониальной застройки, красивейших зданий, число этажей которых, по тогдашним законам, не должно было превышать шести. Срединные и восточные кварталы — Шатби, Спортинг, Глим, Стэнли, Саба-паша, построенные вместо снесенных вилл и пустырей, возведены хаотично во второй половине XX в. и позднее из безвкусных зданий аляповатых форм.

Говоря о количественной и качественной потере иностранцами своей былой самостоятельности в Стране пирамид, следует взглянуть на этот процесс еще с одного ракурса. Огромную роль в развитии товарно-денежных отношений, капиталистического предпринимательства, формировании классов и социальных слоев современного буржуазного общества Египта сыграли так называемые «торговые народы» (по К. Марксу), «или торговые меньшинства». Еще с доколониальных времен некоторые пришлые, неавтохтонные, «предпринимательские меньшинства» — ливано-сирийцы, греки, евреи, армяне, персы, мальтийцы, итальянцы — сумели занять определенную «экономическую нишу», специализируясь в торговле, ростовщичестве, ремеслах, услугах. Уже мамлюкские правители широко пользовались услугами еврейских, сирийских, армянских чиновников и финансистов, прежде всего при проведении своей экономической политики.

В процессе колониального закабаления и втягивания Египта в мировой капиталистический рынок численность и значение общин резко

возрастают. Постепенно формируется инациональная буржуазия, создаются развитые и влиятельные отряды интеллигенции и рабочего класса⁵.

Количественные и качественные перемены в среде иностранной буржуазии отражали немалые изменения общин в целом. Их численность выросла во много раз, причем периодом наиболее бурного роста является конец XIX — начало XX в. По утверждению российских дипломатов, инациональные общины представляли собой «сплоченное коммерческими, политическими и религиозными интересами население». Меняется их структура. Строительство Суэцкого канала, формирование хлопковой специализации требовали проведения крупных строительных, ирригационных работ, создания развитой транспортной, социальной инфраструктуры, комплекса перерабатывающих предприятий и т.д. В результате хлопкового бума с 1855 г. по 1861 г. в Египет ежегодно прибывало более 30 тыс. человек. Затем это число существенно увеличилось: в 1863 - 43, в 1864 - 56,5, в 1865 — 80 тыс. человек. После падения цен на хлопок приток иностранцев значительно ослаб и составил «всего» 50 тыс. человек в год. «Хлопковый бум», по утверждению египетских историков, привел к тому, что «потоки средиземноморского люда хлынули в Египет, как в новую Калифорнию». «Отбросами Средиземноморья» называл их А. Милнер, один из творцов британской колониальной политики в Египте. Наряду с Каиром, лидером в привлечении европейских мигрантов была Александрия.

В связи с решением сложных созидательных экономических задач вовлечения страны в мировой капиталистический рынок со всеми вытекающими отсюда последствиями возникла острая потребность в рабочей силе, в том числе и квалифицированной, которую надлежало удовлетворить в сжатые сроки. В огромной степени этот спрос был удовлетворен за счет притока греческих, итальянских, английских, французских, армянских и других рабочих и специалистов. Их привлекали высокие заработки, вызванные экономическим бумом. Таким образом, в ограниченный исторический период в Египте был сформирован крупный и политически активный рабочий класс, который составил ядро формирующегося пролетариата страны. Численность первых контингентов наемных рабочих капиталистического типа непрерывно росла: к 80-м гг. XIX в. она достигала примерно 50 тыс. человек, на рубеже столетий — 100 тыс., а перед Первой мировой войной — 150 тыс. человек. Из них

иностранные рабочие составили 1/6 часть их общего числа, инациональные — 1/3 часть, а местные национальные пролетарии — половину. Рабочие инациональных меньшинств — греки, итальянцы, ливано-сирийцы, армяне и др. сыграли главную роль в приобщении местных пролетариев к навыкам классовой борьбы, в вовлечении их в забастовочное и профсоюзное движение.

Возрастала и общая численность иностранных колоний в Египте вообще и Александрии в частности (см. табл. i). На рубеже 80-90-х гг. XIX в. русский путешественник Картавец, говоря об Александрии, отмечал, что ее «богатство и сила в руках греков, а затем армян, евреев, а частью и западноевропейских фирм»⁶. Статистические данные подтверждают эту оценку «на глаз» Е. Картавцева.

Действительно, наиболее многочисленной общиной в Александрии была греческая. К 1947 г. греки здесь составляли почти половину общей численности иностранцев. Положение греков стабилизировалось в годы правления Мухаммеда Али (1805-1849). В 1830 г. греческая община окончательно оформилась, получив юридический статус. С этих пор ее численность стала неизменно возрастать. Французский социолог Ж. Валле, характеризуя прибывавших на работу в Александрию греков, отмечал, что «большинство из них лишены всех источников доходов и соглашались на первую попавшуюся работу. Изворотливые, смысленные, энергичные, выносливые, когда нужно, умеренные и экономные, они за короткий срок овладевают всеми специальностями. Однако физический труд для них преходящий. Они споро экономят на своей зарплате, какой бы малой она ни была, и бросаются в торговлю, вначале как служащие, затем — хозяевами»⁷. Разбогатев, некоторые эллины возвращались на родину, другие же оставались в Александрии. Именно последние в числе других, вновь прибывших греческих богатеев явились теми иноземными предпринимателями, на чьи деньги и руками, главным образом, итальянских строителей поднимались великолепные дома и целые кварталы в западной части второй столицы Египта. Верховный комиссар Великобритании в долине Нила лорд Кромер констатировал: «В Александрии, которая могла бы называться почти греческим городом, находится большое число влиятельных и богатых греков. Их присутствие в Египте — неоспоримое благо для страны»⁸.

Общины эллинов в Египте возглавляли президенты, которые по богатству превосходили представителей всех других инациональных

общин в стране и даже самих египетских правителей, которые, как, например, Мухаммед Али, обращались к последним с просьбой дать деньги взаймы. Руководители греческих колоний жертвовали огромные средства на филантропические и благотворительные цели для процветания общин своих соотечественников в Египте⁹. Греческая колония в Александрии считалась самой богатой в бассейне Средиземного моря, а главы греческих сообществ Аверов, Сальваго, Бенаки — богатейшими людьми Страны пирамид, которые не обижали, разумеется, и самих себя. Так, глава греческого сообщества в Египте в начале XX в. египетский хлопковый король Константин Сальваго построил в районе Шатби в Александрии великолепную виллу, которая до сих пор считается одним из красивейших архитектурных сооружений в северной столице. Кстати, Сальваго на протяжении многих лет имел тесные отношения с русскими — возглавлял филиал российского акционерного общества «Россия». В 1968 г. часть его виллы была продана вдовой Сальваго советскому посольству в Египте, которое передало здание культурному центру, существующему и поныне.

Помимо экономической, торговой, социальной деятельности греческую общину Александрии отличала очень насыщенная, заметная культурная и интеллектуальная активность. Система образования была поставлена на высоком уровне. Греческие юристы, инженеры, агрономы, медики пользовались большим авторитетом в Египте, а ученые внесли весомый вклад в изучение истории, культуры, природных условий этой страны. В Александрии эллины основали Институт греческих исследований, Институт восточных исследований при библиотеке греческой православной патриархии. Они издавали ряд научных журналов, где печатались статьи по истории, философии, археологии, лингвистике и другим гуманитарным отраслям науки, связанным с Египтом, его прошлым и настоящим. Активно функционировало греческое филармоническое общество со своей музыкальной школой.

В общине существовало несколько литературных ассоциаций, издававших свои альманахи. Подсчитано, что в период 1862-1972 гг. в одной только Александрии издавалось 253 газеты и журнала, в основном на греческом языке; ряд из них выходил на арабском, французском и английском языках, а некоторые — на нескольких языках.

Не случайно, что в такой богатой культурной среде выросли замечательные интеллигенты, внесшие заметный вклад в науку и искусство.

К ним относятся Герасимус Бандакис, издавший греческо-арабскую энциклопедию и перевод Корана на греческий язык; Скотизис, много писавший о кризисе британской оккупации в Египте; д-р Олимпос, издававший журнал «Стоматология»; Кринус ди Кастро был талантливым музыкантом; д-р Никола Мавирис провел и опубликовал исследование «Египетские народные песни»; Атанасиус Политис, выпустивший в свет фундаментальное двухтомное исследование «Греки и современный Египет»; сравнительно недавно скончавшийся ученый Евгений Михаилидис возглавлял Институт греческих исследований в Александрии и являлся автором свыше 200 научных исследований, в том числе об истории синайского монастыря в Туре, о жизни и деятельности египетского экономиста Абдель Разика, восстании Ахмеда аль-Ораби, писателе Тахе Хусейне, о греческой прессе в Египте и т.д. Следует отметить, что до сих пор в Александрии издаются Бюллетень восточных исследований при александрийской греческой патриархии и журнал Института греческих исследований.

Греческая община города вырастила плеяду замечательных поэтов, прославивших не только Александрию и Египет в целом, ими гордится сама Греция. Некоторые из них переведены на арабский язык. В Александрии творил выдающийся греческий поэт К. Кавафис (1863-1933). Своей активной антиколониальной позицией и поддержкой египетских националистов в городе он доставлял много хлопот британской администрации. Поэт родился и вырос в александрийском квартале Ком ад-Дика, где воспитался и великий музыкант Египта Сейид Дервиш. В Азарите в здании, где расположено кафе «Омар», предпочитаемое русскими туристами, что рядом с трамвайной линией, родился и вырос известный многим россиянам Демис Руссос.

Другой яркий представитель греческой поэтической традиции Александрии — Константин Костантинидис, прекрасно владевший арабским языком. Он писал стихи о египетской деревне, о феллахе, о фараонском Египте. Вместе со своими коллегами он основал «Клуб современной жизни», с 1904 по 1927 г. издавал одноименный журнал. Вот некоторые названия его касыд: «Александрийский музей», «Клеопатра», «Великий Александр говорит с Египтом», «Египетский феллах», «Кипр, восставший против колонизаторов» и т.п. Кстати, он прекрасно относился к русскому культурному центру Александрии, помогая ему и словом, и советом.

Не отставали по популярности греческие поэтессы города, которые часто печатались в газетах и журналах. Среди них Виджи Палеолог Петронда, прославившая в своих стихах Александрию и Египет. Еще одна греческая поэтесса города, редактор газеты «Тахидромос» («Курьер») Элизабет Харас издала цикл стихов «Борющаяся Александрия», также она очень глубоко исследовала египетские народные песни, некоторые из них были переведены ею на греческий язык.

В александрийской греческой общине существовали детские сады, ясли, приюты, дома призрения, школы, политехнические училища, в которых воспитывались и получали неплохое, причем бесплатное, образование и необходимую специальность юные потомки Александра Македонского.

До сих пор во второй столице Египта устраиваются художественные биеннале, в которых участвуют как местные греки, так и приезжие из Эллады и других стран средиземноморского бассейна. Творения александрийских греков навсегда вошли в сокровищницу не только греческой и египетской культуры и науки, но и мировых культурных достижений. Это доказывает строительство и функционирование новой Александрийской библиотеки, вошедшей в строй в 2002 г.

Как уже говорилось, численность греческой общины к середине XX в. стала постепенно падать, эта тенденция усилилась к началу XXI в. В силу невозможности творческого, служебного и пр. роста вследствие острой конкуренции в условиях современного Египта греческая молодежь уезжает на свою историческую родину.

Вторую по численности колонию составляют итальянцы. Значительная часть эмигрантов с Апеннинского полуострова, рассеявшись по всему миру, нашла приют в колониальном Египте, где развивающаяся инфраструктура и в целом экономика привлекала их высокими заработками. Итальянцы специализировались, в основном, в строительстве. Именно они, главным образом, возвели старые Асуанскую и Асьютскую плотины в 1898-1902 гг. Итальянские каменотесы, плотники, штукатуры, маляры на деньги преимущественно греческих и сирийских торговцев, ростовщиков, посредников и предпринимателей создали чудеса архитектуры в кварталах Анфуши и Азарита во времена активной застройки Александрии. Специализировались выходцы с Апеннинского полуострова в различных отраслях обрабатывающей промышленности северной столицы, например, в производстве мебели, замков и пр.; они

владели платными стоянками для автомашин. Многие из них трудились медиками и адвокатами. Известны своей активной деятельностью их финансовые институты Александрии — банк «Рома», итальянский торговый банк, торговая палата, контора морского грузо-пассажирского общества «Рубатино».

В итальянской общине Александрии отличались немалой активностью школы, больницы, детские учреждения, церковь. Особую роль играла александрийская итальянская пресса, которую возглавляла великолепная «Il Messaggiere Egiziano», номера которой превосходно сохранились в Национальной библиотеке Каира и Муниципальной библиотеке Александрии. Подобная энергичная культурно-просветительская деятельность александрийских итальянцев не могла не явить представитель культуры особого склада. Отметим из их числа поэтов Джузеппе Наджарити¹⁰, который родился в Александрии, много воспринял от нее, стал литератором с мировым именем, был близким другом египетского художника Мухаммеда Наги и «эмира поэтов» Ахмеда Шауки. Столь высокая активность итальянцев в Египте вообще и Александрии в частности подвигла египетскую газету «Ля Бурс ежипсьен» в одном из февральских номеров 1933 г. на высказывание о том, что «итальянские рабочие руки и мозги содействовали более строительству Египта, чем корпоративным интересам»¹¹.

Но, главным образом, итальянцы в жизни Александрии запечатлелись в другом. Они приучали александрийских и египетских пролетариев в целом к традициям классовой борьбы, социалистического и коммунистического движения. Итальянское слово «баста», откуда возник термин «забастовка», прижилось на земле Александрии и выжило местный «итисаб», означавший в самом прямом значении слова «стачку». Недавно некоторые исследователи считают, что деятельность Социалистической партии Италии на территории Александрии и Египта в целом была более существенной, чем в самой Италии.

Многочисленные итальянские пролетарии, гонимые нуждой из Калабрии и Сицилии, спасаясь бегством за политические грехи от итальянской полиции, а то и просто высылаемые последней, образовали в Египте сравнительно мощную политическую и классовую силу, которая влияла на местные космополитические, колониальные и национальные круги. Деятели итальянского Рисорджименто, анархисты, синдикалисты и многие другие нашли убежище в Египте, некоторые из них, исполь-

зую благоприятные политические условия Александрии, Каира, Порт-Саида, продолжили свою революционную деятельность. В 1899 г. в Александрии был раскрыт заговор итальянских анархистов с целью убийства германского императора Вильгельма II во время его поездки в Палестину. Годом позже итальянские политэмигранты бурно реагировали на убийство своего короля Умберто II и ходили по улицам крупнейших египетских городов, размахивая красными флагами.

Велика роль итальянской интеллигенции и рабочих в формировании новых современных политических структур — профсоюзов, политических партий, социалистического и коммунистического движения в долине Нила. Наиболее заметно в этом отношении они проявили себя в создании Свободного народного университета (СНУ) с филиалом в Каире в мае 1901 г. В составе исполкома университета были представлены итальянцы, греки, австрийцы, евреи, французы, арабы. Ежемесячное число слушателей превышало 2000 человек, примерно той же национальной принадлежности. В СНУ читались лекции на итальянском, французском, греческом и арабском языках по элементарной физике, химии, медицине, гигиене, по истории политической борьбы, итальянской, греческой, французской, русской литературе. Наибольший успех вызывали публичные лекции по рабочему вопросу, например, итальянского адвоката Гварнотты «Рабочие организации перед законом», «Организация рабочих и современное право» и француза Рампэна «Забастовки в тактике рабочего класса». Александрийская пресса отмечала «исключительную актуальность» подобных публичных выступлений.

Заполненность аудиторий, крупный успех публичных мероприятий СНУ, намечавшаяся в его рамках деятельность представителей политических и рабочих обществ (в помещении СНУ устраивались собрания рабочих Александрии для обсуждения вопросов их экономического положения, предстоящих забастовок и т.д.) привлекли внимание колониальных и консульских властей. Они обвиняли создателей и лекторов университета в том, что они отошли от провозглашенных ранее просветительских задач и подменили их политическими целями, и указывали, в частности, на то, что лекция доктора Гарцони по химии 5 июня 1901 г. была по существу призывом к избавлению от политического рабства. Работники итальянского консульства настаивали на немедленном закрытии СНУ, выдворении из Египта подрывных элементов и предании их суду. При этом консульские власти заявляли о том, что в числе руковод-

ства СНУ находятся лица, связанные с вышеупомянутым александрийским заговором 1899 г. Попытка закрыть университет не удалась благодаря твердой и последовательной позиции руководителей университета, поддержанной влиятельными политическими и культурными кругами Александрии.

Среди александрийских итальянцев было также много экстремистов и безответственных элементов, выходки которых на бытовом уровне приводили к скандалам, дракам и столкновениям в пестрой социально-этнической жизни города. Так, в августе, октябре и ноябре 1900 г. в северной столице произошли массовые драки между европейцами (главным образом, греками и итальянцами) и многими десятками египтян со смертельным исходом. Все эти случаи вызывали огромное возмущение горожан. В декабре 1905 г. снова в Александрии произошли кровопролитные потасовки между теми же действующими лицами, властям пришлось прибегнуть к переброске дополнительных полицейских сил из близлежащих провинций. Под суд попали 103 человека, 24 из них были приговорены к шести месяцам тюрьмы, 18 — к году тюрьмы и к каторжным работам. В 1906 г. волнения александрийцев произошли из-за ранения итальянцем египтянина. В августе 1907 г. итальянский консульский суд приговорил двух итальянских рабочих соответственно на 45 и 8 дней тюрьмы за нападение на египетского торговца. В октябре того же года итальянский рабочий ранил в Александрии двух местных жителей. Город снова был взбудоражен¹². Таким образом, в социально-политической жизни между местными жителями и пришлыми иммигрантами были как факторы притяжения, так и отталкивания, которые, в конечном итоге, приводили к неоднозначным результатам, о чем речь пойдет далее.

Несмотря на то что численность французов уступала и грекам, и итальянцам, и англичанам и не превышала в 1882-1937 гг. 6-9 тыс. человек, а к концу 40-х гг. XIX в. уменьшилась более чем вдвое, составив три с небольшим тысячи человек, их влияние на египетскую культуру на время всего пребывания в Египте было огромным. В первую очередь это объясняется историческими связями народов, населявших бассейн Средиземного моря с незапамятных времен, в том числе его севера и юга.

Неоценимый вклад в развитие многочисленных двухсторонних отношений сыграла экспедиция Наполеона Бонапарта, свидетельством этого является 20-томное «Описание Египта», которым по праву пользу-

ются исследователи до сих пор. Благодаря ученым, входившим в ее состав, Европа открыла много интересного об этой стране. Одним из самых важных достижений ученых французской экспедиции 1798-1801 гг. является находка Розеттского камня, с помощью которого Шампольон расшифровал древнеегипетский язык. Именем этого ученого названы улицы в Александрии и Каире.

Яркую страницу в историю французской общины в Египте вписали сенсимонисты. После смерти Сен-Симона в 1825 г. его ученики во главе с Проспером Анфантенем в августе 1833 г. прибывают в Александрию. Их привлекали в эту страну уравниательные принципы ислама, с помощью которых они искренне рассчитывали осуществить свои гуманистические идеи с надеждой на крупного восточного властелина, кем являлся египетский, по их мнению, «народолюбивый» правитель Мухаммед Али. Сенсимонисты верили, что Египет станет родиной их общества будущего. Большие надежды Анфантен возлагал на строительство Суэцкого канала и видел в нем доброе предзнаменование в том, что программное предприятие сенсимонистов территориально совпадает с владениями одного из самых «прогрессивных» монархов. Этим целям не суждено было сбыться. Мухаммед Али и Анфантен с коллегами по-разному смотрели на назначение Суэцкого канала. Если для сенсимонистов этот проект означал великое творение, которое объединило бы людей и приобщило к давно вынашиваемому ими плану создания нового миропорядка — Всемирной ассоциации свободных индивидов, то для властителя долины Нила это был кратчайший водный путь из Европы в Индию и Китай, который сделал бы Египет лакомым кусочком для западных держав.

Последователями Сен-Симона в 1846 г. было создано Общество изучения Суэцкого канала, которое активно стало разрабатывать проект канала Суэц — Александрия длиной 400 км при ширине юо м и глубиной 8 м стоимостью в 300 млн франков. Тем не менее, они не могли практически осуществить свою идею в 1834-1854 гг. во время правления Мухаммеда Али (1807-1849) и Аббаса I (1849-1854). Выбрав Египет в качестве своей конечной цели, 300 сенсимонистов трудились на строительстве плотины у слияния рашидского и думьятского рукавов Нила. Несколько десятков их погибло здесь в результате чумы 1835 г.

С воцарением Саида-паши 14 июля 1854 г. перед последователями Сен-Симона вновь затеплилась надежда: проектом Суэцкого канала заинтересовался Фердинанд де Лессепс, личный друг паши, который про-

вел детские годы с маленьким Саидом в бытность своего отца французским консулом в Стране пирамид. ДеЛессепс давно был знаком сучением Сен-Симона, равно как с его учениками. Он использовал всю их документацию о Суэцком канале и в начале ноября 1854 г. положил проект на стол Саида-паши, который 30 ноября предоставил ему концессию. Через неделю несколько десятков сенсимонистов уже направились в Александрию. Однако в начале 1855 г. Саид-паша отверг проект строительства Суэцкого канала до Александрии. В 1856 г. Проспер Анфантен создает «Ассоциацию завершения Суэцкого канала». Но ввиду разногласий с Ф. деЛессепсом, равно как между самими сенсимонистами, к концу 1856 г. в ней не осталось ни одного последователя сенсимонизма, а французские, английские, немецкие и австрийские инженеры превратились в простых пайщиков созданной на основе Ассоциации Всемирной компании Суэцкого канала, которая превратилась в чисто капиталистическое предприятие, далекое от планов сенсимонистов духовно переродить человечество²³.

17 октября 1869 г. состоялось торжественное открытие Суэцкого канала. В адрес сенсимонистов не было сказано ни слова, хотя за четвертьвековой период осуществления планов строительства канала именно сенсимонистами были проведены все необходимые научные изыскания, подготовлены инженерные расчеты и экономические выкладки. Суэцкий канал стал мостиком между различными народами и континентами.

Говоря о последней четверти XIX в., следует упомянуть о французской революции 1871 г., отголоски которой дошли до долины Нила. Архивные источники указывают, что некоторые участники Парижской коммуны были сосланы в Египет. Неизвестно, какое время они там находились. Во всяком случае, в 90-е гг. в Александрии появлялись листовки, которые прославляли коммунаров: «Граждане, сегодня годовщина Парижской коммуны. Да здравствует анархия, долой капиталистов!» Так, газета «Ле Фар д'Александри» от 18-19 марта 1894 г. писала, что полиция Александрии арестовала европейца, расклеивавшего листовки вышеуказанного содержания и прибывшего недавно из Марселя. Эта же газета от 15 июня 1894 г. сообщала, что в Египет прибыли агенты итальянской сыскной полиции на поиск нашедших здесь убежище анархистов, совершивших террористические акты на Апеннинском полуострове. Она же за ю и и июля того же года опубликовала сообщения о пребывании в Египте итальянских карабинеров с целью

поиска высадившихся в Александрии анархистов и находившегося среди них убийцы журналиста в Ливорно, покушавшегося на жизнь египетского хедива. 7-8 октября 1894 г. «Александрийский маяк» сообщил об аресте итальянского анархиста в Александрии и отправке его в Италию для суда военным трибуналом¹⁴.

По нашему мнению, такие события, как Парижская коммуна и пребывание в Египте коммунаров, а также участников итальянского Рисорджименто, не могли пройти бесследно для египетской интеллектуальной элиты 60-70-х гг. XIX в. Видимо, не случайно, что в середине 70-х гг. этого столетия в Стране пирамид возникают первые политические партии современного типа. Именно на это указывает известный белорусский востоковед В.С.Кошелев¹⁵.

Капиталистическое развитие Египта, по времени совпавшее с началом осуществления концессии Суэцкого канала в середине XIX в., было отмечено преобладающим участием французских компаний. Особенно широко оно было представлено в сахарной отрасли, второй после хлопководства промышленности Египта.

Несмотря на общее соглашение 1904 г. (Антанта) между Англией и Францией, борьба между ними (с некоторым участием других держав) за политическое влияние в этой стране не закончилась, а соперничество на рынке Египта даже усилилось. Эту тенденцию ярко иллюстрирует российский дипломатический источник 1908 г. «Помещение значительных французских капиталов в Египет создает для Франции исключительное положение сравнительно с прочими иностранными державами... Францией помещено здесь около трех миллиардов франков. До последнего времени, за исключением администрации Суэцкого канала и сахарных заводов, было весьма немного французов среди служащих в промышленных, кредитных и иных предприятиях в Египте. Это обстоятельство обратило на себя внимание французского правительства, и отныне предприятия, работающие на французские капиталы, должны будут по мере возможности набирать персонал служащих среди французских подданных, что вызовет, по всей вероятности, некоторый прилив французского элемента в Египет и усилит значение Франции в стране. Со своей стороны, Англия старается, по-видимому, создать противовес французскому влиянию...»¹⁶.

Тем не менее, продолжалась и политическая поддержка Францией Египта, хотя и большей частью тайная, достигшая апогея во времена

дружбы лидера национального движения 90-х гг. XIX в. — первого десятилетия XX в. Мустафы Кямиля и видного общественно-политического деятеля Франции Джульетты Адам. Все это, конечно, сказывалось на продолжении культурной экспансии Франции в Александрии, которая и сама по себе имела твердое стремление прогрессировать на основе самодостаточности и привлекательности французской культуры. Прежде всего, она заключалась в расширении числа французских школ различного уровня и направления и учащихся в них. В начале 30-х гг. XX в. в александрийских учебных заведениях училось и тыс. детей, из которых французов было всего 561(1). Этими школами владели 30 французских организаций; к ним относились школы «Ассоциации братьев», в ведение которой находились лицеи Святого Марка и Святой Екатерины в александрийских районах Мухаррам-беке и Бакусе, что в центре города. В пользовавшемся огромной популярностью среди населения города колледже Святого Марка учились дети многих русских белоэмигрантов, среди них Татьяна Серикова (Монти), ныне проживающая в Александрии.

В александрийских газетах 20-40-гг. XX в. часто встречаем сведения об успешной сдаче экзаменов детьми русских эмигрантов во французском консульстве Александрии с целью продолжить свое образование в Европе, в частности во Франции. Так, газета «Ля Реформ» от 24 июня 1921 г. отмечала наиболее успешных счастливчиков, преодолевших эту планку по французскому языку, — Кременчугского, Мовшовича, Падову, Бабицкого, Таннебаума и др.¹⁷

Наследие французской культуры в Александрии, ее влияние на развитие египетской и мировой цивилизации огромны. Неспроста многие улицы, набережные и площади Александрии названы именами деятелей науки, культуры и искусства Франции. Может быть, самым ярким детищем французской культуры является Институт александрийских исследований в Аттарин, недалеко от железнодорожного вокзала Александрии. До сих пор там трудятся маститые французские ученые, с которыми приходилось нередко встречаться в самых удивительных местах Египта, в том числе в оазисе Сива. Они целиком посвятили свою жизнь и деятельность Александрии. В последнее время эти специалисты с успехом проводят исследования подводного прибрежного мира Александрии, трех городов, ушедших под воду из-за землетрясения. Уже многие годы Институт издает журнал «Les Cahiers alexandrins» («Александрийские тетради»), на страницах которого публикуется ин-

тересный разнообразный материал исторического, археологического и культурного характера.

Привязанность к французской культуре, стремление изучать французский язык сохранились у египетской элиты на долгие годы. В середине 60-х гг. студенты арабо-французской группы Института восточных языков при МГУ, находясь на стажировке в этой стране, очень часто могли говорить по-французски с ее представителями в магазинах, аптеках и других общественных местах. Знание египетской интеллигенцией французского языка считалось признаком хорошего тона. Официальные справочники того времени указывали на то, что в Египте английским языком владели 250, а французским — 300 тыс. человек. Тем более это было очень характерно для космополитической Александрии. Даже в начале третьего тысячелетия очень часто приходилось видеть на консульских приемах неизменно многочисленных дам преклонного возраста и темного загара непонятной, «общей» национальности, говорящих между собою на французском языке, которые, помимо всего прочего, удивляли отказом разбавлять предлагаемое им виски содовой водой...

Судьба французской общины суть участь других иностранных колоний Александрии: она медленно, но неукротимо сокращалась к середине XX в., последний тяжелый удар был нанесен Тройственной агрессией 1956 г. против Египта, одним из инициаторов которой явилась сама Франция (с Великобританией и Израилем). Национализация Компании Суэцкого канала, которая явилась одной из причин агрессии, не только нанесла урон престижу Франции в Египте, но и повлекла за собой египтизацию других французских предприятий в Египте (равно как бельгийских, голландских и т.д.).

В конце 40-х гг. прошлого века упала численность колонии и хозяев Египта — англичан, хотя еще ничего не предвещало скорый крах британского господства в долине Нила. Скорее всего, уменьшение числа британцев, как и представителей других иностранных общин в Стране пирамид, происходило по разным причинам, среди них — постепенная египтизация правительственного сектора, частных компаний, акционерных обществ и т.д. в рамках процессов, связанных с развитием национального движения в стране в 1918-1952 гг.

Хотя численность британских подданных в 1882-1947 гг. в Александрии не превышала 15 тыс., влияние их на ситуацию в городе трудно переоценить. Практически все более или менее важные государственные

должности в городе были заняты британцами, точнее, британскими подданными, из которых немалое число составляли мальтийцы.

Английская колония в северной столице была тоже самодостаточной: имела больницы, школы, торговые и социальные учреждения для своих членов; ей тоже была характерна благотворительная и гуманитарная деятельность. В 1901 г. был основан колледж королевы Виктории в Азарите¹⁸ для детей разных национальностей по примеру британских публичных школ.

Колледж Виктории окончил Мишель Димитрий Шалхуб, более известный под псевдонимом Омар Шериф, выходец из богатой александрийской ливанской семьи христианского вероисповедания. Его отец был владельцем деревообрабатывающего бизнеса и вкладывал огромные капиталы в малоуспешные попытки возродить папирус и ввести его в массовое употребление. После окончания колледжа Виктории будущий исполнитель роли доктора Живаго в одноименном фильме¹⁹ получил диплом Каирского университета с блестящими оценками по физике и математике.

Из других учебных заведений была популярна созданная еще в 1859 г. школа Св. Эндрю в Сильсиле, в здании которой с 1900 г. стало располагаться пожарное депо²⁰. Кроме того, была широко известна *Scottish Scool* для девочек, основанная в 1861 г.; в 1927 г. по инициативе лорда Ллойда была основана английская школа для мальчиков.

Велика роль британцев в создании благотворительных учреждений в Александрии. Наряду с британской Англо-швейцарской больницей ими был организован Английский фонд взаимопомощи британским подданным. В городе функционировали Дом престарелых и немощных женщин, Британская лига для оказания содействия ветеранам войн, Клуб моряков и солдат, Дом торговых моряков Александрии, который объединял членов различных национальностей, Общество исследователей (с 1912 г.), Общество наставниц (с 1921 г.), Клуб книги, Общество любителей драмы и музыки, Клуб спорта, Общество «Иттihad» для любителей спорта всех национальностей, Яхт-клуб (с 1919 г.), Общество любителей животных, при котором впоследствии в Мухаррам-беке была основана известная во всем городе больница.

Большое значение для города имело создание здесь в 1896 г. Британской торговой палаты, с деятельностью которой считались английские колониальные и египетские власти. Более того, она была рупором

правлящего режима в Египте. Очень часто британские колониальные чиновники, окончив официальную службу в Египте, становились служащими в неправительственном секторе египетской экономики. Так, первым председателем Национального банка был Э. Пальмер, занимавший ранее пост английского финансового советника при египетском правительстве. Некоторые из «бывших» занимали должности в вышеупомянутой Британской торговой палате в Александрии. И здесь, и там они служили интересам английской короны, которые, как мы знаем из работы К. Маркса «Британское владычество в Индии», приносили пользу и стране пребывания, знакомя ее жителей с новейшими достижениями науки и техники.

Говоря о взаимодействии Великобритании и Египта в политической сфере, нельзя забывать и еще об одном аспекте этих взаимоотношений. Речь идет о поддержке английской рабочей партией в лице видного ее представителя, члена палаты общин Кейра Харди Национальной партии во главе с ее председателем Мухаммедом Фаридом, сменившим Мустафу Кямиля после его кончины в 1908 г., который традиционно опирался на помощь французского общественного мнения. Антиимпериалистическая, антиколониальная позиция Кейра Харди и других английских левых была особенно привлекательна египетскому национальному движению, страстно желавшему завоевать общественное мнение в Европе.

Вместе со своими английскими и ирландскими соратниками Кейр Харди участвовал в работе Национального конгресса египетской молодежи в Женеве в сентябре 1910 г., где собралось около ста египетских студентов и адвокатов во главе с Мухаммедом Фаридом и Ахмедом Лутфи. По словам российского дипломата в Каире, Кейр Харди в «пространной речи уверял собравшихся в искренних симпатиях к делу националистов и обещал поддерживать их стремление добиться политической свободы Египта — в палате общин». На заключительном заседании конгресса, где председательствовал сам Харди, было вынесено постановление «Об эвакуации из Египта английских войск, введении конституции и свободы печати, т.е. отмены закона о прессе 1881 г.». Эти требования были изложены в телеграммах, посланных хедиву, великому везиру и английской палате общин. Выступивший на конгрессе Мухаммед Фарид в знак благодарности своему другу заявил: «Рабочая партия в Англии стала одной из самых уважаемых партий благодаря тем, кто посвятил свою жизнь ради этого класса». В дальнейшем связь между Кейром

Харди и Мухаммедом Фаридом продолжалась вплоть до кончины английского общественного деятеля.

Следует отметить, что иностранцы, прибывая в Египет в поисках работы, предпочитали селиться в Александрии. Поданным первой всеобщей переписи населения Египта 1882 г., иностранцев здесь проживало намного больше, чем в столице — Каире. Так, в это время французов в Александрии было 8,2 тыс. против 5,2 тыс. в Каире; англичан — 3,6 против 1,2; греков — 18,7 против 6,9; итальянцев — 11,6 против 5,0; подданных Австро-Венгерской империи — 4,7 тыс. против 2,1; немцев — 611 против 234; бельгийцев — 477 против 134; швейцарцев — 317 против 73; испанцев — 383 против 116; русских — 340 против 111; сербов — 240 против 80; голландцев — 162 против 53; американцев — 130 против 35²¹. Хотя ситуация в последующие годы и десятилетия выправилась в пользу Каира, все же предпочтение египетских иностранцев оставалось прежним — Александрия.

Все перечисленные крупные иностранные общины составляли значительную часть неавтохтонного населения Александрии²². Кроме них, кбольшим национальным меньшинствам, проживавшим в северной столице, справедливости ради, следует отнести турок, магрибинцев, суданцев и ливано-сирийцев. Рассмотрение первых трех общин не входит в сферу наших интересов, последняя же категория жителей Александрии имеет непосредственное отношение к русской эмиграции, кроме того, их вклад в приобщение Египта к мировой цивилизации очень весом. Наряду с этим, мы не рассматриваем отдельно значение армянской и еврейской колоний для развития александрийского общества, хотя по ходу изложения и касаемся отдельных сторон их положения в северной столице.

Сиро-ливанцы, или ливано-сирийцы, сравнительно давно появились в Александрии. Наряду с евреями и армянами, еще мамлюкские правители широко пользовались услугами сирийских чиновников, купцов и финансистов. Сирийская христианская община в Египте, в основном, сложилась в 1730-1780 гг., когда в Каир, Александрию и Думьят прибыли около 4 тыс. сирийцев-христиан из-за религиозных гонений и в поисках новых возможностей для торговли. Опираясь на свой опыт и отлаженные деловые связи с сирийскими и французскими купцами и фирмами, они сумели завоевать устойчивые позиции в торговле, особенно внешней. По некоторым сведениям, к концу XVIII в. они составляли бо-

лее половины всех богатых торговцев страны. Мусульманские купцы сопротивлялись их проникновению, развернулась ожесточенная конкурентная борьба.

Утвердившись в торговле, лидеры общины развернули борьбу за контроль над таможнями и откупам. В конечном счете они одержали победу. Затем в условиях экономической и финансовой экспансии Запада, начиная с 40-х гг. XIX в., ливано-сирийцы подтвердили свои сильные позиции в торговле и финансах. Как наиболее «европеизированные», они значительно потеснили представителей других инонациональных общин (армян, евреев) в бизнесе; в целом по Египту их численность возросла в 1882-1917 гг. с 16 тыс. до 35 тыс. человек. Предпринимательская прослойка этой колонии состояла из известных сирийских и ливанских семей Сакакини, Зананири, Кахиль, Сааб, Бустрос, Карам, Сейднауи, Сюрсок и др.

Именно крупные семейства сирийских и ливанских православных христиан сыграли существенную роль в жизни российских эмигрантов как до Октябрьской революции, так и после нее. Достаточно сказать, что добрая половина из 16 консульских агентов Российского императорского Генерального консульства в Египте до Первой мировой войны состояла из православных ливано-сирийцев²³. Сирийские и ливанские православные кланы Сакакини, Лутфалла, Хури и др. в силу своей состоятельности и высокого общественного и политического веса в стране оказали неоценимую услугу своим русским единоверцам Каира и Александрии вплоть до заключения семейных и брачных союзов, о чем речь пойдет далее.

Ливанцы и сирийцы внесли большой вклад в формирование и развитие современной интеллигенции в Египте. Лорд Кромер назвал их «интеллектуальными сливками» Ближнего Востока. Их особая роль объяснялась совпадением целого ряда внутренних и внешних для Египта причин. К середине XIX в. в Сирии и Ливане сложилась благодаря деятельности миссионеров широкая и разветвленная сеть средних и высших учебных заведений, дававших образование европейского типа. Значительная часть их выпускников не могли найти себе применения на родине или чувствовали там большие ограничения для своей профессиональной деятельности (цензура, консерватизм руководства учебных заведений и т.д.). Мощным «выталкивающим» фактором служили религиозные беспорядки и столкновения. В этом отношении также много

«стоил» религиозный и моральный гнет турецких властей. А в это время в Египте создалась острая потребность в чиновниках, учителях, врачах, переводчиках, журналистах и т.д. Египтяне не могли в то время заполнить «экономическую нишу» из-за нехватки специалистов с европейским образованием и знанием языков, армяне — из-за малочисленности, евреи — из-за устремленности на предпринимательство, греки, итальянцы — из-за языковой и культурной чужеродности. Удовлетворить спрос на специалистов смогли ливано-сирийцы. Особенно широкие возможности для них открылись после провозглашения в 1870 г. политики арабизации госаппарата, а также после подавления восстания египетского народа под руководством Ахмеда аль-Ораби в 1882 г. Лорд Кромер высоко, хотя и снисходительно («почти как европейцы») оценивал уровень их образования и способностей, а также их «дешевизну». Он считал, что без них было бы трудно создать эффективную систему управления. Напрямую об этом сказал другой крупный английский чиновник Коулз-паша: «В начале 1880-х годов неизвестно, что бы мы делали без сирийских и армянских переводчиков и клерков»²⁴. В 1905 г. сирийцы и армяне занимали до 30% высших правительственных постов (египтяне — 28%, англичане — 42%). В разное время ливано-сирийцы занимали посты руководителей службы безопасности (А.Сфайр-паша), почтового ведомства (Д- Саба-паша), армейской медицинской службы (генерал Б. Сусси-паша), королевского советника (Ш. Айюби-паша) и др. В знак особых заслуг именем Саба-паши в Александрии называется целый район. Огромную просветительскую роль играл и играет до сих пор в северной столице знаменитый Сирийский клуб. Поныне сплоченна и монолитна ливанская колония Александрии, группирующаяся вокруг своего генконсульства.

Но наиболее впечатляющую роль сыграли сирийцы и ливанцы в журналистике, издательском деле. Им принадлежало, как минимум, 150 из 790 основных в 1800-1914 гг. изданий, причем наиболее крупных и влиятельных «аль-Мукаттам», «аль-Хиляль» «аль-Манар», «аль-Мукта-таф» и т.п. Особо стоит отметить, что руками братьев сирийцев Селима и Бишары Такла была основана в 1875 г. самая распространенная и самая авторитетная по сей день газета в арабском мире «аль-Ахрам». Сирийцы и ливанцы владели крупнейшими издательскими домами, фирмами в Египте. До сих пор самым крупным в Александрии издательством «Муншаат аль-Маариф» и книжным магазином при нем на улице Саад Заглюль владеет ливанский клан Хиззи.

Входя в число виднейших публицистов и идеологов, ливано-сирийцы пытались перенести в Египет и арабский мир теории и концепции, сформировавшиеся на базе индустриального Запада, его культурные ценности. Не случайно из их числа вышли и наиболее крупные апологеты свободного предпринимательства (Д. Зейдан, Я. Сарруф), и первые проводники социалистических идей (Ф. Антун, Н. Хаддад, Ш. Шмайель). В политическом плане многие также ориентировались на Запад, точнее, на Францию и Англию. В то же время сирийская и ливанская интеллигенция в Египте внесла огромный вклад в формирование и пропаганду идей арабского национализма, панарабизма и египетского национализма.

Не следует думать, что иностранные колонии Александрии каждая по себе представляла собой единое однородное целое, что там царили «тишь и благодать». Наиболее ярким примером в этом отношении являлось положение среди ливано-сирийцев, которых раздирали религиозные противоречия — между мусульманами и христианами различного толка. В рамках отдельных конфессий враждовали представители различных этносов (например, греки и ливанцы в православной общине). Острые противоречия существовали между традиционной элитой, опиравшейся на религиозные институты и клир, и богатыми «европеизированными» предпринимателями. Они нуждались друг в друге, поэтому речь шла только о перераспределении власти в соответствии с новой расстановкой сил. Полем борьбы были органы общинного самоуправления и благотворительные организации. Контроль над ними давал реальные рычаги воздействия на каждого члена общины. Исход борьбы определялся новой ролью богатства как фактора власти и престижа. Поэтому к началу XX в. во всех общинах власть перешла в руки предпринимательской прослойки.

В социальном отношении также не все благополучно было в иностранных колониях. Общины всегда были имущественно и социально неоднородны. Наряду с процветающей элитой существовали многочисленные, а то и нищенские слои. Это вызывало коллизии, но не открытые конфликты, которые предотвращали патриархальные формы зависимости, традиции взаимопомощи, неграмотность и забитость низов. Ситуация стала меняться в конце XIX — начале XX вв., когда из Европы прибыли люди с иным менталитетом и жизненным опытом, когда стала обычной и распространенной ситуация, при которой земляки и единоверцы

открыто и прямо вступали в отношения «наниматель — нанятый». Особенно ярко этот зарождающийся классовый антагонизм проявился в мае-июле 1894 г. и декабре 1899 — феврале 1900 г. во время более чем двухмесячных забастовок каирских табачников на предприятиях, принадлежавших, в основном, греческим фабрикантам. Поводом для этих трудовых конфликтов послужили выборы нового Патриарха Александрийской автокефальной церкви. Но за большинством трудовых конфликтов в Египте рубежа XIX-XX вв., в которых, главным образом, участвовали пролетарии иностранных колоний, стояли все-таки новые причины и новые люди. Характерно, что такие конфликты быстро выплескивались за пределы общин. В забастовки втягивались рабочие других конфессий, национальностей (и египтяне), предприниматели иностранных колоний объединялись и прибегали к помощи властей для принятия репрессивных мер — вплоть до высылки «смутьянов». Так произошло во время стачки драгеров Суэцкой компании в августе-октябре 1894 г., когда итальянских, греческих и других рабочих с берегов Средиземного моря, активистов этого трудового конфликта, выслали из Египта по представлению греческого и итальянского консульств.

По единодушным отзывам наблюдателей, со временем Александрия стала представлять собой космополитичный, скорее европейский (до середины XX столетия), чем арабский город, где «в ходу все языки и все валюты», «плавильный котел рас, религий, обычаев и языков, место встречи людей Востока и Запада. Их повседневное общение создавало совершенно особую атмосферу средиземноморского Востока»²⁵. Инонациональные дельцы сыграли в развитии и процветании Александрии такую роль, что в знак признания их заслуг многие улицы и кварталы были названы их именами — Родо, Синадино, Смуха, Болаки, Каттави.

Залогом делового процветания, высокого престижа, культурного и духовного развития иностранных общин второй столицы Египта становится европейское образование, полученное в Сорбонне, Оксфорде, Берлине, Лозанне. Обитатели этой своеобразной среды разговаривают на французском, английском или итальянском языках, делают покупки в европейских магазинах, проводят время в греческих, итальянских, французских клубах, ресторанах, тавернах и не очень часто общаются с арабами. Часто, видя европейца, они до сих пор переходят на французский или английский язык в разговоре между собой. В

греческих или сирийских семьях стесняются говорить по-арабски, считая его языком «бэледиди», т.е. слуг, феллахов. Представители элиты общин постепенно перебрались из национальных кварталов в смешанные фешенебельные районы Александрии, где ведут примерно одинаковый образ жизни, обучают детей во французских или английских школах, посещают одни и те же клубы Смуха, Спортинг, Монтаза, рестораны и кафе, одеваются по последней парижской и итальянской моде, закупают мебель в Европе.

Несмотря на эту кажущуюся общность интересов и обычаев, между крупными иностранными общинами Александрии существовали невидимые, но крепкие перегородки. Каждая из них представляла монолитное сообщество с сильными национальными и клановыми интересами и имела свои клубы, спортивные общества, культурные и благотворительные организации, торговые палаты. Смешанные браки были большой редкостью. Так, в 1837-1890 гг. из 776 зарегистрированных среди сирийских греко-католиков браков только 195 составляли смешанные, причем (и это очень важно!) 151 — с представителями других католических и униатских общин, 42 — с приверженцами греко-православной общины и по одному — с протестантом и евреем²⁶.

С одной стороны, при всех огромных изменениях и переменах семейная, клановая основа бизнеса (внутриобщинный кредит, обмен деловой информацией, связи, покровительство) продолжала играть огромную роль. С другой — для представителей низших и средних сословий иностранных колоний, а также для иммигрантов-новичков объективно требовались общинные связи, покровительство и разного рода помощь и содействие. Поэтому, несмотря на отток и некоторую самоизоляцию верхушки общин, растут английские, итальянские, греческие кварталы и улицы Александрии, отчасти отъединенные от арабских районов. Элита иностранных колоний всемерно способствовала этой отъединенности, поскольку она видела в сплоченности общины инструмент контроля над единоверцами, залог незыблемости своих позиций в принимающем обществе.

Все эти особенности существования крупных иностранных колоний в северной столице Страны пирамид постепенно формировали особый тип личности, вошедший в историю под названием левантинский, или левантийский (даже применительно к тем же старожилам-французам и многочисленным выходцам из обширной Британской империи). Несмот-

ря на некоторые противоречия и коллизии внутри крупных иностранных колоний Александрии (например, между старыми и вновь прибывшими иммигрантами), общинные институты, традиции, нормы и устои продолжали определять поведение и образ жизни большинства членов общин. Их богатая и состоятельная верхушка по-прежнему осуществляла жесткий и полный контроль: по отношению к «непокорным» эффективно действовал набор мер — от лишения пособий до бойкота или депортации.

Любопытно, что бурные события, последовавшие за июльской революцией 1952 г., характеризовавшие рост борьбы за политическую и экономическую независимость, рост национального самосознания египтян, подъем национализма и даже ксенофобии, не пожалели также арабов-неегиптян, в том числе сирийцев и ливанцев, обосновавшихся уже давно в Стране пирамид. Даже создание Объединенной Арабской Республики в 1958-1961 гг. в рамках египетско-сирийской унии не только не спасло сирийцев в Египте, но затруднило их положение здесь после распада единого государства.

Все это привело почти к полному исчезновению иностранных общин, во всяком случае, их регламентированного законом правового положения, что имело весьма неоднозначные последствия. Разгром их буржуазной верхушки, национализация ее собственности в результате осуществления так называемых «социалистических» декретов 1960-1965 гг. были важной частью радикальных преобразований президента Насера. Однако массовый отток крайне необходимых кадров рабочих, ученых, учителей, врачей, служащих, предпринимателей вряд ли укрепил экономические и социальные устои нового государства. Для большинства членов общин, особенно из средних и низших сословий, эти события стали трагедией: они и их предки родились и выросли в Египте, ощущали его единственной родиной. Другое дело, что большинство их оказались не готовыми отказаться от своих вызывавших естественное недовольство египтян льгот и привилегий, которыми они пользовались десятилетиями. В целом же опыт Египта говорит, с одной стороны, об огромной роли иностранных общин в процессе капиталистической трансформации, а с другой — о масштабе возникающих в связи с этим противоречий и о невозможности их однозначной оценки, а тем более — решения.

1.3. Условия формирования и становление русской колонии в Александрии до 1917 г.

В 1882-1947 гг. русская община в северной столице Страны пирамид количественно занимала промежуточное положение между крупными, уже рассмотренными выше, и мелкими общинами Александрии — испанской, германской, швейцарской, американской, бельгийской, голландской и т.д. Действительно, согласно переписи 1882 г., немцы насчитывали 611 человек, бельгийцы — 477, швейцарцы — 317, испанцы — 383, сербы — 240, голландцы — 162, американцы — 130, русские — 340²⁷. Но уже в следующей, второй всеобщей переписи населения Египта 1897 г. среди «малых» колоний россияне выходят на первое место и сравнительно намного превосходят остальные по численности. Число выходцев из России составляет 3192 человек, из Испании - 765, из Швейцарии - 475, из США — 293, из Бельгии - 256, из Голландии — 247, из Португалии — 155, из Норвегии и Швеции — 105 (данные по всему Египту)²⁸.

В первой половине XX в. численность россиян значительно превышала число представителей вышеуказанных европейских стран. Как правило, выходцы из малых стран Европы приглашались на работу в Египте по контракту, владея какой-либо специфической профессией. Немцы, например, занимались ирригацией, среди них часто встречались агрономы, подвизались они докторами. Встречались среди хозяев отелей, пансионатов и ресторанов. Известны также своими изысками немецкие египтологи, о чем говорилось выше.

Заметный след в новой и новейшей истории Египта оставили испанцы, трудясь в долине Нила капитанами, лоцманами, механиками, матросами на египетских парусниках, пароходах, катерах, баржах и драгах. Некоторое число их работало в компании Суэцкого канала.

Бельгийцы трудились в трамвайных компаниях своих богатых соотечественников, создавших в Александрии (а также в Каире и Порт-Саиде) этот вид общественного транспорта. Их можно было встретить на железной дороге, где они работали машинистами, мастерами и механиками в железнодорожном депо Александрии — в Габбари. Активно участвовали в забастовках александрийских трамвайщиков и железнодорожников в 1908 и 1911 гг.

Представителям других иностранных колоний не была характерна особая, специфическая роль в развитии Александрии. Они были заняты «чем-нибудь и как-нибудь» в торговых палатах и в административных советах банков, страховых обществ, конторах многих представительств морских компаний Александрии, в Морском санитарном совете, Кассе египетского долга, Смешанных трибуналах, в Компании Суэцкого канала, общее число персонала которой достигало почти 2 тыс. человек, и т.д.

После Второй мировой войны численность подавляющего большинства малых общин также снизилась, за исключением колонии США, более или менее сохранившей свои позиции, вероятно, ввиду политики американского правительства, имевшей целью заменить Великобританию в арабском мире. Общая численность иностранцев в Египте уменьшилась более чем в три раза с 1882 по 1947 г.

Александрия сыграла важнейшую роль в становлении и развитии многообразных связей между Россией и Египтом. Она называлась и называется до сих пор, как и Санкт-Петербург в России, северной и второй столицей Египта. Как многие населенные пункты нашей страны, второй по величине город Страны пирамид носит имя своего основателя Александра Великого²⁹.

Но не только имя Александра Македонского прославило город среди русских людей. Александрия зафиксирована в религиозном сознании многих россиян, особенно просвещенных кругов, благодаря популярным представителям раннего христианства, прежде всего Святой Екатерины Александрийской, в миру Доротее. Ее отец был одним из крупных ученых Александрии своего времени. Доротеея получила прекрасное образование, отличалась глубоким умом и красотой. Приняв христианство, она становится его фанатичным проповедником, несмотря на увещевания и угрозы.

Когда в Александрию на языческое празднество прибыл римский император Максимин, Екатерина в его присутствии смело назвала себя христианкой и стала гневно обличать язычество. Разгневанный император приказал подвергнуть ее пыткам, но девушка оказалась непоколебима в своих убеждениях. Тогда Максимин приказал ее обезглавить. После публичной казни ее тело бесследно исчезло, а через три века на Синайском полуострове монахи обнаружили его бальзамированным.

Екатерину причислили клику святых. Ее именем названа гора на Синае, на которой нашли тело, и монастырь, в котором погребены ее останки. Это произошло между 305 и 312 гг.

Эти останки, а также Неопалимая купина в монастыре Св. Екатерины и гора Моисея, у подножья которой он находится, привлекали к себе русских паломников, начиная с начала 1001 г., когда, по Никоновой летописи, киевский князь Владимир через 13 лет после Крещения направил людей в Иерусалим, Вавилон и Египет «сглядати земель их и обычаев их». Разумеется, русичи были хорошо знакомы с библейскими сюжетами, касавшимися Синае. На его территории происходили события, содержащиеся в ветхозаветной книге «Исход». Здесь же Бог впервые явился пророку Моисею в пламени Неопалимой купины. Через Синайскую пустыню дети Израилевы выходили из плена египетского в Ханаан, Землю обетованную, на пути к которой на Синайской горе Господь вручил Моисею скрижали веры.

Помимо Св. Екатерины, просвещенное монашество на Руси знало труды александрийского монаха Георгия Амартола (IX в.). Позднее стали известны, в первую очередь, русскому священному люду богословы раннего александрийского христианства I-III вв. — Климент Александрийский, Дионисий Александрийский, Афанасий Александрийский, Василид Александрийский, Эвдор Александрийский, Ориген Александрийский, Пантен Александрийский³⁰.

Александрию русские паломники, следовавшие на Синай или через него в Палестину, обходили стороной. Историки сходятся во мнении о том, что один из первых россиян, посетивших Александрию, был архимандрит смоленской Аврамьевской обители Агрефений. В его «Хождении» (ок. 1370 г.) среди указаний на расстояния между различными городами на пути его следования можно встретить измерения в днях к Египту и внутри его между Каиром (Егуптом) и Александрией («от Иерусалима до Газы 3 дни, от Газы до Егупта 12 дни; от Егупта до Александрии 6 дни...»)³¹.

Разумеется, в первую очередь российских паломников на Ближнем Востоке интересовал Гроб Господень и другие святыни в Палестине, в Египте — Синай, привлекала и Александрия своим знаменитым прошлым и памятниками. Но поток россиян в северную столицу Египта был намного меньше. На это влияла и безопасность пути, или военно-полити-

ческая обстановка: иногда было удобнее плыть прямо на Яффу, в восьми десятках километров от которой находится Иерусалим. Подчас паломников устраивал египетский порт Думьят.

То, что Александрия лежала вне маршрута русских паломников, сказывалось на незнании ими этого города, на большой путанице даже в головах русских летописцев, людей неглупых, начитанных, просвещенных и неплохо образованных для своего времени. Об этом и говорится в русской летописи XV в., написанной на основе более ранних греческого и сербского сводов и названной «Александрия, роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в.». В романе сказано, что Александр умер в стране халдейской близ Египта на реке Нил, в том месте, где Иосиф, сын Иакова, сотворил семь житниц, откуда в течение семи лет в голодные годы снабжал жителей Египта. Как видно из сербского и греческого текстов, автор не представлял себе реального местоположения ни Египта, ни Месопотамии³². Русский летописец не смог исправить эту ошибку, потому что сам плохо знал географию Ближнего Востока.

Своего рода прорыв в изучении Египта произошел в середине XV в., когда почти одновременно здесь побывали два россиянина, оставившие после себя сравнительно подробные отчеты: «Хождение священноинока Варсонофия ко святому граду Иерусалиму 1461-1462» и «Хождение гостя Василия 1465-1466». При чтении первого источника создается впечатление, что Василий хотел оставить нечто вроде путеводителя для последующих купцов. «Хождения» Василия и Варсонофия сыграли важную роль в ознакомлении Руси с Египтом. Помимо того, что они добавляли много сведений к тому малому, что русские знали об этой далекой стране, эти описания подготовили ряд следующих путешествий на Восток. Вместе с «Хождением» Афанасия Никитина, примерно в то же время посетившего некоторые города арабского Востока на юге Аравийского полуострова, оба этих путешествия явились предметом пристального внимания царского Посольского приказа. Весьма вероятно, они им и были иницированы.

Вероятно, около 1491 г. в Александрии побывал Михаил Григорьевич Мисюрь-Мунехин, казначей великого князя, в рамках поездки русского посольства в Иерусалим и Константинополь. Есть косвенные данные, что он побывал в этих местах еще раз или несколько. Известно, что вернулся он из Турции в 1501 г.³³ Вполне вероятно, что Мунехин

Египетский побывал в Александрии с тайным поручением установить связи с Патриархом Александрийским и всея Африки, который занимал второе почетное место в православной иерархии после Вселенского патриарха Константинопольского. Мунехин сыграл роль связующего звена между ним и Русской церковью, что, вероятно, и закрепило за ним это имя.

В конце первой четверти XVI в. начались первые контакты между царским двором и Александрийской православной церковью. В 1523 г. Александрийский патриархат направил делегацию в Москву к Василию III с просьбой оказать материальную поддержку Александрийской церкви. В послании русскому царю говорилось: «Иоаким, Божьей милостью, Папа и Патриарх великого града Александрии... достойному Господину и сыну нашего смирения, Василию: радость будет да от Бога... Иисуса Христа, царствию твоему и державе твоей. Всегда молимся о державе твоей, и победе царствия твоего... Послали мы трех наших братьев старцев: Симеона, иеромонаха Макария и Игнатия; они имеют нечто сказать величию твоему, ибо с надеждою пошли к тебе от нас, ради прошения милости; от них услышишь и наше пребывание среди безбожных и нужду от нечестивых... ибо зловерные Арапьяне, немилостивые к нам до конца, тщатся истребить Св. Церковь Божию... ничто иное не предстоит нам ежедневно, как беды и кручины... гонения и угрозы»³¹.

Стиль письма весьма своеобразен, а содержание вряд ли адекватно действительности. Конечно, жизнь восточных христиан была далеко не сахар. Они претерпевали и лишения, и преследования; часто случались стычки, столкновения, иногда заканчивавшиеся увечьями и даже убийствами. Но они сосуществовали с мусульманами и представителями других конфессий, взаимоотношения отличались сравнительной веротерпимостью и толерантностью. Тон этого послания был явно рассчитан на внимание царя, на получение как можно большей материальной помощи.

В этом контексте для нас важен статус Русской православной церкви и ее отношения с другими православными церквями. В 1448 г. Собор русских архиереев независимо от Константинополя возвел на кафедру Митрополита Московского и всея Руси епископа Рязанского Иону. Тем самым было положено начало автокефалии Русской церкви. Русские первоиерархи уже со второй половины XIV в. управляли

своей церковью вполне самостоятельно, получили власть и права, фактически равные патриаршим, стали считаться святительской честью выше всех православных митрополитов и в случае Вселенского собора могли бы занимать место непосредственно после Иерусалимского патриарха. Мысль о зарождении патриаршества сравнительно давно родилась у царей, она была доведена до восточных патриархов. Эта идея импонировала последним. В июне 1588 г. в Россию прибыл Патриарх Константинопольский Иеремия II, а 26 января 1589 г. совершил торжественное поставление митрополита Иова в сан Патриарха Московского и всея Руси. На соборах 1590 и 1593 гг. в Константинополе признали за русским патриархом пятое по чести место в диптихе поместных православных церквей и все права автокефальной церкви. В речи к Собору 1593 г. Патриарх Александрийский Мелетий Пигас объяснил, что вопрос о русском патриаршестве решается ясно и непререкаемо на основании правил Вселенских соборов: «Благодейство сие и патриаршеская честь и имя, как началось от святейшего Иова, оставались на посвящаемых по нем, в великом граде Москве...»³⁵.

Этот большой прогресс в отношениях между Россией и Египтом был осуществлен через посредство Александрийской церкви, Патриарха «всея Африки». Речь шла не только об укреплении церковных отношений, хотя это само по себеуже было большим достижением в российско-египетском цивилизационно-культурном диалоге, стержнем которого оказалась Александрия. Установление прямых связей между русской и александрийской церквями приводило к созданию и обогащению контактов в других областях, в том числе политике, торговле, культуре и пр. Материальная помощь, отныне оказываемая русским государством, приносила свои плоды также во всех сферах русско-египетского взаимодействия. И в этом смысле Александрия играла заглавную роль.

Возвращаясь к русским паломникам, интересно отметить, что они видели в Александрии, на что обращали внимание, что в первую очередь привлекало их взоры. Не одни же расстояния между городами Ближнего Востока волновали их. Понятно, что эти измерения они производили для тех, кто окажется в этих интересных краях после них. А в том, что будут другие в этих чудных и диковинных местах, их удививших, они не сомневались.

Из ранних паломников наиболее полные впечатления после себя оставил Арсений Суханов, назвав их «Проскинитарий» («Паломник»). В Александрию он прибыл в середине августа 1651 г. Она поразила его воображение как остатками прежнего великолепия, так и современной разрухой. «Александрия, — отмечает Суханов, — град пречудный зданием; нет такого не единого града, якоже он был украшен; а ныне пуст, не многие люди живут по воротам вокруг града, а середка града вся порожня; палаты все обвалились...»

Из древних памятников Александрии А. Суханов подробно останавливается на знаменитых александрийских обелисках — так называемых «иглах Клеопатры». «Да внутрь града Александрии без числа много стоит столбов каменных высоких и средних, — продолжает он свой рассказ, — и мелких мраморных, из единого камня выточенных круглых, а не составленных. Из Белого (Средиземного. — *Авт.*) моря затон велик до самой стены града; тут врата к морю великия; у тех ворот внутри града сажень с пятью овраг, и стоит столб дивный из единого камня изсечен; четверогранен, в высоту будет сажень с двенадцать, а на нем письма вырезаны кругом от низа до верха, неведомо какие: сабли, луки, рыбы, головы человечьи, руки, ноги, топорки, а инаго знать нельзя, видимая и невидимая; а сказывают, будто некоторая мудрость учинена. А другой столб недалече оттого, таков же слово в слово, качеством и количеством, токмо повалился, лежит на боку. А сказывают, те два столба поставлены над гробом храброго воина царя Александра Македонского, один-де у головы, а другой у ног».

Не могла не поразить А. Суханова и колонна Помпея, которую он подробно описал в «Проскинитарии»: «Да за градом в поле, от града Александрии сажень с 300 или больше, был двор некий великий; здание большое, палаты стоят дивны, иные целы, а иные повалились. Тут же близко стоит столб дивнее всех столбов и есть в высоту сажень 15; кругом якобы токарною работой выточен, един камень, порфиривиден цветом, стоит как стопочка есть, ни покривился никуда»³⁶.

Следует отдать должное наблюдательности и точности А. Суханова даже в отношении мелких деталей, например, внешнего вида иероглифов и витиеватых тонких рисунков. Возможно, по этой части его превзошел В.Г. Григорович-Барский, побывавший в Александрии не менее двух раз. В 1730 г. он несколько дольше задерживается в Александрии «ради видения достойных в ней вещей ветхих». Этому посвящена осо-

бая глава «О граде Александрии». В ней содержится самое подробное, пожалуй, описание в русской литературе того времени древнего города и его памятников. При этом оно было дополнено удачными рисунками. Он приводит размеры «столпа Помпея» (высота 122 стопы, толщина 12 стоп), а примерную высоту и толщину «игл Клеопатры» он называет соответственно ю саженой и и пядей.

Особенно поразили его иероглифические знаки, вырезанные на поверхности обелисков. Сравнивая их с письменами других народов, он указывает, что они не похожи ни на греческие, ни на латинские буквы, но находит внешнее сходство между одним иероглифом и русской буквой «живете». Его воспроизведение некоторых знаков на одной из сторон обелиска очень точно, даже более точно, чем через сто лет в знаменитом французском «Описании Египта», и надпись спокойно можно читать³⁷.

Трудно переоценить значение паломников-первопроходцев, которые не только представили своим современникам и последующим поколениям картину одного из красивейших городов не только Египта и Ближнего Востока, а всего земного шара, но и дали точку отсчета современным исследователям в изучении процессов социально-экономического и общественно-политического развития Египта вообще и Александрии в частности.

В этой связи сошлемся на свидетельство русского путешественника Андрея Игнатьева, который, подводя итоги губительного господства мамлюков для Египта, писал, в частности, об Александрии в 1707 г.: «...а град той Александрии, по-арапски — Скендере, немного меньше основанием Царяграда, но токмо до основания весь разорен и дома было знатно что превеликие, где который рассыпался уже в прах, и праху того яко горы стоят, а где еще немного знатно градские стены и башен, мнится, что гораздо был красивее Царяграда... в жилищах иных ныне есть вода преизрядная, токмо не во многих, и тою водою все жители Александрии тии питаются, а во иных безводных местах многие ходят со свечами, и строение, де, ни кольмо рушимо стоит, дома и ряды все знатно, и стенново письмо зело, де, премного, а христианскому дому во вусей Александрии несть ни одного, токмо бусурманы, арапы, турки, и жидов много...»³⁸. Игнатьев не видит христиан в Александрии.

Как мы уже отмечали, французская экспедиция, реформы Мухаммеда Али и даже его фиаско, распространение на страну англо-турецкого договора 1838 г., в результате чего Египет оказался открытым для товарной экспансии европейских держав, прежде всего Великобритании, начало товаризации земли и проникновения иностранного капитала, концессия Суэцкого канала, знаменитый «сахарный бум», огромные доходы, которые давала египетская экономика, привели к тому, что, по мнению египетских историков, «потoki иностранцев хлынули в Египет как в новую Калифорнию».

Исследователь Яроцкий отмечает, что до чумы 1834 г. население насчитывало до ботыс. чел., в том числе: арабов — 20000, арсенальных рабочих — 6000, моряков — 12000, турок — 6000, военнослужащих гарнизона — 3000, негров и бедуинов — 4000, армян, коптов, евреев — 4000, европейцев — 5000³⁹. По сравнению с мамлюкским периодом в структуре населения северной столицы произошли существенные изменения. В первую очередь — появились иностранцы. По данным крупного египетского просветителя Али-паши-Мубарака, в 1840 г. в Египте было 5000 левантинцев, 3000 греков, имевших египетское подданство, 2000 армян, 2000 приезжих греков, 2000 итальянцев, 1000 мальтийцев, 800 французов, 100 англичан, 100 австро-венгров, 30 «москов», 20 испанцев⁴⁰. Данные по россиянам (30 чел.) вполне согласуются со сведениями, представленными российским консульством в Египте за 1830 г. — 26 русских подданных⁴¹.

С Мухаммеда Али началась вторая жизнь Александрии. Али-паша Мубарак приводит следующие данные: в 1838 г. александрийский порт посетили 1840 судов, в 1841 г. — 1699, в 1850 г. — 1834, в 1856 г. — 2399, в 1864 г. — 4309. После введения в эксплуатацию Суэцкого канала в 1869 г. Александрия практически не потеряла своего значения как крупнейший порт Египта, который в 1838-1872 гг. принимал ежегодно в среднем до 3000 кораблей и пассажиров от 35 до 80 тыс. человек. Она по-прежнему оставалась ведущим портом Египта, отвлекая на себя большую часть египетского импорта (около 90%) и примерно 2/3 экспорта. В дальнейшем на гавань северной столицы приходилось до 90% внешнеторгового оборота.

Прежде чем начать разговор о русско-александрийских связях, непосредственно касающийся их развития, отметим, что в силу обстоятельств, особенно в связи с местными условиями (жаркий Каир и срав-

нительно прохладная Александрия) относительное большинство каирцев и состоятельные жители других крупных городов долины Нила проводили почти половину египетского лета в Александрии. Конечно, там же переживали знойное африканское лето правители Египта и его элита, которые продолжали исполнять свои государственные обязанности. Отсюда возрастало значение северной столицы Египта и в его сотрудничестве с зарубежными государствами. Приведем пример из области русско-египетских отношений: «В четверг 12 июня в 10.30 утра в хедивском дворце Рас ат-Тин состоялось торжественное вручение Дипломатическим Агентом и Генеральным Консулом России Кояндером знаков отличия, оправленных бриллиантами, а также ордена Александра Невского, дарованных Его Императорским Величеством Его Величеству Хедиву»⁴².

Эпизодические торговые контакты между Россией и Египтом сменились регулярным товарооборотом с 1856 г., когда было создано Русское общество пароходства и торговли (РОПИТ) во главе с Великим князем Константином. Правительство купило треть акций, отказалось от дивидендов в пользу компании, предоставив ей также другие льготы. В 1858 г. стала действовать вначале прямая Александрийская, а затем Александрийская (круговая) линия Одесса — Константинополь, Пирей, Смирна, Родос, Искандерун, Бейрут, Яффа, Александрия. В 1858 г. восемь пароходов РОПИТ совершили по Александрийскому маршруту 42 рейса и перевезли 12,4 тыс. пассажиров, в основном паломников, а в 1859 г. — соответственно 70 рейсов и 22,3 тыс. пассажиров.

Создание русской торговой палаты в Александрии в 1903 г. способствовало появлению новых форм торгово-экономических связей с Египтом: заимствование хозяйственного опыта (поездки российских специалистов по мелиорации, культивированию хлопка и т.д.), выставки (например, плавучая выставка кустарных изделий в начале 1910 г. в Александрии и Порт-Саиде); научно-практические экспедиции в 1912 г. и др.

13 марта 1909 г. между Россией и Египтом был заключен договор о торговле и мореплавании. Статья 2 предоставляла России режим наибольшего благоприятствования. Особенно выгодной для империи оказалась умеренная ставка египетского таможенного тарифа (не более 8%). Даже за короткий предвоенный период это соглашение успело оказать благотворное влияние на товарообмен между двумя странами. Эти

льготы способствовали усиленному сбыту русских товаров, в основном через Александрийский порт.

Если в 1909 г. Египет импортировал в Россию товаров на сумму почти 760 тыс. ег.ф., то в 1911 г. более чем на 850 тыс. Экспорт соответственно составил 1515 тыс. и 1789 тыс. ег.ф. Торговый баланс складывался в пользу Египта: за трехлетие (1909-1911 гг.) российский импорт превысил экспорт в эту страну на 815 тыс.ег.ф.

Россия вывозила в Египет сахар — 25% общего объема экспорта, керосин — 23%, муку — 18%, табак — 12%, спирт — 4%, а также небольшое количество живого скота, сушеной и соленой рыбы, цемента, леса и т.д. Главным и почти единственным товаром привоза из Египта был хлопок — более 95% египетского экспорта в Россию. Кроме того, поставлялось немного семян, овощей, продуктов животного происхождения, напитков и т.п. Из государств, имевших торговые отношения с Египтом в 1909-1911 гг., Россия занимала шестое место (5% египетского торгового оборота) после Англии (41%), Франции (9%), Германии (8%), Австро-Венгрии (7%), Турции (6%).

Перед самой мировой войной и в ее первые годы в Санкт-Петербурге продолжали изучать вопрос об углублении торговых отношений с Египтом, посылали экспедиции для изучения рынка Ближнего Востока, пытаясь наверстать упущенное. Как видно из вышесказанного, Египет и Александрия были готовы к поднятию уровня торгово-экономических отношений*3.

Те, даже пусть скромные успехи, достигнутые в русско-египетских торговых отношениях, были возможны благодаря установлению политических отношений между Российской и Османской империями вследствие Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г., а также попыток правителя Египта Али-бея в 1760-1770-х гг. отделиться от Турции. Согласно этому договору, Россия и Турция обменивались дипломатическими представительствами. В Александрии было учреждено российское Генеральное консульство. Так она юридически и политически становится мостиком между Россией и Египтом.

Указом Екатерины II і декабря 1784 г. первым дипломатическим представителем Империи в Александрии назначается выходец из прибалтийских немцев Кондратий (Конрад) фон Тонус, который прибыл в Египет 1 июля 1785 г., а уже 24 июля послал в Санкт-Петербург первое донесение.

Таблица 2

Динамика численности россиян в Египте (1882-1947 гг.)

	1882	1897	1907	1917	1927	1937	1947
Каир	in	651	1223	1242	112 2	-	651
Александрия*	340 (63)	523 (16)	908 (37)	2373 (56)	915 (37)	584 (49)	!f40 (37)
Канал	29	1861	33	192	99		46
Суэц		51	6	59	41		10
Думьят	1		5				
Бухейра	1	12		23	17		1
Дакахлия	19	32	32	31	46		
Шаркия	6	38	22	53	29		3
Гарбия	15	58	30	78	65		8
Кальюбия	3	12	8	13	2		10
Менуфия	1	9	3	2	1		
Асуан				6	4		
Ась ют			1	24	4		1
Гиза		6	5	92	56		2
Файюм	2		2	11			
Минья			4	3	1		1
Бени Суэйф	3	21		8	1		
Гирга	2			4	2		1
Кена		6	30	10	3		
Оазисы							
Всего	533	3192	2410	4225	2410	1174	

*По Александрии дан в скобках удельный вес русских в процентах от всех россиян, проживавших в Египте.

Источник: Всеобщая перепись населения Египта 1882 г. Ч. 1, с.22-23; Всеобщая перепись населения 1897 г. 4.1, с. 63; Всеобщая перепись населения Египта 1907 г., с. 293; Всеобщая перепись населения 1927 г. Ч. 1, с. 206-221; Всеобщая перепись населения 1947 г. 4. 2, с. 240-241; The Census taken in 1917. Vol. II, p. 487,493, 499, 505, 511, 517.

Первый русский дипломат в Александрии до последнего дня своей жизни поддерживал стремление местных правителей к отделению от Турции. Кондратий фон Тонус проработал в Александрии с перерывами до 28 сентября 1789 г., когда, несмотря на протесты египетских мамлюков, которые почти целый год его не выдавали османам, был повешен прибывшими из Стамбула турецкими янычарами.

Генеральное консульство в Александрии просуществовало до середины XIX в., затем оно было переведено в Каир, где получило новый статус Дипломатического агентства и Генерального консульства. В Александрии дипломатическое представительство стало называться «российское консульство». Почти всю первую половину XIX в. Генеральное консульство в Александрии состояло из иностранцев: либо из российских подданных, либо должность главы российского консульства совмещали коллеги из дипломатических миссий других государств.

Так, Жорж Сивини исполнял обязанности Генерального консула с 28 марта 1819 г. по 26 июля 1820 г.; консул Франции Пилявуан — с 27 июля 1820 г. до 24 ноября 1821 г.; Генконсул Франции Дроветти — с 25 ноября 1821 г. до 20 мая 1827 г.; консул Франции Маливуар — с 20 мая до 7 июня 1827 г.; Антуан Пеццони — с 8 июня 1837 г. до 28 июля 1838 г.; консул Нидерландов Пьер Амбруаз Шютц - с 28 июля 1828 г. до 18 февраля 1831 г.; Эдуард Лавизон — с 19 февраля 1831 г. до 1 сентября 1832 г.; полковник Дюгамель — с 6 февраля 1834 г. до 23 ноября 1837 г.; граф А. де Медем — с 24 ноября 1837 г. по 23 сентября 1840 г.; шведский Генконсул Анастаси — с 24 сентября 1840 г. по 25 августа 1841 г.; секретарь российской миссии в Вашингтоне Жорж Кремер — с 26 августа 1841 г. по 24 июля 1844 г.; секретарь миссии в Константинополе Александр де Фок — с 25 июля 1844 г. до 26 июня 1847 г.⁴⁴

Усилия МИД, Азиатского департамента и Учебного отделения при нем, созданного в 1818 г., в подготовке собственно российских дипломатов увенчались успехом. Со второй половины XIX в. в политических учреждениях России за границей в большинстве своем стали работать русские. В Александрии трудились первоклассные дипломаты с высоким профессиональным и культурным уровнем — А.Е. Лаговский, А.Ф. Иванов, А.Н. Броневский, И.А. Леке, А.М. Петров и многие другие.

Можно с уверенностью утверждать, что после этих серьезных перемен со сменой национальной ориентации в руководстве российскими

консульствами в Египте русский элемент получил большую инициативу в долине Нила.

Серьезные изменения в политических, торгово-экономических отношениях между Россией и Египтом стали необходимым условием для упрочения разнообразных связей между двумя странами, несмотря на серьезный сдерживающий фактор, который заключался в том, что Египет продолжал оставаться вилайетом Османской империи, а с 1882 г. — фактической колонией Великобритании. Это влекло за собой увеличение численности русской колонии в Стране пирамид (см. табл. 2). В 1882 г. она составляла 533 человека, в 1897 г. — 3192, в 1907 г. — 2310, в 1917 г. — 4225, в 1927 г. — 2410, в 1937 г. — 1174.

Русские находились практически в каждой провинции Египта, кроме оазисов, даже в самом южном Асуане, больше всего их было в Каире, в зоне Суэцкого канала (Порт-Саид, Исмаилия, Суэц) и в Александрии. В последнем городе в эти годы соответственно проживало 340, 523, 908, 2373, 915, 584, 440 россиянина, что составляло более 1/3 их общего числа в Египте. Временами численность александрийских русских доходила до половины проживавших в долине Нила, а иногда даже больше (табл. 2). В основном эта цифра насчитывала 40 % от общего числа российских подданных в Стране пирамид. Большеэтой величины, на наш взгляд, по объективным причинам, исключая годы военного лихолетья, трудно было достигнуть в силу того, что Александрия была переполнена и как бы поделена иностранными (европейскими) общинами и места под «александрийским» солнцем для большего числа россиян уже трудно было добиться. Экономические, социальные и прочие условия для проживания во второй столице были хуже, чем в Каире, где находилось гораздо больше возможностей для трудоустройства.

Все же не следует забывать о том, что число россиян в северной столице всегда было намного больше того количества, которое указывалось в официальной статистике, поскольку город был приемным пунктом прибывавших на поселение в Египет, а также местом проживания тех, кто приглядывался к местным египетским условиям и в дальнейшем покидал страну, не удовлетворившись увиденным. Этих временно проживавших здесь иностранцев, в том числе русских, статистические органы не учитывали; число же их всегда было предостаточным.

Значительное представительство россиян в Александрии в 1897 г. (3192 чел.) объясняется прибытием большого числа евреев, в основном

с Украины, в конце столетия, а также качеством и результатами переписи Египта 1897 г., наиболее подробной и полной из всех остальных censов за последующие годы, которая включала даже натурализовавшихся русских в Стране пирамид. Рекордная численность россиян по переписи 1917 г. в 4225 человек (до прибытия белоэмигрантов в 1920 г.) была достигнута после прибытия значительного количества раненых и пленных соотечественников с фронтов Первой мировой войны.

Здесь же направлялось очень много бывших российских евреев из Палестины и Сирии, бежавших после захвата их турецкими войсками под командованием Джемала-паши в результате боевых действий. К концу 1914 г. англо-египетские власти разместили всех прибывших в страну беженцев в армейских лагерях в Габбари (Александрия) в количестве 1600 человек, а также в муниципальных учреждениях в Шатби, не считая 1200 человек в зданиях госпиталя Азариты. К апрелю 1915 г. в Александрии был окончательно оформлен лагерь беженцев, на ежедневные затраты на который султан Хусейн выделил ю тыс. пиастров. Вскоре из числа беженцев был организован Еврейский легион в количестве 600 человек, который под командованием английского полковника Патерсона и еврейского офицера российского происхождения Трумпельдора вскоре был послан на театр боевых действий в Галлиполи⁴⁵.

В это же время число россиян иудейского происхождения в Египте составляло более ю% в общей численности россиян, по официальным данным, в 1897 г. — 314 человек против 2546 христиан (2349 православных, 138 католиков и 59 протестантов) и 332 мусульман⁴⁶. В это время по стране численность евреев составляла 25,2 тыс. человек, из которых 12,7 тыс. были местными уроженцами и 12, 5 тыс. — иностранцами⁴⁷.

Что касается александрийских иудеев, то согласно данным всеобщих переписей населения Египта, их число достигало в 1907 г. 14,5 тыс., в 1917 и 1927 гг. — по 25 тыс., в 1937 г. примерно 30 тыс., а накануне первой арабо-израильской войны 1947-1948 гг. — 35 тыс. человек⁴⁸. На рубеже XIX-XX вв. они расселялись по Александрии следующим образом: на первом месте шел район таможни Гумрук — примерно 4 тыс. человек (или 1/6 часть александрийских евреев), затем торговый центр города Маншия — 2,7 тыс., смежный с ним Аттарин — 1,8 тыс., район железнодорожного вокзала Мухаррам бек — 1,1 тыс. человек⁴⁹.

В 1897 г. из 523 александрийских россиян 140 являлись хивинцами и 42 бухарцами (выходцами из Средней Азии были 101 мужчина и 39 жен-

щин)⁵⁰. Остальные российские мусульмане были, главным образом, с Волги и Северного Кавказа. История пребывания уроженцев Кавказа и Закавказья и других районов Руси и позднее Российской империи в Египте восходит еще к раннему Средневековью. Их называли мамлюками⁵¹. В течение нескольких веков они являлись настоящими хозяевами страны. Господству мамлюков положил конец Мухаммед Али, однако «шаракиса» («черкесы» — так выходцев с Кавказа называли египтяне) продолжали занимать сильные позиции на протяжении почти всего XIX в.

Сильная волна миграции из мусульманских районов царской России произошла во второй половине XIX в., что отчасти объясняет рост численности российских подданных в Египте в это время. Вероятно, на усиленный приток мусульманских семей из Российской империи повлияло присоединение обширных районов Поволжья, Кавказа и Средней Азии к России.

К этому времени относится приезд в Александрию на место постоянного жительства выходца из Бухары Кулдаша Хусейна Кулдаша⁵². Он прибыл сюда вместе с женой Хамидой и детьми, по слова его внука Сами Кулдаша, около 1895 г., обустроился в доме № 10-12 по улице Викалят аль-Лямун в квартала Гумрук, недалеко от таможни. Его жилище было просторным и позволяло принимать многочисленных гостей из России — мусульман, направлявшихся в паломничество через Египет и возвращавшихся на родину через александрийский порт. Кроме того, эмигрант занимался торговлей и специализировался на поставках оборудования для маяков, портов. Вместе с предпринимателем Хасаном Воля с 1930 г. он занялся торговлей продовольственными товарами, которая распространилась на Порт-Саид, Суэц и охватывала снабжение судов, проходящих Суэцким каналом. В этом ему активно помогала жена-египтянка. Умер в декабре 1951 г. в возрасте 60 лет, похоронен на александрийском кладбище Маяков. Сын Якута и внук Хусейна Кулдаша Сами отмечает его активную благотворительную деятельность, преимущественно среди мусульман-соотечественников, особенно впервые побывавших на земле Египта.

На активное обслуживание российских паломников-хаджей Кулдашами указывают современники, среди которых был Х. Альмушев. В своих воспоминаниях «Хадж-наме» Хамидуллах бине Фатхулла (полное имя Альмушева), имам деревни Петряксы Нижегородской губернии, совершивший хадж в 1899-1901 гг., писал о гостеприимном хозяине в Алек-

сандрии, называя, правда, его почему-то «ташкентцем»: «Отчалив из Порт-Саида, мы направились в Александрию. Туда мы прибыли 28 шав-валя в 7 часов утра. Настроение было не самым лучшим. Чтобы развеяться, мы направились в дом ташкентца, которого звали Хаджи Кулдаш. Мы попросили приготовить нам плов. Получилось очень вкусно! Покушав, с хорошим настроением продолжили свой путь»⁵³.

Эти представители русского мусульманства, постоянно проживавшие в Египте, а также студенты теологического университета аль-Азхар и его филиала в Александрии и других учебных заведений⁵⁴ подчас были, на наш взгляд, единственными посланцами северной страны, по которым египтяне могли судить о России, и служили своеобразным мостиком между российской и египетской культурами и цивилизациями.

Надо сказать, что мусульманские землячества из России стали складываться в Египте вообще и в Александрии в частности еще раньше, сразу же после создания первого централизованного (с ведома властей, естественно) сообщества мусульман в царской России — Оренбургского магометанского духовного собрания (1788-1917 гг.), когда хадж, в основном, был разрешен. С развитием судоходства на Черном, затем в Средиземном морях, установлением пароходного сообщения между Одессой и Александрией последняя становится важным транзитным пунктом для хаджей. Именно здесь оседали и образовывали мусульманские землячества выходцы из царской России. Сюда же прибыл до 1880 г. из Средней Азии Кулдаш-бей Камалетдин аль-Бухари, который оказал гостеприимство известному теологу, религиозному реформатору и просветителю Шихабутдину Марджани из Казани в сентябре 1880 г. во время хаджа последнего в Мекку («Мы сошли с парохода и остановились у Кулдаша-бея Камаллатдина аль-Бухари. В городе было много соборных мечетей, а одна из известных — мечеть “Имама Бусири”. Она очень красива и величественна. Ее купол поддерживается шестью чугунными колоннами. Внутри постелены хорошие ковры. Многие улицы города прямые, ровные и вымощены камнем. Встречаются хорошие фаэтоны и повозки. Население многочисленно, и все они говорят на арабском языке»)⁵⁵.

Кстати, у Кулдаша-бея в Каире, по словам аль-Марджани, была комната для мусульманских паломников из России. Совершенно однозначно, что вышеупомянутые несколько поколений Кулдашей были выходцами из одного клана и местности Средней Азии. Они специализирова-

лись на приеме и оказании содействия мусульманским паломникам из царской России.

Достаточно хорошо известны и другие потомки российских мусульман в современной Александрии. Так, Азиза Като долгое время успешно работала в Торговой палате Александрии в должности секретаря. С 2003 г. — на пенсии. Обаятельная в общении, энергичная в работе с коммерческим людом Александрии, и не только ее, она писала хорошие стихи, выпустила несколько поэтических сборников. Некоторые из них были посвящены далекой родине ее предков — Северному Кавказу. К сожалению, она точно не помнит, откуда выехали ее предки в Египет — из Кабарды или Дагестана. В 2001-2004 гг. Азиза Като несколько раз выступала с поэтическими вечерами в РЦНК г. Александрии. Ее очень хорошо встречала публика. Поэтесса сохранила очень теплые чувства к России и до сих пор это подчеркивает.

Очень популярен во второй столице Египта представитель русского Востока из Таджикистана — Ахмед Яхья Ашур, который возглавляет александрийский Дворец творчества — «Хуррия». Заведующий кафедрой стоматологии в местном университете, он еще занимается и частной медицинской практикой. Большой любитель русского искусства, принимает и демонстрирует картины русских художников, устраивает музыкальные концерты русских исполнителей, в том числе симфонических оркестров. С большим успехом и при полном аншлаге проходили в городе постановки Ярославского театра им. Волкова «Ревизор» и другие, хотя они шли на русском языке. В планах Яхьи Ашура значились гастроли в северной столице труппы Большого театра, проведение здесь на постоянной основе выступлений коллективов фигурного катания на искусственном льду с последующим участием в них местной молодежи.

Эти и другие выходцы из России гордятся своей принадлежностью к далекой Родине, постоянно поддерживают свою связь и привязанность к ней, по мере возможности помогают проведению культурно-массовой работы в Александрии.

Уже по приведенным выше примерам видно, что даже российские мусульмане подвизались в разных отраслях экономики. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения самой подробной, «демократической» переписи населения 1897 г. говорят о том, что сферы приложения труда александрийских россиян были различными. Так, из 523 русских александрийцев в этом году (140 хивинцев и бухарцев — 101 мужчина и 39

женщин) было 57 торговцев, 9 подмастерьев, 2 таржумана, 13 башмачников, 1 слесарь, 2 кондитера, 4 мелких торговца, 1 слесарь, 5 официантов, 1 повар, 4 врача, 1 ученый, 7 полицейских, 3 рабочих, 9 трактирщиков, 23 молочника, 1 работал в кофейне, 16 механиков, 10 кладовщиков, 22 инженера, 23 наемных рабочих, 41 лодочник, 3 столяра, 1 маляр-штукатур, 10 слуг, 77 неработающих. Из 160 россиянок — 2 пианистки, 2 школьницы, 3 портнихи, 2 кухарки, 6 служанок, 142 неработающих⁵⁶.

Обращает на себя внимание тот факт, что почти каждый десятый из них занимался торговлей, каждый двенадцатый — работал в должности инженера и техника; семь человек трудились полицейскими. Остальные сравнительно равномерно занимались разными ремеслами. Сравнительно высокий удельный вес составляли безработные. Для нас это важно, чтобы представить профессиональную занятость позднее, в годы пребывания русской эмиграции в Александрии, когда всеобщие переписи населения не включали такие подробные сведения, а ограничивались приведением общих данных по секторам экономики.

Говоря о россиянах, проживавших в Египте на рубеже XIX и XX столетий, важно еще раз отметить, что уровень образованности и грамотности их значительно превосходил соответствующие критерии представителей крупных иностранных колоний — греков (32% неграмотных), итальянцев (26%), французов (23%), испанцев (23%), австрийцев (23%) и был равен уровню хозяев страны — англичан (18%). Удельный вес неграмотных российских подданных превышали только соответствующие показатели «штучных» иностранцев, пребывавших в Стране пирамид в небольшом количестве в качестве дипломированных специалистов, работавших, главным образом, по контрактам, — бельгийцев, голландцев, норвежцев и шведов (каждые по 2%), датчан (9%), швейцарцев (1%)⁵⁷.

Таблица 3 указывает на географическое распределение россиян по кварталам Александрии в 1897 и 1917 гг. Основная часть их проживала в центральных районах — Маншия, Мина аль-Басаль, Аттарин, Гумрук, которые примыкали к порту и железнодорожному вокзалу и в которых наиболее процветала торговля. К 1917 г. русские стали заселять такие народные кварталы, как Ляббан, а также ту же Маншию, в которых беженцам из Палестины стали предоставлять дома и помещения для временного размещения. После окончания Первой мировой войны территориальное размещение россиян в Александрии стало приобретать довоенные контуры, за ис-

ключением кварталов Шатби и Азарита в Рамле, где началось строительство жилых домов и постепенное заселение их россиянами. В то же самое время в бывших помещениях османских войск, прежде всего в Сиди-Биш-ре, стали размещать беженцев из Палестины.

Таблица 3

Размещение россиян по районам Александрии

	1897	1917
Аттарин	98	295
Гумрук	72	153
Кармуз	—	51
Ляббан	15	410
Маншия	166	746
Мина аль-Басаль	121	40
Мухаррам Бек	34	187
Рамля	17	70
Лагеря беженцев	—	421
Всего	523	2373

Источник: Всеобщая перепись населения Египта 1897 г. 4.1. Каир, 1898, с. 92 (на араб.яз.); The Census of Egypt. 1917. Vol. II. Cairo, 1921, p. 487.

1.4. Политическая практика русских эмигрантов в Александрии до Октябрьской революции

Политическая активность русской эмиграции в Египте до 1917 г. (с начала XX в.) практически не уступала деятельности упомянутых выше французов, греков, англичан и других европейцев. Это было связано с особенностью существования значительной ее части, враждебно настроенной к царскому режиму, продолжавшей в пределах Страны пирамид бороться с ним в рамках широкого оппозиционного движения. Основную ее часть составляли россияне иудейского происхождения.

Иммиграция российских евреев особенно широко началась с середины 90-х гг. XIX в., когда в Империи были приняты соответствующие законы, разрешавшие их отъезд из России. Этому желанию приехать в Египет способствовали меры по стабилизации в это время финансово-экономического положения в Стране пирамид и наличие сравнительно богатой иудейской общины. Но значительные размеры желавших эмигрировать в Египет пугали заправил еврейских кругов Египта, боявшихся, что египетское правительство запретит прибытие в страну такого большого количества людей без капиталов и профессии. «Однако, в самое последнее время агент Австрийского Ллойда телеграфировал из Одессы правительству, что огромное число бедных русских евреев, примерно 700 человек, зафрахтовали один пакетбот, чтобы эмигрировать в Египет»⁵⁸.

С этого времени наплыв еврейских иммигрантов в долину Нила привел к безработице среди иудейской общины. Так, 9 сентября 1896 г., по сообщению «Александрийского маяка», во второй столице Египта был образован Еврейский комитет для оказания помощи безработным; в Александрии проводятся благотворительные вечера и спектакли в пользу еврейских беженцев. На ухудшение социально-экономического положения александрийцев повлияло прибытие из Турции сотен армян, друзов и маронитов, а также турецких греков, бежавших оттуда из-за притеснений. В то же время эта газета за 6 ноября 1896 г. сообщает, что за последние три года отбывает в Трансвааль третья группа молодежи из Каира, Александрии и Порт-Саида из-за нищеты и низкого уровня жизни.

Неожиданное, казалось бы, резкое увеличение численности русской колонии в 1897 г. до 4 с лишним тысяч человек объясняется не в последнюю очередь большим притоком в Египет российских евреев. С началом первой русской революции этот наплыв не только не ослабевал, но и значительно возрос. После черносотенных погромов, особенно на Украине, в Александрию направляются большие партии евреев из России и Украины. Александрийские газеты чуть ли не каждый день сообщали о высадке в порту десятков этих беженцев⁵⁹. За время революции Александрия предоставила приют многим сотням российских иммигрантов. Не все они остались в городе, после непродолжительного пребывания некоторые из них продолжили свой путь в Европу, Америку, в Австралию.

Широко был организован сбор средств прибывающим. Одновременно египетские мусульмане предпринимали меры по «оказанию помощи голодающим российским мусульманам»⁶⁰. С 1905 г. создаются общества

помощи жертвам террора в России — «Комитет за свободную Россию», «Комитет русского фонда взаимопомощи», «Касса взаимопомощи русских эмигрантов». 29 июля 1906 г. некая Софья Звенигородская организует в Александрии «Союз русскихеврейскихэмигрантов». Газета «Александрийский маяк» сообщает, что «мадам Звенигородская, имея в виду обеспечить работу русским евреям, которые прибывают без средств существования в Египет, создала вышеуказанный “Союз русских еврейских эмигрантов”, цель которого не распределять денежную помощь между эмигрантами, а найти им достойную работу, которая поможет жить им и их семьям. Это очень трудная задача, но благодаря помощи доктора Кричевского и нескольких других еврейских особ возможно надеяться, что предприятие мадам Звенигородской не будет напрасным и увенчается успехом». По сообщению корреспондента «Морнинг пост» из Александрии, только во время одного благотворительного вечера в августе 1906 г. было собрано 1600 фунтов стерлингов, из которых 1000 была направлена в центральный фонд в Лондон, 600 оставили беженцам, прибывшим в Египет из России⁶¹.

Пытаясь перехватить инициативу у эмигрантов, консульские власти реорганизовали Кассу взаимопомощи при консульстве. Первая была создана еще в 1880 г. 18 января 1907 г. было создано новое Общество взаимопомощи под патронажем Генконсула А.А. Смирнова⁶².

Несмотря на разного рода контрмеры, овладеть ситуацией консульским властям не удавалось: благодатная для деятельности российских революционеров александрийская земля предоставляла все новые и новые возможности использования благоприятной общественно-политической атмосферы для практической оппозиционной деятельности представителей революционных течений Российской империи. «Наблюдение за проживающими здесь русскими революционерами почти невозможно», — признается российский консул в Александрии А.М. Петров, направляя сообщение в МИД России 22 августа 1913 г.⁶³

Следует отметить, что и до первой русской революции представители российских оппозиционных движений уже проявляли заинтересованность в использовании Александрии в своей политической практике. Это было связано с близостью города, лежащего на стыке трех континентов, к российским берегам, до которых из Александрии можно было удобно добраться и ретироваться, в случае необходимости. Кроме того, она была связана морскими коммуникациями со многими страна-

ми всех континентов. Наряду с этим, статус Египта был очень благоприятным: с одной стороны, формально он считался вилайетом Османской империи, с другой стороны — фактической колонией Англии после оккупации в 1882 г. Эта двойственность способствовала выбору различными партиями и группировками его территории для своей деятельности. Англичане большей частью смотрели сквозь пальцы на их усилия, направленные против правящих режимов своих стран. Лишь бы не нарушался общественный порядок и ничто бы не угрожало колониальному режиму. Султанские власти, например, забросали нотами и ультиматумами колониальные и египетские власти с требованием закрыть филиалы турецких оппозиционных партий, которые вели в Александрии антиабдулхамидовскую пропаганду, издавали запрещенную литературу.

Естественно, что такие благоприятные условия как нельзя лучше подходили российским революционерам. Этим и воспользовалась редакция ленинской «Искры», когда оказалась в трудном положении. Все возможности издания «Искры» в России ликвидировал небезызвестный жандармский полковник Зубатов, пути переброски «Искры» из-за границы также провалились.

Пересылка искровской литературы через Александрию была налажена весной 1902 г. Был оборудован приемный пункт в этом городе. Из него литературу на судах Русского общества пароходства и торговли (РОПТ) перевозили в Россию. Склад нелегальных изданий находился в ресторане «Севастополь» в Александрии. Сюда они прибывали почтой через итальянский портовый город Бриндизи. Содержал ресторан бывший русский подданный Юзефович, который проживал в Александрии к этому времени более 20 лет и был связан с херсонской организацией Бунда⁶⁴.

Ресторан «Севастополь» был не только пересылочным пунктом нелегальной литературы в Россию. В находившемся рядом с портовой таможней заведении Юзефовича, которое, по словам российского консула в Александрии, «посещали почти исключительно русские матросы... происходило чтение запрещенных изданий»⁶⁵. Чтение запрещенных книг происходило, видимо, не только в ресторане «Севастополь», хотя он, безусловно, являлся центром революционной пропаганды среди русских матросов и, возможно, не только их, в этом городе. Чуть позже российский Генконсул в Египте А.А. Смирнов доносил в Министерство иностранных дел: «С некоторых пор Консульством нашим в Александрии неоднократно замечались случаи нарушения дисциплины среди матросов Рус-

ского Общества Пароходства и Торговли и, по наблюдениям командиров, можно было предположить, что именно по приходе в Александрийский порт матросы попадают в сферу вредных влияний»⁶⁶.

Под «вредным влиянием» в Александрии находились не только команды торговых судов, но и военные моряки. Консульские власти неоднократно обращали внимание агентов русских пароходных обществ и командиров военных кораблей на этот факт. В частности, они указывали на ресторан «Севастополь». В свою очередь капитаны судов стали запрещать своим экипажам посещать заведение Юзефовича. Кроме того, российские дипломатические агенты пытались привлечь внимание британских и египетских властей к «подрывной» деятельности владельца ресторана «Севастополь». Но их демарши не приносили желаемых результатов. По словам управляющего российским дипломатическим агентством в Каире А.И. Кояндера, «обращаться к местному Правительству было бы бесполезно, ввиду явного покровительства, оказываемого англичанами младотуркам, ведущим здесь пропаганду против Султана. Покровительство это они, конечно, не постесняются распространить и на наших революционных деятелей»⁶⁷.

«Египетский» искровский путь благополучно существовал до осени 1902 г. Несмотря на кратковременность своего существования, он занимает важное место в «русской социалистической почте». С его помощью в один из ее самых драматических периодов в Александрию было направлено примерно 15 пудов искровских изданий, значительная часть которых попала в Россию. Нелегальная литература, доставленная «египетским путем», содержала актуальные для своего времени издания — газету «Искра», журнал «Заря», труд Ленина «Что делать?»⁶⁸.

В результате доноса в сентябре 1902 г. были обнаружены тюки нелегальной литературы на нескольких русских судах в александрийском порту, несколько запрещенных изданий в трактире Юзефовича, который по настоянию консульских властей Александрии удалось закрыть. Но он уступил его, по сообщению консула, «известному социалисту итальянско-подданному Барони»⁶⁹.

Несмотря на неудачу в сентябре 1902 г., российские социал-демократы еще не раз возвращались к мысли использовать Александрию для пересылки нелегальной литературы.

Наиболее заметными в истории «русско-египетской» эмиграции стали события в Египте, главным образом в Александрии, связанные с

первой русской революцией 1905-1907 гг. Речь шла о предоставлении политического убежища участникам восстания торговых моряков в Одессе (а не моряков с крейсера «Потемкин», как отмечали некоторые египетские исследователи), принявшим активное участие в стачках судовых команд в Одессе в 1906 г. Однако воспользоваться политическим убежищем им не удалось вследствие жесткой позиции российских дипломатических служб в Египте. Матросов обвинили в попытке взорвать русский пароход в александрийском порту. В зашифрованной телеграмме посланника А.А. Смирнова министру иностранных дел А.П. Извольскому от 7/20 января 1907 г. сообщалось: «Неделю назад арестованы александрийскую полицию два еврея и грузин, обвиняемые в намерении взорвать пароход (РОПИТ. — *Авт.*). Следствие, проведенное нашим консулом, установило их русское подданство и подтвердило подозрение. Ввиду предстоящей отправки их в Россию евреи, масоны и итальянские анархисты вызвали брожение и уличные беспорядки среди александрийских европейцев. Сегодня тысячная толпа пыталась вломиться в наше консульство, сорвав висевший над дверями герб. Полиции приказано охранять консульство; в случае крайней необходимости Крамер обещал прислать английские войска»⁷⁰.

19 и 20 января 1907 г. состоялись мощные демонстрации александрийцев в защиту русских политических эмигрантов. По свидетельству александрийских газет, «подобных манифестаций, в которых участвовали бы столь многочисленные представители всех классов, Александрия еще не видала» (и не увидела вплоть до Тройственной агрессии 1956 г. — *Авт.*).

Главную роль в организации грандиозных демонстраций в городе сыграл созданный Свободным народным университетом комитет из представителей всех национальностей, с инициативой образования которого выступил главный редактор александрийской газеты «Ля Реформ» Р. Каниве, один из руководителей и лекторов СНУ.

Митинги и демонстрации, инициированные СНУ, в которых участвовало более 5 тыс. человек, проходили на бирже и таможне, перед российским, английским и французским консульствами. 20 января делегация александрийской общественности вручила губернатору петицию. В ней демонстранты требовали «освободить трех русских эмигрантов, которых задержало русское консульство, чтобы выдать русскому правительству для расправы над ними». После этого манифестанты направи-

лись к британскому и российскому консульствам, с ворот которых сорвали королевский и царский гербы. Царский герб был ими растоптан. Здание российского консульства было забросано тухлыми яйцами и грязью. Здесь произошла ожесточенная схватка с полицейскими. Дополнительно вызванному конному наряду полиции удалось разогнать манифестантов. Из Каира прибыло подкрепление полиции. Российское консульство охраняло 30 полицейских. Тем не менее, 22 января вновь собралась внушительная демонстрация у российского консульства, которая была также разогнана.

В этот же день волнения перекинулись в Каир, где на митинг на столичной бирже собралось более 500 человек. Затем они направились к Генеральному консульству и вице-консульству, окруженные эскадрой полиции, скандируя: «Да здравствует свобода! Долой Россию!» За ними следовали пожарные с помпами. Демонстранты пели «Интернационал» и другие революционные песни. Перед дипломатическим агентством конная полиция стала их разгонять и топтать лошадьми. Заработали пожарные помпы, которые, однако, вскоре были перерезаны.

После обеда на площади Опера состоялся еще один митинг, где после зачитывания телеграммы поддержки из Александрии собравшиеся выбрали пять депутатов для встречи с лордом Кромером. Затем с речью на русском языке выступил «один из близких друзей и товарищ по преследованиям» задержанных в Александрии революционеров: «Товарищи! Настоящий момент есть решающий для жизни трех людей, которые разысканы русским правительством по политическим мотивам. Русская бюрократия требует их выдачи, чтобы отправить на эшафот. От имени гуманизма и либеральных движений XX в. мы, русские эмигранты в Египте, должны требовать и требуем освобождения из тюрем Александрии трех русских заключенных, потому что то, что называется политическими преступлениями, в соответствии с социалистическими идеями называется средствами борьбы против самодержавия. От имени гуманности и социальных идей мы требуем освобождения трех русских узников. Да здравствует свобода! Долой тиранов!»⁷¹. Каирской полицией были произведены многочисленные аресты.

В Александрии также продолжались столкновения и аресты, были ранены в рядах демонстрантов и полиции. В целях устрашения участников манифестаций и митингов по улицам города несколько раз промаршировал батальон колониальных британских войск.

В северной столице по-прежнему активно действовал Комитет в поддержку узников-эмигрантов. Обращение, подготовленное Комитетом, подписали 80 человек. Им же были выпущены листовки с призывом к населению дать отпор «незаконным действиям властей, ответить на насилие насилием», в конце листовки содержался призыв: «Да здравствует русский народ, долой царя-палача!»⁷²

Российские консульские чиновники при активной поддержке колониальных и египетских властей пошли на хитрость, чтобы обмануть представителей космополитического содружества, которые держали под контролем александрийский порт и русские пароходы. Арестованные Бациев, Плотник и Бунтман были железной дорогой тайком ночью вывезены из тюрьмы Хадра в Порт-Саид, где уже под парами стояло судно «Корнилов» на Одессу.

Поддержка, оказанная членами комитета СЧУ кампании по освобождению русских политэмигрантов, оказалась настолько мощной, что французский посланник Клобуковски «предписал своему консулу в Александрии начать следствие против г. Канивэ». Французский дипломат заявил российскому Генконсулу А.А. Смирнову, что «если виновность Канивэ подтвердится, то он ничего бы не имел против его высылки за пределы Египта»⁷³.

Попытка закрыть университет не удалась благодаря твердой и последовательной позиции СЧУ, поддержанной влиятельными политическими и культурными кругами Александрии. Остался в Египте редактор «Ля Реформ», один из руководителей СЧУ и сплоченного и влиятельного сообщества левой ориентации. Он вошел в новый состав руководства университета, избранный генеральной ассамблеей 19 мая 1907 г. Кстати, в просмотренных нами номерах «Ля Реформ» за 20-30-е гг. XX в. Р. Канивэ фигурирует в качестве главного редактора газеты.

Несмотря на предпринимаемые российскими консульскими властями меры, вплоть до внедрения осведомителей в эмигрантскую среду, прекратить деятельность представителей российских революционных течений, ставших уже неотъемлемой частью александрийского инационального левого содружества, для них стало уже невозможным контролировать, тем более прекратить их деятельность во второй столице Египта.

Тем не менее, русские дипломаты тоже набирались опыта по противодействию политической активности своих соотечественников-революционеров в Александрии. Следующую схватку с ними посланник

А.А. Смирнов и консул А.М. Петров выиграли. Об этом А.А. Смирнов сообщал своему ближайшему другу и единомышленнику, директору главной конторы РОПИТ в Санкт-Петербурге, председателю Российского театрального общества, неоднократно бывавшему у него в гостях в Каире, А.Е. Молчанову 27 апреля 1913 г.: «Я третьего дня был в Александрии и по одному делу, близко Вас касающемуся. Мне сообщили из Министерства (МИД. — *Авт.*) о том, что 1 мая ожидается забастовка судовых команд, и велено было принять возможные меры. Наконец, было приказано арестовать главного руководителя, небезызвестного Вам Адамовича. Я тотчас же поехал в Александрию и буквально через три часа, после переговоров с полицией, Адамович, проживавший под чужим именем и по германскому паспорту, был нами арестован, причем найдены очень важные бумаги, переписка и даже печать организации. Пошлю Вам отпечаток. Это все вышло крайне удачно. Как-то удастся доставить его в Россию? Консул жалуется, что помещения для арестуемых на наших пароходах неудовлетворительны»⁷⁴.

Речь шла о событиях 1912-1913 гг., в которых участие принимал «Союз торговых моряков Черного моря». Собственно, они в значительной степени были связаны с предыдущим сюжетом. Вышеуказанная организация была впервые создана в Одессе в 1906 г. и называлась тогда «Регистрация». Со временем царская охранка нанесла по ней чувствительный удар, но она была восстановлена вернувшимися из ссылки участниками первой русской революции. В связи с жесткой слежкой в России было решено перевести ее руководство за границу, сначала в Константинополь, а затем — в Александрию. Один из руководителей заграничного комитета Союза социал-демократ Михаил Адамович наладил здесь издание ежемесячной газеты «Моряк», той самой, о которой К. Паустовский вспоминал в своих автобиографических записках «Повесть о жизни». Он писал, что «Моряк» печатался на материи, таким образом он легко провозился и доставлялся в российские приморские города, приносил огромную пользу российскому революционному движению.

Черноморцы действовали в Александрии довольно активно, посещали практически все русские суда, вели агитацию среди команд, наладили связь с русскими революционерами как в России, так и за рубежом, в том числе и в самом Египте. Дело не ограничивалось только пропагандой. В феврале 1913 г. в Александрии была проведена нелегальная конференция морских профессиональных организаций судовых команд России⁷⁵.

О связях этих политэмигрантов с местными, в основном, неегипетскими социалистическими и профсоюзными организациями красноречиво говорят те события, которые последовали за арестом в мае 1913 г. Михаила Адамовича. В Александрии вновь поднялась широкая волна выступлений протеста против его высылки в Россию. Как и в 1907 г., возглавляли это движение общественные деятели-космополиты, в том числе из СЧУ. Посланник А.А. Смирнов сообщал в МИД следующее: «В рабочих и социалистических кругах Александрии и Каира происходили митинги, обсуждавшие меры по недопущению отправки арестованных в Россию. Предполагалось собрать толпу и попытаться из засады отбить отправляемых. Было также прибегнуто и к устрашению: мне было передано, что я и оба наши консульские представители в Каире и Александрии приговорены к смерти в случае, если арестованные будут все-таки отправлены в Россию»⁷⁶.

Адамовичу был устроен побег из тюрьмы Хадра (существует и поныне). Однако, спрыгивая со стены тюрьмы, он сломал ногу и не смог воспользоваться велосипедом, который для него приготовили друзья на свободе. Он был схвачен. Вскоре революционера с товарищами в деревянном ящике в угольной яме под усиленным конвоем отправили на пароходе в Россию. По приговору трибунала 14 человек, включая Адамовича, были навечно сосланы в Сибирь, двое отправлены на каторгу⁷⁷.

После ареста М. Адамовича полиция установила, что деятельность революционеров среди моряков продолжается, в том числе в Египте. В мае 1914 г. департамент полиции направил представление в МИД России с просьбой арестовать в Константинополе или Александрии нового руководителя черноморских моряков — А.И. Клочко. Однако царским дипломатам не удалось обнаружить преемников М. Адамовича — П.М. Бастричева, М. Торосова, И.И. Клочко, «Маню» (псевдоним) в Александрии.

В канун Октябрьской революции в Александрии вновь зарегистрирована деятельность российских революционеров. На сей раз агитацию «пацифистского и большевистского характера даже в помещении консульства» вел матрос Лучинкин с подорвавшегося на mine в январе 1917 г. при выходе из Суэцкого канала броненосца «Пересвет». Об этом сообщил 4/17 августа этого года консул А.М. Петров посланнику А.А. Смирнову. Вскоре этот факт стал известен британскому верховному комиссару, которому в свете революционных событий в России он показался тревожным и опасным для Египта. Он обратил на это внимание русских

дипломатических представителей, предупредив их о том, что британские колониальные власти непосредственным образом будут вынуждены вмешаться в это дело. Скорее всего, агитация Лучинкина была не единственным подобным примером в то время, и это на фоне достаточно серьезной и беспокоящей довоенной деятельности русских революционеров, доставивших массу неприятностей британской колониальной администрации в Египте, вынудившей ее принимать соответствующие меры. Не дожидаясь непосредственного вмешательства англичан в эту ситуацию, военное министерство Временного правительства приказало срочно выслать комендора Лучинкина в Россию⁷⁸.

Таким образом, прошли многие годы и века, в течение которых шло ознакомление россиян с Александрией, налаживание разного рода связей России с Египтом через этот важный транзитный город-порт. Постепенно в ней формировалась русская колония, состоявшая из представителей различных российских регионов, народов, национальностей, религий, которые искали и занимали свою нишу в социально-экономической и иной структуре города. По численности русская колония значительно уступала ближайшим средиземноморским нациям, торгово-предпринимательским народам, а также «хозяевам» Египта — англичанам. Тем не менее, количественно она превосходила немцев, австро-венгров, испанцев, португальцев, американцев, голландцев, датчан, швейцарцев. Россияне постоянно увеличивали свои ряды в долине Нила. Что особенно важно, по уровню грамотности и образованности колония не уступала представителям ведущих европейских держав, хотя в ее составе выходцев с окраин царской России было более половины. Практически во всех провинциях Египта имелись уроженцы России. Однако, главным образом, они были сосредоточены в трех регионах Египта — в Каире, в зоне канала и Александрии.

Численность русских в северной столице никогда не была менее одной трети эмигрантов-россиян, иногда превышая эту цифру, достигая половины и более. В большинстве случаев их удельный вес составлял 37% проживавших в стране россиян. Это совпадение было не случайным, поскольку географические, экономические и прочие условия для урбанизации Александрии были ограничены, а наличие иностранных общин было постоянным, потому конкуренция их была значительной.

Сфера приложения труда россиян в Александрии была различной. Но больше всего они были заняты в торговле, в сфере услуг, сравни-

тельно много было представлено инженерами и техниками. Проживали они в центральных районах Александрии ближе к порту и железнодорожному вокзалу, в кварталах, где преобладали европейцы, — Гумрук, Рамля, но много их было и в народных кварталах Ляббан, Мина аль-Басаль, Аттарин, Маншия. Последнее обстоятельство объясняется присутствием в городе значительного числа российских мусульман, которые предпочитали, конечно, селиться среди своих египетских единоверцев.

Среди русских иммигрантов Александрии преобладали две категории — мусульмане и евреи. Они прибывали и останавливались в городе постоянно, многие покидали его в поисках лучшей доли в других странах, но это касается в большей степени второй категории. Те, кто оставался, пользовались гостеприимством и услугами своих единоверцев. Таким образом, они подпитывали общины соотечественников, продолжая давнюю традицию оседания в этой стране, постепенно переходя в категорию постоянных натурализованных жителей Египта. На это указывают и данные таблицы 4.

Таблица 4

Возрастные категории россиян в 1897-1927 гг.

Возраст, год	1897	1917	1927
менее 5	80	394	161
5-9	62	464	184
10-19	152	886	400
20-29	1989	782	464
30-39	194	677	489
40-49	99	499	340
50-59	73	305	213
60 и более	32	212	156
Неизвестно	—	6	3

Источник: Всеобщая перепись населения Египта за 1897 год. Ч. 1. Каир, 1898, с. 76 (на араб.яз.); Всеобщая перепись населения Египта за 1927 год. Ч. 1. Каир, 1931, с. 230-231 (на араб.яз.); The Census of Egypt taken in 1917. Vol. II. Cairo, 1921, p. 518-519.

Хотя это данные по всему Египту, они с известной долей допустимости отражают и картину по Александрии. Русские иммигранты, прибывавшие в этот город, в основном, не имели семей. Но были и такие, у которых были дети. Больше всего их было в 1917 г., что объяснялось многодетностью семей, бежавших от турок из Палестины в годы Первой мировой войны. В конце XIX в. в Египет ехали, главным образом, молодые люди. Тем не менее, малолетние дети и подростки прибывали в Александрию с родителями, и большинство из них оставались в Александрии на всю жизнь, из них-то как раз и формировались общины русских мусульман и иудеев, о которых речь шла выше.

Политическая активность россиян в Египте проявилась с начала XX в., когда стала заметной деятельность представителей российской социал-демократии в России и за ее пределами. Используя особо благоприятные политико-географические условия Александрии, они фактически становятся в авангарде политического движения сравнительно мощных александрийских кругов левой ориентации, становясь их важнейшей составляющей. Возможно, что главным объяснением этому стала сильная антимонархическая направленность русской политической эмиграции в Александрии, которую она сохранила вплоть до Октябрьской революции и которая импонировала этому интернациональному сообществу в Александрии. Во многом благодаря этому содружеству в этом городе даже в 1919 г. продолжал существовать Союз русских политических эмигрантов⁷⁹.

Глава 2

РУССКАЯ БЕЛАЯ ЭМИГРАЦИЯ В АЛЕКСАНДРИИ

В 1920-1952 гг.

2.1. Массовый исход эмигрантов из России. Транзитные лагеря в Сиди-Габере, Аббасии, Тель аль-Кебуре и Исмаилии

Массовый исход русских эмигрантов произошел в феврале-марте 1920 г. после разгрома на юге России Добровольческой армии генерала Деникина. Прибытие русских раненых солдат и офицеров, а также остатков регулярных войск и гражданского населения в порт Александрии был впоследствии подробно описан участниками события по просьбе российского Дипломатического агентства в Египте. Эти отчеты дают ясное представление о том, как происходили эвакуация сторонников Белого движения из России и их обустройство в долине Нила.

Русские беженцы прибыли в Египет, в основном, на пяти пароходах: трех английских — «Эмпайр», «Глочестер Касл» и «Гельмгорн Касл» и двух российских — «Саратов» и «Барон Бек»¹.

Первым транспортом был «Эмпайр». Он вышел из Новосибирска 21 января 1920 г., имея на борту 634 больных и раненых офицеров, классных чинов и солдат, состоявших на действительной службе Вооруженных сил Юга России. Ни семейств, ни беженцев на транспорте не было. Помимо английской комендатуры и экипажа, транспорт имел свой русский персонал численностью в 27 человек (врачи, сестры милосердия, санитары, священник и переводчик). Вследствие имевших место на транспорте тифозных заболеваний по прибытии в Александрию все пассажиры были помещены в карантин, после прохождения которого больные тифом 17 человек были здесь оставлены, а остальные специальным санитарным поездом направлены в лагерь для перемещенных лиц в карский район Аббасия.

Английское госпитальное судно «Глочестер Касл», приняв из госпиталей Евпатории и Севастополя около 480 человек раненых, больных офицеров, солдат и военных чиновников, состоявших на военной службе Добровольческой армии, отбыло из Севастополя 23 января 1920 г. С разрешения коменданта судна на борт было принято 27 жен больных

офицеров и 2 детей. В пути умерло 6 сыпнотифозных больных. По прибытии в Александрию пассажиры выдержали трехдневный карантин, после которого тяжелобольные были перевезены в александрийский госпиталь Сиди-Габера, остальных направили в Аббасийский лагерь.

Транспорт «Гельмгорн Касл» два раза доставил русских беженцев из Салоник, куда они были направлены из Новороссийска несколькими неделями ранее. Первый раз судно прибыло в Александрию 5 марта, второй — 31 марта, имея на борту около 1290 раненых и больных и 50 человек персонала. После карантина беженцы были направлены в Телль аль-Кебир.

Пароход РОПИТ «Саратов» вышел из Новороссийска 22 февраля 1920 г. и прибыл в Александрию 12 марта. На нем были эвакуированы главным образом семьи офицеров Добровольческой армии, лиц, служивших в учреждениях Добрармии и в Отделе пропаганды, а также всех невоеннообязанных, имевших основание с наступлением большевиков считать себя в опасности. На борт было принято 1401 человек, несмотря на то что места на пароходе были рассчитаны на 800 человек. Такая перегруженность до некоторой степени объясняется тем, что в последнюю минуту были эвакуированы не входившие в первоначальный план 300 кадетов Донского и Владикавказского корпусов. По пути пароход останавливался на Принцевых островах, а также на Кипре в городе Фамагуста, где на берег сошло некоторое число россиян.

Интересно, что разделение на «трюмных» и «каютных» пассажиров произошло совершенно случайно, иногда более удобными местами пользовались молодые, так называемые рядовые люди, а в промозглом воздухотрюмовжались женщины, дети, выдающиеся общественные и политические деятели, полные генералы, заслуженные профессора, писатели и художники. Кадеты, несмотря на холодную сырую погоду, спали на палубе. На этом пароходе прибыл в Александрию И.Я. Билибин, волею судеб очутившийся в конце Гражданской войны на юге России.

На «Саратове» оказались и другие герои нашего повествования, в том числе Дмитрий Конн, 9-летний мальчик, сын санкт-петербургского аристократа, белогвардейского полковника Анатолия Гурьевича Конна. «В феврале 1920 г. мы покинули Новороссийск на "Саратове". Отец провожал, но он оставался. Провожал нас и майор Сох, ученик и хороший знакомый отца. Он снабдил нас фунтами (английскими). Пароход был набит битком, — писал впоследствии Д. Конн, — пассажиры заполнили

трюмы, было много больных тифом, в том числе отец моего кузена Никиты. Вообще же, ехали женщины и дети преимущественно из семей офицеров. Первая остановка была в Константинополе. Здесь многие сошли на берег. Мы тоже хотели сойти, но не смогли найти багаж, поэтому остались. Очевидно, что нам повезло, так как русским в Турции пришлось плохо, хотя вначале там была веселая жизнь. Кроме матери, были две моих тетки Наташа и Марина, мать и отец Никиты и очень интересный генерал Рерберг с сыном»².

В Александрию беженцы прибыли 25 марта. В первую очередь были свезены на берег и отправлены в госпиталь коревые дети. Кадетский корпус, а затем и остальные пассажиры переведены в Сиди-Габер (тогда пригород Александрии. — *Авт.*) для отбывания карантина, где их разместили после поверхностной дезинфекции в обширных, но совершенно не приспособленных для женщин и детей помещениях с нарами, на которых были накинаны матрасы и одеяла. Здесь беженцы провели ю дней. 6 апреля из Сиди-Габера выехала первая партия беженцев, состоявшая из женщин с малолетними детьми и слабосильных, недавно оправившихся от болезни, а 7 апреля — и вторая, сюда вошли все остальные беженцы, как взрослые, так и дети, кроме 150-200 человек, оставшихся в госпитале Сиди-Габера. Обе партии были направлены в Телль аль-Кебир в Дельте, находившийся от Александрии в 6 часах езды железной дорогой. Меньшая часть пассажиров парохода «Саратов» (т.е. 150-200 чел.) после выздоровления остались в Александрии и были переведены в новый лагерь Сиди-Бишр, о котором отдельно речь пойдет ниже. В эту партию вошло семейство Конн.

«Барон Бек» — последнее судно с ранеными и больными, отошло из Новороссийска 13 марта под прикрытием английской артиллерии, открывшей огонь по наступавшим красным частям в пригороде Новороссийска. В рапорте начальника транспорта (он же начальник новороссийского эвакуационного пункта) Б.В. Булгакова³ говорилось: «Погрузив около 750 больных и раненых, уже без всякой сортировки, лишь вывезти, отошли от пристани. В предвечерних сумерках уже были видны загоравшиеся цистерны с нефтью, пожары и разрывы снарядов наступающих большевиков. В час ночи мы отошли от Новороссийска, взяв курс на Феодосию, куда прибыли рано утром следующего дня. Выгрузив взятые с собою свежие части, предназначенные для Крыма, мы пошли на Салоники.

Трюмы были быстро превращены в палаты. Наиболее тяжелым больным предоставлены каюты 1 и 2 класса. Уже 14 марта были сигнализированы сыпные, и началась перегруппировка. К счастью, на пароходе нашлась чудесная дезинфекционная камера, спасшая перевозимых от поголовного заболевания.

16 марта начались смерти. После краткого отпевания, совершенного о. Неделькой⁴, пароход по существующему обычаю застопорил. При залпе ружей тело, покрытое русским флагом, с привязанным грузом пошло на дно. Для вечной отдачи волнам бывших бойцов за честь России мы останавливались 25 раз». На борту его находилось 423 военнослужащих, обслуживались они 12 врачами, 9 сестрами милосердия и 20 санитарями. Среди врачей находился Александр Адливанкин, который сыграл впоследствии заметную роль в обслуживании русскими медиками населения Александрии.

На рассвете 27 марта пароход бросил якорь у города Фамагусты, но здесь наотрез отказались принять и больных и раненых. 29 марта он пришвартовался у причала морского порта Александрии. Всего на вышеупомянутых транспортах в феврале-марте 1920 г. в Александрию прибыло около 4440 россиян⁵.

Большой александрийский порт работал в полную нагрузку, на что указывает статистика: за декабрь 1919 г. в Александрию прибыло 122 судна с 3989 пассажирами на борту, убыло 109 с 1582 пассажирами⁶. Грузо-пассажирское движение в гаванях (западной и восточной) северной столицы Египта в 1920-1921 гг. и позже было по-прежнему насыщенным. Та же газета сообщает, что за март 1920 г. (этот месяц нас особенно интересует) в александрийский порт прибыло уже 149 кораблей с 4519 пассажирами, а вышло в море 119 судов, на которых было 1950 пассажиров⁷. Увеличение пассажирского и грузового потока в гавань северной столицы Египта менее чем за полгода, безусловно, связано с исходом россиян и их прибытием в Египет в конце зимы — начале весны 1920 г. Именно в этот промежуток их доставили в Александрию британские и российские пароходы.

Как видим, не все эвакуируемые на этих пароходах изначально направлялись в Александрию. В суматохе спешного исхода десятков и сотен тысяч белоэмигрантов из России гостеприимная вторая столица Египта принимала как тех, кто по плану союзников — англичан и французов — предназначался для Александрии, так и тех, кого отвергали в других странах и городах.

Первое знакомство с северной столицей Египта для них было далеко не самым приятным: «В Александрии, — писал известный русский журналист Александр Яблоновский, — мы впервые узнали прелести карантина и недели две высидели под арестом. Мы жили в огромном здании, на краю города, без всяких сношений с внешним миром. И не видели никого из туземцев даже через окно, так как все окна в этом оригинальном доме выходили во двор, точно в гареме. Сидеть в заключении и гулять только в пределах своего “сектора” или своей железной решетки было скучно. Но так как это было справедливо и вызывалось соображениями медицинского характера, то ни малейшего ропота ни в ком не вызывало. Нас только удивляла английская система борьбы с тифом. Но из тяжелого русского опыта мы хорошо знали, что борьба с тифом есть, в сущности, борьба с насекомыми и что тут имеется только четыре вполне действительных средства! Мыло, кипяток, чистое белье и отсутствие тесноты. Но мыло в карантине выдавалось только женщинам, кипятку не хватало, белье негде было мыть (не было никаких для этого приспособлений), а спали мы на нарах, что называется “вповалку”, тело к телу. При таких условиях неудивительно, что тиф не затихал и что каждый день в наши дортуары приходили санитары с носилками и кого-нибудь уносили»⁸.

Все эвакуированные на пароходах «Эмпайр», «Глочестер Касл», «Барон Бек» и частью «Саратов», за исключением заразных больных, которых всегда оставляли в Сиди-Габере, были перевезены в Аббасийский лагерь в предместье Каира, поскольку карантинные возможности перед большим притоком русских изгнанников лагеря Сиди-Габер были ограничены.

В лагере-госпитале в Аббасии до этого находились больные и раненые военнопленные турки, немцы, болгары и др. После отправки последних на родину лагерь отвели для русских беженцев. Здесь их разместили в бараках по 10-20 человек и в палатках по 10-20 человек в каждой. Они находились на карантине до первого марта под охраной австралийских и индийских часовых. В одной из палаток ими была организована походная церковь. Минимальную церковную атрибутику им представила Греческая патриархия и Русская духовная миссия в Иерусалиме. Церковные обязанности исполнял священник Поликарп Филатов.

Ввиду наплыва русских изгнанников в Египет по инициативе российских дипломатов и общины создается Каирский комитет помощи рус-

ским беженцам под председательством жены главнокомандующего британскими войсками в Египте леди Конгрив, которой содействовали видные общественные и политические деятели Египта, среди них особенно выделялись ливанцы христианского вероисповедания православные Хабиб Лутфалла и его сыновья Джордж и Мишель. Они вносили крупные денежные суммы, помогали медикаментами, одеждой и т.п. Действия комитета распространялись и на Александрию.

Так, стоматолог И.С. Гольденберг лечил беженцев бесплатно. Бизнесмен Э.Е. Малисон передал в фонд Комитета 500 ег. ф., а возглавлявший старейшее в Египте страховое общество «Россия» Г. Хюрмюз — 250 ег. ф. Патриарх Александрийский Фотий вручил представителям Комитета около 60 ег. ф., собранных его паствой⁹.

Некоторые русские беженцы попадали в Телль аль-Кебир, минуя Аббасию, например, с пароходов «Гельмгорн Касл» и «Саратов», так как число их значительно превосходило местные возможности. Аббасийский лагерь просуществовал только до мая 1920 г., его постояльцев (более 600 больных) перевели в Телль аль-Кебир. По существу, это был тоже карантинный пункт, откуда, в свою очередь, распределяли клиентов либо в Телль аль-Кебир, либо (кадетов Донского корпуса) в местечко Файед недалеко от Исмаилии у Большого и Малого Горьких озер в районе Суэцкого канала. В качестве исключения, из Телль аль-Кебира небольшая группа эвакуированных была переведена в Александрию, которая вместе с некоторыми выздоровевшими из Сиди-Габера составили ядро контингента русских беженцев в новом александрийском лагере Сиди-Бишр.

По мнению самих россиян, за некоторым исключением, условия жизни во всех лагерях их первоначального «временного» проживания в Египте 1920-1922 гг. были, в основном, одинаковы: жилищем служили палатки или бараки, лагеря огорожены колючей проволокой, выезд из лагеря или въезд в него разрешается английским комендантом по особым пропускам — «пассам». На первых порах последние выдавались только на один день и не больше как пяти лицам за один раз. При этом беженцы, желающие куда-нибудь поехать, должны представить, во-первых, билет на обратный проезд, во-вторых, достаточную на поездку сумму денег, в-третьих, должны быть прилично одеты. Запрещалось ездить с целью приискания денег и предупреждалось, что лица, не имеющие достаточно средств на обратный проезд в Каир, будут доставляться в лагерь этапным порядком.

В самом Телль аль-Кебире беженцам разрешалось выходить из лагеря только до границ культивируемой земли, т.е. находиться исключительно в пустыне. В Александрии и Исмаилии условия существования беженцев значительно облегчались вследствие близости первого к морю, а второго — к озеру. Самое тяжелое положение испытывали обитатели лагеря в Телль аль-Кебире, главным образом из-за недостатка воды и сухого пустынного климата.

Этот губительный климат Телль аль-Кебира испытали на себе еще русские военнопленные в 1919 г. В донесении № 841 от 30 апреля 1919 г. александрийский консул А.М. Петров, в округ компетенции которого входил Телль аль-Кебир, сообщал посланнику А.А. Смирнову, что в феврале-марте 1919 г. в этом лагере скончались православный П. Герман (от энтерита), мусульманин С.Ш. Воткаев (от дизентерии), лютеранин Э.Г. Прейман (от туберкулеза), православный Е.В. Федотов (от острого гастрита), православный Т. Грудинин (от сердечной недостаточности).¹⁰

Телль аль-Кебир был самым крупным лагерем. В нем к середине 1920 г. проживала большая часть всех русских, прибывших в феврале-апреле. Здесь располагалось два лагеря — для семейных беженцев (364 человека и выздоравливающих офицеров и солдат 1154 чел., а также госпиталь (662 больных, 212 чел. русского и 4 чел. английского персонала). Оба лагеря находились в пустыне, были обнесены двойным забором из колючей проволоки и охранялись солдатами из Индии. Сюда же после окончания карантина и ликвидации Аббасийского лагеря в середине мая 1920 г. прибыли все больные и раненые, за исключением 70 человек, помещенных в иностранные госпитали Каира.

Об этом лагере и его санитарно-гигиеническом состоянии, а также о быте русских беженцев дает ясное представление подробный отчет врача Всеволода Шевандина от ю июля 1920 г.¹¹ Палатки в обоих лагерях были полотняные, одного типа, конусовидные, без окон. В верхней части палатки для вентиляции были сделаны три прореза. Пол — земляной. Обставлены палатки одинаково. Мебель состояла из железных с металлическими сетками кроватей и деревянных некрашенных, с двумя полочками, тумбочек, по одной на человека. Ни столов, ни стульев не было. На каждой кровати — матрац, маленькая подушка, одеяло и полог от москитов и мух. Постельное белье отсутствовало. В лагере для офицеров и солдат мебель была только в офицерских палатках. У солдат же

не было вообще ничего. Они спали на клеенчатых подстилках прямо на земле, без подушек.

В обоих лагерях были устроены большие столовые с земляным полом и с камышовыми стенами и крышей. Обставлены они были столами и скамейками. В отчете отмечается, что питание беженцев оставляло желать лучшего. Несмотря на то что пайки содержали 3000 калорий, они были бедны белками и углеводами. А часть этих продуктов вообще оказывалась непригодной к употреблению в пищу. В документе говорится: «Пища готовится невнимательно и невкусно. Суп, составляющий единственное горячее блюдо беженцев за весь день, почти исключительно варится из жирного бараньего мяса, так что порции мяса невелики, а суп всегда покрыт толстым слоем легко застывающего жира, который делает отвратительным это единственное горячее блюдо»¹².

Вода подавалась в лагери из артезианского колодца, но не круглые сутки, а только с 5 до 8 утра и с 10 до половины первого ночи. Естественно, что этого было недостаточно. Горячая вода отсутствовала, люди стирали одежду холодной водой.

Но были и другие свидетельства. Большинство русских медиков сходилось во мнении, что в обоих лагерях и госпитале россияне жили в удовлетворительных санитарно-гигиенических условиях. Несмотря на то что условия жизни во всех лагерях были почти одинаковы, обстановка, в которой пребывали солдаты, отличалась от положения офицеров, разумеется, в пользу последних. Всех беженцев снабжали продуктами, одеждой и обувью по нормам британского рациона¹³.

Еще один штришок из лагерной жизни Телль аль-Кебира, по воспоминаниям А. Яблоновского, когда он пишет о камышовой церкви и гимназии «без окон и дверей»: «...эта бедность уже никого не шокирует и никому не колет глаз, потому что она вошла в быт и к ней привыкли. Бедность на каждом шагу, бедность во всех проявлениях жизни. Куда не посмотришь — кругом бедняки и нет среди них ни одного богача. Вот прачечная, где холодной водой беженцы стирают свое белье. Но посмотрите, кто стирает? Начальник всех военно-учебных заведений в России, второе лицо после Великого князя Константина, полный генерал и кавалер бесчисленных орденов стирает рубашки. А рядом с ним трудится над парусиновыми штанами начальник дивизии. А дальше — профессор, инженер, писатель — все стирают... Вот генерал-лейтенант, очень заслуженный и очень почтенный старик, моет песком

сальный, жирный котел, в котором разносят суп. Сегодня генерал — дежурный по палатке, и сегодня его очередь возиться с этим противным котлом... А вот известный художник И.Я. Билибин, засучивши рукава, в паре с полковником генерального штаба тащит на носилках дрова на кухню...»¹⁴.

Несмотря на кратковременное существование лагеря в Телль-Кебуре, за два с лишним года проживания здесь сложился тот образ и порядок жизни, которым следовали оставшиеся в Египте русские изгнанники. Именно здесь, несмотря на порой ужасающие условия существования и катастрофической нехватки средств, были основаны всевозможные организации беженцев: уже к середине 1920 г. были открыты школы, церкви, небольшие магазины, всевозможные мастерские, духовой оркестр, театр и т.п.

Так, 3 мая здесь открыли школу при лагере № 1. Возглавил ее профессор Харьковского университета А.Н. Фатеев. Идея создания русской школы возникла еще на пароходе «Саратов», главным вдохновителем этой идеи стала К.П. Гандурина, жена фабриканта и представительница родительских комитетов средних учебных заведений города Иванова-Вознесенска. По своей учебной программе школа была приравнена к четырехклассной гимназии и реальному училищу. Обучение было платным, учителями брали только тех людей с высшим образованием, у которых была преподавательская практика, а так как и таких было много — разрешалось давать не более 5 часов в неделю. Учились все лето, чтобы дети смогли пойти в следующий класс, если вернуться в Россию к осени¹⁵. Главная нужда школы была в русских книгах и учебниках. Преподавателем русского языка и инспектором школы стал уже цитированный нами А. Яблоновский. В александрийский Сиди-Бишр из временного лагеря в Телль аль-Кебуре школа переехала вместе с эмигрантами, здесь ее директором был старшина П.Я. Добрыня-Конюхов, совершенно замечательная фигура, о котором речь еще пойдет далее.

В Египте, как и повсюду, где возникали русские колонии или просто поселялись группы русских, первым делом всегда было создание храма или, по крайней мере, устройство помещений для совершения богослужения. Еще на первом корабле «Эмпайр» в Египет прибыл священник иеромонах отец Поликарп, который и начал это дело. В госпитале Аббасии действовала церковь, существование которой обеспечивалось благотворительным обществом при русском Генконсульстве в Каире. Цер-

ковное имущество было частью привезено из России, частью получено из Русской Иерусалимской миссии через Дипломатическое агентство в Каире, частично от Патриарха Александрийской автокефальной церкви Фотия. Однако для трех церквей этой утвари и облачения было совершенно недостаточно, поэтому значительную ее часть изготовляли непосредственно в Телль аль-Кебире.

После переезда изгнанников в Телль аль-Кебир все церковное имущество было поделено между протоиереем церкви при госпитале Николаем Иконниковым, протоиереем Петром Голубятниковым, священником церкви при лагере № 2, и отцом Поликарпом, который вел службу в семейном лагере. В Телль аль-Кебире церкви были при всех лагерях, причем в одной из них организовался прекрасный хор из солдат и офицеров под руководством А. Афанасьева. Расходы по содержанию храмов покрывались исключительно из пожертвований, священники не получали никакого жалования и нередко обращались в Российское Дипломатическое агентство. Тем не менее, жизнь текла своим чередом. Люди рождались, женились, умирали. Были изготовлены даже бланки временных свидетельств о крещении, о браке и о погребении.

Не менее впечатляющей была культурная жизнь временных лагерей в Телль аль-Кебире и Исмаилии. 30 августа 1920 г. в госпитальной части лагеря был открыт русский культурно-просветительский центр, переехавший затем в Сиди-Бишр и ставший наиболее массовой общественной организацией беженцев. Свою деятельность он быстро распространил и на две другие части лагеря — офицерскую и семейную. Именно эта организация занималась устройством платной школы, благотворительных концертов, театра и т.д. Центр готовил беженцев к самостоятельной жизни, организовав курсы электротехники, землемеров, черчения, бухгалтерии. Кроме того, при нем были организованы курсы ликбеза. Существовала также небольшая библиотека, фонд которой составляли книги, захваченные эмигрантами из России, а также предоставленные российскими дипломатами в Египте. С июля 1920 г. центр стал уже называться Русским культурно-просветительским обществом и начал выпускать ежемесячный журнал «На чужбине», издававшийся в лагере тиражом около ста экземпляров, и газету «Эмигрант». Эти печатные органы объединяли вокруг себя соотечественников, поддерживали их, давали ощущение связи с родной культурой, полезную информацию о стране пребывания.

С 11 июля 1920 г. в документах, посвященных повседневной жизни изгнанников Телль аль-Кебира, упоминается офицерское собрание. 14 ноября 1920 г. в Телль аль-Кебуре образовалось «Общество русских инвалидов и увечных воинов», которое затем переехало в Сиди-Бишр.

Почти сразу же в Телль аль-Кебуре появилась художественная самодеятельность. Здесь проходили вечера при участии «всех лучших артистических сил лагеря: трех оркестров — симфонического, духового и балалаечного», известных балерин, смешанного хора. Существовал здесь и драматический коллектив.

С июня 1920 г. в Телль аль-Кебуре начинают действовать сапожное и швейное ателье, мастерами и учениками в которых были солдаты и низшие чины. Мастерские не только удовлетворяли потребности самих беженцев, но и выполняли заказы местного населения.

15 октября 1920 г. британские власти уведомили российского посланника А.А. Смирнова о том, что они намереваются отправить русских изгнанников в Сербию, но при этом они сообщили, что желающие могут остаться в Египте при условии, что смогут заработать себе здесь на жизнь и присоединиться к тем россиянам, которые уже самостоятельно обеспечивали условия своего существования в Египте. Таковых насчитывалось в долине Нила, по данным колониальных властей, 128 военных, 38 гражданских лиц мужского пола, 105 женщин и двое детей¹⁶. Англичане спокойно относились к заработкам беженцев, и если кто-нибудь из них стал зарабатывать, то они абсолютно не возражали, если он покидал лагерь и переселялся в египетские города. Именно таким образом сложилась судьба художника Ивана Яковлевича Билибина, который, отыскав себе работу и жилище в Каире, переехал туда. В столице он прожил до 1924 г., затем через год переехал в Александрию.

План британской администрации о переправке беженцев в Сербию не был осуществлен, лишь почти через два года они покинули лагерь в Телль аль-Кебуре, но были вывезены в пригород Александрии Сиди-Бишр.

Зато в Сербию попали кадеты из Исмаилии. «Измученные голодной жизнью, больные тифом и с трудом осознающие грозность событий», iю часть воспитанников Донского кадетского корпуса убыли на пароходе «Саратов» 22 февраля 1920 г. из Новороссийска, «не зная конечного пункта путешествия», прошли александрийский карантин и поначалу тоже были размещены в Телль аль-Кебуре. Но затем директору корпуса генерал-лейтенанту А.В. Черячукину удалось перевести «дон-

цев» в бывший военный лагерь индийских воинских частей в нескольких километрах от Исмаилии на берегу озера Тимсах (в пер. с араб. — «крокодил». — *Авт.*). Тяжелобольных оставили в госпитале лагеря Тель аль-Кебир. В дальнейшем для лечения заболевших кадетов по договоренности направляли в больницу Компании Суэцкого канала.

Вот как описывает лагерь в Исмаилии кадет А. Плешаков: «Лагерь стоял на красивом месте за городом. Впереди него была аллея, шириною в пять или шесть сажен, за аллеей сейчас же начиналось озеро, которое отходило от Суэцкого канала, оно называлось Крокодилье. Суэцкий канал был от нас всего в полумиле, сзади была пустыня, по которой тянулась железная дорога, а за железной дорогой шла опять бесконечная Ливийская пустыня, направо виднелся город, а за городом — большой роскошный пальмовый парк. За ним начинался изгиб Суэцкого канала, в общем, нас поместили в очень красивой местности»¹⁷.

К середине 1920 г. корпус уже продолжал работать, несмотря даже на нехватку русских книг, пособий и словарей; в нем училось 300 кадетов. По ранее заключенной договоренности, английские представители при генерале Деникине и Донском атамане Богаевском генералы Хольман и Кис обещали полное содержание корпуса англичанами, что было выполнено британским командованием.

Среди кадетов Донского Императора Александра III кадетского корпуса в Исмаилии оказался будущий известный литератор Н.Н. Воробьев, автор стихотворения «Кадет»:

КАДЕТ

Ему и пятнадцать-то было едва ли,
Хоть он и божился, что да.
Ведь даже ребячьи сердца полыхали
Тогда, в лихолетья года.

Не спрашивай имени — столько ведь лет!
Удержишь ли в памяти это?
Но вечно стоит пред глазами кадет,
И мне не забыть кадета.

Донец ли, орловец — не все ли равно?
Из Пскова он был иль с Урала...

С поры лихолетья я помню одно —
Кадетская бляха сверкала,

Да по ветру бился в метели башлык,
Как крылья подстреленной птицы,
Был бледен кадета восторженный лик
И снегом пуржило станицы...

Он двигался, словно не чуя беды,
И пулям не кланялся низко.
Трещал пулемет и редели ряды,
И красные были уж близко.

И наземь он пал неуклюжею цаплей
И шею он вытянул в небо смешно,
И вытекла жизнь — просто капля за каплей
Бурля и искрясь, как в бокале вино.

Не спрашивай имени — имени нет...
Был чей-то сыночек. Российский кадет.

(«Тогда, в лихолетья года... // «Новая юность»,
2000, № 3 (32). Стихотворения. Предисловие,
публикация Виктора Леонидова, зав. архивом-
библиотекой Российского фонда культуры.

Судьба Н. Воробьева похожа на участь других «донцев», покинувших Исфахию в 1922 г. В начале своих странствий он попадает в Турцию, затем в Югославию, где заканчивает юридический факультет Белградского университета. Югославия в то время была наводнена русскими беженцами. Несмотря на доброжелательное отношение сербского правительства, в этой стране было непросто найти работу, в том числе и новоявленным выпускникам вузов. Поэтому в 1950 г. он переезжает в США, где и остается до конца своей жизни²⁸.

Русские эмигранты, прибывшие в Александрию после разгрома денкинских войск на юге России, сформировали ядро белой эмиграции в Египте, существенно дополнили численность александрийских русских, оказавшихся в этом городе до 1920 г., значительную часть которых составили сотни раненых и пленных военнослужащих, прибывавших сюда

с фронтов Первой мировой войны. Большинство из них, однако, долго не задержались в Александрии.

Их число было настолько значительным, а положение настолько сложным, что уже 13 октября 1914 г. был организован «Русский комитет помощи жертвам войны в Александрии» во главе с консулом А.М. Петровым. Всероссийское общество здравниц обратилось к правительству Египта с просьбой выделить бесплатно участок земли для строительства санатория для раненых военнослужащих в Хелуане, где они, подобно Лесе Украинке, И.А. Бунину, В.В. Вересаеву, Великому князю Константину Константиновичу и др., могли бы поправить здоровье минеральными водами. Однако грозные события войны не позволили осуществить этот проект.

К концу войны много пленных россиян было освобождено англичанами из турецкого плена в странах Ближнего Востока. 6 декабря 1918 г. консул Петров сообщал послу, что в Порт-Саид доставлены и содержатся в транзитном лагере 64 русских военнопленных. К 22 декабря их численность увеличилась до 586 человек, среди них были и те, кого захватили в плен «при бегстве революционных войск из Галиции». Большинство из них оказались в Александрии, где им активно помогали, морально и материально, консульские работники, хотя к этому времени сами финансировались едва ли наполовину. После выздоровления многие из них направились через Дальний Восток к Колчаку, другие в Европу, а некоторые остались в Египте, где нашли свой последний приют.

Исход русских беженцев весной 1920 г. в Александрию вовсе не был неожиданным для жителей города. Александрийская печать, как и во времена первой русской революции, внимательно следила за событиями в России. Не осталась без внимания и вторая русская революция. Одна из самых информированных газет пробританской направленности того времени, имевшая корреспондентское бюро в Лондоне, «аль-Мокаттам» писала 9 ноября 1917 г.: «7 ноября Керенский заявил в Учредительном собрании, что если максималисты (большевики. —*Авт.*) вздумают посягнуть силой на власть в настоящее время, то они сразу же будут арестованы»¹⁹.

Сообщение о революции в России появилось лишь 12 дней спустя после ее свершения. В нем говорилось, со ссылкой на «Рейтер», что связь с Петроградом в течение прошедшего времени была нарушена по причине новой революции в стране, что главнокомандующий русской ар-

мией и премьер Керенский искал убежище в южной части Петрограда, что отряды большевиков захватили Александровский железнодорожный вокзал и что крови пролилось совсем немного. Далее газета размышляла, закончится ли вторая революция, как первая, или вражда будет такой, какой была во время французской революции и будет ли в России новый Наполеон, который захватит власть в свои руки²⁰.

го ноября газета сообщала, что победа до сих пор на стороне Керенского благодаря генералу Корнилову, казаков и умеренных партий из Думы. Говорится также, что Керенский готов применить неограниченную жестокость, что если победа будет у него в руках, то он полностью ликвидирует анархию. Здесь же сказано о том, что большевики проиграли свое дело и что Керенский стал обладателем абсолютной власти в Петрограде и что Ленин арестован.

«Аль-Мокаттам» с 21 ноября выходит с рубрикой «Гражданская война в России». В серии «Телеграммы специально для аль-Мокаттама» сообщается, что «позиция партии Ленина и его приверженцев слаба, вместе с тем эта партия до сих пор держит власть в своих руках. Наконец-то прояснилось, что сведения об аресте Ленина и победе над максималистами не соответствуют действительности».

На следующий день эта газета пишет, что в России, видимо, вот-вот появится диктатор, и, скорее всего, им будет генерал Каледин, который сосредоточил в своих руках на богатом юге страны огромные запасы зерна и продовольствия²¹.

В номерах «аль-Мокаттам» за 27, 28 ноября и 3, 8, и декабря наряду с небылицами иногда просачивались некоторые сведения о программе максималистов-большевиков (ропуск Учредительного собрания, избрание нового правительства, расширение полномочий местных советов). При этом подчеркивалось, что происходившие в России события имеют чрезвычайно важное значение для жизни этой страны, а также серьезно повлияют на союзников — Англию и Францию. В целом, по мнению газеты, впечатление о революции было еще очень смутным: «За событиями в России еще много непонятого». В просмотренных автором номерах «аль-Мокаттама» интерес египетской прессы к событиям в России заметно тускнеет, и на первой странице сведения о второй русской революции уже не печатаются. Не последнюю роль в этом сыграло то, что Египет сам вступал в решающий этап борьбы за независимость, в стране назревала революционная ситуация. 1918 год стал в Египте пери-

одом консолидации народных масс, их активности под руководством партии «Вафд» Саада Заглюля-паши. Апогеем этой борьбы стало мартовское восстание 1919 г.

Тем не менее, несмотря на тяжелые времена, которые переживал Египет накануне русской эмиграции в эту страну, к последовавшей после Октябрьской революции 1917 г. Гражданской войне в России египетская, в том числе александрийская, периодическая печать проявляла значительный интерес. На это указывает просмотренная нами вторая по значимости александрийская газета «Ля Реформ», которая уделяла существенное внимание заключительным этапам Гражданской войны в России. Достаточно перечислить заголовки сообщений с фронтов Гражданской войны: «Повстанцы Украины, преследуя армию Деникина, вошли в Одессу» (18-19 января 1920); «Иркутск в огне» (20 января 1920); «Деникин еще держится. Неправда, что большевики взяли Одессу», здесь же: «Ля Валетта. Английская эскадра, пополнив свои запасы, направилась в Черное море, чтобы предпринять всевозможные меры по ситуации в России» (23 января 1920); «Румынское правительство разрешило войти в страну 20 тыс. солдат Деникина и 40 тыс. русских беженцев» (27 января 1920); «Все греческие транспорты направлены в Черное море, чтобы забрать греков, бегущих от большевизма» (30 января 1920)²².

Февральские номера александрийской ежедневной газеты «Ля Реформ» также чередуются новостями о «египетском» вопросе, о пребывании министра по делам наций Великобритании лорда Милнера в Стране пирамид и сообщениями с полей Гражданской войны в России: «Украинцы захватили Одессу», «Захвачен Благовещенск», «Большевики развивают наступление на Кавказе», «Египетский вопрос вновь обостряется», «Заявление Саада Заглюля» (1-2 февраля 1920); «Ленин признал независимость Польши» (3 февраля 1920), «Красные захватили Владивосток». «30 января одновременно выступили Шейх-уль-Ислам в Константинополе и Верховный муфтий Египта, заявив "об опасности большевизма, противоречащего мусульманским законам, миру и прогрессу мусульманских народов"» (5 февраля 1920); «Генерал Деникин в Варне. Он хочет заключить соглашение с румынами о защите Бессарабии от большевиков» (7, 9 февраля 1920).

Сообщая о боях в России, «Ля Реформ» симпатизирует армии белых, несмотря на то что редактор Канивэ являлся одним из лидеров левого инационального сообщества Александрии: «Большевики терпят

жестокое поражение на Дону» (12 февраля 1920). «В Крыму упорные бои. Успех сопутствует антибольшевистским силам» (22-23 февраля 1920). Но все-таки она констатирует агонию Белого движения: «Большевики захватили Архангельск» (22-23 февраля 1920); «Большевики взяли Мурманск» (25 февраля 1920). 27 февраля 1920 г. газета публикует призыв Саада Загляля к продолжению борьбы за независимость Египта. А 6 марта она помещает заметку о военной ситуации в России, в которой уже содержится конкретная информация об эвакуации из Новороссийска: «Она должна вот-вот начаться. Англичане уже получили приказ покинуть город. Союзники готовятся принять на пароходы 20 тыс. беженцев. Предлагается отправить 5000 в Египет и 3000 — на Кипр. Ситуация осложняется распространением тифа в Новороссийске. Сообщается, что Севастополь тоже скоро падет»²³. 13 марта «Ля Реформ» сообщает: «Деникин по-прежнему дерется. Тем не менее, до выхода пароходов с беженцами остались считанные дни».

В то время как английские транспорты и русские пароходы плыли уже к Александрии, газета сообщала, что «южнорусская кампания генерала Деникина потерпела поражение в предгорьях Кавказа» (27 марта 1920); «Деникин готовится к сопротивлению на холмах Новороссийска», «Милнер вернулся из Египта в Лондон» (30 марта 1920); «Новороссийск взят большевиками» (31 марта 1920).

Еще одно сообщение в уже цитированном номере «Ля Реформ» за 27 марта 1920 г. заслуживает особого внимания, так как имеет непосредственное отношение к данной теме: «За последний год на Украине было убито более 30 тыс. евреев, из них 15 тыс. Петлюрой. Всего было зарегистрировано 372 погрома, а число жертв достигло 70 тыс. человек. Одни умерли во время миграции, другие от голода». Эти события также инициировали миграцию российских евреев в Египет.

На фоне этих важнейших политических событий, происходивших как в России, так и в Египте, следует отметить особое значение того, что карантин в Сиди-Габер и функционирование транзитных лагерей в Аббасии, Телль аль-Кебуре сыграли свою незаменимую роль: многие беженцы поправили здесь свое здоровье, залечили раны и были готовы покинуть Египет.

Другие уже его покидали, направляясь на помощь Врангелю. Об этом пишет в своих воспоминаниях бывший комендант Севастопольской крепости генерал-майор Ф.П. Рерберг (о нем см. ниже): «Другим светлым

местом нашей праздной и безопасной жизни (наряду с открытием гимназии в лагере Телль аль-Кебира. — *Авт.*) было решение поправившихся от тяжелых ран офицеров и солдат вновь ехать в Россию, в Крым, под начальство ген. Врангеля, жертвовать своей жизнью за идею освобождения России от захватчиков. Записалось до восьмисот человек, среди которых были даже такие, которые еще не совсем поправились, но это им не мешало ехать в армию!»²⁴. Скоро были сформированы две роты и полтора эскадрона. Генерал Ф.П. Рербергсам принимал у них парад перед отъездом. Но добровольцы прибыли в Крым после разгрома Врангеля. Некоторые из них вернулись в Египет, но уже в Сиди-Бишр²⁵.

Первоначальные планы союзников переправить телльалькебировцев в Сербию, Болгарию и некоторые другие государства Европы не могли быть выполнены в 1920 г. и отошли пока на второй план для большинства российских изгнанников: «Проект перевозки их в Сербию был отложен по непригодности предоставляемых жилищ, в смысле предохранения от жестокостей зимы, и пребывания многих беженцев в госпитале. Большая часть этих беженцев состоит из стариков, женщин и детей или из людей, силы которых были подорваны испытаниями войны»²⁶.

2.2. Лагерь Сиди-Бишр в Александрии

Как уже говорилось, в начале 1921 г. все русские из Телль аль-Кебира были переведены в лагерь в восточном предместье Александрии Сиди-Бишр²⁷. Климат и условия жизни здесь были более благоприятными для них. К концу года в этом лагере, состоявшем из 3 частей и госпиталя, проживало 1800 беженцев, среди которых было 1200 мужчин, 400 женщин и 200 детей²⁸.

Абсолютное большинство обитателей лагеря в Сиди-Бишре состояло из бывших военнослужащих армии генерала Деникина. 40% этого контингента представляли одинокие мужчины, 45% — семейные и одинокие женщины, остальные 15% — штатские и семейные. При этом лишь половину изгнанников, включая женщин и детей, можно было отнести к здоровым людям, остальные — раненые и калеки. Подавляющая часть населения русского Сиди-Бишра — беженцы деникинской эвакуации. Как известно, сам генерал Деникин, сопровождаемый британским советником генералом Хольманом до пристани, оставил Новороссийск 22 мар-

та 1920 г. Остальные боевые части Добровольческой армии в количестве до 40 тыс. были переправлены в Крым для дальнейшей борьбы с большевиками под командованием генерала Врангеля вплоть до ноября 1920 г.²⁹

По данным уже цитированного номера журнала «На чужбине», наибольшее количество беженцев было в июне, когда их общее число выразилось в количестве 3530, из которых 1941 помещались в «кампах», 1579 — в госпиталях. В июле по желанию самих беженцев часть их, насколько это было возможным, была перевезена из Телль аль-Кебира в Сиди-Бишр.

Несколько иное деление находим в очерке Дмитрия Фламбуриани «Русские на египетской земле»³⁰: «Территория, занимаемая этим лагерем, достаточно обширна, на ней на самом деле было несколько маленьких лагерей. Англичане, которые обо всем позаботились, считали себя обязанными скрупулезно отбирать будущих поселенцев.

Так, например, холостяки были размещены отдельно и... огорожены колючей проволокой; семьи разместили подальше, и в третьем лагере, наконец, названном русскими "генеральским лагерем", находились привилегированные семьи.

Послетого каклагерь был окружен двойным кольцом колючей проволоки и контроль за входом был поручен полиции — все тем же худым и высоким индусам, англичане позволили эмигрантам устроиться и жить так, как они сами пожелают».

Однако не все постояльцы лагеря Сиди-Бишр были переведены из Телль аль-Кебира. Д. Конн пишет в своих воспоминаниях: «Мы попали в транзитный лагерь в Габари (Сиди-Габер. — *Авт.*) около Александрии. Туту меня объявилась корь, и меня отвезли на английском военном автомобиле Красного Креста с матерью в индийский госпиталь, находившийся в александрийском районе Сиди-Бишр, непосредственно на море. Нам дали чудную большую палатку. Сестры — англичанки и индуски — купали нас в карболовых ваннах на берегу моря. Мать очень боялась, что меня простудят. Вообще доктора все были англичане и индусы, все, конечно, военные. После кори я заболел коклюшем. Индусов мы звали шоколадными докторами... Не помню, как долго мы оставались в этом госпитале, но оттуда я начал ходить в Victoria College, тогда лучшая английская школа, недалеко отлагеря. Потом нас перевезли в русский камп Сиди-Бишра»³¹.

В отличие от первого Сиди-Бишра (госпиталя) во втором уже были не «чудные» палатки (в детском восприятии), а бараки и в семейном и в мужском «кампах», а также в госпитале, с электричеством и водопроводом. Дима Конн, попав во второй лагерь, очутился здесь уже вместе с «телль-алькебирцами». Лагерь был обнесен колючей проволокой. Ранее он предназначался для пленных турок. Лагерь занимал площадь более 20 га и находился в 1 км от центра Александрии и располагался между пресноводным каналом Махмудийя и железной дорогой Александрия — Рашид, к которой «прилепилась будка-станция Сиди-Габер»³². К югу от лагеря начинались поля, напоминавшие, по словам автора статьи в журнале «На чужбине», кубанские степи: «Если бы не декабрь, не торчащие на бугре пальмы и не плоские египетские постройки местных помещиков, можно было на минутку подумать, что в родных русских степях. Сходство это еще больше дополняется шалашами арабских огородников, ничуть не отличающихся от куреней наших южных бахчевников»³³. Эта картина живо была описана в одном из стихотворений неизвестного обитателя лагеря³⁴:

Лишь солнце движется к закату,
За камп один я выхожу,
Из кампа «Д» пройдя ограду,
На камне долго я сижу.

Передо мною вид не новый:
Поля, леса и хутора.
Овец пасет араб суровый
Вблизи дырявого шатра.

Налево пальмы, а за ними
Видна усадьба богача,
И близ усадьбы вол лениво
Идет с работы, плуг влача.

Поля арабы убирают.
А по далекому пути
Автомобили все мелькают
Да мул не хочет кладь везти.

Там воду буйволы качают
С повязкой белой на глазах,

Арабы тихо проезжают
С какой-то кладью на ослах.

Идет арабка за водою,
Браслеты блещут на ногах,
Кувшин у ней над головою,
Грудной ребенок на руках.

Но вот и ночь. Кругом — ни звука.
Три огонька вдали горят.
Лишь с озера лягушки глухо
То тут, то там слегка трещат.

Я час сижу, вид созерцая,
И вспоминаю хутор свой.
И долго думаю-гадаю:
Когда ж вернусь я в край родной?

Как и в Телль аль-Кебуре, в Сиди-Бишре здоровые мужчины от 16 до 60 лет привлекались к трудовой повинности: очищали ближайшее шоссе от песчаных заносов, занимались хозяйственной работой, охраняли вещевой и продовольственный склады, обитатели лагеря холостяков ходили в наряд каждые 4-5 дней и т.п. А обитатели семейных кампов «А» и «Д» несли наряды реже, каждые 10-12 дней. Холостяки привлекались также для исполнения особенно тяжелых нарядов вплоть до чернорабочего труда: переноска и утробовка пола в бараках госпиталя, включая малярные и кровельные работы, а также очистка болота вблизи лагеря от водорослей, в антикомарийных целях.

От нарядов освобождались только постоянные служащие при комендатурах, амбулаториях и преподаватели местной школы, равно как инвалиды на основании выданных им врачебной комиссией удостоверений. Последние несли более легкие повинности.

Тяжелый, черный труд — очистка нечистот, уборка мусора, пометов — выполнялся наемными арабскими рабочими по контракту с британской администрацией.

Стирка постельного и нательного белья (для тяжелобольных) производится машинным способом за счет английской администрации. В большинстве случаев беженцы стирают сами, исключая инвалидов, ко-

торым на стирку отпускаются специальные средства от Константинопольского комитета русского Красного Креста.

К моменту перевода госпиталя из Телль аль-Кебира в Сиди-Бишр 20 января 1921 г. в бывший индусский госпиталь число больных было 240, число врачей ю, сестер 22 и санитаров 85. Он функционировал с 23 января по 31 декабря 1921 г. За период существования госпиталя в Сиди-Бишре в нем побывало 528 больных. За 1921 г. не удалось спасти 17 человек: от туберкулеза умерло 9 человек, от сердечных заболеваний — 3, кровоизлияний — 2, почечной недостаточности — 2, от диабета — 1³⁵.

Больные в госпитале были помещены в асбестовых бараках. В нем было три отделения — инфекционное и венерическое, а также барак для душевнобольных. В самом начале госпиталь в Сиди-Бишре был открыт на 300 кроватей, но эта цифра постепенно уменьшалась, так что в июле было только 250 коек, к 1 сентября — до 150 и к 1 декабря — около ю кроватей. Одновременно сокращался и штатный персонал, который к концу 1921 г. составлял 4 врача. Это были высококвалифицированные медицинские кадры, которые прибыли в Египет с ранеными и больными еще в феврале-марте 1920 г. из Новороссийска.

За время пребывания в госпитале Сиди-Бишра медики повышали свои теоретические медицинские познания в Русской поликлинике Каира, основанной отечественными врачами 1 июня 1920 г.³⁶ Возглавил это учреждение профессор Вагнер, бывший директор клиники Московского университета. Он прибыл в Египет до февраля 1920 г. и практиковал в Александрии, где к моменту создания Русской поликлиники в Каире «уже начинал завоевывать широкую популярность»³⁷. Будучи директором Русской поликлиники в Каире, он по договоренности 4 месяца еще продолжал работать в Александрии. Врачи Сиди-Бишра плотно контактировали с Русской поликлиникой в Каире. Нам известно, что врач отсюда Рукин выступал с докладами на научных семинарах в поликлинике столицы, в частности в 1921 г. он познакомил слушателей поликлиники со своими познаниями о самой распространенной болезни Египта — бильгарциозе³⁸.

Постояльцы в Сиди-Бишре размещались сравнительно свободно: одинокие мужчины проживали по 3-5 человек в комнате, женщины и семейные — в отдельных комнатах с собственным выходом во двор. О холостяцком лагере сохранил воспоминания Дмитрий Конн: «Как-то на

Пасху я попал в лагерь Б. Я был в белом матросском костюме. Набрел на компанию русских матросов, что ли. Они ради смеха напоили меня водкой. А тут я еще сел в какую-то гадость и совершенно замазал все штаны. Дома, конечно, скандал! Не знаю, что я уж рассказывал и как это кончилось, но, кажется, матросам влетело».

Для детей в Сиди-Бишре было раздолье — море, хорошее питание, беззаботное настроение, далекое от дум и мыслей взрослых. «Было весело для нас, мальчишек, — продолжал Дима Конн. — Играли в футбол и другие игры. Помню, как мы любили прыгать с крыш барачков в песок! Появилась русская школа, начались спектакли, концерты. Но отсюда я продолжал посещать Victoria College, куда мы ездили четверо русских мальчишек. Надо было идти пешком на железнодорожную станцию и ехать поездом до станции Виктория, но недалеко. В лагере организовали и скаутов. Наши scoutmasters (начальники отряда бойскаутов) были бывшие молодые офицеры и они, конечно, ввели боевой дух и шагистикку. Платки у нас были желтые, но после успешного воспитания давали желтый пополам с черным, после следующего испытания добавляли белый — таким образом получались романовские цвета. Однажды я грубо ответил матери. Когда я вышел, ко мне подошел мальчишка-кадет и грозно сказал: “Ты что это так матери отвечаешь, смотри, если я еще раз такое услышу, я тебе морду набью!” В общем, воспитатель! Но, это меня напугало».

Одним из этих четырех мальчишек, посещавших колледж Виктория, был Юра Мазараки³⁹, друг детства Димы Конна. Юра был очень общительным мальчиком, сочинял стихи, играл на гитаре. Бывший кадет, он часто исполнял военные песни и марши, особенно были в ходу созвучные названию приютившего их города «Александрийские гусары». Часто собирались эти мальчики вместе, читали Гумилева и других русских поэтов, помогавших им хотя бы временно справиться с ностальгией.

Конечно же, в Сиди-Бишре было намного лучше и для взрослых, и не только потому, что он располагался на берегу моря со всеми вытекающими отсюда последствиями. Режим пребывания в лагере был намного проще, чем в Тель аль-Кебире, где, как известно, только под конец английские власти стали позволять выезжать за его пределы и даже оставаться на местожительство в крупных городах Египта, если покидающие находили возможность трудоустройства и, соответственно, пропи-

тания. В Сиди-Бишре порядки эти еще более демократизировались. Здесь беженцы за определенную плату, работая на стороне, могли нанимать кого-нибудь вместо себя для исполнения своих обязанностей в лагере, сохраняя при этом свой лагерный паек и квартиру. Польза обоюдная — и для той и другой стороны: далеко не все могли работать, а дополнительные деньги были нужны всем. Дальше — больше. Со временем беженцы вовсе выезжали за пределы лагеря. Есть данные, что к концу 1921 г. почти четверть его обитателей проживали вне Сиди-Бишра, главным образом, в самой Александрии, а это более 600 человек.

Все эмигранты были довольны питанием и отмечали, что им выделяли продовольственный паек, как британским военнослужащим. Коротко, в Сиди-Бишре не бедствовали. «Кормили нас как английских солдат», — вспоминал Дмитрий Конн.

Помогали чем могли и центральные власти в изгнании, находившиеся в Париже, а также другие всероссийские организации, которые нашли понимание и приют в столицах других европейских стран. Так, летом 1920 г. в сидибишрский период белой эмиграции в Египте Всероссийский земский союз с главной конторой в болгарской Софии учредил филиал в Египте с целью оказания помощи соотечественникам. Это представительство предоставляло ссуды, чтобы беженцы могли приобрести орудия труда с целью самостоятельного существования. Таким образом, ими были куплено оборудование для переплетной мастерской и пекарни, рыболовные снасти, швейные машины, фотопринадлежности, инструменты для выжигания по дереву, а также аппараты для медицинского и косметического массажа и маникюра. В рыболовных сетях нуждались россияне, которые подвизались в сельском хозяйстве и рыболовстве. Кроме этого, предоставлялись средства на закупку оборудования для аналитической лаборатории и для авторемонтной мастерской. В 1920–1921 гг. эта деятельность филиала Земского союза облегчила судьбу до 300 белых эмигрантов, не включая членов их семей⁴⁰.

Эти небольшие ссуды служили в качестве своеобразного толчка для открытия своего дела, главным образом, в секторах общественных и частных услуг, где подвизалось небольшое количество российских изгнанников (см. табл. 4). Однако это «дело», как правило, было небольшого масштаба — фотография, шитье и т.п. Что же касается более «серьезного» бизнеса, как то: коммерция, то здесь в силу русского менталитета россиянам «нехватало пороху». Об этом очень доходчиво написал

Дмитрий Фламбуриани, русский александриец, в это время проживавший в Сиди-Бишре и написавший небольшую, но занимательную брошюрку «Русские в Египте»⁴¹. Наблюдая за деятельностью россиян в Сиди-Бишре и позже в Александрии, он отмечал: «Русский по натуре не коммерсант, поэтому все начинания в этом деле не были успешными. Кондитерская фабрика в Каире, русские рестораны, табачные киоски и бутербродные лавки на пляжах просуществовали лишь несколько месяцев»⁴².

Эта же участь постигла и ресторан «Москва» в Александрии, реклама которого была помещена в уже цитированном журнале «На чужбине» за октябрь 1921 г.: «Вновь открыт на прежнем месте русский ресторан "Москва". Александрия, ул. Хамамиль 12. С настоящей образцовой русской кухней под наблюдением опытного повара. Здоровые, сытные и вкусные завтраки, обеды и ужины, разнообразные сорта вин и др. напитков различных марок, а также имеется "русская водка". Чай, кофе, шоколад. Горячие и холодные закуски. Опрятно и уютно. Цены самые умеренные. Полная гарантия за доброкачественность продуктов. Просим убедиться».

Русские рестораны время от времени открывались и впоследствии в Александрии. Так, 22 октября 1921 г. на улице Старой биржи в северной столице был открыт ресторан «Гамбринус»⁴³. До этого, как мы указывали в главе 1, здесь в районе порта работал ресторан «Севастополь». Во второй половине XX в. в крупных городах Египта сменяли друг друга то «Ленинград», то «Москва», то «Сталинград». Но практически никогда не было одновременно 2-3 ресторанов, названных в честь крупных российских городов. Это лишь указывает на правильность суждения Дм. Фламбуриани, считавшего, что торговля, во всяком случае, в Египте, не для русских. Тем не менее, он же писал о том, что в Сиди-Бишре «работают лавочки с товарами повседневного спроса, кое-где можно встретить небольшие ателье»⁴⁴. Однако это было там, где был город в городе типа Сиди-Бишра.

По мнению Д. Фламбуриани, Сиди-Бишр — это «целый город со своими улицами и улочками, со своими учреждениями общественного и увеселительного назначения вырос из песка, под сенью нескольких одиноких пальм и под любопытными и недоверчивыми взглядами бедуинов. Что особенно радовало русских, так это близость культуры, Александрии...Теперь это уже не был конический и белый городок, послушный

ветрам (в отличие от Телль аль-Кебира. — *Авт.*). Теперь эмигранты занимали деревянные жилища, симметрично построенные бараки»⁵.

Это был город как город со всеми его особенностями. Сиди-Бишру были характерны те же пороки, что и Александрии. Было там и воровство. Вот что писала газета «Ля Реформ»: «Кража в русском кампе. Наши читатели помнят, без сомнения, обстоятельства, при которых была совершена крупная кража в лагере русских изгнанников в Сиди-Бишре, от которой пострадал один из высших русских офицеров.

Другая кража такого же рода была совершена недавно в том же лагере тремя ворами. Последние были застигнуты врасплох охраной лагеря, по которой они открыли огонь, и бросились бежать. Полиция их разыскивает»⁶.

Из Телль аль-Кебира сюда не только переехало большинство общественных организаций, но и их число существенно увеличилось. Поэтому духовная жизнь здесь была более активной, чем раньше. Русское культурно-просветительное общество, переехавшее из Телль аль-Кебира, было самой массовой и активной организацией русских беженцев. Ее членами были более полутораста членов. Как и раньше, здесь функционировал ликбез, электротехнические и бухгалтерские курсы, изучались иностранные языки — английский, французский и немецкий. Последние курсы посетил каждый седьмой житель Сиди-Бишра, т.е. примерно 260 человек. Занятия по электротехнике и бухгалтерии были организованы еще в Телль аль-Кебуре и закончены здесь.

Руководило Обществом правление, состоявшее из известных колонии уважаемых членов. У него был филиал в Мексе, на западе Александрии, он насчитывал 50 человек. При Обществе существовала детская секция, численность которой была непостоянна и колебалась от 16 до 315 детей и подростков.

Однако главным детищем Русского культурно-просветительного общества была школа, столь необходимая для обучения значительного числа детей школьного возраста. Возглавлял ее один из авторитетнейших колонистов П.Я. Добрыня-Конюхов. Она существовала в рамках детской секции Общества, которая была создана в конце сентября 1921 г. Напомним (см. табл. 4), что в целом к концу Первой мировой войны в Египте категория детей, подростков и молодежи от 5 до 20 лет насчитывала около 1300, через ю лет ее численность существенно сократилась и составляла около 600 человек. Понятно, что и в Александрии школу

должны посещать несколько сотен детей школьного возраста. Школа в Сиди-Бишре охватывала только юю учеников, остальные были вне пределов округа. В юю классах этого учебного заведения занятия начинались с 1 октября.

Педагогический совет школы состоял из 20 преподавателей. Учителя жалованья не получали. Благодаря помощи Русского культурно-просветительного общества и ряда доброжелателей были приобретены школьные принадлежности. Более того, при его детской секции был образован специальный фонд, который, «по мысли его создателей и спонсоров, должен был прийти на помощь наиболее нуждающимся детям в приобретении необходимых вещей, в устройстве игр и развлечений, пополнении детской библиотеки и т.п.». Так, русские служащие в администрации каменоломен Мекса в предместье Александрии, в том числе из состава караульной команды, пожертвовали в октябре 1921 г. около 7 фунтов. На эту сумму были куплены теплые костюмчики и носки, резиновая обувь и сапоги, тетради и карандаши⁴⁷.

Большую помощь учебному процессу, а также организации внешкольного досуга оказывал созданный при школе родительский комитет, который часто занимался устройством экскурсий, столь необходимых для разнообразия в целом серой жизни в лагере эмигрантов. Так, 30 октября состоялась экскурсия школьников по городу Александрии. Сообщая это известие, журнал «На чужбине» подчеркивает, что организация бойскаутов Александрии в ней участие не принимала, что она «не вступала и не вступает в контакт со школьной администрацией». Между тем, по воспоминаниям Дмитрия Конна, бойскауты в Александрии были очень активны: «В лагере организовали и скаутов...» (см. Приложение).

В Сиди-Бишре функционировали даже библиотеки — общественная, учебная и детская. Взрослую библиотеку благодаря помощи российских дипломатов с трудом укомплектовали 546 книгами, на каждого читателя (всего 302 записавшихся) приходилось менее двух книг. Общими усилиями для учебной библиотеки собрали 343 учебника по истории, географии, математике, литературе, иностранным языкам. Эта библиотека была сформирована, в основном, из книг, присланных культурно-просветительным отделом Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей в Париже Пальчевским и берлинским Союзом христианской молодежи.

В читальне насчитывалось более 60 газет на различных языках. Здесь же вывешивалась издаваемая активистами-читателями стенная газета, в которой, наряду с заметками о внутренней жизни русского Сиди-Бишра, публиковались переводы статей из английских и французских газет о происходящем в мире, в первую очередь — свежие новости из России. Ежедневно читальный зал посещали от 50 до 100 человек.

В Сиди-Бишре существовали два независимых друг от друга детских сада — один в кампе «А» с двумя руководительницами и один (с одной воспитательницей) в кампе «Д». Труд их также не оплачивался. В обоих дошкольных учреждениях насчитывалось 20 детей.

Освоившись немного в Сиди-Бишре и имея за собой некоторый опыт организационно-просветительской работы в Тель аль-Кебире, эмигранты-россияне пошли дальше: они стали издавать журналы и даже газеты. Есть сведения, что они выпускали «скромную, но элегантно оформленную» газету «Эмигрант». Об этом пишет Дм. Фламбуриани⁴⁸. Однако другого подтверждения этому сообщению мы не нашли.

Наибольшим достижением сидибишревцев следует считать издаваемый Русским культурно-просветительным обществом с июля 1921 г. журнал «На чужбине». Тираж одного номера превышал 100: шесть первых номеров «На чужбине» составил 718 экземпляров. Есть даже более конкретная статистика по этому уникальному журналу: общее число страниц составило 269, из них 137 страниц статей литературного, политического, научного характера, 49 — местной жизни, 25 страниц хроники, 13 театральные рецензии, 12 переводов, 2 — спорта. Помимо этого, в этих номерах было помещено 24 стихотворения, 96 рисунков, одна карта Египта, 6 оглавлений, 6 рисунков и 8 страниц объявлений. В издании номеров приняло участие 26 авторов. Свыше 250 номеров «На чужбине» было разослано редакциям газет и журналов, русским представителям и учреждениям за границей, местным британским властям, различным издательствам и авторам. Еще больше — около 330 — было продано.

В № 5 за ноябрь 1921 г. редакция журнала⁴⁹ поместила отзыв общеэмигрантской газеты «Общее дело» от 12 июля 1921 г. (№ 12): «Гектографированная тетрадь... На обложке, сверху, знакомый вид Кремля; а внизу — пирамида, сфинкс. Это сочетание — не случайный каприз художника. Так распорядилась жизнь. Родина, олицетворенная Кремлем,— далекая мечта; к ней рвутся чувства и мысли, а повседневная, тяжелая

действительность — мало кому ведомый уголок в Африке, Сиди-Бишра, куда судьба загнала обездоленных русских.

“На чужбине” — журнал, издаваемый Русским культурно-просветительным обществом, образовавшимся при лагере беженцев в Сиди-Бишре. Журнал украшен хорошими рисунками, исполненными Н.В. Савиным, и издан настолько изящно, насколько позволяли технические возможности, в том числе, по редакционному заявлению, испорченная пишущая машинка, в которой не хватает несколько букв и знаков, и весьма небольшая сумма денег, заимообразно предоставленная редакции Обществом русских и увечных воинов.

Журнал — выразитель негаснущей потребности родного и культурного общения между изгнанниками на чужбине.

Культурно-просветительное общество, по инициативе которого издается журнал, “обязано своим существованием счастливой мысли, родившейся в среде нашего студенчества, заброшенного в английский военный лагерь вблизи маленькой египетской деревушки Телль аль-Кебир”...

Русские студенты, английский лагерь, египетская деревушка — созвучия и совпадения наших дней!

Потребность мыслить и жить духовными интересами, потребность учиться и учить других, невозможность вырваться из лагеря и устроиться на стороне — все это заставило искать выход из той обстановки унижения и безысходности, в которую была роковым ходом событий брошена наша беженская волна.

Раздался клич: “Студенты, объединимся!”

Так возник кружок, впоследствии преобразовавшийся в Общество, которое при помощи добрых людей раздобыло книги, организовало курсы иностранных языков и прикладных знаний; ввело в лагерь культурную жизнь, стало издавать журнал.

Все статьи “На чужбине” проникнуты стремлением к Родине, к ее возрождению, и поражает в них хороший, бодрый дух, который не могут сломить ни зной, ни пески, ни все невзгоды оторванной, брошенной в чужую Африку, под чужим законом жизни.

Привет вам, дорогие изгнанники!

И привет собрату-журналу, вещающему бодрое родное слово на далекой чужбине, в самых страшных условиях беженства»⁵⁰.

Ободренная очевидным успехом выхода в свет первого номера, редакция журнала направила экземпляр Чрезвычайному посланнику и Пол-

номочному министру А.А. Смирнову, в сопроводительном письме в котором говорилось: «При издании журнала Правлению пришлось преодолеть многие трудности, как материального, так и технического характера. Но в дальнейшем Правление надеется, что при дружной поддержке всех русских ему удастся преодолеть указанные трудности, и журнал будет издаваться в более изящном виде и более богатым по содержанию»⁵¹.

Тематика публикуемых материалов в журнале была разнообразна — тут и постоянные стихи эмигрантов, посвященные самым различным темам, в том числе и стране пребывания, и теософские заметки, и обзоры мировых политических событий, и анализ обстановки в России, и разбор английской политики в Египте на основе ежегодного доклада Британского верховного комиссара (обычно с благодарностью в адрес королевской колониальной администрации — «все сведения о плохом обращении с русскими беженцами лишены всякого основания»⁵²). В каждом номере журнала помещена местная хроника, из которой узнаем о повседневной жизни сидибишревцев. В ноябрьском номере 1921 г., на обложке которого изображен рисунок эмигранта М.Л. Алексеева египетской крестьянки с украшениями на шее и кувшином воды на голове, прилагается следующее содержание:

1. Счастье. Стихотворение Ф. Щербинина.
2. Великие пути. Стихотворение Н. Захарова.
3. Призраки. Стихотворение в прозе Ф. Щербинина.
4. История России в мировом аспекте.
5. Из записной книжки. Заметки. Человек XX в. Н. Мокина.
6. Новейшие течения в науке права. Н. Кушталова.
7. Очерки Египта. Экономическое положение феллаха. Н.П.
8. Международный язык эсперанто и русские беженцы. Н. Вилькел.
9. Местная жизнь: Виконт Алленби о русских беженцах в Египте. Донской кадетский корпус в Исмаилии. Русский госпиталь в Телль аль-Кебире. Хроника: Театр. Спорт. Русская школа. Русское культурно-просветительное общество. Лагерь.

Всего в этом номере журнала «На чужбине» 42 стр. Цена 5 пиастров.

Содержание приведенного номера «На чужбине» не нуждается в особом комментарии, укажем кратко на суть двух статей. В заметке врача Н. Мокина, посетившего Чехословакию, говорится о славянском духе взаимопомощи, о многочисленных мерах, предпринятых президентом этой

республики Масариком, направленных на помощь русским белоэмигрантам; приводятся данные о государственном устройстве в стране. Вторая публикация Н.П. посвящена положению египетского феллаха, написана со знанием дела, при умении автора анализировать интересные им приводимые факты, с явной симпатией по отношению к египетскому крестьянину.

Выход в свет журнала «На чужбине» не остался незаметным в многочисленной русской диаспоре, рассеянной практически по всему миру. В правление стали поступать многочисленные заявки на него: «Редакция журнала “На чужбине” получает последнее время многочисленные требования о высылке журнала, из которых отметим: “Бюро по экспорту и импорту русских книг” и “Антиквариат русских книг ‘Россика’” в Берлине, “Военную библиотеку и архив в Белграде”, представителя русских газет и журналов в Германии В.Д. Емцева. Некоторые заказы редакцией исполнены, и в Германию выслано некоторое число номеров. Взамен высланных номеров редакция просила выслать ей современные русские журналы и книги, выходящие за границей»⁵³.

Действительно, библиотечный фонд постоянно пополнялся. Способствовало этому и то обстоятельство, что Русское культурно-просветительное общество получало целенаправленные субсидии для библиотеки. Так, в частности, в октябре 1921 г. Инспектор русских беженцев в Египте выделил 5 фунтов непосредственно для библиотеки. На эту сумму были заказаны берлинскому книгоиздательству Ладыжникова и пражскому «Наша речь» классические произведения отечественных авторов — Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Достоевского, Толстого, Гаршина, Гончарова, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, несколько дешевых детских книг, учебники по истории русской литературы, руководства по тригонометрии, аналитической геометрии, высшему математическому анализу, истории, а также книги по общественным и экономическим вопросам⁵⁴.

Были и другие попытки в лагере Сиди-Бишра наладить выпуск местных периодических изданий для некоторых категорий беженцев. Так, в том же 1921 г. Русское культурно-просветительное общество выпустило тиражом в 50 экземпляров первый и единственный номер детского журнала «Маленький писатель» объемом 12 страниц с 5 рисунками.

Имела свой орган и группа выходцев из Малороссии, объединившаяся в Сиди-Бишре в «Украинский гурток», который насчитывал к концу 1921 г. около 80 членов. В течение полугода 1-2 раза в месяц это объе-

динение выпустило ю номеров журнала «На руинах» каждый в 6 экземплярах. Недостаток средств не позволил далее печатать это издание, выходявшее, главным образом, на украинском языке. При «Украинском гуртке» была небольшая библиотека с читальным залом, где можно было просмотреть газеты и журналы, в основном, опять же на украинском языке.

В начале 1922 г. начал издавать свой журнал Союз русских студентов Александрии, обосновавшийся в Сиди-Бишре. Родоначальник распространения русской культуры среди эмигрантов студенческое объединение в Тель аль-Кебире после переезда сюда стало выпускать собственный журнал «Орион», первый номер которого вышел всего за несколько месяцев до закрытия русского лагеря в Сиди-Бишре, а потому оказался единственным.

Помимо своей основной цели — распространения русской культуры среди российских изгнанников в Стране пирамид, обе организации — Союз русских студентов в Египте и Союз русских студентов в Александрии (оба объединявшие 300 человек), главным образом, занимались предоставлением своим членам возможности продолжить образование за границей. В этом они значительно преуспели. Кстати, этому поспособствовала поездка доктора Н. Мокина в Чехословакию, когда в опубликованных в журнале «На чужбине» своих «Заметках...» он сообщил, что чехословацкое правительство пришло на помощь зарубежной России, объявив о приеме в вузы страны юоо студентов из русского зарубежья⁵⁵.

ю ноября в 1920 г. в лагере «Д» Сиди-Бишра началось чтение доктором Клименко еженедельной устной газеты под началом генерал-майора Ф.П. Рерберга. Однако за недостатком средств в первых числах октября 1921 г. эта передача была прекращена⁵⁶.

Относительно длинная цитата из газеты «Общее дело», приведенная выше, помимо пафоса, характерного, видимо, для подобных изданий, призванных внушать уверенность российским беженцам вдали от Родины, приводит очень нужные и редкие факты об их жизни в Александрии.

Общество русских и увечных воинов также упоминала газета «Общее дело». Оно объединяло около 200 человек. В задачу этой ассоциации, так же как и Общества взаимопомощи русских офицеров в Александрии (образовано в конце 1921 г.; всего 50 членов), входило предос-

тавление материальной поддержки своим членам. Для сбора средств эти организации нередко устраивали благотворительные вечера. Очень много внимания Общество взаимопомощи русских офицеров уделяло воспитанию мальчиков (Дима Конн писал в своих воспоминаниях, что «большинство детей принадлежали к военным семьям, главы которых скоро объединились»).

Русские казаки тоже были представлены в Сиди-Бишре, а именно Александрийской станицей, которая насчитывала свыше юо человек и подчинялась Донскому правительству в Софии. Ассоциация преследовала цель объединения всех русских казаков за рубежом и защиту их интересов.

В лагере Сиди-Бишр был еще ряд мелких объединений, среди которых фигурировал Польский кружок. Он состоял всего из 40 членов, стремившихся выехать на родину. Эта их цель совпадала с устремлениями британского командования, выполнявшего волю своего правительства, объявившего о скорейшей репатриации подданных Латвии, Литвы и Польши⁵⁷.

Умелое руководство британского командования, которое, по мнению русских беженцев, предоставляло необходимую и своевременную помощь русским беженцам в Сиди-Бишре, рассчитывая со временем вернуть затраченные средства от российского правительства, дополняла созданная самими россиянами гибкая структура внутренних организаций лагеря, приведенная нами выше.

Можно назвать еще Группу любителей природы, современных «зеленых». Она имела свой устав. Но число членов не превышало 15 человек. Видимо, было не до природы. Повседневные проблемы, скорее всего, да и ностальгия, оторванность от родины захватывали полностью и не давали возможность от них абстрагироваться и заняться нормальным досугом, в том числе уделять внимание вопросам окружающей среды. Группа любителей природы существовала с 1 февраля 1921 г. Тем не менее, этот кружок был очень активным, устраивал многочисленные экскурсии по Александрии и ее окрестностям. В частности, любители природы побывали на озере Марьют, в каменоломнях Мекса и т.д.

Тем не менее, в Сиди-Бишре занимались спортом, хотя там и не было массовой физической культуры. Может быть, опять же в силу указанных выше причин. Не обошлось и без футбольной команды Сиди-Бишра, в которую входили 6-7 англичан и 5-7 русских. Причем на конец

1921 г. планировалось создание чисто русской сборной. И если бы не последовавшая эвакуация кампа Сиди-Бишра, она была бы наверняка организована.

Уже цитированный нами журнал «На чужбине» № 5 за ноябрь 1921 г. сообщал о нескольких состоявшихся матчах в октябре-ноябре 1921 г. 18 октября сборная Сиди-Бишра выиграла встречу с британскими военными со счетом 3:1; 28 октября она проиграла арабской почтовой команде 0:1; 30 октября сборная Сиди-Бишра провела матч с индусами, который закончился 3:2 в пользу сборной в рамках массового гулянья; 2 ноября она сыграла 4:1 со 2-й командой Абу Кира (летчики); 5 и 7 ноября сборная Сиди-Бишра выиграла два матча с абукирцами; 9 ноября она разгромила со счетом 4:0 сборную индусов, в составе которой играли 6 английских офицеров и 6 индусских солдат⁵⁸. Товарищеские матчи футболистов Сиди-Бишра с александрийскими командами с переменным успехом продолжались вплоть до закрытия лагеря⁵⁹.

Еще больший размах получила собственно культурная деятельность художественных коллективов и ансамблей Сиди-Бишра, отмеченная еще в самом начале девятилетним русским мальчиком Димой Конном: «Командант лагеря был англичанин, как и вся его администрация, но скоро организовали лагерь и сами русские. Таким образом, появилась русская школа, начались спектакли, концерты и т.д.». Ему вторит Дмитрий Фламбуриани: «Английская администрация лагерей со всей душой подошла к оказанию помощи эмигрантам. Без ее поддержки не смогли бы, наверное, существовать ни школы, ни ателье, ни церкви, ни театры.

Театр был создан благодаря длительным и терпеливым усилиям артистов и любителей искусства. Как только театр устроился под своеобразным навесом, сразу же стал заслуженно пользоваться популярностью. Конечно, внешне он не был особенно помпезен, но внутреннее убранство, декорации и занавес, мастерство артистов, музыка и пение — все было русским, все напоминало о далекой России⁶⁰. В театре было боо зрительских мест.

На сцене этого театра выступали многие коллективы. Большой популярностью пользовалась Русская музыкально-драматическая труппа «Баян». Ее состав насчитывал 35 человек. Спектакли ставились за плату, лишь дважды в месяц они давались бесплатно. В репертуар труппы входили русские классические пьесы «Дядя Ваня» А.П. Чехова, «На бойком месте» и «Тяжелые дни» А.Н. Островского. Были и постановки для

детей. В труппу входили артисты Андреева, Афанасьев, Валув, Гунько, Антоненко, Ольгин, Панина, Пиотух, Савинов, Смирнов, Кулдыш, Чистовский. В комедийных ролях хорошо играл артист Келдыш, каждое появление которого вызывало у зрителей взрыв смеха⁶¹.

Правда, подчас игра артистов желала лучшего. Так, критик из журнала «На чужбине» писал после просмотра постановки «Тяжелые дни» в театре 9 октября 1921 г., что постановка «прошла без особого подъема, но сносно. Замечалось отсутствие сыгранности, слабое знание ролей». Однако состоявшийся 9 октября концерт для англичан под руководством М. Кузнецова был удостоен уже положительной оценки⁶².

Русский духовой оркестр был организован англичанами, включая покупку духовых инструментов, он состоял из 18 музыкантов. Руководил этим оркестром, равно как и ансамблем балалаек, изготовленных сами участниками, М. Никитин. Коллектив балалаечников насчитывал 14 человек. Конечно, русские балалаечники в косоворотках с виртуозностью и пронзительностью, с похожестью и в то же время непохожестью их балалаек на местные струнные инструменты были в диковинку египтянам. Александрийская газета «Ля Реформ» отмечала, что балалаечный ансамбль всегда пользовался популярностью среди александрийцев. Вот и 8 октября 1921 г. оркестр из 15 балалаечников сопровождал выступление русской певицы Лидии Преображенской в александрийском клубе «Эсхиль-Арионе»⁶³.

Из 8 музыкантов состоял симфонический ансамбль, который, в основном, специализировался на камерной музыке. Зарабатывая себе на жизнь вне лагеря, часто давал домашние концерты. Судя по хронике александрийских газет, этот симфонический коллектив русских музыкантов очень часто приглашали в театры, гостиницы и казино города. Так, 2 июня в Нельсон-отеле в Абукире, восточной Александрии, «имеющем прекрасный вид на море, часто посещаемый это заведение русский симфонический оркестр дал очередной концерт местной публике»⁶⁴.

В дальнейшем, видимо, после закрытия русского лагеря в Сиди-Бишре, этот коллектив получил наименование «Русский фестиваль» и продолжал достойно выступать на музыкальных площадках Александрии и других крупных городах Египта, демонстрируя разнообразную программу своих концертов. Так, в крупнейшем казино северной столицы Сан-Стефано при участии сопрано Лидии Преображенской этот симфонический оркестр представил в первой части программы — «Патетическую

симфонию» (ч. 1-2) П.И. Чайковского; «В степях Центральной Азии» Бородина; «Интермеццо № 1» Калинникова; «Романс» Рахманинова; арии из «Садко» (ч.г) Римского-Корсакова. Во второй части — «Шехерезада» Римского-Корсакова; «Пасха». Увертюра на темы Русской церкви Римского-Корсакова⁶⁵.

Однако главной ударной музыкальной силой, как местной, так и «всея Александрия», явились русские хоры. Их было несколько. Прежде всего, это Русский смешанный хор, который находился под управлением Корытина. Число его участников состояло из 25 человек, среди которых было 13 мужчин и 12 женщин. В репертуар этого хора входили русские песни.

Зарекомендовал себя и мужской хор, состоявший из 16 человек, под руководством Афанасьева. И, наконец, церковный хор под руководством Глаголева, который редко выезжал за пределы Сиди-Бишра. Число членов его коллектива колебалось между 12-15 человеками.

В Египте до этого времени хоровое пение не приобрело сколько-нибудь серьезного значения. В какой-то степени деятельность русских хоров в Сиди-Бишре положила начало серьезной попытке внедрения этой музыкальной культуры на берегах Нила. Поэтому вполне можно понять эмоциональный настрой Дм. Фламбуриани, который восклицал в своих вышеупомянутых очерках «Русские в Египте»: «И бедуины, эти сонные пастухи, были поражены мощью хора в 40 голосов, один лучше другого. Это послужило началу нового направления искусства, неизвестного ранее в Египте, его быстро освоили и полюбили». «Огромным успехом, — продолжал он, — пользовался хор Н. Афанасьева, которому был доверен в дальнейшем Патриарший хор»⁶⁶. Это было полной противоположностью тому, что называется «глас вопиющего в пустыне». Русские хоровые коллективы Сиди-Бишра в известной мере положили начало хоровому искусству на земле Египта, до этого почти не известному на берегах Нила.

Самодетельность лагеря в Сиди-Бишре, выражавшаяся, по словам того же Дм. Фламбуриани, в «вечерах, концертах и сольных выступлениях, пользовалась большим успехом и популярностью».

Далее, продолжает Дм. Фламбуриани, «желание донести свое искусство до иностранцев и надежда на то, что, понравившись им, оно может улучшить жизнь, выводили русских за пределы лагеря. Сергей Фадеев и Федор Вокрам, З. Шуберт и Л. Преображенская и многие другие были пионерами этого движения»⁶⁷.

Действительно, александрийская пресса изобиловала сообщениями с похвалой о выступлении этих трупп и солистов. Читаем в «Ля Реформ»: «Большой концерт. Сегодня 29 июня в зале Американской миссии будет дан большой концерт г-жой Лидией Преображенской вместе с лирическим тенором Алеви и пианистом Лонтосом. После оперных арий и романсов г-жа Преображенская споет цыганские песни, специально переведенные на французский язык. Билеты 50 пиастров»⁶⁸.

Через некоторое время эта же газета сообщает: «Зинаида Шуберт, первая танцовщица московской оперы, завтра в четверг даст в аль-Хамбре 21 июля прощальный концерт в блестящем сопровождении Игнатова, оперного баритона Вокрама и лирического тенора Алеви. Чрезвычайно разнообразная программа обещает в этот вечер большой успех»⁶⁹.

Это сообщество русских деятелей искусств в разных сочетаниях и на разных концертных площадках продолжает восхищать александрийцев: «В пятницу 2 сентября 1921 г. в праздничном зале казино Сан-Стефано под эгидой Комитета египетских женщин будет дан большой концерт Лидией Преображенской, которая после избранных оперных фрагментов споет песни русских цыган в новом переводе на французский язык Дмитрия Фламбуриани. Эти песни в скором будущем будут отпечатаны и представлены на продажу на концерты в казино. В концерте участвуют: Федор Вокрам, оперная прима Зинаида Шуберт со своим партнером танцовщиком В. Игнатовым»⁷⁰.

В дальнейшем З. Шуберт основала русскую труппу «Пан», которая дебютировала в «Олимпии» и «Конкордии». Труппа пользовалась большой популярностью, свои спектакли ставила в жанре известной «Летучей мыши», распущенной в связи с известными политическими событиями, поразившими страну⁷¹. Речь идет о новом всплеске национально-освободительной борьбы египетского народа в 1921 г.

Как видим, активное участие в выступлениях сидибिशревцев принимал автор уже цитированной брошюры «Русские в Египте» Дмитрий Фламбуриани, оказавшийся одаренным поэтом, перелавшим в стихотворной форме на французский язык цыганские романсы.

Интересны отзывы, последовавшие за этим представлением: «Концерт, организованный вчера вечером в Сан-Стефано госпожой Лидией Преображенской при участии г-жи Зинаиды Шуберт, Василия Игнатова и Федора Вокрама, имел блестящий успех. Отсутствие свободных мест говорит о многом»⁷².

Через несколько дней газета поместила еще один отклик: «Концерт, данный в прошлую пятницу г-жой Лидией Преображенской в казино Сан-Стефано, имел огромный успех. Зал, наполненный избранной публикой, оттененной присутствием значительного числа египетских дам, был превосходно декорирован.

После нескольких романсов Массне и Чайковского, а также оперных арий, где она смотрелась, как само совершенство, мадам Преображенская исполнила цыганские песни, переведенные на французский язык Дмитрием Фламбуриани. В этом чудесном концерте принял участие баритон Федор Вокрам. Полагаем, что г-жа Преображенская еще не раз споет в Сан-Стефано в сопровождении симфонического оркестра»⁷³.

Нашлось место в Сиди-Бишре и Общественному собранию, которое объединило выходцев из многонациональной России в один поток. Под эгидой этого «веча» в лагере устраивались периодические выставки, лекции, организационные собрания, литературно-музыкальные вечера. В его рамках действуют общественная, учебная библиотеки и читальни при них, читальня и библиотека «Украинского гуртка». Здесь же проводит свои заседания Русское культурно-просветительное общество. В этом центре общественной жизни россиян располагалась контора и типография издательства журнала «На чужбине».

По инициативе этого александрийского «веча» было принято решение о проведении 6 ноября 1921 г. комитетом лотереи для русских изгнанников, благотворительной акции для вспомоществования нуждающимся беженцам⁷⁴.

Не осталось в стороне Общественное собрание лагеря Сиди-Бишра от инициативы Интернационального комитета Египта помощи голодающим России в организации костюмированного бала, который состоялся в Императорском театре (бывшем Рашидском саду) на протяжении трех вечеров 8, ю и и декабря. Четыре ценных приза были вручены лучшим маскарам. В эти же дни по утрам были устроены грандиозные карнавалы для детей. Эти балы имели большой успех, их участники весело и развлекательно провели несколько часов, посвятив в то же время по часу этого времени высокому чувству милосердия и гуманной солидарности. В эти дни трамваи ходили до двух часов утра⁷⁵.

Общественно-культурная жизнь обитателей Сиди-Бишра продолжалась, часто выплескиваясь за пределы лагеря. По мере возможности, день за днем они изыскивали новые возможности стабилизировать свое

положение в Египте. Беженцы постепенно осваивались в Александрии, занимая экономические ниши, которые, не без труда, постепенно оказывались им доступными. Тем не менее, британская администрация, в чьем ведении находились беженцы, только отсрочила приговор русскому Сиди-Бишру, но не отменила свое давнишнее решение вывезти россиян в славянские страны Европы.

Уже в середине 1921 г. александрийская пресса стала осторожно рассматривать вопрос о реэмиграции россиян из долины Нила. В конце июня появляется информация о предпринимаемых в этом отношении Лигой Наций⁷⁶ мерах для реализации этого проекта. Совет этой международной организации создает комиссариат, наделяя его полномочиями направлять русских изгнанников в количестве 2 млн., в том числе юо тыс. врангелевских войск, в те страны, куда они пожелают выехать. На эти цели комиссариату выделяется 250 млн. франков для направления правительствам тех государств, которые изъявят желание за деньги пригласить беженцев. Их также запросят о том, в каких суммах они будут нуждаться в русских депозитах в своих банках для этих целей⁷⁷.

Любопытно, что параллельно египетские власти внимательно наблюдают за событиями, происходящими в Советской России и вокруг нее. Так, александрийская «Ля Реформ» пишет, что Совет министров Италии внимательно изучил торговое соглашение, подписанное Воровским и римским кабинетом. Будут сделаны некоторые поправки к ранее принятому решению по этому вопросу в целях оживления торговых связей между Москвой и Римом⁷⁸.

Интерес к России, к ее нынешнему положению, состоянию ее международных дел со стороны местной прессы был вполне объясним. Не последнюю роль в этом интересе играло присутствие русских беженцев на земле Египта.

Все более частое появление представителей советского режима в мировой политике — на международных форумах и в двусторонних отношениях — заставляло реагировать египетское общественное мнение в целом и александрийское в частности на события такого рода, поскольку становится очевидным, что Советы побеждают. В связи с этим на страницах каирских и александрийских газет все устойчивее появляется термин «Советская Россия», который заменяет слово «Россия»⁷⁹.

Участившиеся сообщения местных газет о готовящихся мерах по репатриации русских беженцев и тщательной подготовке британской ад-

министрации и местных властей к этому не были случайными: они отражали позицию властей в Каире, как британских, так и египетских, интересы которых они выражали.

Прошло совсем немного времени — чуть более месяца — и вот уже собкор пробританской «Мукаттам» в Александрии сообщает, что «согласно осведомленному источнику египетское правительство намеревается изучить проект создания независимой “Администрации по эмигрантам” в рамках Министерства внутренних дел с целью эффективного контроля за иностранцами, пребывающими в Египте. После соглашения с МИД эта Администрация открывает три бюро в Порт-Саиде, Каире и Александрии, чтобы досконально изучать бумаги иммигрантов, устанавливать их идентичность, знать цели их прибытия»⁸⁰. Вполне вероятно, что это явилось отчасти следствием переписки А.А. Смирнова с М.Н. Гирсом, в частности, просьбы первого к последнему в письме от 8 ноября 1923 г. (см. Приложения). Как мы увидим ниже, эти бюро были-таки открыты в упомянутых трех городах.

Не прошло и двух недель со дня предыдущей публикации, как осведомленная александрийская пресса уже заявляет о том, что, по сведениям хорошо информированного источника, военные власти прекратят выдавать субсидии русским беженцам, которые на протяжении некоторого времени находятся в лагере Сиди-Бишр. Одна из центральных египетских газет того времени «Вади ан-Ниль» («Долина Нила») задалась вопросом по этому поводу, что «могут поделаться многочисленные изгнанники, которые будут брошены таким образом на произвол судьбы, если для них не будет предпочтительным реэмигрировать?»⁸¹.

Этой деликатной теме была предпослана редакцией газеты специальная информация (в этом же номере), которая могла бы сгладить и как бы нейтрализовать воздействие известия о судьбе обитателей русского Сиди-Бишра: «Русские не были приняты в Бразилии. Прибыв сюда, они были посажены на суда и отправлены в Константинополь»⁸².

Развивая эту тему в своих последующих публикациях, «Ля Реформ» отмечала в статье «Русские изгнанники на Корсике», что пароход «Бургмейстер фон Маль», который репатрирует в Одессу многие сотни русских изгнанников, коим было отказано в Бразилии в праве на иммиграцию, неподвижно стоит на рейде в Аяччо⁸³. На следующий день газета сообщила, что «Бургмейстер фон Маль» покинул Аяччо, имея на борту 1200 русских беженцев, в направлении Константинополя. Затем она до-

бавляет, что министр иностранных дел Франции заявляет, что идея направления этого парохода в Константинополь является недоразумением, поскольку французское правительство никогда не будет возвращать силой русских изгнанников в страну Советов⁸⁴.

Александрийская пресса продолжает внимательно следить за «своими» русскими беженцами. Так, 27 сентября 1921 г. «Ля Реформ» сообщает, что, по заявлению некоторых газет, военные власти рассматривали возможность аннулирования помощи, которую они предоставляли русским изгнанникам в Сиди-Бишре.

По этому поводу, сообщал корреспондент «Вади ан-Ниль» из Каира, было предложено египетскому правительству выплачивать этим беженцам общее ежемесячное пособие от 300 до 400 ег.ф. с тем, чтобы они могли удовлетворять свои скромные потребности⁸⁵.

Что же касается общих расходов, выделяемых британским правительством на содержание русских эмигрантов в долине Нила, то, по данным на 4 ноября 1920 г., на 2597 человек оно тратило 13420 ф. ежемесячно, затем они возросли до 21 тыс. ф. При этом, цитирует журнал «На чужбине», ссылаясь на английское информационное агентство, «до сих пор никто не внес предложения приобщить этих людей, вся вина которых заключается в их несчастье, к общей рабочей жизни страны на равных основаниях с остальными свободными гражданами, пока им не представится возможность возвращения на родину»⁸⁶.

Предложение о судьбе «этих несчастных изгнанников» внесло само британское правительство, которое в целом принимало деятельное участие в их судьбе⁸⁷. Однако надежды на покрытие этих расходов британского военного фонда за счет русского правительства с каждым днем и месяцем все больше таяли. Судя по отчету лорда Алленби за 1920 г., поражения белой армии в этой же мере стали беспокоить английских налогоплательщиков, которые чаще стали ставить вопрос в британской прессе о целесообразности больших расходов на содержание русских беженцев, в том числе и в долине Нила.

«Поэтому, — писал журнал «На чужбине», ссылаясь на упомянутый отчет британского комиссара в Египте, — главные старания властей были направлены к репатриации. Затруднения и продление (пребывания беженцев в Египте. — *Авт.*) были созданы трудностью подыскать транспорт. 8 октября пароход «Херсон» отплыл по направлению к Константинополю — Крым, унося на своем борту 1038 беженцев. Судно было снабжено углем

и продуктами питания средствами Русского Красного Креста. Теплая одежда была доставлена Английским и Русским Красными Крестами»⁸⁸.

При этом правительством Его Величества было предписано английским и местным властям, в случае пожелания беженцев возвратиться в Россию, не ставить им в этом отношении никаких препятствий, воздерживаясь в то же время от содействия.

В начале ноября 1921 г., по данным агентства «Рейтер», в Палате общин Великобритании было заявлено, что с начала августа этого года Египет покинули 70 русских беженцев и что ежегодное финансирование этих изгнанных на Кипре и в Египте обходится британской казне в 120 тыс. ф. ст.⁸⁹

Заинтересованная александрийская пресса внимательно отслеживала затянувшийся процесс репатриации россиян. Неделий ранее «Ля Реформ» (23-24 октября 1921) напомнила, что несколько дней тому назад военные власти объявили об аннулировании субсидий русским беженцам, которые еще продолжают находиться в лагере Сиди-Бишр. Правительству было сделано предложение определиться с окончательной суммой ежемесячных субсидий русским отверженным, которые могли бы поддержать их до опоры их на собственные силы. Военные власти предупредили русских беженцев заранее, что последняя отсрочка им будет сделана до конца декабря, когда они должны будут найти место. По истечении этой даты будут приняты необходимые меры по их репатриации.

Тем не менее, по воспоминаниям бывшего командира-коменданта Севастопольской крепости генерал-майора Ф.П. Рерберга, ему удалось убедить супругу командующего британскими вооруженными силами в Египте леди Конгрив, курировавшую русскую эмиграцию, не отправлять беженцев, не имевших в большинстве своем теплую одежду, зимой в Европу⁹⁰.

«Примерно за месяц до отъезда, — вспоминал Федор Петрович, — у нескольких благомыслящих жителей наших кампов пришла на память мысль о том, что неприлично нам всем, спасенными англичанами от явной смерти в Новороссийске, уезжая из Египта, не послать благодарственных прошений королям Англии и Египта», не послать благодарственных прошений королям Англии и Египта, леди Конгрив, «проявлявшей всегда к нам сердечность и внимание», а также письмо благодарности всему педагогическому коллективу гимназии. В

ближайшую пятницу через свою устную газету генерал Рерберг объявил об этом в присутствии 500 человек, которые встретили это известие аплодисментами⁹².

Русский лагерь в Сиди-Бишре был ликвидирован в начале лета 1922 г. Вот как запомнил этот момент Дима Конн: «Не помню, сколько времени все это длилось, год, полтора, а может быть, и больше, но только в один прекрасный день англичане сказали, что всех эвакуируют в Югославию и Болгарию, но те, кто желает остаться, то есть могут прокормиться, свободны оставаться и устраивать свою жизнь в Египте. Так вот мы оказались в меньшинстве в числе около юоо русских, кто остался в Египте»⁹³.

2.3. Русская община после Сиди-Бишра: численность и род занятий эмигрантов

Оставшиеся после ликвидации лагеря в Сиди-Бишре русские изгнанники пополнили ряды своих соотечественников, покинувших лагерь ранее, а также тех, кто никакого отношения к Сиди-Бишру не имел и проживал в Александрии до прибытия транспортов из Новороссийска в феврале-марте 1920 г.

Тем не менее, со временем численность русской колонии во второй столице Египта постоянно изменялась в сторону ее уменьшения. Это движение можно проиллюстрировать высказыванием одного русского александрийца, устроившегося в полицию города. В этой связи литератор и журналист (псевдоним Шарки) А.Л. Марков вспоминал: «В двадцатых годах мне, одному из первых русских в Александрии, удалось устроиться, поступив на службу в полицию порта, что было соединено с постоянным заработком и некоторыми возможностями содействовать землякам. По этому случаю наш дом вскоре превратился в караван-сарай для проезжавших через Египет русских... Были здесь стремившиеся в иностранные легионы и из этих легионов бежавшие: глоб-троттеры, пешком и на велосипедах, служившие в китайском флоте и парагвайской кавалерии, бежавшие из войск Кемалея и Красной армии, просто едущие в южную Африку, Америку и Австралию, искавшие труда люди и от труда бегущие...»⁹¹. Просмотренные нами номера александрийской газеты «Ля Реформ» за исследуемый период в рубрике «Движение в

порту» дают возможность проследить прибытие и отбытие россиян из Египта. Так, и апреля 1921 г. в Александрию на египетском пароходе «Хелуан» прибыли супруги Клебановы⁹⁵. Таким образом, Египет вообще и Александрия в частности все еще притягивали изгнанников из России, которые по тем или иным причинам не устроились в Европе. Эта участь постигла семью Сериковых из Петрограда, которая после разгрома белой армии волею судеб оказалась в 1920 г. в Константинополе. В 1921 г. она выехала оттуда в Александрию⁹⁶.

В этом же году присоединился к своей семье после разгрома врангелевских войск в Крыму отец Дм. Конна: «Как он нас нашел, я не помню, — писал Дм. Конн в своих воспоминаниях, — но он эвакуировался на французском военном судне»⁹⁷. Анатолий Дмитриевич Конн был в числе других военнослужащих белой армии, которые после сдачи Одессы второй волной после Новороссийска прибыли в Александрию⁹⁸.

Как видим, среди беженцев Египет пользовался известной популярностью. Неспроста, видимо, один из кадетов Донского корпуса писал в своих мемуарах: «Вспоминая прожитые в Египте два года, я вижу, что в той, теперь уже далекой жизни много интересного материала осталось на память. Под каким-то особенным влиянием египетской культуры, песков пустыни и зноя шла интенсивная работа. Много материалов для наблюдений и размышлений оставила нам таинственная страна, где арабы рассказывали нам сказки, как будто списанные с “Тысячи и одной ночи”, где по великолепным шоссе проходят верблюды и бедуины, где женщины прячут лица под покрывалом, а феллахи в цветных халатах ездят на велосипедах босиком, где пальмовые рощи простираются в морях песка... Для кадетов Египет стал уже родным...»⁹⁹.

Следует отметить, что русских беженцев в Египте было бы больше, если бы позволили условия их приема здесь. Об этом сообщал журнал «На чужбине», исходя из доклада королю Британского верховного комиссара Алленби за 1920 г.: «Ощущение страной продовольственных затруднений и максимальное напряжение карантинными заведениями своей дееспособности вынудило правительство, вне зависимости от политических соображений, особым распоряжением запретить дальнейший приток беженцев. Было допущено несколько исключений, чтобы дать возможность соединиться семьям». Примером этому может послужить воссоединение семьи Конн.

Как сообщила автору Т.Дм. Конн 29 сентября 2009 г. из Глазго: «Вова (Владимир Анатольевич Дивов — отец Элен и племянник Сергея Владимировича Дивова) родился в Константинополе в 1920 г. и приехал с родителями в Египет через Болгарию в 20-е годы — совершенно случайно — мать его знала жену югославского консула в Египте и через него семья получила возможность поселиться в Египте. Жизнь в Болгарии была очень тяжелая...».

Об этом сообщала в свое время александрийская пресса. Так, «Ля Реформ», ссылаясь на каирскую газету «Ле Журналь дю Кейр», писала: «Русские беженцы, которые недавно были эвакуированы из кампа Сиди-Бишр в Болгарию, похоже, не нашли земной рай в стране, куда они насильно были отправлены искать убежища. Русский Освободительный комитет отдает себе отчет гонениям, жертвами которых становятся российские эмигранты в Болгарии, увеличившиеся остатками армии Врангеля».

«После дружественных контактов, — продолжает та же газета, — между председателем Совета министров Болгарии и Коммунистической партией, вслед за дружественными переговорами с советским делегатом на конференции в Генуе Раковским поднимается кампания против русских изгнанников, которой вторит пресса. Были сфабрикованы документы с целью доказать подготавливаемый русскими военный переворот против Советов и самой Болгарии. Русский генерал Буров, раненный кинжалом на улице, многие генералы и высшие офицеры арестованы, другие высланы.

Две русские газеты были закрыты, один из редакторов был депортирован в Сербию; русские женщины были бесцеремонно обысканы болгарскими солдатами; русские были подвергнуты грубому обращению на улицах; схваченные и арестованные лица были побиты и подвергались всякого рода унижениям. Однако никакого противодействия издевательствам не было установлено; противоправные действия не имели под собой никакого основания и ни один из россиян не предстал перед судом. Русские беженцы говорят, что не совершили никакого враждебного акта против страны, которая их приютила, но не забывают, что это Россия ценой своей крови купила независимость Болгарии в 1877-1878 гг.»¹⁰⁰

Ввиду такого отношения русские беженцы продолжали прибывать в Египет, хотя и не на организованной основе, которую отвергли коло-

ниальные и египетские власти, потому что, в силу уже указанных обстоятельств, не могли справиться с большими группами беженцев. Но прибытие в Египет было действительно затруднено.

Из-за скрипача Хрущева с женой и дочерью, который, желая прибыть из Афин в Египет в 1923 г. и заработать концертами в Каире и Александрии средства к существованию, затеялась целая переписка с участием российских Генконсульств в Греции и Каире, дирекции паспортного бюро в Каире. Лишь когда бюро выяснило, что семья Хрущевых прибывает на гастроли только на три месяца и что александрийский греческий магнат Бенаки поручился, что даст средства на проживание семьи в Египте и выезд из него, только тогда музыканту и его родственникам было дано разрешение на въезд в долину Нила.

Более того, российский консул в Александрии А.М. Петров с большим трудом, хотя и проработал в Египте более и лет, добился через французского посла Гайяра и русского Полномочного министра А.А. Смирнова разрешения на прибытие в Египет проездом в Тунис своего 19-летнего сына, аспиранта Морской школы в Бизерте, возвращавшегося в Тунис после перерыва, связанного с политическими событиями в Каире. Александру Михайловичу пришлось также немало потрудиться, чтобы его мать и дочь смогли приехать к нему, используя свои связи с Британским верховным комиссаром в Каире Алленби и с поддержкой А.А. Смирнова: «Прошу Вас исходатайствовать перед властями разрешение на въезд в Египет для проживания со мной моей матери, вдове генерал-лейтенанта Анастасии Д. Петровой, 64 лет, и дочери Анастасии А. Петровой, 14,5 лет, ныне находящимся в Москве, и о сообщении сего разрешения Британскому Генеральному консульству в Александрии, которое, в свою очередь, снесется с миссией в Москве и чрез которое мне предоставлено выслать семье необходимые на путешествие средства. Означенные члены моей семьи уже посещали меня в Египте и провели здесь зиму и весну 1914 г. Согласно полученным мною сведениям, условия, в которых живет моя семья в Москве, совершенно нетерпимы»¹⁰¹.

Россияне прибывали в Египет в этот период не только в связи с крахом Белого движения на юге России и в Крыму. Приезд российских беженцев в долину Нила был обусловлен и другими причинами. Так, например, действительный статский советник фон В.П. Эгерт¹⁰² с женой, возвращаясь из деловой поездки с Кавказа в Вильнюс, сели в Новороссийске на пароход «Саратов» в надежде через Константинополь попасть

на родину. Но ввиду ряда обстоятельств вынуждены были доплыть до Египта, где и остались до конца своей жизни¹⁰³.

Жизнь русских в Александрии продолжалась и позже интенсивного исхода в 1920-1922 гг. Вероятно, это связано с некоторой стабилизацией их положения в городе, уменьшением их численности. Может быть, самым ярким примером этого явился приезд в северную столицу Голенищевых-Кутузовых в середине 20-х гг., когда глава семейства Голенищев-Кутузов, внук брата замечательного русского полководца М.И. Кутузова, через Стамбул и Бейрут привез четырех своих дочерей Ольгу, Валентину, Ансельму и младшую Евдокию в Александрию. Дочери через некоторое время разъехались: кто в Чикаго, кто в Ванкувер, кто в Иерусалим. Только Евдокия (Долли) осталась в Александрии, где умерла в конце 80-х гг. Она жила тем, что давала уроки музыки и аккомпанировала (на занятиях русских александрийцев мы подробно остановимся позднее). Сам же надворный советник Василий Васильевич Голенищев-Кутузов умер в 1927 г. и похоронен на православном кладбище в Шатби в Александрии, дочь — рядом, но на латинском¹⁰⁴.

Об этом процессе «туда-сюда» очень образно писал «русский хозяин» Александрии Александр Михайлович Петров в Каир русскому дипломату в Каире Сергею Павловичу Разумовскому в конце 1925 г.: «Наши беженцы положительно одержимы манией кочевания. Нередко приходится наблюдать, как сравнительно прилично устроившиеся, внезапно, под влиянием слухов, печатных сообщений или полученных ими писем, срываются с места, бросают уже налаженные занятия и с семьями или без них уезжают в дальние страны в погоне за лучшим, иногда даже без достаточных средств на дорогу, всегда без средств на прожитие в новом месте впредь до приискания труда, и обычно попадают в бедственное положение. И в Египте не раз появлялись беженцы, застрявшие на пути своего назначения и тщетно искавшие средства для продолжения путешествия; большую часть им приходится оставаться здесь и месяцами влачить жалкое существование, обивая пороги благотворительных обществ, частных лиц и даже побираясь у более счастливых соотечественников»¹⁰⁵.

Дипломат А.М. Петров был лишь отчасти прав. Ему, находившемуся постоянно на одном и том же месте, в Александрии, с 1910 г. (умер в ней же в 1946 г.), а ранее работавшему в российских посольствах и консульствах на Ближнем Востоке, не приходилось срываться с места на место

в поисках средств существования. Не испытал он чувства безнадежности и отчаяния, как его соотечественники, которые, не имея возможности постоянно трудиться, веря различным слухам, колесили по свету в поисках хотя бы более или менее спокойного и стабильного места.

Но более интенсивным было, конечно, обратное движение, из Египта. Так, не успев немного поработать в долине Нила, летчики Максимов и Найденов завербовались уже в 1920 г. на два года на работу в Джидду, в Хиджаз¹⁰⁶. Но вот другой пилот, Н.М. Сериков, отец цитированной нами Т.Н. Монти, задержался в Египте, и надолго (1896-1980).

Покинул Александрию уже в 1920 г. и писатель-натуралист Н.А. Байков, который проживал с марта этого года в Телль аль-Кебире, затем в Сиди-Бишре: «Когда на Дальнем Востоке образовалось белое Меркуловское правительство¹⁰⁷ и большевики должны были очистить Приморье, англичане предложили русским эмигрантам, находившимся в Египте, выехать во Владивосток. Из трех тысяч беженцев выразили желание ехать только 75 человек, причем половина состояла из женщин и детей разного возраста»¹⁰⁸.

Весьма информированная газета «Ля Реформ» от 26-27 июня 1921 г. в своей постоянной рубрике «Портовая статистика» сообщала, что на пароходе «Хелуан» выехали из Александрии судья Международного трибунала Молоствов, г-да Прозоры с дочерью (видный деятель русской эмиграции в Египте), Шенкин, семья Лузьянович. Полагаем, что эти люди, в силу своего прежнего длительного безбедного пребывания и сравнительно высокого общественного положения, посчитали необходимым выехать из этой страны.

В этом отношении весьма полезным оказался список умерших русских эмигрантов, который вручила автору Татьяна Николаевна Монти (Серикова). Автор его — ее мама Ольга Дмитриевна Серикова (1903-1987). Конечно, этот список — далеко не полный, но он репрезентативен, по нему можно судить о географии русских александрийцев, разъехавшихся по всему миру и нашедших за пределами Египта свой последний приют. Всего в списке значится 320 фамилий, из них умерло за пределами Египта 42 человека, или чуть более 13%. Из них более половины закончили свой жизненный путь в Швейцарии, 12% в Англии, ю% в Америке, по несколько человек скончались в Австрии, Канаде, в Греции. В Англии и США среди умерших преобладали русские евреи. Конечно, география выехавших из Египта была намного обширнее. Три чело-

века из этого списка оказались в России, на самом деле их было намного больше.

Теперь рассмотрим вопрос о численности эмигрантов. До ликвидации лагеря в Телль аль-Кебире, переброски беженцев в Сиди-Бишр, отъезда их на пароходе «Херсон» и других судах в Советскую Россию и другие страны, прибытия «малой волны» из Крыма после разгрома армии Врангеля, а также с учетом раненых и больных солдат и офицеров с полей Первой мировой войны, мы вполне можем допустить, что численность россиян в Египте в пик эмиграции вполне могла достигнуть 12 тыс. человек¹⁰⁹. При этом напомним (см. табл. 2) число эмигрантов, согласно переписи 1917 г., достигало 4,2 тыс. человек, в одной только Александрии насчитывалось 2,3 тыс. человек, а на пяти пароходах в феврале и марте только из одного Новороссийска прибыло почти 4,5 тыс. человек.

Вообще проблема определения численности русской колонии в любой стране, в том числе и Египте, чрезвычайно сложна. Существуют различного рода данные на этот счет, касающиеся как общего количества людей в Стране пирамид русского происхождения, так и представителей русской эмиграции. Историю этого вопроса до 1917-1920 гг. мы уже рассматривали. Хранитель русских архивов в Египте, он же директор «Русского бюро» в Каире Сергей Павлович Разумовский (1875-1947), отвечая на вопрос Американского информационного центра о количестве русских в Египте, заявил, что их число колеблется от 600 до 700 человек на 1 октября 1929 г.¹¹⁰ А в 1936-1937 гг., по данным Нансеновского комитета, занимавшегося беженцами в мировом масштабе, оценивал их численность в Египте только в 350 человек¹¹¹. Эти цифры не верны. Возможно, что речь идет о тех русских, которые были зарегистрированы в трех «русских бюро» — Каира, Александрии и Порт-Саида. Думается, что даже число белоэмигрантов было больше, не говоря уже вообще о численности россиян в этой стране. Посланник А.А. Смирнов отмечал в 1923 г., что численность русских достигает в Египте около 3000 человек¹¹².

Вообще в условиях Египта можно доверять только национальной статистике, да и то с известной долей условности. Речь идет о всеобщих переписях населения 1882, 1897, 1907, 1917, 1927, 1937, 1947, 1960 гг. Составленная европейцами (англичанами, французами, итальянцами — Амичи-беем, Буанэ-беем и др.) в конце XIX в., египетская национальная статистика носит вполне научный и современный характер¹¹³.

В самом деле, перепись 1947 г. указывает на то, что в Египте проживают 902 человека, которые родились в России. Из них 348 «египтян», а 554 иностранца. Понятно, что последние собственно русские, а первые натурализованные россияне¹¹⁴. Как видим, русских, вопреки логике, в 1947 г. в Египте было больше уроженцев России, чем 20 лет тому назад. В любом случае, к 1952 г. их было еще достаточно. Об этом говорят и современники-египтяне. Много или мало, пусть даже несколько человек. Они не должны быть забыты. Как говорил А.И. Солженицын вслед за Экклезиастом, «наступило время собирать камни».

Таблица 5

Занятость россиян в Египте в 1927 г.

Обрабатывающая промышленность	Транспорт	Общие услуги	Лица свободных профессий	Частные услуги	Торговля
287	юб	53	204	87	298

Источник: Всеобщая перепись населения Египта за 1927 г. 4.1. Каир, 1931, с.238-239 (на араб.яз.).

Что касается сфер приложения труда, то, согласно Всеобщей переписи населения Египта 1927 г., первое место среди россиян занимала торговля (28%), затем шла обрабатывающая промышленность (27%). Третье место было за лицами свободных профессий (примерно 20%), что указывает на относительно высокий уровень занятости лиц интеллектуального труда. Относительно много россиян трудилось на транспорте — 1/10 часть всех занятых. На последнем месте были частные услуги, доля которых в общем числе работоспособного населения русской колонии составляла чуть более 5%, что, опять же, было весьма закономерно по причине сравнительно высокого культурно-образовательного уровня русских белоэмигрантов. Примерно такой удельный вес каждой из вышеуказанной категории занятых был присущ российскому экономически активному населению собственно Александрии.

Приведенные выше сведения вполне согласуются с другими данными, приводимыми в разных источниках. В журнале «На чужбине» дается примерное распределение первых боо эмигрантов из лагеря Сиди-Бишра, нашедших применение своему труду на январь 1922 г., по объектам Александрии. «Приблизительная квалификация, — пишет журнал, — такова: трамвайные служащие (контролеры, кондуктора, вагоновожатые) составляют 5-6%; канцелярские служащие — 3-4%; чернорабочие — 4-5%; категория художников и медицинская практика — 1%; сигаретчики — 1%; служащие при английском интендантстве — 25%; женский труд (няни, бонны, портнихи, модистки) — 4-5%; разные технические специальности (в том числе техники, инженеры, механики, монтеры, шоферы) — 12-15%, и остальные составляют категорию неопределенных или случайных профессий и занятий»¹¹⁵. На преобладание среди русских беженцев специальностей водителей грузовых и легковых такси, преподавателей и учителей, клерков в судах, банках, правительственных учреждений и т.д. указывал 1 октября 1929 г. «хранитель архивов Российской миссии в Египте» С.П. Разумовский (см. Приложение 4). Этот же номер журнала «На чужбине» приводит примерные заработки россиян в крупных городах Египта, включая Александрию: «Необходимо заметить, что из всех перечисленных выше профессий или занятий едва ли половина их составят такие, которые, по оплате труда, могли бы приравняться среднему прожиточному минимуму европейца в Египте. Эти трудящиеся, по большей своей части, проживают в Александрии, Каире, Порт-Саиде, Суэце, Судане, или на заработках в Абукире (пригород Александрии. — *Авт.*). В прочих случаях некоторые из беженцев смогли найти себе более или менее приличный заработок в самом лагере, на службе англичан. Высшая категория, в среднем — 25-15 фунтов (врачи, канцеляристы), низший — 3-1 фунт (сестры милосердия, санитары, повара кампов, завхозы); все имеют положенный для них английский паек»¹¹⁶.

В этом же январском номере журнала «На чужбине» дается еще одна схема занятости александрийских россиян: «Русские работники в г. Александрии разделяются на несколько категорий, по роду своего труда. Это сигаретчики, шоферы и механики, трамвайные служащие (кондуктора, контролеры и вагоновожатые), рабочие на разных фабриках, квалифицированные мастера в различных предприятиях и незначительное количество служащих в конторах, разных бюро, мастерских и т.п. В общем,

как правило, надо считать, что все эти занятия низкого порядка, и редко кто получает лучше оплачиваемые и более почетные должности, как, например, преподаватели или просто надзиратели в лицеях, техники, инженеры, чиновники какого-либо учреждения и т.п.».

И далее следует великолепная, очень яркая зарисовка одного из российских изгнанников, работника розничной торговли города, занятого, по его словам, «одним из наиболее тяжелых видов труда» — сигаретчика.

«От самого раннего труда и до позднего вечера, — дословно цитируем статью некоего С.Ю.С., — мы можем встретить на улицах Александрии типичные русские фигуры, в русских косоворотках, английских френчах, военных тужурках, а иногда и в крайне неопределенного рода одежде, с лотками сигарет на плечах. Это русские сигаретчики, конкурирующие с арабами в борьбе за полуголодное существование. Нередко на плечах этих усталых, профессионально пытливых людей вы можете увидеть погоны известных добровольческих полков.

Вот мелькнула на фоне магазинов фуражка бывшего корниловца. Там торопливо перебегает из кафе в кафе сохранивший силы новоявленный торговец. Здесь возле биржи, в ожидании покупателей, уныло сидит инвалид с поврежденной рукой. А мимо идет другая жизнь: несутся автомобили, идут изящно одетые женщины. Важно всходят по ступенькам лестницы биржевые тузы.

Сигаретчики обычно начинают свою работу с ничтожной суммы денег, собирая ее с большим трудом и лишениями. В особо благоприятных случаях деньги получают с бывшего представителя ЗЕМГОРА г. Маслова, который выдает ссуды под залог имущества или солидное поручительство, взимая за предоставленный капитал 12%. Выданные ссуды и проценты аккуратно взыскиваются, причем иногда применяются крайние меры в виде наложения ареста на имущество и т.д. Для начала дела достаточно иметь фунтов пять. Но чтобы хорошо торговать, необходима сумма 9-10 фунтов, так как без дорогих сигарет и большого выбора их нельзя иметь успех. Некоторые беженцы, не получившие ссуд от названного представителя ЗЕМГОРА, начинают дело с двумя фунтами. Ясно, что такое дело может находиться только в жалком состоянии».

Далее автор статьи, знакомый, видимо, не понаслышке с уличной торговлей сигаретами, вводит читателя в тесный психологический мир взаимоотношений торговца с окружающим миром, с фотографической точностью рисуя его тяжелую каждодневную борьбу за существование и

выживание на чужбине. «В Александрийский летний сезон, от мая до ноября, — продолжает он, — сигаретчики зарабатывают от 15-30 и даже до 50 пиастров в день. Сумма зависит от коммерческих способностей продавца, его опытности, здоровья, владения языком. Чтобы заработать 30 пиастров для лиц с малым количеством товара, необходимо бегать по городу с 8 до 1 часа и от 4 до 12 ночи. Более крупным торговцам требуется меньшее напряжение сил: от ю до и и от 4 до и вечера, вполне недостаточный срок. Труд сигаретчиков тяжел, не только в физическом, но и в моральном отношении. Бывают постоянные недоразумения с арабами конкурентами, оскорбления иногда, даже драки. Европейское общество относится сочувственно, и охотно берет сигареты у русских, но особенно не выделяет их среди других европейских работников. Арабское общество, за немногими исключениями, относя русских в общую массу европейцев, или бойкотирует их, или в лучшем случае относится безразлично. Бывают, правда, единично такие случаи: какой-либо шикарный араб берет пачку сигарет, разрезает бандероль, собираясь платить деньги. Но подлетает арабский сигаретчик, что-то кричит на непонятном для вас языке, и покупатель араб бросает раскрытую уже пачку в ваш ящик и покупает у своего. Протестуйте, если можете. На это никто не обратит внимания: на вас посмотрят как на чудака. А раскрытая пачка сигарет уже пропала. В моральном отношении это наиболее тяжелый труд. Постоянно гонят из ресторанов, кафе, синематографов и т.п.

Вне сезона заработок опускается до 10-15 пиастров в день. Кроме того, слишком большая конкуренция. Хорошо зарабатывают только те, кто приобрел постоянную клиентуру в определенных магазинах, домах, консульствах, конторах или у отдельных богатых лиц. Тот может торговать с успехом. Но все же кусок хлеба этим путем очень тяжел».

2.4. Социально-политическое положение колонии

Как уже указывалось, Дипломатическое агентство и Генеральное консульство оказывали большую помощь россиянам, оказавшимся в силу ряда причин в Египте. Она была существенно увеличена белоэмигрантам, бывшим еще более в худшем положении, чем те, которые прибыли в эту страну до февраля-марта 1920 г. Широкая сеть русских консульств и консульских представителей и агентов, сложившаяся до 1917

г. и покрывавшая всю территорию Страны пирамид¹¹⁷, продолжала функционировать и после Октябрьской революции.

Как и многие царские дипломаты, не принявшие этой революции, чиновники российских представительств в Египте стали финансироваться местными властями. Между тем наплыв беженцев увеличил объем работы русских представителей, требуя все больших и больших средств. Англо-египетское правительство в течение шести лет с 1917 по 1923 г. выплачивало ежемесячно зарплату русским чиновникам, а также суммы, необходимые для продолжения работы консульств. Вот как в начале 1920-х гг. пишет об изменении ситуации бывший Чрезвычайный посланник и Полномочный министр А.А. Смирнов: «Наплыв в Египет русских беженцев со всех концов России после падения Колчака, Деникина и Врангеля естественно потребовал расширения круга деятельности Дипломатического Агентства и консульств, вызвав также необходимость в учреждении новых судебных комиссий. Несмотря на самые благожелательные отношения и содействие как со стороны Дипломатических представительств других стран, так и Египетского правительства, затруднением в деятельности вышеуказанных русских учреждений явилась чисто финансовая сторона дела. С 1917 года все кредиты России нашим представителям за границей были прекращены. Благодаря ссуде в половинном размере против прежних ассигнований, выдававшихся в первые годы Англо-египетским правительством, и продолженной донныне еще в меньшем размере Египетским правительством, наши учреждения могли существовать, хотя и с большими затруднениями, до настоящего времени»¹¹⁸.

После предоставления Египту формальной независимости в феврале 1922 г. Англия показательно не вмешивалась во внутренние дела страны. «Вследствие провозглашения независимости Египта и принятия султаном звания Его Величества короля Египта, Дипломатические агентство переименовано в Российскую Дипломатическую Миссию», — так говорится в одном из архивных документов. А.А. Смирнов сделал такой вывод: «Едва ли можно рассчитывать на дальнейшее продолжение выдачи этой ссуды ввиду изменения политического положения Египта и умаления влияния англичан»¹¹⁹.

Однако вплоть до октября 1923 г. русские представители в Египте продолжали существовать и финансироваться из различных источников. Дело в том, что Россия со времен Екатерины II, когда были уста-

новлены дипломатические связи между двумя странами, имела в Египте особые права, так называемые «капитуляции»¹²⁰. Русские воспринимались в Египте как «la nation la plus favorise» — «наиболее благоприятствуемая нация» и имели такие привилегии, как освобождение от налогов, гарантия имущества, неподсудность местным властям и т.д. По словам А.А. Смирнова, «стране, где существуют капитуляции для подданных 17 держав, в том числе и России, лично мне удалось с того времени (1917 г.) по настоящую минуту полностью сохранить представительство законной преемственности власти Российского государства, де-юре продолжающей существовать и дающей прочное основание существования и деятельности в Египте Русских дипломатических и Консульских учреждений»¹²¹.

Однако уже осенью 1923 г. формально независимое правительство Египта принимает решение о лишении русских капитуляционных прав. С одной стороны, эта мера была продиктована общей внешнеполитической линией нового кабинета Вафда, нацеленной на укрепление независимости Египта. С другой стороны, сыграли свою роль усиление Советского государства, начало его международного признания в Рапалло, а также оппозиционное «законной русской власти» в лице А.А. Смирнова общественное движение, начавшее к лету 1923 г. активную кампанию в печати за непризнание русских судов при Дипломатической миссии. Такое название теперь получило Российское Дипломатическое агентство и Генеральное консульство в Египте¹²².

1 ноября 1921 г. в Египте были учреждены Русские судебные комиссии по уголовным делам. Невозможность отправлять уголовных преступников для суда над ними в Одесский окружной суд, как это практиковалось до Первой мировой войны, вызывала необходимость суда над ними на месте, так как «нельзя было допустить, чтобы они оставались безнаказанными или без срока томились в предварительном заключении». Проект учреждения Уголовных комиссий был выработан на точном основании законов; Египетское правительство и Британская резиденция были осведомлены о принимаемых мерах, и Русский уголовный суд начал функционировать, рассматривая дела русско-подданных и «встречая полную поддержку со стороны Египетских смешанных судов». Однако несогласие с решениями этого суда среди самих русских стало поводом для обвинения Русской дипломатической миссии в незаконности.

В своем письме главе центрального русского правительства за рубежом в Париже М.Н. Гирсу А.А. Смирнов сообщал, описывая частный случай таких выступлений: «В половине мая здешняя печать подняла большой шум из-за уголовного дела армян русско-подданных ростовщиков отца и сына Девлетиан. Девлетианы были уже ранее судимы за мошенничество и ростовщичество местным судом, но приговор не был приведен в исполнение, так как они заявили о своем русском подданстве и представили тому доказательства. Девлетианы были присуждены нашей Комиссией к тюремному заключению с лишением некоторых прав, между прочим, держать ссудную кассу. Процесс Девлетианов поднял сильнейший шум. Адвокат их русско-подданный Косров-Зограб предоставил мне и Министерству иностранных дел меморандум, доказывающий, что суды наши при отсутствии Правительства и живого источника власти являются незаконными, что они даже и с точки зрения русского законодательства не могут существовать, что приговор не может произноситься во имя закона, что полномочий моих уже шесть лет не существует и что далее дипломатические и консульские власти не могут признаваться властью. Со своей стороны я написал меморандум министру иностранных дел, передав копию с него Британскому Верховному комиссару. Считаю долгом представить при сем копию этого меморандума. Я опроверг в нем нападки Зограба и указал точные основания закона, предоставлявшего мне право учреждения Судебных комиссий. Одновременно и в печати поднялись голоса против русских судов и признания русских властей в Египте»¹²³.

Здесь сыграло роль и вполне законное возмущение египтян аферами и другими преступлениями, совершаемыми в стране русско-подданными, подобно мошенникам Девлетиан. Они лишь подлили масла в огонь в непростой обстановке, сложившейся в Египте в результате подъема национально-освободительного движения.

Конечно, стычки внутри русской колонии не могли быть единственной причиной отмены капитуляций. Не преувеличивая значения подобных разногласий, А.А. Смирнов видит причину, в первую очередь, в национальной политике египетского правительства. «Принимая во внимание общее настроение в стране, очевидно, такое заключение сделано в угоду националистическому чувству, явно и определенно высказывающемуся против капитуляций. Мне неоднократно приходилось выслушивать жалобы министров на капитуляции, которые душат страну, "хвата-

ют ее за горло” и пожелание как можно скорее сбросить с себя эти цепи. Поэтому и прибавка, сделанная в решении Совета министров, рассматривается ими, как первый шаг к уничтожению капитуляций»¹²⁴.

Египетские министры неоднократно подтверждали посланнику, что это только слухи, однако 6 октября 1923 г. было принято, а 10 октября опубликовано постановление кабинета министров относительно русских подданных и дипломатических представительств. Это постановление состоит из двух пунктов: 1. Непризнание Египетским правительством русского Дипломатического и Консульского представительства в Египте; 2. Прекращение выплаты пособия на содержание русских дипломатических и консульских учреждений (см. Приложение 1).

В своем письме М.Н. Гирсу от 17 октября 1923 г. А.А. Смирнов комментирует это решение, о котором его так официально и не оповестили, следующим образом: «К двум пунктам постановления присоединено заключение, якобы вытекающее из сути решения, что русские отныне находятся в Египте на положении подданных других некапитуляционных стран. Почему и каким образом такое заключение вытекает из двух пунктов постановления, которое, казалось бы, требовало более широкого разъяснения всех последующих изменений и создания какого-либо другого порядка для обеспечения русско-подданных, это остается непонятным. Между тем и по содержанию своему прибавка эта отнюдь не вытекает из двух пунктов решения Совета министров и даже находится с ними в явном противоречии»¹²⁵.

При приравнивании русских к подданным других некапитуляционных стран, по словам А.А. Смирнова, упускается из виду, что у последних имеются в стране посланники и консулы (как, например, у сербов, чехов, персов) или хотя бы консул (как у японцев) для обеспечения прав колонии и персонального статута, для выдачи паспортов, свидетельств и составления актов. «При непризнании же нашего представительства русские подданные оказываются в совершенно ином, бесправном, невиданном до сих пор положении, и к другим иностранцам приравнены быть не могут»¹²⁶. Продолжая свое дело заботы и покровительства русской колонии, А.А.Смирнов обращается к английским властям, к представителям других держав, к центральной эмигрантской власти в Париж, к международным организациям и т.д.

Англичане, не отказываясь помогать русским в «каждом отдельном случае», довольно четко высказывали свою позицию подчеркнутого «не-

вмешательства». А.А. Смирнов, обращаясь к Британскому комиссару г-ну Скотту, напомнил, что до снятия протектората, пока Англия несла ответственность за все, что делается в Египте, она не только признавала силу полномочий русского посланника, но даже выдавала пособие на содержание дипломатических учреждений. Почему же теперь Англия не хочет ничего сделать для поддержки русских? Г-н Скотт возразил, «что теперь Египет самостоятелен и Англия не должна вмешиваться в его внутренние дела; кроме того, поневоле приходится считаться с фактом уже шестилетнего существования власти большевиков, и, с другой стороны, с тем, что элементы антибольшевистские не проявили до сих пор достаточной силы отпора и поэтому должны считаться мертвым обломком прошлого»¹²⁷. До признания Советской России Великобританией осталось совсем немного времени.

Что касается дипломатических представителей других держав, то все, по мнению А.А. Смирнова, иностранные коллеги отнеслись к нему «с большим сочувствием, особенно ввиду резкой и неделикатной формы»¹²⁸, в которой было проведено решение Совета министров, и охотно согласились сообщить мое ходатайство своим правительствам»¹²⁹. Конечно, Алексей Александрович и сам понимал, что вряд ли какая-нибудь из великих держав активно станет на защиту русских эмигрантов в Египте. Американский посланник в тот же день передал ему устно полученный им отрицательный ответ из Вашингтона: «вполне сочувствуя положению русских и находя по существу неправильным отнятие у них прав капитуляций, Правительство Соединенных Штатов не находит возможным ввиду положения, которое Англия занимает в Египте, выступить активно в этом вопросе»¹³⁰. Подобный ответ бывший посланник предвидел и со стороны Франции, руки которой были связаны еще и вопросом о Марокко. «Едва ли и Италия решится определенно выступить на нашу защиту, что же касается Великобритании, то она, судя по заявлениям г-на Скотта, не пожелает отступить от намеченного ею пути, несомненно, ей на руку всякие затруднения, в которые впутывается независимое египетское правительство» (см. Приложение i).

Таким образом, русские оказались в Египте «в положении самых бесправных “неприкасаемых”», в ситуации самой оскорбительной, в которой никогда не оказывались представители христианских держав в мусульманской стране...»¹³¹. Они теперь попали под надзор квартальных шейхов, стали подсудными местным трибуналам и в случае их задержа-

ния должны были содержаться в местных тюрьмах. Всем правительственным органам было дано знать, что русские в Египте более капитуляционными правами не пользуются и с ними надлежит обращаться как с египетскими подданными и что Российская миссия и консульства с 6 октября не существуют, а следовательно, и все акты и документы, выданные ими после этого числа, незаконны и недействительны.

Разумеется, принятое англо-египетскими властями решение оказало огромное воздействие на умы и дела представителей русской общины. Наиболее дальновидные из них, тем более кто приехал в долину Нила задолго до событий, решили порвать связи с ней, чтобы не подвергаться дополнительному риску. Так, предчувствуя надвигающуюся беду, русско-подданный уроженец Кременчуга Бенцион Владимиров, эмигрировавший в Египет в годы первой русской революции, проживавший в Александрии на улице Шерифа, 21, и имевший «портняжий магазин», еще в июле направил посланнику Смирнову прошение, «желая перейти в подданство другой страны, если на то нет препятствия от российских властей. Однако, как мне объяснили, выдача согласия на переход в другое подданство выходит за рамки компетенции Консульства. Ввиду изложенного, имея в виду, что Министерства иностранных дел не существует и, следовательно, в оное я обратиться не могу. Ваше же Превосходительство является высшей российской властью, существующей ныне для русских подданных, не подчинившихся большевикам, и уже не раз действовала, как таковая, на основании законов об учреждении Министерства, как, например, при учреждении Русских судебных установлений в Египте 23 июля 1923 года»¹³².

События октября 1923 г. еще более усилили разобщенность в стане русских беженцев, которая существовала и ранее. В этом отношении чрезвычайно полезны сведения, приводимые журналом «На чужбине»¹³³ за отчетный 1921 г. по Сиди-Бишру, которые, на наш взгляд, вполне можно экстраполировать на последующий период проживания русских беженцев, теперь уже иммигрантов, в Александрии.

Сидибишревские беженцы представляли собой разнородную массу. «Давно уже прошло то время, когда одно лишь нахождение в рядах добровольческой армии могло определить физиономию лиц, входивших в нее. Крушение т.н. белого движения, критика его идеологических, политических, социальных стремлений, раскрытие его темных сторон — все это произвело резкую дифференциацию в рядах людей, как будто

бы сражавшихся за единую идею, за общее национальное дело. Этот медленный, но непрерывный процесс расслоения создал в кампах различные группировки, сообразно прежнему положению, мирозерцанию, партийности и современной политической конъюнктуре.

Беженский океан разбился на ряд противоположных течений, пути которых уже никогда не сойдутся: одни остались на правом берегу, другие ушли на левый берег. Это, конечно, не политические партии, неясно отграниченные ассоциацией, связанные уставом, единой программой, своей совместной деятельностью. Скорее, это группы верующих, чувствующих, мыслящих, психологически настроенных одинаковым образом, близких по своим убеждениям, желаниям, инстинктам. За исключением немногих единиц — это группы, активно не действующие, а только бесконечно спорящие на политические темы и усиленно обсуждающие методы спасения России»¹³⁴.

Далее журнал пишет о том, что, несмотря на пестроту политических симпатий и взглядов, основная масса беженцев была настроена демократически и не относилась к сторонникам крайних позиций. По численности это была самая крупная группа, которая еще не решила для себя главный вопрос — примыкать ли к новой России, остающейся в нынешних территориальных границах, или же жить мечтами о прежней исторической России. «Для нее неясен путь будущего возрождения Родины; она не знает, произойдет ли это в процессе новой интервенции (в которой она не хочет принимать участия), или это свершится путем эволюции большевизма, если он может эволюционизировать. Отсюда вытекает ее тактика: то тягостное выжидание, в котором пока нет просвета»¹³⁵.

Именно к этой наиболее крупной прослойке умеренных россиян принадлежат александрийские русские беженцы, которые оказались в поле нашего зрения. Среди них достойное место по праву принадлежит П.Я. Добрыне-Конюхову. О его умеренных и лояльных взглядах автору говорили хорошо знавшие его Т.Н. Монти (Серикова) и Т.Д. Конн. В Сиди-Бишре Петр Яковлевич, в дальнейшем один из заметных представителей александрийской эмиграции, заведовал Русской школой. Там же он попал под жесткую критику правого лагеря, обвинившего школьного директора в левых взглядах. Особенно им был недоволен Союз монархистов, который образовался еще в Телль аль-Кебире в составе 39 человек¹³⁶, члены которого неоднократно обращались к Ф.П. Рербергу, указывая на то, что «его сына в школе воспитывает большевик». На что ге-

нерал Рерберг ответил, что все иконы в церкви кампа «Б» написаны «большевиком» Добрыней-Конюховым и что «тех монархистов, которые устроили кампанию против директора школы, он ни разу в церкви не видел»¹³⁷. П.Я. Добрыня-Конюхов был вынужден открыто через журнал «На чужбине» выступить с опровержением, опубликовав в нем «Открытое письмо»: «Писать это письмо вынуждает меня глубокое убеждение, что школа должна быть аполитична и что интересы ее должны быть выше личных симпатий и личных денежных выгод.

В кампах ведется агитация против меня, как директора Русской школы в Сиди-Бишре. Говорят, что я большевик, вношу в школу политику, срывал флаги с театра, не имею знаний, негоден как преподаватель и т.д. Очевидно, есть желание взять школу в свои руки и вести дело по-иному.

Покорнейше прошу лиц, ведущих против меня агитацию, со своими заявлениями обращаться непосредственно ко мне, чтобы получить от меня совет и указания, как им навсегда от меня избавиться.

П. Добрыня-Конюхов
Сиди-Бишр, ноябрь 1921 г.¹³⁸»

О том, что русские левые были сильны и влиятельны в Александрии, мы писали ранее. Скорее всего, они сохранили и даже усилили свои позиции после 1917 г. Во-первых, их некоторые объединения продолжили свое существование, до некоторой степени сохранив структурные начала после Октябрьской революции и Первой мировой войны, как это произошло с упомянутым нами Союзом русских политических эмигрантов (при этом мы не склонны преувеличивать степень его организованности, равно как политический вес и значение в жизни русской колонии). В связи с этим есть конкретные примеры. Так, например, поступал выходец из Одессы Эдуард Зейдерман, который поселился в Александрии еще до Октябрьской революции. Известно, что он выступил на многотысячном первомайском митинге 1919 г. в северной столице. Бывший одессит продолжил свою «подрывную» деятельность и позже. Она приобрела такой размах, что консул А.М. Петров был вынужден сообщить об этом полицмейстеру Александрии, который, в свою очередь, передал в Министерство внутренних дел в августе 1921 г., что, владея книжным магазином на улице Анастаси, Э. Зейдерман распространяет большевистскую литературу среди русских эмигрантов.

Во-вторых, в послереволюционный период по тем или иным причинам в Александрию прибыли из России новые лица, разделявшие большевистскую и социалистическую идеологию. Так, по данным видного египетского политического деятеля и крупного исследователя социалистического и коммунистического движения Рифаата ас-Саида, лейтенант Красной армии Александр Николаев, попавший в плен деникинцам и вывезенный в Египет, успешно помогал Э. Зейдерману в распространении социалистических изданий в эмигрантских кругах. Полицейским осведомителям стало известно, что в упомянутом магазине продавалось до 500 наименований большевистской литературы, а Зейдерман успешно завершал перевод на арабский язык книги «Призыв к молодежи», которая была не чем иным, как известным выступлением Ленина на съезде комсомола¹³⁹. Это был, видимо, не единственный пример содружества «старых» и «новых» просоветски настроенных эмигрантов.

И, наконец, еще не до конца исследованный вопрос о связях русских эмигрантов с египетской компартией и Коминтерном и не выясненные до конца факты существования контактов между ними пролили бы новый свет на участие эмигрантов в сравнительно широком профсоюзном и рабочем движении в Египте в 1919-1924 гг.

Что касается участия россиян в забастовочном движении в северной столице, то тот же Рифаат ас-Саид приводит сведения об участии русских эмигрантов в известной забастовке на заводе компании «Эголин» в Александрии в 1924 г. Как известно, это выступление александрийских рабочих закончилось захватом последними этого предприятия. Это привело к тому, что правящий Вафд, воспользовавшись этой насильственной акцией в качестве повода, запретил Египетскую коммунистическую партию и руководимую ею Всеобщую конфедерацию профсоюзов.

Нельзя утверждать, что существовало широкое, тем более организованное оппозиционное движение против «старой» российской власти в лице А.А. Смирнова и его помощников — консулов в Каире, Александрии и Порт-Саиде, тем более имевшее какую-то серьезную политическую основу. Речь, вероятно, идет о том, что понимая, что прежней власти остались считанные дни и месяцы, многие воспользовались этим обстоятельством и, вероятно, временно объединились. «Русская колония в Египте, — писал А.А. Смирнов М.Н. Гирсу¹⁴⁰ в Париж, — крайне волнуется по поводу отнятия у нее капитуляционных прав и неопределен-

ности своего положения. Как и следовало ожидать, особенно активно выступают деятели самых левых партий, стремясь захватить власть над колонией и хотя бы отчасти поставить себя на место непризнаваемых более Консульств. По-видимому, они были своевремененно и широко осведомлены из большевистских источников о близости падения здешней русской власти и успели уже достаточно сформировать свою партию»¹⁴¹.

Оппозиционеры наметили проведение 16 октября общего собрания колонии, на котором они хотели предъявить дипломатам обвинение в растрате казенных денег, дать критическую оценку их политической и административной деятельности. Однако «такие требования, — отмечал глава опальной российской Дипломатической миссии, — вызвали отпор в благоразумной части колонии и усилили разлад между сторонниками различных мнений»¹⁴². Кроме того, местная полиция, которой инициаторы намечаемого собрания не внушали особого доверия, запретила его проведение, видимо, не без влияния бывшего дуайена дипломатического корпуса в Каире.

Тем не менее, здоровые силы колонии нашли возможность выразить свой протест против действий, по выражению А.А. Смирнова, «англо-египетского» кабинета, направленных на лишение русской колонии статуса экстерриториальности. 4 ноября 1923 г. правление Общества русского гражданина в Каире, основанного в 1917 г., с участием представителей Александрии провело общее собрание, на котором присутствовало более 200 человек. Председательствовал на нем известный и всеми уважаемый в русской общине Египта директор Русской поликлиники профессор К.Э. Вагнер. В докладе, который подготовило правление Общества общему собранию, говорилось: «Любой шауиш (низший полицейский чин. — *Авт.*) получает право явиться к нам на квартиру и третировать нас, как феллахов (крестьян. — *Авт.*). При незнании нами арабского языка мы будем беспомощны, когда нас вызовут или даже приведут в караколы (полицейские участки. — *Авт.*). Если прибавить сюда известную роль, какую играют здесь и бакшиш и букра (доел, «завтра», т.е. обещание, которое не сбудется никогда. — *Авт.*), то мы легко пойдем все прелести режима, который нас ожидает»¹⁴³.

Тем не менее, протесты А.А. Смирнова и других представителей русской колонии ничего не принесли. Но соображения А.А. Смирнова, высказанные им в послании М.Н. Гирсу, о том, чтобы бывшие русские дипломаты участвовали в работе специальных бюро при египетском прави-

тельстве по делам русских подданных, не без помощи последнего, сбылись, хотя и не сразу, а через три года. Египетские власти сделали так, как это осуществили «даже германцы, признавшие большевиков, и китайцы, отказываясь признать Русских Представителей, взвесили последствия такого акта и сохранили в той или другой мере русские организации или создали новые, включив туда прежних русских агентов»¹⁴⁴.

Положение российских изгнанников в Египте усугублял начавшийся бесповоротный процесс постепенного признания Советской России, который в значительной степени предварил утрату традиционной российской дипломатией своего прежнего влияния в этой стране. Время играло на Советскую Россию. В своей переписке с центральным эмигрантским правительством в Париже в лице М.Н. Гирса А.А. Смирнов докладывал, что уже в конце мая 1923 г. в египетской прессе стали появляться «настойчивые заметки о предстоящем прибытии в Египет большевистского представителя». Правда, бывший посланник получил заверения местного МИД о том, что эти газетные слухи не имеют никакого основания и что у правительства нет намерения признать большевиков и допустить в Египет их представителя¹⁴⁵.

Однако трудно было провести А.А. Смирнова, пробывшего в стране около двух десятков лет и приобретшего огромный опыт работы в ней. Поэтому он с уверенностью сообщал М.Н. Гирсу: «Мне известно, однако, что как раз в это время сюда приезжал большевистский агент г-н Галоп, а еще ранее — г-жа Лючия Морена, еврейка из Москвы, с весьма важными и широкими полномочиями. Им удалось, по-видимому, добиться свидания с некоторыми из второстепенных чиновников Министров»¹⁴⁶.

Что же касается до признания большевиков и установления дипотношений с Советской Россией, то дело обстояло следующим образом.

Еще в январе 1923 г. на Лозаннской конференции по Ближнему Востоку народный комиссар иностранных дел Г.В. Чичерин инициировал вопрос об обмене дипломатическими представительствами перед египетской делегацией. Члены делегации заявили, по существу, поддержав эту инициативу, что британский колониальный режим не имеет юридических оснований препятствовать установлению дипломатических отношений СССР с Египтом после обретения последним формальной независимости в 1922 г. «В Лозанне, — писал наркоминдел 25 апреля 1923 г. послу СССР в Италии В.В. Воровскому, — Вы, несомненно, встретитесь с

египтянами: пожалуйста, воспользуйтесь, чтобы, наконец, приступить к делу и передать египетскому правительству приглашение о вступлении в дипотношения»¹⁴⁷. И в беседах с египетской делегацией, и в письме В.В. Воровскому Г.В. Чичерин акцентировал внимание на взаимной выгоде торговых связей.

После убийства В.В. Воровского в мае 1923 г. решением этого вопроса занялся новый советский посол в Италии Н.И. Иорданский. Он направил послание египетскому министру иностранных дел Васифу Галибею, в котором предлагал «установить политические и торговые отношения между двумя странами, особенно принимая во внимание прочные экономические связи, на протяжении многих лет объединявшие Россию и Египет»¹⁴⁸.

Хотя в результате парламентских выборов правительство в Каире было сформировано националистической партией Вафд, оно не решилось официально поставить вопрос об установлении отношений с СССР, как, впрочем, и позже, когда Вафд приходил к власти.

Тем не менее, встречи советских и египетских дипломатов происходили в Анкаре, Лондоне, Париже на протяжении 1920-1924 гг. Египетская сторона была не прочь установить отношения между двумя странами, но при этом очень жестко ставила вопрос о необходимости признания Советским Союзом недействительным режим капитуляций, о его отказе от ведения революционной пропаганды на территории Египта и от принципа экспорта революции.

СССР отказывался от обладания капитуляционными правами и был в этом последователен, если вспомнить, что сразу после Октябрьской революции Советское правительство обнародовало секретные договоры Антанты о разделе арабского мира. Что касается коммунистической пропаганды, то здесь дело обстояло гораздо сложнее. В отношении этой страны тоже осуществлялся лозунг об экспорте мировой революции. Компартия (ЕКП) и Всеобщая конфедерация трудящихся Египта (ВКТЕ), которой она руководила, направляла своих членов в Москву, где они учились в Коммунистическом университете трудящихся Востока им. И.В. Сталина (КУТВ). С окончанием университета подготовленные им кадры уезжали в Египет и активно включались в революционную деятельность. Их арестовывали, судили, сажали в тюрьмы. После направления коммунистами в январе 1924 г. правящему Вафду ультимативного «Открытого письма», в котором они выражали свое стремление к гегемонии в национально-освободительном

движении в стране, и захвата по их инициативе маслобойного завода «Эголин» вафдистское правительство Египта нанесло сильнейший удар по ЕКП и ВКТЕ. В послании Коминтерну 13 марта 1924 г. уцелевшие коммунистические активисты сообщали, что на свободе остались лишь 2-3 члена ЦК: «Мы технически и морально буквально разбиты»¹⁴⁹.

Революционный пафос, переходящий в догматизм, усиливаемый накатками Коминтерна, Профинтерна и Крестинформа, толкали коммунистов на конфронтацию с Вафдом и египетским обществом. Дело доходило до того, что муфтии страны выносили фетвы, осуждающие коммунизм и большевизм.

Настораживало колониальные и египетские власти и то обстоятельство, что, по сообщению местной прессы, население стремилось узнать о переменах в Советской России. Сточки зрения сегодняшнего дня складывалась парадоксальная ситуация: с одной стороны, советское руководство желало установить дипломатические отношения с Египтом, с другой — подготовкой революционных кадров в КУТВе отталкивало это государство от Советской России.

Конфронтация с Вафдом и суд над египетскими коммунистами в 1924-1925 гг., установление факта обучения молодых египтян в Москве с последующей отправкой для революционной деятельности в Египет заставляли власти этой страны предпринимать соответствующие меры. «Вслед за раскрытием коммунистического движения в Египте Министерство внутренних дел приняло решение усилить наблюдение за портами и границами страны, о которых мы говорили прежде»¹⁵⁰.

Это наблюдение устанавливается с целью воспрепятствовать въезду в Египет лиц, не имеющих нормальных документов, со всей суровостью и непреклонностью, применяемыми во всем мире.

Министр внутренних дел создаст специальное бюро в аль-Арише, чтобы фильтровать пассажиров в Египет. Помощь этого бюро будет чрезвычайно важной, учитывая, что большинство коммунистов, проникающих в Египет, пользуются палестинским коридором.

С другой стороны, инспекторы общественной безопасности постоянно будут находиться в поездах между аль-Аришем и Каиром, чтобы наблюдать за их пассажирами и контролировать их документы».

Далее «Ля Реформ» продолжает: «Среди мер, принятых египетским правительством для устранения коммунистической пропаганды, право египетским портовым властям давать высаживаться только русским с

паспортами, завизированными египетскими консульскими властями, имеющими серьезные гарантии.

Только что русское судно "Чичерин" прибыло в наш порт (Александрию. — *Авт.*), полиция будет наблюдать за ним до его отправления»¹⁵¹.

Наблюдение за советскими кораблями и настороженность к ним имели место и позже. Та же «Ля Реформ» сообщала: «Вчера после обеда судно под советским флагом было замечено перед Александрией. Тотчас же комендант порта бикбаши Салем-бей и юзбаши Ибрахим-эфенди Лутфи информировали Его превосходительство министра внутренних дел Исмаила-пашу Сидки. Приказ последовал незамедлительно. Он запретил судну входить в порт или кого-нибудь высаживать. Кроме того, вокруг судна были размещены катера с полицейскими.

На этом корабле с 34 пассажирами, которые намерены высадиться, находится груз, предназначенный торговцу в Александрии»¹⁵².

Вскоре последовали некоторые «ослабления» по отношению к советским судам, прибывающим в Александрию: пассажиры и товары по-прежнему не могли выгружаться в Александрии, но капитан мог сойти на берег¹⁵³.

Безусловно, подобная настороженность к Советам не могла обойти стороной русских эмигрантов в Египте, которых местные власти, не без основания, подозревали в связях с Коминтерном и ЕКП. В июле 1925 г. они выслали в Россию 25 эмигрантов. Нарком иностранных дел Г.В. Чичерин направил телеграмму протеста египетскому коллеге Зульфикару-паше, выразив твердую надежду, что «подобные случаи не будут повторяться в будущем»¹⁵⁴. Но они повторялись. По-прежнему англо-египетские власти сажали насильно без въездных виз русских беженцев на советские суда в Александрии и Порт-Саиде.

Подвергались экономической и политической дискриминации филиалы советских фирм в Александрии «АРКОС», «Руссотюрк», морской компании «Совторгфлот», которые с трудом поддерживали на ладан дышавшую советско-египетскую торговлю. Даже ее скромные достижения подвергались суровым испытаниям: то египетской стороной вводились (не без влияния британских колониальных властей и бизнесменов) двойные пошлины, то советские пароходы разгружались («в целях безопасности») на внешнем рейде александрийского порта, то из-за какого-нибудь политического события вовсе запрещалась деятельность советских торговых представительств в Александрии. В самом благоприят-

ном 1925 г. доля Египта во внешнеторговом обороте СССР не достигала и 3%, значительно уступая довоенному уровню.

Лишение беженцев капитуляционных прав привело к потере ими всякой защищенности. Еще ранее по постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 15 декабря 1921 г. все лица, выехавшие из страны после 7 ноября 1921 г. без разрешения советской власти, оказались без российского гражданства. Таким образом, российские изгнанники как бы повисли в воздухе, оказавшись полнейшими изгоями.

2.5. Российские дипломаты и эмиграция

Положение российских беженцев стало совершенно невыносимым в результате кончины А.А. Смирнова¹⁵⁵, последовавшей 24 февраля 1924 г. Алексей Александрович был поистине «отцом» русской колонии. Много он сделал и для александрийской общины и не только потому, что 5-6 жарких месяцев в году проживал и исполнял обязанности посла в сравнительно прохладной Александрии, как весь хедивский двор и служащие госаппарата. Практически ни одного решения и практического шага, касавшихся россиян во второй столице Египта, не было принято без ведома дипломатического агента и Генерального консула А.А. Смирнова, занимавшего этот пост в стране почти 20 лет. В Александрии посланник проживал в своей летней резиденции Булкелей в Рамле, что находится на берегу моря в центральной части города недалеко от нынешней резиденции Генерального консульства в северной столице.

А.А. Смирнов был родом из Санкт-Петербурга. После окончания Восточного факультета столичного университета по «арабско-персидско-турецко-татарскому разряду» он был определен чиновником «сверх» штата в Азиатский департамент Министерства иностранных дел 28 октября 1881 г. Назначение Смирнова в МИД совпало с обострением обстановки в арабских странах Африки. Франция захватила и превратила в колонию Тунис, в Египте вспыхнуло антиколониальное восстание Ахмеда аль-Ораби-паши, завершившееся английской оккупацией страны. Можно с полной уверенностью сказать, что молодому дипломату сразу же пришлось столкнуться с проблемами крупнейшего вилайета Османской империи, поскольку проблемы эти находились под пристальным вниманием как общественных, так и дипломатических кругов России.

В феврале 1885 г. его назначили помощником секретаря русского посольства в Константинополе, где к 1891 г. он проработал более ю лет. В марте 1897 г. Смирнов был переведен на должность первого секретаря в Российскую миссию в Греции, которая находилась в тот момент в состоянии войны с Турцией.

За многолетнюю службу и особые заслуги перед царским престолом 6 декабря 1902 г. высочайшим указом ему было пожаловано звание камергера Императорского двора. В 1903 г. он был произведен в чин действительного статского советника.

Показав себя опытным знатоком исламских и арабских проблем, превосходно образованным и эрудированным политическим представителем России, Смирнов в 1908 г. был избран дуайеном дипломатического корпуса в Каире, каковым и оставался до 1923 г.

Императорское правительство, осознавая рост значимости Египта как важного регионального центра, повысило статус российского дипломатического представительства, в соответствии с которым 5 августа 1911 г. А.А. Смирнов получил ранг Чрезвычайного посланника и Полномочного министра¹⁵⁶.

За свою карьеру он не раз был награжден российскими и иностранными (в том числе турецким, персидским, черногорским, болгарским, греческим) орденами.

А.А. Смирнова назначали дипломатическим агентом и Генеральным консулом в Египте 31 января 1905 г. К месту службы камергер Императорского двора прибыл 23 апреля и сразу же окунулся в бурную политическую жизнь Египта. Он возглавил дипломатическое представительство Российской империи после ее поражения в Русско-японской войне. Царское правительство срочно переправляло флот и войска на Дальний Восток через Суэцкий канал. Но в соответствии с Константинопольской конвенцией 1888 г. Суэцкий канал был закрыт для военных судов воюющих стран. Ввиду этого возникавшие сложные проблемы требовали от российского Генконсула максимума энергии и такта. Много проблем создавали господствовавшие в Египте англичане, которые не оставляли надежд установить контроль над этой водной магистралью¹⁵⁷. Императорское правительство, понимая это, всячески противодействовало английским планам и считало данный вопрос одним из главных направлений деятельности российского дипломатического представителя в долине Нила. Есть данные, что только за первую половину 1906 г. при

его содействию удалось провести через Суэцкий канал 70 военных и транспортных судов со 123 тыс. нижних чинов. Об этой значительной помощи, «подчас далеко нелегкой и в высшей степени деликатной», докладывал посланнику 22 июня 1906 г. председатель «Портсаидской комиссии по эвакуации военнослужащих с Дальнего Востока» подполковник Генерального штаба В.А. Артамонов: «Заканчивая свою миссию в Египте, я считаю своим нравственным долгом довести до Вашего сведения о полном содействии, оказанном делу эвакуации консульствами Суэца и Порт-Саида...»¹⁵⁸.

К тому же некоторые мусульманские кружки в Египте, ориентировавшиеся на младотурок, восторженно приветствовали победу японцев, которая символизировала для них победу поработанного Востока над Западом, хотя очевидно, что противостояли друг другу в этой жестокой схватке две империалистические державы — Россия и Япония. Антирусские настроения в Египте не принимали массовый характер, но все же доставляли немало хлопот в период Первой мировой войны, когда в стране особенно усилилась протурецкая пропаганда.

Определенную трудность в работе Смирнова в Каире создавал подъем египетского освободительного движения, принимавшего зачастую не только антибританский, но в целом антииностранный характер. Мощный подъем освободительного движения был связан со знаменитым «деншавайским» делом. 13 июня 1906 г. группа английских офицеров во время охоты на голубей около деревни Деншавай провинции Менуфия ранила жену имама местной мечети. Крестьяне палками и камнями избивали британцев, один из которых скончался. Трибунал приговорил четырех феллахов к повешению, 12 — к различным срокам тюремного заключения, 8 — к телесным наказаниям. Суд над деншавайцами вызвал бурную кампанию общенационального протеста, которая привела к другим антибританским выступлениям, что интуитивно почувствовал посланник-либерал¹⁵⁹. Эти события заметно ускорили приобщение и вхождение его в мир египетских реалий.

Анализ первых депеш и отчетов показывает, что месяц за месяцем и год за годом А.А. Смирнов все глубже вникал в подоплеку происходивших в Стране пирамид процессов. Уже через год-два он стал направлять превосходные аналитические записки и доклады, адекватные религиозной, социальной и политической действительности Египта, а также международной обстановке, связанной с ним.

А.А. Смирнов начал работать в Египте в условиях стабильного, выработанного десятилетиями лет политического курса Российской империи по отношению к этому крупнейшему османскому вилайету. Со времени поддержки Россией сепаратистского движения Али-бея аль-Кебира в 60-70-х гг. XVIII в. и учреждения по указу Екатерины II первого российского консульства в 1784 г. Россия всегда поощряла политические устремления Египта к большей самостоятельности от Порты. По отношению к нему Российская империя никогда не имела экспансионистских планов. России был нужен нейтральный Египет и нейтральный Суэцкий канал для переброски грузов, переселенцев и войск на Дальний Восток.

Двусторонние отношения характеризовались равноправием, взаимоуважением и дружелюбием, несмотря на участие Порты в русско-турецких войнах. Так, «в инструкциях, данных министерством иностранных дел действительному статскому советнику Лексу, внимание нашего представителя было обращено главным образом на то, чтобы он старался по возможности ослаблять влияние Англии, приобретающее решительный перевес в Египте. Для этого ему поручалось избегать прямого вмешательства в дела управления Египтом, но стараться приобрести личное влияние на хедива и его министров, давая им понять, что, несмотря на неприязненный образ действий их во время минувшей войны, императорское правительство по-прежнему будет благосклонно относиться к интересам Египта», — отмечалось во Всеподданнейшем докладе МИД царю за 1878 г.¹⁶⁰

Ровно за год до прибытия в Каир А.А. Смирнова такой курс в отношении Страны пирамид был подтвержден самим Николаем II. Так, в секретной телеграмме МИД 24 апреля 1904 г. (касавшейся также и Египта) российскому посланнику в Берлине графу А.А. Остен-Сакену говорилось, что «Россия не имеет прямых интересов в Египте». На полях этой телеграммы Николай II синим карандашом поправил фразу главы своего внешнеполитического ведомства: «Кроме серьезного международного значения Суэцкого канала. Царское Село, 26 апреля 1904 г.»¹⁶¹.

А.А. Смирнову оставалось только неукоснительно выполнять это предписание МИД и повеление российского самодержца. Камергер Императорского двора внес и сам существенный вклад в обогащение содержания и форм российско-египетских отношений. Невмешательство России во внутренние дела Египта давно уже привлекало внимание его правителей, которые в связи с англо-французским давлением, а позднее

только английским, часто опирались на помощь и содействие российских генконсулов.

Этот стабильный курс российской дипломатии относительно Египта привел к значительному прорыву в сотрудничестве между двумя странами. Начали развиваться связи в области геологии, археологии, туризма, медицины, египтологии, арабистики; развивалось торгово-экономическое сотрудничество; углублялось взаимопроникновение культур и литератур; предпринимались взаимные визиты особ царствующих династий — Романовых и Мухаммеда Али.

Понимая необходимость наличия хороших отношений с руководством крупнейшего вилайета Турции и используя его двойственный статус, посланник установил очень тесные отношения с хедивом и принцами. С целью упрочения этих отношений он предпринял активные меры в организации и осуществлении поездок в Россию представителей правящей семьи Мухаммеда Али. Именно ему в немалой степени обязан египетский принц Мухаммед Али, родной брат хедива Аббаса ИХельми, своими путешествиями в Сибирь и на Дальний Восток проездом в Японию по только что построенной Транссибирской железной дороге, а также на Кавказ и в Среднюю Азию в 1910 г. Вот что писал по этому поводу Смирнов министру иностранных дел А.П. Извольскому: «Недавно меня посетил Его Высочество принц Мухаммед Али, брат хедива, совершивший в конце лета путешествие в Японию, причем он проехал через всю Россию по Сибири. Принц высказал мне свою признательность за тот прием, который был ему оказан в России и за все удобства, доставленные ему во время проезда. Принц просил меня передать его благодарность Вашему Высокопревосходительству.

В заключение, вспомнив о приеме, которого он и нынешний хедив, его брат, удостоились, будучи мальчиками¹⁶², у императора Александра III, принц Мухаммед Али сказал, что и в нынешний приезд он все время чувствовал себя гостем Государя Императора и что он крайне желал бы, чтобы его сердечная признательность и оживляющие его чувства преданности сделались известны Его Императорскому Величеству.

Будущим летом Мухаммед Али намеревается съездить в Среднюю Азию и на Кавказ, о чем он и просит меня довести до Вашего Высокопревосходительства, надеясь, что императорское Правительство ничего не будет иметь против такого путешествия, и заранее благодарит за те все облегчения и удобства, которые оно найдет возможным ему предоставить»¹⁶³.

Как ни странно, главными противниками А.А. Смирнова при исполнении им служебных обязанностей являлись его соотечественники. Как мы уже указывали ранее, особенно «достали» посланника российские революционеры в 1907 и 1913 гг., когда против их высылки из Египта очень сильно выступило мощное и организованное инациональное космополитическое сообщество, главным образом в Александрии. В 1907 г. случилось следующее. Оскорбленный и униженный глава российского дипломатического представительства, выполнявший свой служебный и патриотический долг в связи с сорванным с консульских ворот и растоптанным толпой царским гербом, предпринял настойчивые демарши перед лордом Кромером и, в конце концов, добился официальных извинений со стороны англо-египетских властей и водружения герба на прежнее место и отправки революционеров в сопровождении жандармов в Одессу¹⁶⁴.

Как мы уже указывали, одним из основных приоритетов своей работы в долине Нила посланник считал активное препятствие стремлению Англии превратить Египет в свою колонию. В этой связи российский дипломатический агент считал недопустимым ликвидацию в стране смешанных трибуналов, считая, что под видом упорядочения законодательства и судопроизводства скрывался глубокий расчет в первоначальной их замене формально египетскими судами, а затем английскими. Посланник постоянно выступал также против отмены английскими оккупационными властями режима капитуляций, считая их упрямство несвоевременным, поскольку их отмена способствовала планам англичан стать полновластными хозяевами долины Нила. История, однако, распорядилась по-другому. Несмотря на последовательность своих действий в деле предоставления Египту суверенитета, русская община во главе со А.А. Смирновым была лишена капитуляций, англичане же не только их не лишились, но и благодаря политическим маневрам (предоставление фиктивной независимости Египту, провозглашение новой куцей конституции) значительно усилили свое присутствие в этой стране.

А.А. Смирнов рекомендовал правительству ответить отказом на английское предложение получить проливы Босфор и Дарданеллы в обмен на согласие с аннексией Великобританией Египта. Во многом из-за этой твердой и последовательной позиции российского дипломатического представителя в Каире Египет формально сохранил статус политической автономии в Османской империи до Первой мировой войны.

Мировая война 1914-1918 гг. принесла новые испытания А.А. Смирнову. С ее фронтов в Египет стали прибывать сотни раненых и пленных русских соотечественников. Их надо было всех устроить. В Египте был создан «Русский комитет помощи жертвам войны в Александрии» во главе с консулом А.М. Петровым. Он начал действовать уже 13 октября 1914 г., периодически направляя копии своих заседаний Смирнову, который непосредственно контролировал его работу¹⁶⁵. О масштабах этих дополнительных забот говорится в послании консула Петрова от 22 декабря 1918 г. Смирнову: «Ссылаясь на предыдущие донесения мои, имею честь довести до сведения Дипломатического агентства, на основании сообщений британских гражданских властей и нашего консульства в Порт-Саиде, что в последний город доставлена новая партия освобожденных русских пленных численностью в 586 человек...»¹⁶⁶.

Однако не только они доставляли дополнительные хлопоты русскому дипломатическому представителю в Стране пирамид. В результате наступления в Палестине турецких войск, возглавляемых германскими инструкторами, сотни и тысячи евреев, главным образом русского происхождения, бежали в Египет, где, как явствует из письма Смирнова от 2 февраля 1915 г. своему ближайшему другу и единомышленнику, председателю главной конторы русского общества пароходства и торговли (РО-ПИТ), председателю Российского театрального общества А.Е. Молчанову: «...Дел здесь теперь немало; одни евреи-беженцы из Палестины, коих собралось уже около четырех тысяч ободранных и голодных, являют немалую заботу»¹⁶⁷.

В АВПРИ сохранились многочисленные списки этих несчастных, прибывших в долину Нила¹⁶⁸. Ряд еврейских эмигрантов постарались сразу покинуть пределы Египта, направляясь в Австралию, в Северную и Южную Америку, в Европу. Но были и такие, кто связал свою судьбу с Египтом. Поэтому они постоянно находились в поле зрения российских консульских властей, которые, подолгу службы, силились, по мере возможности, помогать еврейским беженцам. Все эти вопросы находились под строгим контролем посланника.

В этом отношении очень показателен документ, направленный А.А. Смирновым российскому дипломату Г.Г. Малеку, который возглавлял учрежденный при непосредственном участии и инициативе посланника Комитет помощи русским беженцам. В нем говорилось: «Отношение Ваше к расходованию сумм Комитета помощи русским беженцам,

председателем коего вы состояли, неоднократно служило предметом самых серьезных разговоров моих с Вами. Израсходованные вами в два месяца 290 ег.ф. на автомобили, пиршества, сопровождавшие Ваши приезды в лагеря, Ваши произвольные и превышавшие компетенцию председателя выдачи пособий из комитетских сумм служили темой для разговоров, привлекли внимание англичан...»¹⁶⁹.

Алексею Александровичу становилось все более тоскливо, о чем он откровенно отмечал в еще в довоенных письмах: «Очень одиноко я себя чувствую — право, поговорить не с кем. С глубокой отрадой вспоминаю чудные вечера, которые я здесь проводил с Вами, — писал он А.Е. Молчанову 27 апреля 1913 г., — и сколько, бывало, не сиди вместе, остается что-нибудь недоговоренное. Я просто помолодел за ваше здесь пребывание. Под старость труднее сходить с людьми, но тонкость взаимного понимания так облегчает сношения, и ваш отъезд отсюда мне очень и очень чувствителен. Спасибо, дорогой Анатолий Евграфович, за эти хорошие минуты и за ваше доброе сердечное расположение. Желая вам и Марии Гавриловне (известная русская актриса М.Г. Савина. — *Авт.*) всего-всего лучшего и прошу впредь искренней душевной преданности»¹⁷⁰. Посланник имел в виду пребывание супругов в Египте в конце 1912 г.

А.А. Смирнов сошелся с Молчановыми очень близко: помимо постоянной переписки, общения по служебным делам (в Египте было несколько агентов РОПИТ, который возглавлял Молчанов), он в каждый отпуск посещал чету в Карповке под Петербургом, которая, в свою очередь, гостила у Смирнова в зимние месяцы. И на этот раз посланник пригласил их провести в Египте зиму 1913/1914 гг., но не случилось. «...Вы обманули меня!., ожидал вас обоих всю зиму — и прождал напрасно. Зиму прожил шумно — много было туристов и высоких путешественников — устал порядком. В начале октября, Бог даст, буду в Петербурге и появлюсь в Карповке. Храни вас Бог! Сердечно Ваш А.А. Смирнов»¹⁷¹. Но этому уже было не суждено осуществиться. Война прервала визиты высоких гостей и друзей, которые разнообразили рутинную жизнь, с которыми можно было отвести душу откровенными разговорами — страшным дефицитом во время длительного пребывания за границей.

Не добавляли настроению А.А. Смирнова оптимизма и даже спокойствия и уверенности, а, напротив, обостряли чувства обеспокоенности за свое будущее служебное положение вести, приходившие из российс-

кого МИД, и политические решения, принимаемые его главой С.Д. Сазоновым. Об этом обо всем он откровенно писал А.Е. Молчанову: «Какая этого и ожидал, на Пасху ни я, никто из мною представленных моих подчиненных ничего не получили; зато все друзья Сазонова возвеличены донельзя: Свербеев и Нератов украшены Анною — оба гораздо моложе меня... Грустно, когда видишь, что как ни стараешься, другие обгоняют, и ничего сделать нельзя. А между тем даже как-то стыдно становится служить по дипломатии: позорное ее отношение к Черногории, приспешничество Австрии, постыдные оправдания перед Думою — все это претит донельзя. Так хотелось бы чего-нибудь свежего, талантливое и сильного...Пишу вам откровенно, зная, что эта грусть моя встретит Ваше сочувствие»¹⁷².

В 1916 г. А.А. Смирнов составил завещание. Так как у него не было семьи и детей, он все оставил сестрам и брату и их детям. Родные сестры Алексея Александровича — Ольга (Смирнова), Мария (Новакова) и Наталья (Быкова) на момент написания завещания 20 ноября 1916 г. ст.ст. проживали в Петрограде, две другие — Елизавета (Крылова) и Александра (Шиль) — в Харькове, а Анна (Черкасова) — в Екатеринбурге. Местом жительства единственного брата посланника (согласно опять же завещанию)— Владимира Александровича Смирнова, действительного статского советника, который занимал высокую должность в Министерстве внутренних дел, был также Петроград¹⁷³.

Февральскую буржуазную революцию в России А.А. Смирнов встретил с пониманием и достоинством. После торжественного многолюдного митинга перед российским Генконсульством он принял депутацию его участников во главе с российским делегатом в Кассе египетского долга г. Прозором, который вручил ему обращение вместе с текстом выработанной митингом телеграммы в адрес новых властей России: «Мы, русско-подданные всех национальностей, проживающие в Египте, выражаем наши глубочайшие чувства симпатии и абсолютного доверия к лицам, которые сегодня направляют судьбы России к новому будущему миру и братству между народами, борющимися под своими знаменами, и посылаем наши горячие пожелания нашей славной армии и ее непобедимым командирам!» В послании Милюкову от 12/25 марта 1917 г. посланник писал: «Я высказал в ответ депутации полную свою уверенность в благополучном исходе настоящего кризиса, так как имена лиц, стоящих во главе правительства, служат тому ручательством. Я прибав-

вил, что власть находится в надежных руках, стремление же к победе над врагом удесятерится в свободной России...»^{17*}.

Октябрьскую революцию и Советскую Россию посланник Смирнов не признал, называя Совнарком «шайкой узурпаторов, захвативших родину после падения законной власти»¹⁷⁵.

Итак, по иронии судьбы, первым среди 17 крупных иностранных колоний в Египте, обладавших правами экстерриториальности, ликвидировать которые требовало нараставшее национальное движение страны, было русское землячество. И это несмотря на то, что его руководители придерживались в целом антибританской позиции по вопросу о государственной самостоятельности и независимости Египта.

В этой связи первый удар коварной политической судьбы был нанесен именно по нему — послу Алексею Александровичу Смирнову.

Наш рассказ был бы неполным без упоминания литературной деятельности А.А. Смирнова, этого дипломата «тютчевского» типа¹⁷⁶. Кроме дипломатической карьеры, следует отметить его серьезные успехи в области литературы, особенно в поэзии. До нас дошел цикл его поэзии, когда он заканчивал учебу на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета. Речь идет о лирических стихах, посвященных, вероятно, любимой девушке его юности Вере Шервуд¹⁷⁷.

Писал он и в прозе. К ранним прозаическим работам относятся его путевые заметки о поездке на Афон¹⁷⁸. В них он ярко описал жизнь обитателей Афона, с которыми познакомился, будучи секретарем российского посольства в Константинополе. Дипломат осмотрел большинство из 20 монастырей, находящихся на афонском полуострове. «Святая гора стояла в стороне от политических волнений Византии; она жила исключительно духовною жизнью. События латинствующего Запада не имели на нее влияния, а нашествие “латиномудрствующих” крестоносцев, так же как и набеги пиратов, вызвали лишь сооружение массивных стен вокруг монастырей, с башнями для защиты.

Очутившись под властью Турции, Афон тоже не поколебался в православии. С падением Византии окончился период греческих монастырей, но и мусульманство не задавило православной святыни: Святая гора получила различные привилегии и от турок, сохранила свое самоуправление и продолжала свою подвижническую жизнь.

Для нас, русских, Афон должен быть дорог как случайно уцелевший обломок духовного мира, лучи которого первым светом озарили тьму

языческой Руси. Киево-Печерская, Троице-Сергиевская лавры, это отводки этого мира, пересаженные на иную почву и разросшиеся на ней...».

Молодой дипломат отмечал, что «на Афоне нет ни коров, ни ослиц, ни индеек, ни кур; все животные женского рода изгнаны из пределов Св. горы, так что куриные яйца привозятся с соседних островов»¹⁷⁹.

Но от внимания Смирнова не ускользнул и тот факт, что и там, на святой земле Афона, которая по многим признакам напоминала Россию («русские поклонники в холстинковых рубашах, в лаптях, с котомками за плечами и с посошками в руках, и седые старики, и молодые парни, и дети...»), местные монахи обогащались и потом строили мраморные дворцы на близлежащих островах¹⁸⁰.

Впоследствии Алексей Александрович, желая расширить свои представления об окружающих странах и углубить свои познания, полученные на востоковедном факультете университета Санкт-Петербурга, а заодно и воспользоваться своей дипломатической фортуной, предоставившей ему высший дипломатический пост в Египте, лежащем посреди трех континентов, продолжил знакомство с окружающим его евро-азиатско-африканским миром. Он, конечно, не мог упустить возможности побывать в соседнем сказочном Судане, который считался частью эфемерного, но, тем не менее, очень прибыльного для Великобритании, а также для постепенно набиравшей силу египетской буржуазно-предпринимательской прослойки так называемого тогда Англо-Египетского Судана.

5 апреля 1912 г. он сообщал А.Е. Молчанову: «У нас уже жара. Зима миновала — и слава Богу — у меня было много скучных и неприятных дней, удалось мне, впрочем, урвать и в январе съездить в Судан. От Хартума я ездил еще к югу — по Голубому Нилу до Сеннаара и по Белому от гор Аби Гумма, а вернулся по Красному морю через Порт-Судан. Много интересного мне пришлось видеть — чуждую нам природу, полудиких, голых обитателей, крокодилов и гиппопотамов, странных водяных птиц... Очень интересная сама страна, у которой впереди огромная будущность»¹⁸¹.

Литературное мастерство А.А. Смирнова привлекало внимание современников. Один из них, пребывая в Каире в 1908 г., отмечал его как человека, «не чуждого литературе», а его историческую балладу в стихах «Склирена» (СПб., 1901) охарактеризовал как «изящный поэтический очерк восточных нравов, который в свое время был замечен и публикой и критикой»¹⁸².

Известен сборник А.А. Смирнова «Из сумрака былого». В него вошли рассказы и повести «Наташа», «Ведьма», «Человек в белом шарфе», «Ночь», «В лазурной глубине». Смирнов-литератор предпринял попытку проникнуть во внутренний мир своих героев, что ему удалось, особенно в психологических зарисовках характеров и мотиваций поступков¹⁸³.

Не лишен интереса опыт участия А.А. Смирнова в поэтических сборниках вместе с выдающимися мастерами русской лирики начала XX в. Его стихи можно встретить в альманахах русской поэзии этого периода. Среди авторов одного из них были К. Бальмонт, А. Белый, А. Блок, С. Кречетов, Ф. Сологуб, В. Ходасевич. Основным стержнем произведений альманаха явилась весьма злободневная тема «города, завода, цивилизации», ностальгии по свежему воздуху, по вольной природе. Этой теме посвятил стихотворение «На улице» А. Белый: «Сквозь пыльные, желтые трубы / Бегу, распутивши свой зонт / И дымом фабричные трубы / Плюют в огневой горизонт». А Блок посвятил экологии одно из пяти опубликованных там стихотворений — «Фабрика». А.А. Смирнов опубликовал в альманахе небольшой стих:

Взгляни: укрыт узорными тенями,
 Как будто злобный сказочный урод,
 От головы до пят залит огнями,
 В тумане ночи высится завод.
 Внемли: среди полночного молчанья
 Ты слышишь, как несется длинный вздох?
 То — тяжелой меди злое содроганье,
 То тяжелой думой мечется Молох.
 В когтях железных огненного зверя
 И дни, и ночи рабствует народ,
 Забыв мечты, в спасение не веря,
 Лишь зная крик надсмотрщика «Вперед!»
 Неясный сон болотных испарений
 Облек завод причудливым шатром,
 И он, зловещие кругом бросая тени,
 Горит, горит негаснущим костром.

Кроме «Завода», в сборник вошли стихотворения Смирнова «Солнечный герой», «Мелисанда», «Принц Иуда», «Власть имущий», «Городок»¹⁸⁴.

В 1917-1919 гг. посланник издает в Каире свою избранную лирику, где подборкой лучших стихов, написанных почти за сорок лет, пытается философски осмыслить прожитую жизнь¹⁸⁵. Подборка стихотворений показывает, что стихосложением Алексей Смирнов стал заниматься еще в раннем возрасте. В первом томе помещены стихи, датированные 1872 г., когда их автору исполнилось лишь 15 лет:

Нет, я не буду добычею тленья,
 Я не хочу умирать;
 Имени смерти и мрака забвенья
 Я не хочу понимать.
 Я — царь земли, я — венец мирозданья,
 Солнце средь ясного дня!...
 Разве затем мне вдохнули сознание
 С искрой святого огня?
 Разве затем я узнал наслажденье
 Жить, и любить, и страдать?
 Нет, я не буду добычею тленья -
 Я не хочу умирать!

С. П. Б. 1872^м.

Не вдаваясь в анализ раннего творчества поэта Алексея Смирнова, что и не входит в наши планы, укажем, что приведенному выше стихотворению присущи вполне зрелые и многообещающие мысли будущего маститого дипломата, облаченные в неплохие стихотворные формы с оттенком некоторого философствования.

К сожалению, в имеющихся в нашем распоряжении стихах нет таких, которые были бы посвящены египетской тематике. Однако приводимое ниже стихотворение вполне может быть соотнесено с ощущениями при созерцании древних памятников долины Нила.

АКРОПОЛЬ

Внизу, у ног холма седого,
 Полна преданий славных дней,
 Лежит страна, — страна былого,
 Вся в блеске солнца и теней.

Туманны дальних гор вершины
 Лазурный стелется залив,

Вдали дорога Элевзины
По склону вьется средь олив.

Жизнь замерла в палящем зное...
Недвижим воздух... ветер спит...
И тайн былых в своем покое
Не выдаст мрамор старых плит...¹⁸⁷

Грустному настроению, охватившему посланника в годы войны, соответствовали и пессимистические нотки его поэзии в этот период, когда он пишет завещание.

Then finish the last song

Окончи песнь... Подкрался час разлуки.
Забудь ту ночь — развеял день мечту...
Кого ж обнять стремятся жадно руки?
Сна удержать нельзя... я пустоту
К груди своей прижал, исполнен муки!¹⁸⁸

Как литератор, А.А. Смирнов много печатался как в России, так и за рубежом, в частности в Египте. До сих пор некоторые из этих изданий хранятся в российских библиотеках¹⁸⁹. По рассказам современников, в частности, дипломата, будущего посла РФ в Саудовском Королевстве и советника-посланника в АРЕ, а тогда еще стажера МИДа в Каире А.О. Бакланова, книги А.А. Смирнова можно было встретить в 59-60-х гг. прошлого столетия на книжных развалах площади Оперы в Каире.

Вероятно, яркой иллюстрацией масштабов творчества российского посланника может служить фрагмент его уже цитировавшегося письма к А.Е. Молчанову, которого А.А. Смирнов просил оказать содействие в издании своих произведений в качестве приложения очень популярного российского журнала «Нива»: «Я давно уже собираюсь обратиться к Вам с просьбой, дорогой Анатолий Евграфович. Не знаете ли Вы кого-нибудь и не можете ли иметь влияния в редакции “Нивы”. Дело в том, что я хотел бы, чтобы они сделали полное собрание моих сочинений, как премию к журналу. Конечно, это не будет изящно издано, но количество экземпляров огромно, распространение широкое — так сказать, слава. Кроме того, они платят недурные деньги; теперь же, когда они

дают премией Мамина-Сибиряка, Бунина, быть может, и я мог бы дерзнуть явиться кандидатом. Это, несомненно, расширило бы известность моего имени и впоследствии легче было приступить к более солидному изданию, например, у А.А. Левинсона...

Со стихами, прозой, шуточными вещами, путешествиями и заметками у меня набралось бы на 4-5 томов очень разнообразного материала. Как Вы находите мою мысль? Думаю только, что с этим надо поторопиться, ибо, наверное, они уговариваются заранее...»¹⁹⁰.

Признавали эту «двойственность» Смирнова, писательскую и дипломатическую, и египтяне. По словам автора некролога в еженедельнике «L'illustration egyptienne» за 20 февраля 1924 г., «присутствие на его похоронах большого числа высших египетских чиновников свидетельствует о том глубоком уважении, которое вызывал к себе покойный дипломат и литератор А. Смирнов».

Кстати говоря, уже сам факт глубокой дружбы и взаимного интереса друг к другу российского посланника А.А. Смирнова и председателя Российского театрального общества (он же директор РОПИТ) А.Е. Молчанова и его супруги, одной из лучших драматических актрис России того времени М.Г. Савиной, указывает на высокий духовный уровень А.А. Смирнова, его широкий культурный кругозор и немалые творческий потенциал.

Борьба за выживание общины после Октябрьской революции, после антироссийских мер, предпринятых англо-египетским кабинетом, самым серьезным образом подорвала силы и здоровье «отца» русской колонии. Именно в этот напряженнейший период, за два года до смерти, А.А. Смирнов заболел так называемыми «нильскими нарывами», вызванными, главным образом, длительным и безвыездным проживанием в жарком и влажном климате. С этим недугом дипломат более или менее успешно боролся, но, на беду, с ним случилось несчастье: проезжая по многолюдной каирской улице на велосипеде, он был сбит автомобилем. Бывший посланник получил перелом одной из костей ступни. Операция, проведенная русскими врачами во главе с К.Э. Вагнером, оказалась успешной. Но заживание раны шло плохо ввиду прежней болезни «нильских нарывов». Вскоре наступило осложнение, затем заражение крови и смерть.

Алексей Александрович скончался 18 февраля 1924 г. н. ст. в своей квартире в доме 14 по улице Шейх Абу Сабаа района Абдин в центре

Каира. Отпевание Смирнова происходило 19 февраля в греческом православном храме Св. Константина и Св. Елены, что в Булаке напротив Замалека. На панихиде в храме, литургии и панихиде в церкви Св. Георгия пел хор под руководством регента, бывшего полковника Ф.В. Васильева.

По воле А.А. Смирнова на могиле был поставлен скромный памятник, без указания, кем был покойный. В завещании, составленном на французском языке еще 20 ноября 1916 г., камергер Императорского двора написал: «Если я умру в Египте, прошу не бальзамировать мое тело; в случае если захотят мой прах перевезти в Россию, после временного бальзамирования, также не надо бальзамировать. Я абсолютно не возражаю, если мой прах навсегда оставят в Египте. Деньги на похороны, на памятник и на закупку места на кладбище, по моей просьбе, даст Жорж-бей Лутфалла¹⁹¹. Я прошу, чтобы похороны были более скромные. Прошу не возлагать венков и не произносить речей; памятник сделать очень простым: плита, на которой каменный крест с надписью «Алексей Смирнов, родился 14 сентября 1857 г. и дата смерти. Господи, на то была Твоя воля».

Это завещание написано и подписано лично мною, Алексеем Александровичем Смирновым, 20 ноября 1916 г. Завещатель: Чрезвычайный Императорский Посланник России и Полномочный Министр, Действительный Статский Советник, Камергер Его Императорского Величества. Подпись»¹⁹².

Так скромно и трагично закончил свою жизнь этот незаурядный человек, много сделавший для своих соотечественников и для российско-египетских отношений.

Обнаружение могилы великого соотечественника, охранявшего интересы россиян в 1905-1924 гг. в Египте, вернуло внимание к его личности. Посольство России в Каире, Генконсульство и представительство Росзарубежцентра в Александрии восстановили памятник Алексею Смирнову, а также несколько десятков могил россиян первой волны эмиграции на православных кладбищах в Старом Каире и Шатби в Александрии.

Открытие новой мраморной плиты и отреставрированной русской часовни 29 сентября 2002 г. в присутствии Посла России в АРЕ, ныне покойного Н.В. Картузова, произнесшего речь, Генконсула Н.М. Холова, сотрудников дипломатических и консульских представительств в обеих

столицах Египта, представителей СМИ, многочисленных соотечественников и гостей сопровождалось возложением венков и панихидой, которую провел с певчими экзарх Русской православной церкви в АРЕ и Всея Африки о. Дмитрий (Нецветаев). Около часовни с небольшим словом о русской эмиграции в Египте выступил вице-консул Александрийского Генконсульства и директор РЦНК Г.В. Горячкин

В том, что «отец» колонии русских эмигрантов в Египте много успел в предоставлении им необходимой и неотложной помощи, большая заслуга принадлежит русским дипломатам, разделившим судьбу своего посланника. Его первым помощником был консул в Александрии Алексей Михайлович Петров, в Каире — дипломаты С.П. Разумовский и Н.И. Виноградов, в Порт-Саиде — и.о. консула А.Я. Ниссен.

После кончины А.А. Смирнова главной фигурой российской миссии¹⁹³ в Египте, в Каире в первую очередь, становится Сергей Павлович Разумовский, 1875 г. рождения (умер в Каире 20 сентября 1947 г.). До Первой мировой войны он работал Императорским консулом в Яффе, оттуда эвакуирован в Каир и причислен к Дипломатическому агентству. После его ликвидации в 1923 г. он становится «хранителем архивов Российской Миссии в Египте». Вполне вероятно, что, видимо, он содействовал передаче основных дипломатических архивов Миссии представителям советского посольства после восстановления российско (советско)-египетских отношений в 1943 г. В мае 1926 г. он возглавил русское бюро в Каире, но, по непонятным причинам, возглавлял его только один год, передав затем его в руки Н.И. Виноградова. Разумовский был женат. Его супруга (1878-1940) также похоронена на погосте при храме Святого Георгия в Старом Каире.

Управляющим каирским вице-консульством еще в бытность А.А. Смирнова был Николай Иванович Виноградов (1881-1935). Он был из мещан г. Можайска. По окончании Лазаревского института восточных языков при Московском университете и Учебного отделения при Первом департаменте МИД в 1908 г. был принят «с правом на чин X класса на службу по ведомству с причислением». С июня 1911 г. — студент при российском посольстве в Константинополе, в декабре 1910 г. — и.д. секретаря и драгомана консульства в Сараеве. С мая 1912 г. управлял вице-консульством в Скутари, в сентябре 1912 г. командирован в Цетины для усиления личного состава Миссии, а в январе 1914 г. назначен и.д. драгомана в Миссию в Абиссинии, где пробыл до отъезда в Каир в 1920 г.^{19*}

С кончиной Н.И. Виноградова в 1935 г. «русское бюро» в Каире возглавлял полковник М.В. Скарятин, который в конце 40-х гг. выехал в Европу. Его заменил П.В. Антаки. По некоторым данным, «русские бюро» в Египте просуществовали до 1963 г., когда надобность их существования объективно отпала ввиду резкого сокращения численности русских общин в трех главных городах страны — Каире, Александрии и Порт-Саиде.

Наконец, Алексей Михайлович Петров — главное действующее лицо александрийского сообщества россиян на протяжении более чем трети века. Родился 22 сентября / 4 октября 1876 г. в Москве в семье потомственных дворян Тамбовской губернии. Его родители из православных: штабс-капитан Михаил Иванович Петров и мать Анастасия Дмитриевна Андриевская. У отца было имение около юо десятин с усадьбою в Одо-евском уезде Тульской губернии, у матери — площадью 900 десятин в том же уезде¹⁹⁵.

Родословная¹⁹⁶ по материнской линии, зафиксированная в семейной памяти нынешних Петровых, восходит к Андрею Ивановичу Лопухину, тайному советнику и первому тульскому губернатору в царствование Екатерины II, который породнился с дочерью Игнатия Кирилловича Андриевского, помещика из Московской губернии. Отцовская линия выходит на семьи помещиков Петровых и Житковых в Саратовской и Тульской губерниях. Как видим, А.М. Петров был выходцем из дворянских семей Центральной России.

По окончании классической гимназии в 1894 г. учился в Лазаревском институте восточных языков (ЛИВЯ) в Москве, который закончил в 1897 г. В аттестате об окончании ЛИВЯ говорилось, что Петров Александр Михайлович «за оказанные им отличные успехи в науках — арабская словесность, персидская словесность, турецко-татарский язык, история Востока, русская словесность и практика по турецкому языку, персидскому языку, восточной каллиграфии и французскому языку, — при отличном поведении удостоен права на чин X класса, в каком и утверждается при поступлении на государственную службу» (см. Иллюстрации).

С 1897 по 1898 г. А.М. Петров окончил курс Учебного отделения при Азиатском департаменте МИД, ведавшем отношениями России со странами Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, Средней Азии и Балканского полуострова. После сдачи дипломатического экзамена был назначен студентом посольства в Константинополе, другими словами, его прикрепили к посольству в качестве стажера.

АТТЕСТАТЪ.

По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, отъ Совѣта Специальныхъ Классовъ Лазаревского Института Восточныхъ Языковъ данъ сей аттестатъ Александру Михайловичу Петрову, потомственному дворянину, сыну полковника, родившемуся *двадцать второго сентября тысяча восемьсотъ семьдесятъ шестого года, православнаго вѣроисповѣданія*, въ томъ, что онъ, поступивъ по аттестату зрѣлости Тамбовской гимназіи въ Августѣ 1894 года въ число студентовъ перваго курса Специальныхъ Классовъ Лазаревского Института Восточныхъ Языковъ, въ Маѣ 1897 года окончилъ полный курсъ въ сихъ классахъ и за оказанные имъ *отличныя успѣхи въ наукахъ—* *арабская словесность, персидская словесность, турецко-татарскій языкъ, исторія востока, русская словесность, практика: турецкаго языка, персидскаго языка и арабскаго языка, восточная каллиграфія и французскій языкъ*,— при отличномъ поведеніи, опредѣленіями Совѣта Специальныхъ Классовъ, 24 Маѣ 1897 года и 31 Октября 1898 года состоявшимися, на основаніи §§ 164 и 173 ВѢСНОЧАЙШЕ утвержденнаго 16 Декабря 1872 года Устава Лазаревского Института Восточныхъ Языковъ, а также ст. 1103 и 1112 Св. Зак. Т. XI ч. 1-й изд. 1893 года, удостоенъ права на чинъ **ДЕСЯТАГО КЛАССА (X)**, въ какомъ и утверждается при поступленіи въ Государственную службу, согласно ст. 1079 того же тома Св. Зак., § 178 Устава Института и 68 ст. Св. Закон. изд. 1896 года Т. III Устава о службѣ по опред. отъ Правительства. Право же его, Петрова, на поступленіе въ военную службу и на производство потомъ въ офицеры опредѣляется существующими по Военному Вѣдомству правилами, на основаніи ст. 64 пук. 1-й (по жеребью), ст. 195 пук. 1-й (вольвоопредѣляющагося) и прилож. къ ст. 61 Устава о воинской повинности (изд. 1897 года), какъ лица, окончившаго курсъ учебнаго заведенія перваго разряда. Москва. Ноября 23 дня 1898 года.

Директоръ Лазаревскаго Института
Восточныхъ Языковъ, Ординарный Про-
фессоръ ИМПЕРАТОРСКАГО Мос-
ковскаго Университета, Дѣйстви-
тельный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Александръ Ивановичъ

Секретарь Совѣта Специальныхъ Классовъ

Проф. Г. Александровичъ

В декабре ему было Всемиловейше разрешено принять и носить турецкий орден Османие 4-й степени. В марте 1901 г. произведен за выслугу лет в титулярные советники. В сентябре 1903 г. назначен секретарем Генерального консульства в Иерусалиме, в марте 1905 г. произведен за выслугу лет в коллежские асессоры, а в марте того же года ему разрешено принять и носить Иерусалимский Золотой Крест с частицею Животворящего Древа, со званием Крестоносца Святого Гроба.

В феврале 1906 г. получает очередное назначение — вице-консулом в Филиппополь. В июле 1909 г. произведен за выслугу лет в надворные советники, в этом же году награждается орденом Святой Анны 3-й степени, и Всемиловейше ему было позволено принять и носить Черногогорский орден Князя Даниила 4-й степени.

Наконец, 26 июля 1910 г. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству № 50 назначен консулом в Александрии, в октябре 1912 г. награжден болгарским орденом «За гражданские заслуги» 3-й степени, а в марте 1913 г. за выслугу лет произведен в коллежские советники.

Последние ордена А.М. Петров получает в 1914 и 1916 гг. — соответственно орден Святого Станислава 2-й степени и Бухарский орден Золотой звезды 2-й степени.

Кроме того, А.М. Петров награжден светло-бронзовой медалью в память 300-летия царствования Дома Романовых и «за отличное исполнение мобилизации 1914 г.», причем это была мобилизация русско-подданных в Александрии! Нужно было обладать определенными способностями, чтобы достигнуть этого результата. Чтобы не быть голословным, говоря о серьезности мобилизационных кампаний за рубежом и в частности в Александрии, приведем свидетельство александрийского русско-подданного Бенциона Владимировича в уже цитированном нами его прошении на имя посланника А.А. Смирнова: «По отношению к России я выполнил все мои обязанности — являлся по призыву при мобилизации в Консульство в Александрии в 1916 г., но был признан негодным к военной службе...»¹⁹⁷.

В самом начале Первой мировой войны царское правительство освободило от призыва в армии россиян, проживавших за пределами страны. Но вскоре из-за огромных потерь на фронте эта мера была отменена. Поэтому по Указу от 2 марта 1915 г. военнообязанные россияне должны были либо вернуться в Россию, либо поступить на службу к союзникам.

Для александрийских россиян был прямой путь в британскую армию, которая вела боевые действия на Синае. В Александрии для них был создан специальный лагерь, откуда они направлялись к месту службы, чаще всего в тыловые подразделения. Но были случаи, когда они попадали в Европу. Так, в ноябре 1916 г. из Александрии на английском транспорте в Марсель было отправлено 168 новобранцев-россиян¹⁹⁸.

Наряду с этим, А.М. Петров в 1917 г. получил Почетный знак действительного члена Императорского Православного Палестинского общества (ИППО), что отражает его заслуги перед ориенталистами за время работы в Иерусалиме, а также в деле помощи беженцам из Палестины во время войны. Они, кстати, в основном пережидали войну в Александрии, и у консула была возможность реально им помочь, что и было сделано. В то же самое время членство в ИППО и уважение, проявляемое последним к А.М. Петрову, указывают на широту и глубину востоковедческих знаний бывшего выпускника ЛИВЯ. Восток его интересовал не только как дипломата, он активно участвовал в научной жизни ориенталистов, помогая востоковедам, когда они прибывали в Египет и другие страны, где он выполнял консульские и прочие обязанности.

Помимо всего прочего, он стал обладателем Знака Почетного Ревнителя Комитета морских экскурсий (было и такое в то время!), что говорит о его заслугах перед получившим развитие в то время российским туризмом в Страну пирамид.

Последнее, что было записано российской Миссией в Египте в послужном списке российского консула в Александрии коллежского советника Петрова 1 октября 1923 г., это то, что с 1900 г. А.М. Петров был лишь трижды в отпуске — в 1900 г. (2 мес.), в 1911 г. (4 мес.), в 1914 г. (3 мес.). Но из-за войны А.М. Петров вернулся в Александрию на 20 дней раньше срока и с тех пор окончательно стал русским александрийцем¹⁹⁹. Немногочисленные отпуска лишний раз говорят как о трудной судьбе российского дипломата-востоковеда, особенно консульского работника, так и о хорошо продуманной Азиатским департаментом МИД России системе подготовки своих кадров для работы в странах Востока²⁰⁰. Все эти трудности сполна претерпел и русский консул в Александрии Александр Михайлович Петров²⁰¹.

Непросто складывались обстоятельства в семейной и личной жизни александрийского консула. Первым браком Александр Михайлович был женат на дочери Генерального консула в Эрзеруме, действительно-

го статского советника Максимова Надежде Викторовне Максимовой. От нее в 1901 г. родились в Иерусалиме сын Александр и дочь Анастасия в 1907 г. в Филиппополе. Жена скончалась в Москве на 38-м году жизни в октябре 1918 г. В декабре 1919 г. в Москве умер его отец генерал-лейтенант Михаил Иванович Петров.

Какуже было сказано выше, сына Александра надворный советник пристроил в Тунисе, где тот учился в Морской академии (о судьбе его нам ничего не известно, несмотря на обращение о помощи в этом деле к внукам А.М. Петрова). После значительных усилий консулу все-таки удалось переправить (скорее даже «вырвать») к себе в Египет из Советской России обеих Анастасий, мать и дочь, в конце 1921 г. Так вместе они и покоятся в одной могиле в Шатби²⁰², на кладбище первой категории, в юю метрах от могилы самого консула. Бабушка намного пережила свою внучку, которая покончила жизнь самоубийством в октябре 1924 г. в возрасте 17 лет выстрелом из отцовского револьвера из-за неразделенной любви. Об этом поведала автору книги Мария Петрова-Ульман. Анастасия Дмитриевна умерла в декабре 1942 г., за четыре года до кончины своего сына.

Вторично Александр Михайлович женился на Наталье Ивановне Карягиной, казачке из Терской области, 1892 г. рождения. Она с группой паломниц, по словам внучки консула Элен Дивов, выехала из России в Иерусалим и осталась в нем из-за военных действий. Там-то и познакомился с ней А.М. Петров, часто наезжавший в Палестину по делам. От второго брака 16 декабря 1925 г. родилась дочь Мария, которая, выйдя замуж за Владимира Анатольевича Дивова, произвела на свет дочь Елену (3 июля 1946 г.) и сына Александра (6 декабря 1947 г.), вместе с которым в настоящее время проживает в ЮАР. Елена живет в Париже, где работает в Центре тибетских исследований. Вторая жена, по словам Т.Н. Монти, умерла в 80-х гг. прошлого столетия. Ее захоронили в той же самой могиле, где покоится прах Александра Михайловича²⁰³.

До возникновения общественных образований главную часть забот по «жизнеобеспечению» русской колонии в Александрии несло консульство во главе с А.М. Петровым, являвшееся не только центром общественной жизни соотечественников, но и на первых порах учредителем недостающих звеньев самообеспечения эмигрантов первой волны, организатором их включения в социально-экономическую структуру египетского общества. Особенно это было необходимо до переезда эмигран-

тов из Телль аль-Кебира в Сиди-Бишр со своей организационно-хозяйственной структурой. Прежде всего это касалось тех россиян, которые ранее проживали в Александрии, а число их было не менее, чем численность эмигрантов лагеря в Телль аль-Кебуре, а затем в Сиди-Бишре. В содействии А.М. Петрова русские изгнанники во второй столице Египта не менее нуждались и позже, в 30-40-х гг. прошлого века.

После прихода к власти большевиков и постепенного признания Советской России на Западе позиция консула А.М. Петрова продолжала оставаться неизменной, по-прежнему Совнарком, большевиков А.М. Петров называл «кучкой лиц, насильственно захвативших власть в России»²⁰⁴.

В начале 20-х гг., как и все египетские россияне, русские александрийцы были лишены политического иммунитета, т.е. капитуляционных прав, дававших иностранным резидентам в северной столице право экстерриториальности, а 8 октября 1923 г. англо-египетские власти вообще выбросили их на улицу, принудили напрямую подчиняться египетским законам, быть подсудными египетским судам, находиться под надзором александрийских квартальных шейхов.

И все же А.М. Петров не сошел со сцены. В 1926 г. он стал директором александрийского Русского бюро, организованного англо-египетскими властями при департаменте общественной безопасности Министерства внутренних дел. Находясь, таким образом, на египетской службе, он имел возможность официально оказывать помощь своим соотечественникам. Основная задача этого бюро состояла в выдаче видов на жительство в Египте, справок из консульских архивов, а также в выполнении некоторых нотариальных обязанностей. Бюро не имело права касаться вопросов «личного статуса» и юридической защиты русских.

Будучи истинным патриотом, наряду с «официальной» помощью эмигрантам А.М. Петров оказывал им всяческое содействие, используя свой огромный личный авторитет и дружеские связи в Александрии с иностранными консулами, государственными должностными лицами, крупными предпринимателями города. При этом он всегда действовал энергично. Его активность приносила ощутимые результаты.

Так, хорошо действовало «Общество дешевого кредита», столь популярное среди эмигрантов, выдавая ссуды своим членам на коммерческие начинания, способствуя тем самым обустройству россиян в Александрии. Председателем его, как и многих других, стал А.М. Петров.

«Очень полезным учреждением» называли его столичные российские дипломаты и предлагали перенять это новшество русским колониям в Каире и Порт-Саиде.

Будучи состоятельным человеком (он имел в Иерусалиме большой дом, много лет сотрудничал с компанией «Шелл» и т.д.), Александр Михайлович создал на свои средства православную церковь в Александрии, которая до недавнего времени находилась на улице Саада Заглюля²⁰⁵. Кроме того, он стал одним из инициаторов и создателей в 1934 г. русской часовни на кладбище в Шатби²⁰⁶.

Участие консула в судьбе русских изгнанников в Александрии в значительной степени позволило им не только выжить на чужбине, но и внести весомый вклад в социально-культурную жизнь Александрии, в русскую и даже мировую культуру. Во многом благодаря ему в январе 1925 г. была устроена персональная выставка И.Я. Билибина, имевшая огромный успех, установлен чудный памятник российского скульптора Б.О. Ключезя-Фродмана «Невеста Нила» в городском саду «Нузха», обеспечен незабываемый прием балерины Анны Павловой в 1923 и 1928 гг., а также гастроли всемирно известного певца Федора Шаляпина в 1933 г. (см. Альбом).

Успех А.М. Петрова в принятии и осуществлении вышеуказанных мер обеспечил опыт консула в проведении прежних акций, связанных с Первой мировой войной. Здесь, прежде всего, речь идет о приеме и размещении в Александрии беженцев из Палестины, раненых и пленных русских солдат, направленных союзниками с фронтов Первой мировой войны, а также о помощи и содействии в обустройстве постоянно прибывавшим в Александрию россиянам, бежавшим от ужасов революции и Гражданской войны в России.

В декабре 1914 — январе 1915 г. в Египет хлынул поток беженцев из Палестины с русскими паспортами в количестве до 4000 человек, которым египетские власти предоставили жилье и продукты питания. В Россию они в то время попасть не могли. Англо-египетские власти разрешили им подыскивать работу и, найдя ее, остаться в Египте. Основная часть беженцев проживала в Александрии, некоторые из них устроились работать на оборонных предприятиях.

Почти сразу же после начала войны в Александрии была создана специальная организация для помощи россиянам, пострадавшим в результате боевых действий Первой мировой войны, которую возглавил

сам А.М. Петров, — «Русский комитет помощи жертвам войны в Александрии». В состав Комитета вошли видные александрийцы, в том числе русско-подданные: И.Л. Мутафов, Я.З. Генценштейн, Дж. Коллоридибей, А.И. Фосколо. Секретарем был Ю.Н. Вилькен²⁰⁷. Не без помощи этого Комитета создавались небольшие заводи и фабрички по изготовлению оболочек для мин, бомб и снарядов, а также гильз для патронов. Так, например, в 1915 г. на одном таком предприятии трудилось несколько десятков беженцев. Комитет устраивал лотереи, доход от которых шел в бюджет комитета; организовывал лечение и содержание раненых и больных чинов экипажа затонувшего в устье Суэцкого канала крейсера «Пересвет», доставал для них протезы для ног²⁰⁸.

Дополнительным бременем для консула было прибытие и пребывание в Александрии православных паломников и служащих Императорского Православного Палестинского общества, представителей русской духовной миссии во главе с архимандритом Леонидом, вынужденных эвакуироваться из Палестины. Число последних достигало около сотни человек²⁰⁹. Сюда следует еще добавить туристов и синайских паломников, которых война застала врасплох и которые поэтому оказались на неопределенное время в Александрии. О них тоже надо было позаботиться.

Еще одна многочисленная категория россиян нуждалась в помощи русского консула в Александрии — больные, раненые и военнопленные, перевезенные англичанами в Египет. 6 декабря 1918 г. в Порт-Саид прибыла первая партия этих лиц, к маю 1919 г. их уже насчитывалось примерно 1150 человек. После ликвидации лагеря в Телль аль-Кебире большая часть их была направлена в Александрию. Так они попали в поле зрения и под контроль Александрийского комитета помощи жертвам войны под председательством того же А.М. Петрова²¹⁰.

В начале каждого года консула ожидало очень непростое дело: он подбирал из русских александрийцев весьма уважаемых и ответственных лиц в качестве заседателей и их заместителей в судебные комиссии при вверенном ему консульстве (см. Приложение 3). Так, на 1918 г. в их состав вошли: Мутафов Иван Лазаревич — представитель фирмы «Манташев и К», Герценштейн Яков Зусевич — коммерсант, Альшевский Гирш Шмуилович, агент РОПИТ, Фельман Рудольф Карлович, агент Добровольного флота. В 1919 г. в состав комиссий вместо Герценштейна вошел Маллисон Эрнест Егорович, коммерсант, вместо Фельмана Грушкин Ицка-Лейб Рафаилович, директор завода «Блаттнер и К»²¹¹.

Тяжелым испытанием для русских эмигрантов в Александрии явилось нападение фашистской Германии на Советский Союз. Правда, по сведениям Ю.В. Луконина, по ряду причин некоторое количество александрийских россиян восприняли фашистские идеи. Портовый полицейский Марков, о котором мы писали ранее, он же хозяин транзитного «караван-сарая», вместе с отдельными соотечественниками распространял фашистскую литературу даже среди команд советских судов в александрийской гавани²¹².

Однако большинство российских изгнанников стояли на патриотических позициях. Здесь будет уместно привести стих эмигрантки О. Егоровой «Родина»²¹³.

Вся залита кровию родина;
В небе багровый закат;
И ночью, и днем там разносится
Пугающий грома раскат.

Слезами потоками жгучими
Там плачет и мать, и жена;
Там туча разверзлась могучая
И ливнем проходит она.

Та буря пройдет, успокоится —
И радуга в небе блеснет.
Но сердце, разбитое горем,
Возможно ль, что вновь оживет.

Сам Александр Михайлович внимательно следил за тем, что происходило в Советской России. Так, от его внимания не ускользнули события, связанные с голодом в Советской России в 1921 г., когда он через благотворительные вечера и другие мероприятия организует сбор средств для голодающих в Советской России²¹⁴, и во время Великой Отечественной войны он являлся активным поборником оказания помощи далеким соотечественникам через различные фонды содействия.

По словам внучки консула, сразу после Второй мировой войны А.М. Петрова, как старейшего и опытнейшего из иностранных консулов Александрии, избирают дуайеном консульского корпуса второй столицы Египта.

На протяжении всей деятельности в Александрии Алексея Михайловича — а это ни много ни мало, а более трети века — его ни в чем нельзя было упрекнуть в том, что касалось его отношения к членам русской колонии города. К тому же, по признанию внучки Элен Дивов, он был очень набожным человеком: после каждого обеда направлялся в церковь, которая, как вспоминал Дима Конн, «находилась в большой квартире бывшего консула», где молился до вечера. Кстати, сам мальчик одно время прислуживал в этом маленьком русском храме Александрии. Интересно, Дима добавляет, что «в первые годы было очень интересно. Консул Петров еще надевал форму на торжественные богослужения (см. Иллюстрации). Бывший посланник Смирнов часто носил свой камергерский мундир. Старый генерал Рерберг (см. ниже. — *Авт.*) тоже бывал в форме. Помню, как-то я с ним ехал на открытом автомобиле, и недоумевающие египетские полицейские отдавали честь»²¹⁵.

Если А.А. Смирнов был «отцом» русского общества в целом в Египте, то А.М. Петров по праву носил это имя для сотен и тысяч александрийских россиян.

Именно эта мысль сквозила в выступлениях Генконсула Н.М. Холова и директора александрийского РЦНК Г.В. Горячкина 4 октября 2001 г., когда отмечали 125-летнюю годовщину со дня рождения и бо-летнюю — со дня кончины российского консула в Александрии А.М. Петрова²¹⁶.

Панихида, для которой из Каира специально прибыл экзарх Русской православной церкви в Египте и всяя Африки отец Дмитрий с певчими, состоялась в левой части кладбища, где находятся могилы А.М. Петрова, его второй жены Натальи Ивановны, двух Анастасий — матери консула и его дочери от первого брака, а также около двух десятков захоронений россиян²¹⁷. Затем церемония была продолжена в правой части кладбища, возле русской часовни, где в 20-80-х гг. был погребен прах более двухсот наших соотечественников. Генеральный консул Н.М. Холов и консул А.Б. Кожин возложили венки к могиле А.М. Петрова и к часовне, а присутствующие на церемонии представители иностранных консульств Александрии, журналисты, российские граждане — цветы.

Вечером 4 октября в РЦНК состоялось торжественное собрание, на котором выступил директор Г.В. Горячкин, атташе Генконсульства Д.В. Тесленко. Гостей приветствовала председатель женского клуба

«Александрия»²¹⁸ Ольга ас-Сейид. Мария Александровна и Елена Владимировна поделились своими воспоминаниями и ответили на многочисленные вопросы собравшихся. Дочь и внучка консула А.М. Петрова сердечно поблагодарили Генеральное консульство и Российский центр науки и культуры за организацию юбилейных торжеств в честь отца и деда, за приглашение побывать в Александрии.

Затем М.А. Ульман и Е.В. Дивов открыли выставку²¹⁹, на которой были представлены редкие экспонаты, отображавшие жизнь самого консула, его родственников и сподвижников по Александрии, их дела, направленного на поддержание и улучшение жизни более чем двух тысяч своих соотечественников, на развитие добрых связей между россиянами и египтянами, на вклад оказавшихся вдалеке от Родины русских в культуру приютившей их страны.

Надо сказать, что и другие выставки РЦНК были посвящены, полностью или частично, жизни А.М. Петрова и других русских дипломатов в Александрии. Так, например, 8 февраля 2004 г. в Александрии был торжественно отмечен День дипломата. В РЦНК была развернута выставка фотографий и документов, посвященная истории российской дипломатии и ее сегодняшнему дню. На стендах были продемонстрированы материалы, связанные с Генконсулом и дипломатическим агентом России в Египте А.А. Смирновым (1857-1924) и российским консулом в Александрии А.М. Петровым (1876-1946)²²⁰.

О А.М. Петрове и других российских дипломатах, работавших в Александрии, речь шла 27 декабря 2004 г. на презентации книг директора РЦНК Г.В. Горячкина, вышедших в Александрии на арабском языке²²¹.

Было бы странным, на наш взгляд, если бы и для Александрии, культурной столицы Страны пирамид, где зародился театр и кинематограф, которая явила ей и всему миру прекрасных египетских, армянских, греческих, еврейских, итальянских, сирийских, ливанских деятелей культуры, воспевших свою египетскую средиземноморскую родину, не нашлось бы у России дипломата «тютчевского» типа. Им стал и был первый помощник Александра Михайловича И.П. Умов (15 марта 1883 г. — 7 марта 1961 г.), проживший в Александрии без малого полвека²²².

Иван Павлович родился и вырос в родовом имении отца на берегах Волги. Потомок декабриста и героя Плевны, он продолжил военную ка-

рьеру своих предков в Симбирском кадетском корпусе, после окончания которого поступил в военно-инженерное училище в Санкт-Петербурге. На его воспитание оказала большое культурное влияние «малая родина» привольного Поволжья, где в тесном общении с будущим дипломатом проживали знаменитые дворянские династии, среди которых были знаменитые российские литераторы и историки — Державин, Карамзин, Аксаков, граф Сологуб и др.

Вероятно, преобладание этой последней составляющей его менталитета привело к тому, что он бросает военную карьеру и перед самой революцией поступает в Лазаревский институт восточных языков в Москве, который закончил и его будущий непосредственный начальник в Александрии А.М. Петров. К последнему он поступает в распоряжение, вполне возможно, не случайно, в 1912 г., т.е. спустя два года после приезда консула в северную столицу Египта.

Став востоковедом, И.П. Умов получает распределение в МИД и назначается вице-консулом в Александрию. Проработав под руководством А.М. Петрова 5 лет, он попадает в непонятную историю, связанную, якобы, с освобождением от военной службы некоего Евгения Пиваровича, в которую был вмешан английский офицер, принимавший окончательное решение об освобождении от призыва в армию. Умов берет всю вину на себя. В результате консульский суд принимает решение отстранить его от работы и отослать в Россию, но ввиду боевых действий он туда не может попасть. И еще с дороги в Россию он отправляет письмо посланнику А.А. Смирнову, который разрешает ему вернуться в Египет, но на правах частного лица. В сентябре 1917 г. И.П. Умов прибывает в Александрию²²³.

Этот шаг бывшего вице-консула был продиктован тем, что в Александрии он уже обзавелся семьей, женившись на богатой христианке ливанского происхождения из знатного рода Хури, обладавшего в Египте большой недвижимостью. Это давало Ивану Павловичу значительные преимущества, он был намного богаче своих соотечественников, проживавших в Александрии.

Выделяясь в среде беженцев своим материальным и общественным положением, И.П. Умов, тем не менее, не ощущал себя каким-то особенным и испытывал те же чувства одиночества и ностальгии, что и остальные александрийские россияне. Об этом очень выразительно говорит его стихотворение «Перелетные птицы».

ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ

Мы дети России, бездомные птицы,
Мы бедствуем всюду, под небом всех стран.
Летят разоренных скитальцев станицы
В Египет, в Алжир, на седой океан.

Нас видели в Смирне у дряхлой мечети,
И в римском Палаццо, в старинном окне,
А матери наши, а малые дети
Тоскуют о нас в незабвенной стране.

И мучит нас вечным, безмолвным укором,
То матери облик во мраке ночном,
То призрак сестры с угасающим взором,
То, с плачем о хлебе, дитя под окном²²⁵.

Укрепив свои тылы женитьбой на богатой ливанке православного вероисповедания, Иван Павлович получил возможность не только вести безбедную жизнь в эмиграции, но и реализовать свои потенциальные культурные возможности. Для этого ему пригодилась склонность к языкам. Полиглот Умов знал десять языков — пять западных (английский, французский, немецкий, итальянский, испанский) и пять восточных — арабский, персидский, грузинский, турецкий, сирийский (диалект).

Знание западных языков позволяло ему стоять вровень с лучшими дипломатами Европы и Америки, а обладание восточными языками превосходить последних и ощущать себя «своим» в восточной среде. Удачная женитьба и возможность дать своим детям прекрасное образование, казалось бы, предоставляли отличный случай не скучать по Волге и российской действительности, но «сила, заложенная в нем культура и непоколебимая любовь к родному народу, — писал почитатель его творчества, — оказались сильнее и притягательнее всех благ европейской цивилизации и экзотики восточных стран»²²⁵.

По свидетельству автора вступительной статьи к американскому изданию Георгия Гребенщикова (1949 г.), «в течение многих лет, наряду со стихами, написанными и напечатанными на разных восточных и европейских языках, И.П. Умов больше всего писал их все-таки на русском

языке, как видно из переписки с ним и его близкими, в его архивах накопилось множество тетрадей русских стихотворений на всевозможные сюжеты, но он никак не решался их опубликовать, находя, что все они нуждаются в отделке, в пересмотре, в приведении в порядок. Лишь уступая своим близким, он согласился отобрать четыре тетради своих стихов для этой первой его русской книги и приурочить ее выпуск к 150-летней годовщине со дня рождения А.С. Пушкина.

Представляя, таким образом, И.П. Умова, как одного из выдающихся культурных работников за рубежом, пишущий эти строки считает, что самая оценка предлагаемой книги принадлежит всецело благосклонному читателю»²²⁶.

Действительно, являясь представителем наиболее культурной части российской дипломатии за рубежом, даже в исключительном случае вынужденной продолжительной эмиграции Иван Павлович преумножил свои достижения как в области литературы, так и в других культурных сферах. Кстати, и на литературном поприще его занятия были разносторонними. Кроме стихов, он попробовал свои силы — и удачно — в драматургии и литературоведении. И.П. Умов был влюблен в восточную поэзию, понимая не только ее метрику в оригинале, но и все тонкости, и «запахи», которые она излучала. Поэтому не случайно в журнале «Орион», который издавался в Сиди-Бишре, он коснулся одного из лучших арабских средневековых поэтов Абу-ль-Аля аль-Мари, написав о нем аналитическую статью и сопроводив ее переводом некоторых его стихотворений. Здесь же экс-вице-консул поместил еще одну заметку — об известнейшем на Востоке мастере любовной лирики Омаре аль-Хайяме²²⁷.

Однако и это не было пределом для «александрийского Тютчева»²²⁸: развивая свой яркий разносторонний талант, он закончил в Лондоне консерваторию по классу фортепиано, преподавал в Александрии музыку и выступал с концертами.

Но его музыкальное дарование больше всего проявилось в его детях. Их было в семье Умовых четверо — трое сыновей Павел, Иосиф, Александр и дочь Катя. Летом 1955 г. умер старший сын Павел. Второй сын Иосиф пошел по стопам отца, увлекся музыкой и стал известным скрипачом. После смерти родителей в начале 60-х гг. прошлого века уехал в Лондон. Младший Александр стал архитектором. По словам Татьяны Н. Монти, он женился на француженке Симоне Фаводон, учившей-

ся в одном классе с Т. Монти в колледже Виктории. Ее старшая сестра Колетт вышла замуж за знаменитого египетского режиссера Юсефа Шахина.

Катя Умова была очень одаренной девушкой. Занималась виолончелью. Вместе с братом Иосифом составляла основу Александрийского симфонического оркестра, восхитительная игра которого постоянно была предметом внимания прессы.

Кроме того, Екатерина Умова была хорошей балериной, исполняла классические танцы, часто выполняла балетное соло. Ее концерты были особенно любимы александрийцами, у которых были еще свежи в памяти гастролы великой Анны Павловой (об этом см. ниже). Как говорила Т.Н. Монти, Катя ежегодно выступала на благотворительных вечерах, она блистала на новогоднем шоу, где разыгрывали лотерею, работал буфет и давали водку с русскими закусками. Всегда была готова прийти на помощь, была очень любезной и обаятельной. Прекрасно говорила на русском языке. Она скончалась неожиданно: репетируя бальные упражнения в комнате, упала, ударившись виском об острый конец мебели. «Я была на ее похоронах, вся Александрия была в слезах», — продолжала Т.Н. Монти.

Исполнительница классических бальных танцев, любимица александрийской публики умерла 17 сентября 1955 г. в возрасте 29 лет. Египетская пресса отмечала, что «Катя была одной из самых известных фигур среди александрийской молодежи»²²⁹.

Это был жестокий удар и по отцу Ивану Умову. Потрясение для него оказалось настолько сильным, что только через три года он смог написать поэму в стихах «Offrande» («Дарение») на французском языке, посвященную любимой дочери.²³⁰

На следующий год после гибели Екатерины ее мама Александра Иосифовна предложила учредить стипендию имени Кати особо отличившимся учащимся танцевального класса Александрийской консерватории в возрасте от 6 до 13 лет за счет фонда, основанного семьей Умовых.

Не принижая талант и способности каждого члена этого семейства, скажем, однако, что в совокупности Умовы намного превзошли возможности обычной или, может быть, одаренной александрийской фамилии. Они представляли собой особый клуб, как в прямом, так и в переносном смысле. Создателем этого культурного центра Александрии была

Александра Иосифовна Умова, как ее называли русские друзья Ивана Павловича. Кстати, еще не известно, кто на кого оказал большее влияние, сам Иван Умов или его супруга Александра Иосифовна. Во всяком случае, то, что они нашли друг друга, несмотря на известные различия, совершенный факт.

К сожалению, несмотря на наши усиленные поиски, раздобыть какие-либо сведения об Александре Иосифовне, в том числе и ее фото, нам не удалось. Однако в одном из стихотворений, им сочиненном, угадывается ее облик и характер²³¹:

Я женщину знаю с правдивой душою.
С участливым сердцем, приветно-ясна,
Средь жизни обрывов тропой небольшою,
Спокойно и тихо проходит она.

И думаю поэта, и звукам Шопена
Извечный есть доступ в души ее храм.
Превратности света, времен перемена
Ее не приклонят к чужим алтарям.

Верна неизменно заветам былого,
Живет она в лучшем грядущем, в мечтах:
Душою смиренна; прощенья слово
Всем братьям заблудшим у ней на устах.

И кто с ней встречался, запомнят тот голос,
Запомнят блистанье лучистых очей,
И скорую поступь, и вьющийся волос,
В священном сияньи светящий над ней.

По словам соотечественников, вилла Умовых, находившаяся в центре Александрии, недалеко от колледжа Виктории, в начале 60-х гг. национализированная режимом Гамалы Абдель Насера, была в центре внимания александрийского общества, особенно его культурной и образованной части. В ней часто проводились культурно-музыкальные и литературно-поэтические вечера, на которые приглашалась элита города, принадлежавшая как к европейским, инонациональным слоям александрийского общества, так и к национально-египетским кругам Алек-

сандрии. На них выступали приезжие артисты, городские ансамбли, русские коллективы второй столицы Египта. Гвоздем музыкальных программ были обаятельные Катя и Иосиф Умовы — гордость отца и матери, старавшиеся своим дарованием в виде музыкальных соло не уронить авторитет семьи. Не отставал, конечно, и сам Иван Павлович, время от времени по просьбе гостей читая свои стихи на французском и русском языках.

2.6. Русская эмиграция и социально-культурная жизнь Александрии

Семья Умовых была не единственной среди россиян Александрии, которая своим бытием и разнообразием культурных интересов привлекала внимание александрийской общественности, особенно в ее интонациональных кругах. Но, помимо консульских семей, в Александрии были и другие российские эмигрантские фамилии и отдельные личности, которые являлись нетолько сферой притяжения интересов эмигрантских кругов северной столицы, но и известным фактором сплочения этих интересов. Они внесли значительный вклад в социально-культурную жизнь Александрии.

Среди них выделялись Рерберги (см. Альбом), которые прибыли в Александрию на том же «Саратове», о чем шла речь выше. Генерал-майор Петр Федорович Рерберг (1868-1928) был одной из самых заметных фигур русского зарубежья Александрии. Вместе со своей супругой Любовью Степановной, урожд. Волковой (1871-1950), они представляли своего рода магнит для александрийских россиян.

Т.Н. Монти говорила автору книги: «Семья Рербергов — это для меня самые близкие, очень любимые люди, вся семья. Мы вместе жили до войны 1939 г. на большой вилле в Александрии, и жили очень дружно. Семья Рербергов — военная, культурная, богатая в России. Она имела чудное имение в Никополе, на Украине, были соседями с папой. Папа с ними вырос...»²³².

Военный историк, писатель, художник Федор Петрович оставил большое наследие эмигрантской общине, хотя и прожил в Александрии всего восемь лет. Во-первых, он уже отличился в Телль аль-Кебуре, где нарисовал ряд картин, изображавших быт здесь русских беженцев²³³.

Одна из них представляет общий вид палаточного городка изгнанников, вторая — беженца за швейной машинкой, и третья — интерьер церкви и т.д. Есть у него еще картины, нарисованные позже в Александрии, которые до сих пор хранятся у Татьяны Н. Монти. Во-вторых, генерал играл одну из центральных ролей в Сиди-Бишре, где он отвечал за внутреннюю трансляцию в лагере и где к его голосу прислушивались при выработке основных направлений деятельности «веча».

В-третьих, попробовал свои силы он как военный историк и добился здесь определенных успехов. В 1925 г. он закончил исследование «Исторические тайны великих побед и необъяснимых поражений (записки участника русско-японской войны 1904-1905 гг.)», в котором попытался с известной долей объективности проанализировать причины поражения русской армии в этой войне. Эта книга была опубликована позднее его сыном Петром в Испании. Кроме этого, Федор П. Рерберг написал свои воспоминания о революции и Гражданской войне в России, а также о первых годах пребывания в Египте, в частности, в Александрии²³⁴. Кроме того, Ф. Рерберг добился определенных результатов в эпистолярном жанре, оказавшемся весьма ценным для истории. Вот почему Т.Н. Монти сохранила и передала его письма, представлявшие, по ее мнению, значительный интерес для исследователей, в Ассоциацию русских офицеров в Париже²³⁵.

После смерти отца в 1928 г. эстафету принял его сын Петр, также проявивший талант, связанный с активной общественной работой и публикацией военных воспоминаний.

Старший сын генерал-майора Рерберга Петр Федорович закончил 1-й Московский кадетский пажецкий корпус в 1916 г. Нам не известна его военная карьера в 1917-1918 гг., но то, что он продолжил эту семейную традицию, известно для 1919 г. Осенью этого года служил в конной артиллерии, во 2-й батарее 5-го кавалерийского корпуса белой армии²³⁶.

После ее поражения присоединился к семье, которая находилась уже в Египте, где с 1938 по 1954 г. был представителем Гвардейского объединения в Швейцарии, переехав в которую, работал сотрудником русского журнала «Военная быль».

Из письма Татьяны Н. Монти автору книги: «Петр Федорович Рерберг был мой крестный отец. До конца его жизни в Швейцарии в 1980 г. у нас с ними были самые близкие отношения. Это для меня был второй отец. Мы с Сандро (муж Т.Н. Монти. — Авт.) часто гостили у него в Жене-

ве. Он был инженером по строительству ангаров аэропортов. Служил в компании ESSO, часто ездил по ее линии в Ливан, на Мальту, в Афины, Швейцарию. Сестра Варвара Федоровна вышла в Александрии замуж за морского офицера, преподавала языки в александрийских колледжах. Когда произошел переворот Насера, они уехали в Америку. Их младший брат Николай Федорович был женат на эмигрантке Тамаре Вогод, они тоже покинули Александрию и прожили в Канаде всю оставшуюся жизнь».

Петр Федорович известен еще тем, что был одним из главных помощников консула А.М. Петрова: в частности, в 1934 г. активно участвовал в возведении русской часовни в Шатби (см. Альбом).

Александрии «везло» на военных историков-россиян. Одним из них был Бретцель Алексей Яковлевич, уроженец Петербурга, родился в 1884 г. (умер в Александрии в 1940 г., похоронен в Шатби). Жена — Римма Константиновна, урожд. Вогак, родилась в 1887 г. также в Петербурге, а умерла в Александрии в 1969 г.²³⁷

Сам Алексей Яковлевич был полковник лейб-гвардии Измайловского полка, одного из старейших в русской армии. Поэтому конец своей жизни, проживая в Александрии, он посвятил изучению его истории. Для этого в северной столице Египта он стал издавать журнал «Измайловская старина. Материалы к истории лейб-гвардии Измайловского полка». Его статьи он не только редактировал, но частично писал сам, в целом полагаясь на своих бывших сослуживцев, осевших по всему миру — в Лондоне, Нью-Йорке, Праге, Берлине, Белграде и других местах. Всего вышло 30 номеров «Измайловской старины», вначале по 3-4 номера в год объемом 50-60 страниц, затем ежегодно А.Я. Бретцель печатал на своей пишущей, иногда не совсем исправной машинке по 15-20 экземпляров, но уже каждый насчитывал по 200 страниц. Журнал расходился только по бывшим сослуживцам полковника лейб-гвардии Измайловского полка²³⁸.

Таких русских александрийцев, высших офицеров и генералов, проживало в Александрии немалое количество. Привыкшие к порядку, обязательные и дисциплинированные участники Белого движения, они приносили несомненную пользу своей второй родине. К их числу относились генерал-лейтенант Александр Алексеевич Безкровный (1866-1948), генерал-майор Андрей Андреевич Васильев (сконч. в возрасте 85 лет), Иван Карлович Зиссерман (сконч. в 1933 г.), Борис Иванович Новаков

(сконч. в 1927 г. в возрасте 60 лет), Антон Васильевич Хоперский (сконч. в 1920 г.).

О жизни этих людей ничего не известно, даже в александрийский период. Исключение составляют лишь немногие, например, офицер Генерального штаба А.А. Васильев, могила которого находится рядом с часовней на греческом православном кладбище в Шатби, работал кондуктором на александрийском трамвае²³⁹. Тело генерал-майора А.В. Хоперского покойся на английском военном кладбище в Шатби. Скорее всего, он скончался в британском военном госпитале в 1920 г. Следует отметить генерал-майора Гельмгольца Николая Федоровича (см. Иллюстрации), по словам Татьяны Н. Монти, жившего с супругой Александрой Николаевной рядом с их домом в Ибрахимии, где в то время проживало много русских. Н.Ф. Гельмголец скончался в декабре 1937 г. Похоронен в Шатби. По воспоминаниям Т.Н. Монти, в Ибрахимии они подвергались жестокой бомбежке в начале Второй мировой войны, которая «разрушила целый квартал и убила много народу. Нас спасло чудо. Вскоре мы переехали в Рушди. Покинула свой дом и Александра Николаевна. Вскоре она умерла»²⁴⁰. Похоронена в марте 1942 г. в Шатби.

Как видно, судьба российских офицеров и генералов сложилась в Александрии по-разному. Одни преуспели не только в материальном отношении, но и творчески. Более того, они внесли заметный вклад в развитие российской исторической военной мысли, преумножили ее творческое и исследовательское наследие. Другие же, наоборот, обладая только чисто военными знаниями тактики и оперативного искусства, не смогли найти им применение в Египте. Пример генерала Васильева, повторившего, по существу, тараканьи бега, организованные генералом Чарнотой в Константинополе, по роману М. Булгакова «Бег», очень ярко проиллюстрировал это. Он работал кондуктором в александрийском трамвайном депо.

Причем это касалось не только армейских войсковых высших офицеров и генеральского корпуса, но и представителей таких сравнительно новых родов войск, как авиация. Мы уже говорили о том, что некоторые фронтовые русские офицеры-авиаторы, прибыв в Александрию в 1920 г., оказались невостребованными в летных частях британской оккупационной армии в Египте и в тот же год покинули ее. Практически та же участь ожидала и военного летчика Н.М. Серикова, отца Татьяны Николаевны Сериковой-Монти.

Т.Н. Монти-Серикова родилась 17 сентября 1931 г. в Александрии. Отец — Сериков Николай Михайлович (1896-1980), родом из Киева, был одним из первых в России военных летчиков. Мать Ольга Дмитриевна Андриевская (1903-1987), уроженка Тифлиса, дочь генерала русской армии. До революции и Гражданской войны они проживали в Санкт-Петербурге на Дворцовой площади в бывшем здании Генерального штаба («если встать лицом к Зимнему дворцу, то наша квартира находилась слева от арки»).

По словам Т.Н. Монти, «в 1916 г. Николай Михайлович Сериков поступил в авиационную школу в Крыму, проявил исключительные способности, вскоре выдержал испытания и получил звание летчика-пилота, был направлен на галицийский фронт в знаменитый отряд Казакова. Вскоре в воздушном бою на своем “Нью-Пор” он сбил вражеский самолет “Альбатрос”, за что получил первый Георгиевский крест. Неоднократно участвовал в боевых операциях и однажды, уходя от трех “Альбатросов” ввысь, достиг рекордной высоты 6300 метров. За это достижение, — продолжает его дочь, — его наградили вторым Георгиевским крестом. Будучи на галицийском фронте, в конце 1917 года его отряд перешел в украинские формирования. Летом 1918 года приехал в отпуск в Крым навестить авиационную школу». Летом 1920 г. Н.М. Сериков покинул Севастополь и прибыл в Константинополь, а в 1921 г. он был уже в Египте.

Что же касается самой семьи, то в начале 1918 г., по словам той же Т.Н. Монти, она спешно бежала на юг, «все вещи остались в Главном штабе в Петрограде, в том числе много ковров, которые были приобретены в Персии, где отец до войны работал в военном атташате».

Отцу матери генералу Андриевскому в Египте не понравилось, и он с супругой сразу же переехал во Францию. Мама Татьяны Николаевны осталась и стала работать гувернанткой в арабской семье, будущий папа поначалу устроился работать шофером у какого-то египетского паши. Вскоре они встретились и поженились. Николай Михайлович не смог устроиться военным летчиком в летные части британской оккупационной армии — к бывшим союзникам и стал трудиться в Александрийской компании по производству и сбыту керосина.

«Когда я была маленькой, — продолжает свой рассказ Татьяна Николаевна, — в Александрии жили почти две тысячи русских эмигрантов. Детство мое было просто каким-то волшебным. Сказки, игрушки, тра-

диции, праздники... Вместе с группой других русских родители сняли виллу с большим садом. Жили там человек десять, причем никто из них не был нам родственником. Я звала соседней "тетя Таня", "дядя Петя", и даже "бабушка" и "дедушка", ведь мои бабушка и дедушка были во Франции. Жили бедно. Из России выехали в основном офицеры да помещики, они не были знакомы с физическим трудом, да и вообще ничего толком не умели делать. Потому-то и решили жить одной большой семьей — так было легче. Но, несмотря на бедность, жили дружно и весело. Все обитатели виллы были культурными людьми. С ними охотно встречались иностранцы. Они частенько приглашали и моих родителей — поговорить, поиграть в теннис или бридж.

Так продолжалось много лет, пока не появился президент Насер. В 1952 году он совершил революцию и прогнал короля Фарука. Русские эмигранты не на шутку перепугались. Они уже пострадали от одной революции, в России, и боялись, что и от этой хорошего ждать нечего. Люди стали уезжать, кто куда — в Канаду, в Австралию, в Америку. Большинство из старшего поколения эмигрантов покинуло Египет. А мое поколение в это время получало образование за границей, ведь мы учились в иностранных школах. После окончания университета почти никто не вернулся. С этого времени мы стали жить одиноко»²⁴¹.

Татьяна Николаевна закончила французский лицей в Александрии, в то же время брала уроки русского языка, который ей преподавала Елена Александровна Карбаненко²⁴², так она выучила русскую грамматику. Дома разговором по-русски закрепила знание родного языка. Она и сейчас превосходно говорит на нем, практически без акцента («Мне приятно говорить по-русски!»).

Татьяна Серикова вышла замуж за состоятельного александрийского грека. К этому времени она в течение 5 лет работала по контракту воспитателем в детском саду французской миссионерской организации. «Дети — это ужас — выжали из меня все соки! И вот здесь-то прочитала в газете объявление Сандро Монти», — сообщила она автору книги.

Сандро Монти — нынешний муж Татьяны Николаевны. В разговоре с нами она рассказала, что начала работать у Сандро в 1959 г., будучи замужем за греком. Сандро Монти приехал из Италии после окончания университета с мыслью создать фабрику для производства тканей. Он поместил в газету объявление о том, что ищет барышню, которая умеет

рисовать. К этому времени отношения ее с мужем значительно охладели. По словам Татьяны Николаевны, эти отношения никогда не были особенно близкими, «поскольку в молодости люди часто женятся не по любви». Татьяна откликнулась на это объявление, так как семье надо было помогать. Сандро устроил ей экзамен. Ее рисунки ему понравились. Так она стала работать у него, выполняя технические рисунки для изготовления тканей. «Вскоре наши отношения, — вспоминает Татьяна Николаевна, — переросли из чисто деловых. Мы полюбили друг друга. Я оставила своего первого мужа. Мои родители были в отчаянии, считая, что я бросила своего законного и состоятельного мужа ради какого-то итальянского артиста-проходимца».

Производственное дело у Сандро пошло. Было много клиентов. Рисунки художницы им нравились. Вскоре Татьяна Монти стала делать эскизы и модели платьев, одежды. Все началось с галабий²⁴³, на которые в то время у европейцев была мода. Эти модели стали пользоваться спросом в бутиках, салонах, магазинах. Ее клиенткой в одном из бутиков была королева Фариды, первая жена короля Фарука. «Помню, как ей очень понравилась одна из моих моделей для платья. С родным братом Фариды мы дружим до сих пор», — говорит Татьяна Н. Монти.

Бизнес Татьяны и Сандро процветал, хотя они жили и продолжают жить очень скромно²⁴⁴. Супруги ежегодно проводят отпуск в Италии. У Татьяны Николаевны итальянское гражданство. У них очень много друзей, особенно в инонациональном обществе Александрии. Часто ходят в гости и приглашают к себе. Между собой и с гостями они общаются на французском языке. Семья на виду всей Александрии еще и потому, что С. Монти возглавляет неправительственный итальянский культурный центр в городе «Данте Алигьери», для которого характерна активная деятельность: работают курсы итальянского языка, проводятся музыкальные и литературные вечера, развит институт отправки стажеров в Италию. Татьяна Николаевна очень энергично помогает своему мужу в этой общественной работе²⁴⁵.

Сравнительно недавно супружеская пара Монти стала посещать российские учреждения Александрии — Генеральное консульство и РЦНК, где им всегда рады. До начала нового столетия этих отношений практически не было. Недоверие, настороженность и даже активное неприятие друг друга, возникшие с советских времен, продолжали довлеть над другими чувствами — любопытством и доброжелательностью. Автор сам

столкнулся с подобной позицией одного из представителей русской эмиграции Б., проживающего в александрийском районе Маншия²⁴⁶.

Семейная жизнь протекает спокойно и счастливо, хотя детей у них нет. По поводу последних у Татьяны Николаевны особое мнение: «Я никогда не хотела иметь детей. В нашем мире, в нашем положении эмигрантов не было никакой уверенности в том, что мои дети вырастут счастливыми. А без этого рожать их не имело смысла. Мои мужья это понимали»²⁴⁷.

В 80-х гг. прошлого столетия Татьяну Николаевну покидают один за другим родители: отец Николай Михайлович умирает весной 1980 г., а мама Ольга Дмитриевна — спустя 7 лет. Татьяна Николаевна покупает участок для могилы родителей в Шатби рядом с последним пристанищем их друзей Рербергов («чтобы и на том свете были вместе») и очень часто посещает их, чему автор неоднократно был свидетелем²⁴⁸.

Другая семья русских эмигрантов Александрии, также типичная для Александрии, жизнь которой автору монографии хотелось бы осветить в настоящей книге, это семья Конн (Кон). Отец ныне здравствующей Татьяны Дмитриевны Конн, дед и пра-прадедушки родились в Санкт-Петербурге. С особой теплотой Татьяна Дмитриевна вспоминает об отце: и то, что он был человеком веселым, что любил писать стихи и что пели, шутили и безобразничали со своим другом в Александрии — Юрой Мазараки (читали Гумилева, пели марши и гимны) — в Александрии им было весело и раздольно — пляжи, иностранная публика, здоровье, которое лилось через край. Затем надо было задуматься над образованием. В Александрийском лицее Дима занимался не особенно охотно. Правда, Дима говорит об этом по-другому: «Отец следил за моими успехами и быстро понял, что в этом колледже дело поставлено очень плохо, во всяком случае, в подготовительном классе я был очень слабым учеником. И еле-еле учился в хвосте, переходя из класса в класс. Очень скоро попал в администрацию и много служил на маленьком, но все же приличном месте. Мы — дети жили весело. Собирались друг у друга, ходили купаться, устраивали пикники (см. Альбом). Так жили русские вообще. Особенно часто собирались у Рербергов. Это происходило в Рамле на виллах, которых после этого я вообще больше нигде не видел. Конечно, они принадлежали богатым людям, которых мы не знали. В Александрии былотогда очень приятно. Была масса иностранцев, и всежили своими колониями. Но, конечно, они смешивались и с другими. Больше все-

го было греков. Бедные среди них были и булочниками, и бакалейщиками, а богатые занимались хлопком, на котором была построена вся экономическая жизнь страны. Они и жили просто во дворцах».

Выделяет Дмитрий итальянцев и французов и описывает, имея в виду их отношения с русскими: «Итальянцев было много. Они работали в банках, были и ремесленники. У французов были отдельные школы и для мальчиков и для девочек. Было много католических школ, но русские боялись туда посылать детей, чтобы их не совратили в католицизм. В лицеях же никакой религии не преподавали. Поэтому там было много евреев. Таким образом, большинство русских попадали в лицеи. Там было дело поставлено очень хорошо, но перегружали работой. Надо было много заниматься и серьезно. Лицей представлял собой красивое здание, разделенное на мужскую и женскую половину. Большинство преподавателей были из французов, хорошо квалифицированных, но классы были по 40 человек, из которых занимались только с пятью первыми учениками, остальные занимались кое-как и были предоставлены самим себе»²⁴⁹.

Далее Д. Конн сообщает, что на спорт и гимнастику внимания большого во французских школах не обращали, как в английских. Для молодых россиян, особенно для юношей, занятие спортом было очень важным. В 15 лет Дима Конн научился только держаться на воде, а уже в 17 лет он стал чемпионом французского лицея по плаванию, да и как бегун он показывал хорошие результаты: занимал второе-третье место на ежегодных соревнованиях в лицее.

Спортом и физкультурой россияне в Александрии занимались очень активно, о чем мы уже указывали на примере Сиди-Бишра. Об этих результатах писала александрийская пресса и позже: «Теннис. Александрия. Спортинг-клуб. Мисс Александров обыграла мисс Дежарде со счетом 6:2, 6:3»²⁵⁰. Эта же газета отмечала 16 мая 1925 г., что мисс Александров выигрывает как в одиночном, так и в парном соревновании (с Зерленди).

В дальнейшем судьба Дмитрия Конна, как и других эмигрантов, серьезно помотала: ему немало пришлось колесить по свету, чтобы в конце концов добиться своего положения в жизни.

Да и в Египте тоже часто приходилось менять место жительства из-за работы, причем это касалось даже Александрии, где часто приходилось переезжать с места на место. Сам Дима вспоминает этот период

его жизни так: «Не помню, сколько лет мы жили в Сиуфе, так называлась эта часть Рамли, затем мы перебрались в район Мустафа Кямиль. Это было прекрасное место. У нас была маленькая вилла вроде замка, с садом. Вот тогда, мне кажется, мать уехала работать в Каир. Скоро она встретила Сергея Владимировича Дивова (см. Иллюстрации) и развелась с отцом. Я остался с отцом. У нас служила старая бедуинка Мабрука, которая убирала и готовила русские блюда. Я не укорял мать, так как много не понимал и в 16 лет, поэтому не мог судить. Я стал ездить к матери на каникулы на Рождество и Пасху. Я очень любил это время, так как познакомился с дальними родственниками Криваксинами²⁵¹ и кузеном Юрой Мазараки. Летом все эти новые знакомые приезжали на море в Александрию. У меня была трехметровая плоская лодочка, на которой я катался на пляже и брал волны. Вскоре стал в этом деле экспертом. Лето целый день с утра до вечера мы проводили на пляже.

В квартале Мустафа Кямиль была летняя английская резиденция и английские казармы. Кроме военных, штатских британцев было мало. Других национальностей было достаточно. Очень знаменито было казино Сан Стефано, где мы тоже проводили очень много времени. Там была музыка, танцы, рулетка и кино на открытом воздухе. Вход стоил ю пиастров. Публика была очень хорошая. В пять часов вечера туда съезжалась вся Александрия. В городе было много синематографов, которые мы тоже посещали. Тогда была пора знаменитого американского актера Рудольфо Валентино, и мне хотелось ему подражать. К сожалению, русские барышни были старше нас года на три и нами не интересовались, как и мы ими.

Шли годы, приближался конец школы. Все русские учились хорошо, в особенности девушки. Я был исключением, и мне надо было ходить к частным преподавателям, чтобы как-то одолеть математику и физику. Отец, который сам в мои годы отлично учился, часто приходил в негодование, и у нас были постоянные неприятности из-за этого. Кое-как я все-таки осилил бакалавриат, который давал право на поступление в университет. Тогда все русские мальчики стремились стать инженерами. Я же был слаб по математике, и мне было невозможно даже об этом думать.

Отец забрал меня из Виктория-колледж, откуда дорога напрямую вела в Англию, отчасти и потому, что образование там было очень дорогим. В качестве дальнейшей моей учебы он имел в виду прежде все-

го Бельгию, а о Франции не хотел даже слышать, считая ее слишком развратной для молодого человека. Отец хотел обязательно мне дать высшее образование, в первую очередь, имея в виду университет. Но, с другой стороны, он не хотел меня лишать выбора, но все-таки выбор должен был быть практичным. Поэтому он отклонил право, так как масса людей становилась адвокатами. Их было слишком много, да и после окончания надо было служить у адвоката почти бесплатно, но кое-какие деньги были все-таки нужны. Меня стали интересовать политические науки, но, не имея подданства, я не мог и на это рассчитывать. И первое, и второе были связаны с Францией. И вот тогда отец подтолкнул меня к экономическим наукам, а для этого, по его мнению, больше всего подходила Англия. Отец списался со своим добрым старым знакомым в Великобритании майором Сохом, отставным кавалеристом, кадровым офицером 13/18 гусарского полка британской армии, окончившим Итонский колледж. Приятель посоветовал Кембридж, но, наведя справки, отец решил, что нам это не по карману. Тогда Сох посоветовал Шотландский университет, и скоро списались с Эдинбургом, куда принимали бакалавров, но потребовали экзамен по английскому языку для иностранцев. Я принялся готовиться к нему с какой-то учительницей из Глазго»²⁵².

Этот период своей жизни Дима Конн заканчивает следующим образом: «...в один прекрасный день отец, снарядив меня и отслужив дома напутственный молебен, отправил меня в Эдинбург. Я отплыл из Александрии на пароходе в Марсель, затем продолжил свой путь поездом до Парижа, где остановился у родственников, и в декабре 1930 г. прибыл в Эдинбург»²⁵³. Здесь Дмитрий встретил учительницу Эдит, они поженились в 1940 г. Однако жизнь в Шотландии не устроила молодоженов, они отправились в Египет, где проживали их родные.

Затем начались поиски Дмитрия Анатольевича лучшей доли на Арабском Востоке, что было характерным для многих россиян, с самого начала обосновавшихся в Александрии. Вероятно, одним из характерных примеров этому может послужить судьба Ивана Александровича Рубинского²⁵⁴.

Он сошел на берег Александрии, как и многие другие пассажиры, с борта парохода «Саратов» в 1920 г. В Египте остановился на несколько лет. Сначала Иван Руби некий попал в александрийский лагерь Сиди-Бишр, который находился недалеко от британского военно-воздушно-

го парка. В том же году ему удалось туда трудоустроиться, минуя Тель аль-Кебир. Через некоторое время он переехал в Сирию, где имел частную практику в Дамаске в непростое для страны время 1922-1925 гг. Работал в вычислительном бюро Управления земельного кадастра и сельскохозяйственной мелиорации «государств Сирии, Алауитов и Великого Ливана» в 1924-1925 гг. В 1926 г. переехал в соседний Ливан, в котором получил должность и в ныне очень престижном вузе страны — частном Американском университете Бейрута. В 1931 г. стал адъюнктом, затем доцентом (1939) и профессором инженерных наук (1951). Чрезвычайно разнообразной была его преподавательская деятельность в Бейруте. Неоднократно выезжал в Европу и Америку, демонстрируя свои научные достижения. Не забывал он и ЦАГИ, посылая туда через советские консульства описание этих научных успехов. В 1955 г. И.А. Рубинский ушел на пенсию, числясь научным сотрудником Американского университета вплоть до 1963 г. Он оставил заметный след в истории университетского образования Ливана — своей второй родины. В частности, участвовал в проектировании и строительстве в Бейруте сооружений для промышленного обезвоживания нефти газами. Ему принадлежат также конструкции ряда измерительных приборов. За многогранную научно-техническую и преподавательскую деятельность правительство Ливана наградило И.А. Рубинского «Орденом Кедра», а Министерство образования республики — бронзовой медалью. Незадолго до смерти он побывал в Москве и написал свои краткие автобиографические записки. И.А. Рубинский в феврале 1921 г. женился на Эллине Браун — уроженке Тифлиса, дочери работавшего на Кавказе английского инженера. У них было трое детей: Андрей, Илья, Татьяна. Похоронен в Бейруте на кладбище Ашрафия, отпевание было совершено в церкви Св. Дмитрия.

Конечно, Дима Конн, не имея таких достижений и заслуг, как И.А. Рубинский, вынужден был колесить по миру в поисках достойной работы, вначале изучив возможности соседних стран. Обратимся к воспоминаниям его дочери Татьяны Конн, предоставленным в распоряжение автора книги. «В начале 1949 г., — вспоминает Татьяна Дмитриевна, — мой отец получил место в Ливане, где мы провели один год. В 1950 г. он принял предложение стать преподавателем экономики в Каирском университете. Папа отлично говорил по-арабски, хотя не мог ни писать, ни читать на этом языке. Мы жили у деда и бабушки в квартире на пятом эта-

же в центре Каира, рядом с нынешней площадью Тахрир, на улице Шерифейн²⁵⁵. У них был замечательный повар Мухаммед, дядя Сережа научил его готовить русские блюда, и моя мама тоже от него научилась делать котлеты, биточки, голубцы, пироги, борщ, пельмени. На Пасху всегда был кулич и крашеные яйца.

Бабушка работала цензором западных фильмов для арабского кино. А мой дед реставрировал картины для Каирского музея. Это он часто делал дома, и я очень любила смотреть на него, как он работал. Я и теперь люблю рисовать масляными красками. Деда своего я очень любила — он был очень веселым, но в то же время и очень строгим: почему-то всегда сердился на меня. Бабушка Елена Никодимовна (см. Приложение) была очень элегантная. Она, как и все русские (дворяне. — *Авт.*), любила играть в карты. Моей школой в Каире была Couvent du Sacre Coeur. Моя мама работала в английской школе Gezira Preparatory Schoole (Mrs Bullen's). Мои любимые магазины были Гроппи и Шикурель. Мы опять же предпочитали жить среди русских»²⁵⁶.

Что касается Александрии, то ее «каирские» русские александрийцы не забывали. Татьяна Дмитриевна Конн вспоминает: «Летом мы ездили в Александрию, где в то время на летней квартире жил дедушка по адресу улица Тигран-паша, 90, на первом этаже (Клеопатра, Рамля). У нас была квартира на первом этаже. Каждый день купались в море. Дедушка уже мог сносно говорить по-английски, а моя мама уже хорошо понимала по-русски, хотя и стеснялась делать это.

В 1952 г. отец получил хорошее место в Судане — главного бухгалтера местного правительства. В Хартуме мы пробыли три года, а затем он перевелся в компанию Суэцкого канала, заняв там также пост старшего бухгалтера. Таким образом, мы снова вернулись в Египет. Опять жили у деда в Каире, часто ездили в Александрию, в конце концов обосновались в Файеде, на берегу Суэцкого залива.

В 1956 г. произошел известный Суэцкий кризис, мой отец потерял работу в компании Суэцкого канал, и нам пришлось вернуться в Англию. Папа устроился на работу государственным служащим, я окончила школу и университет, профилирующими предметами были русский язык и литература, французский язык и литература. Позже защитила диссертацию по теории информации. Начала работу в British Library, а затем уже в Шотландии», — так заканчивает свои краткие воспоминания Т.Д. Конн-Робертс. В последнее время Татьяна Дмитриевна трудится в уни-

верситетской библиотеке Глазго, в отделе Центральной и Восточной Европы, являясь одним из крупнейших библиофилов славистики Западной Европы.

На этом «арабские синдбадовские странствия» Дмитрия Анатольевича Конна не закончились — он получает место в соседней с Египтом Ливии: преподает экономику в Триполи, затем в Бенгази. Спустя несколько лет подает в отставку и уезжает в Афины, где проживали родственники. Там и умирает в 1989 г., годом ранее скончалась мама Татьяны Дм. Муж ее Норман Робертс (см. Альбом) был профессором информатики в университете в Шотландии, но несколько лет тому назад ушел в отставку. Теперь работает консультантом. Он — валлиец, из северного Уэльса.

Перечень заметных русских фамилий Александрии, внесших заметный вклад в распорядок жизни россиян во второй столице Египта и в культурную жизнь всего Египта, можно продолжать и продолжать. Достойны внимания и те россияне, которые не обзавелись семьей, но были заметны на фоне социальной жизни русской общины Александрии и Египта в целом.

К ним, прежде всего, следует отнести П.Я. Добрыню-Конюхова (умер в апреле 1954 г., похоронен в Шатби, Александрия). Как мы указывали, Петр Яковлевич, химик по образованию (поручик инженерных войск в действующей армии), нередко вызывал неудовольствие российских александрийцев. Он занимался воспитанием молодежи русской общины в кадетском лагере Исмаилии, руководил школой в Сиди-Бишре. Писал стихи и рисовал; перед своей кончиной передал плоды своего творчества Александрийскому университету в знак признания и благодарности Египту за предоставление приюта и права на жительство русским изгнанникам в Египте вообще и в Александрии в частности²⁵⁷. Его очень любили маленькие эмигранты, о чем говорят многочисленные свидетельства, и прежде всего Татьяны Дм. Конн²⁵⁸.

Автор не может пройти мимо жизни и деятельности такого видного александрийца и кайрца одновременно, как бывшего директора поликлиники Московского университета К.Э. Вагнера (см. Альбом)²⁵⁹. Он родился в 1862 г. Поляк по происхождению, Конрад Эдуардович²⁶⁰ появился в Египте раньше, чем другие белоэмигранты, до Октябрьской революции 1917 г. В интернетовских источниках указаны годы его «университетской службы» — 1897-1916. Может быть, именно в 1916 г. он прибыл в Египет. При-

чем, возможно, он воспользовался путем, которые проторили в Страну пирамид русские медики ранее²⁶¹.

К.Э. Вагнер оказался в Александрии до прибытия основной массы русских белогвардейцев, их приезда из Телль аль-Кебира. Во всяком случае, свои объявления в александрийской прессе он поместил еще 8 июля 1921 г.: «Директор медицинской клиники Московского университета профессор Вагнер проведет летний сезон в Александрии и будет принимать больных ежедневно с ю.00 до 11.00 и с 16.00 до 18.00. на улице Махмуд-паша аль-Фаляки. Тел. 7'57»²⁶² - Кстати, этот пример еще раз говорит в пользу того, что Сиди-Бишр был не единственным местом, где сосредоточивались русские изгнанники в Александрии²⁶³

Как уже указывалось выше, К.Э. Вагнер выступил одним из организаторов создания Русской поликлиники в Египте. К этому времени в Александрии он «приобрел широкую популярность».²⁶⁴ В Египте он играл очень существенную роль, будучи одним из именитых российских интеллигентов, вынужденных покинуть Россию. Часто выступал и возглавлял общественные собрания эмигрантов. Тем не менее, с любимой им Александрией он контакты не прерывал. Обратимся опять к александрийской прессе: «Профессор Вагнер будет принимать больных в первое воскресенье каждого месяца, т.е. 4 января, 1 февраля, 1 марта, 5 апреля, 3 мая, 7 июня с 9 до и утром и с 16 до 17.00 вечером по улице Наби Даниэль. Тел 51-18»²⁶⁵. Профессор лечил своих александрийских пациентов, несмотря на то что он возглавлял каирскую Русскую поликлинику.

Это было уже не жгучее египетское лето, когда народ скрывался от каирской жары на «северном берегу», а довольно неприятная александрийская зима с ее прерывистыми дождями и ветрами. Скорее всего, в бытность своей работы в северной столице доктор Вагнер обзавелся уже «своими» пациентами, которых постоянно обслуживал, потому и помещал эти объявления в александрийских газетах, предупреждая свою клиентуру о будущем приеме.

Эта практика профессора Московского университета Конрада Эдуардовича Вагнера продолжалась до начала 1930-х гг. XX в., когда он выехал на свою родину, в Польшу. После этого его следы затерялись.

Как бы мы ни отмечали роль заметных российских фамилий в Александрии, безусловно, сравнительно широкая масса россиян во второй

столице Египта была тем основным «хребтом» общины, с помощью которого жаждалось существование здесь общины в целом.

В этом отношении совершенно уникальными являются сведения, предоставленные автору Татьяной Н. Монти в 2000 г. Так, среди учителей, посвятивших свою жизнь воспитанию и обучению русских, арабских и иностранных детей Александрии, были сестры Лебедевы — Ольга Игоревна и Татьяна Игоревна. Первая преподавала музыку в английских школах, вторая же — танцы. Особую благодарность выражает Татьяна Николаевна Монти Елене Александровне Карбаненко, умершей в возрасте 80 лет в 1976 г. и похороненной в отдельной могиле в левой стороне кладбища Шатби (недалеко от родителей Т.Н. Монти). Талантливый педагог Е.А. Карбаненко приложила немало стараний не только для того, чтобы приобщить александрийских русских (и не только русских) детишек к родной культуре, но также к тому, чтобы сгладить и облегчить их страдания на чужбине. Кстати, ее сестра Мария Александровна и ее муж были геологами и много времени провели в полевых экспедициях в Верхнем Египте. Бек Ольга Игнатьевна (1866-1946) преподавала рисование во французском лицее, где училась Т.Н. Монти.

Не отставали в известности от учителей-преподавателей местные русские художники, правда, уступавшие по количеству и качеству своих произведений искусства каирским собратьям²⁶⁶. К ним относился иконописец К.П. Никитин, который скончался в 1961 г. в возрасте 69 лет (похоронен в Шатби). Иконами занимался и Ф.А. Молоканов (1890-1953). Похоронен в Шатби.

Очень хорошо были представлены музыканты, о которых мы частично уже рассказывали, приводя объявления из александрийской прессы. Среди них Александр Плотников, прекрасный пианист и преподаватель музыки, впоследствии он переехал на житье в Америку, и многие другие.

Но, возможно, на особом счету, в том числе у современных александрийцев, считались и считаются до сих пор русские медики первой волны эмиграции, как представители наиболее гуманной специальности. Об одном из них, полу-александрийце, полу-каирце — К.Э. Вагнере, разговор шел ранее. О другом, Н.Д. Дубакине, до недавнего времени очень хорошо вспоминали вышеназванные гости РЦНК в Александрии. По-другому и не может быть, поскольку обездоленным и подчас неимущим русским александрийским изгнанникам к ним, врачам, приходи-

лось обращаться к одним из первых. Вероятно, поэтому «летописец» русской общины Александрии Ольга Дмитриевна Серикова внесла имя Дубакина в свой кондуит. Николай Дмитриевич скончался, согласно ее списку, в апреле 1973 г.

У них же на устах было имя К.Я. Теплова, который более трети века лечил жителей Александрии. Константин Яковлевич скончался в конце января 1954 г., его супруга Зинаида Е. пережила его лишь на полгода. Оба похоронены в Шатби. Доктор М.Д. Троецкий (1887-1953) и А.М. Троецкая²⁶⁷ (сконч. в 1947 г. в возрасте 47 лет) покоятся в Шатби.

Не менее легендарной личностью, чем Н.Д. Дубакин и К.Э. Вагнер, для александрийцев считается доктор-отоларинголог А.А. Адливанкин (сконч. в конце 1968 г., лишь на три недели его пережила супруга). Доктор Адливанкин принял участие в открытии и работе Русской поликлиники в Каире, но через несколько месяцев уехал в Александрию, где открыл собственную «ушную и горловую клинику»²⁶⁸. С К.Э. Вагнером они как бы поменялись местами.

Одно из первых объявлений врача Адливанкина в местной прессе Александрии появилось февраля 1921 г.: «Доктор Адливанкин. Российский диплом. Специалист “ухо, горло, нос” принимает в своей клинике на бульваре Рамля, № 30, с ю.00 до 12.00 и с 16.00 до 18. 00»²⁶⁹. С тех пор на протяжении почти полувека врач А.А. Адливанкин верой и правдой служил своим александрийским пациентам, оставив в их памяти глубокий след: о его замечательной врачебной практике приходилось слышать от александрийцев даже в начале третьего тысячелетия.

Нынешние александрийские медики с глубоким уважением относятся к памяти выдающихся русских врачей, работавших в поликлинике русских врачей в Каире и оказавших своими публикациями в медицинской литературе, выступлениями на симпозиумах, своей практической клинической деятельностью огромное влияние на целые поколения египетских медицинских кадров. В этом отношении большое значение имел выход в 1934 г. первого номера журнала «Бюллетень Русской поликлиники», который в целом сыграл огромную роль в работе этой поликлиники и созданного к тому времени Русского медицинского общества в Египте. В этом номере редакция журнала провозгласила свой девиз: «Во имя старых заветов медицины, во имя торжества науки наших старых университетов — рассадников культуры, во имя наших учителей,

святых отцов медицины, во имя русской медицины и русской науки держаем возжечь свой скромный светильник»²⁷⁰.

Ко дню выпуска первого номера журнала товарищ министра внутренних дел, начальник санитарной части в Египте Мухаммед прислал на имя директора поликлиники Беллина письмо, в котором, признавая заслуги русских врачей в Египте, считает, что появление такого журнала несомненно желательно, так как, публикуя труды и исследования русских врачей в Египте, он еще более укажет на их научную работоспособность и достоинства. Письмо заканчивается пожеланиями успеха новому журналу. Оно было полностью опубликовано в Бюллетене. Контакты затем были продолжены во время посещения депутацией начальника санитарной части Египта и продолжительной беседы с ним, в результате которой были установлены дружеские отношения.

Нынешние александрийские медики с глубоким пиететом относятся к деятельности одного из руководителей Русской поликлиники, самой знаковой фигуре Русского медицинского общества, впоследствии куратору музея медицинского факультета Каирского университета Булгакову Борису Васильевичу²⁷¹. Зав. кафедрой суставов медицинского факультета Александрийского университета, профессор Мухаммед Гадд неоднократно предлагал автору этой книги поехать в Каир и ознакомиться с бумагами, имеющими отношение к медицинской деятельности Б.В. Булгакова. По его мнению, этот шаг намного бы расширил представление о работе русских докторов в Египте в целом и в Александрии в частности и предоставил бы возможность углубить знания о русской медицинской традиции в этой стране²⁷². При этом автор не сомневается в том, что работники Русской поликлиники в Каире, а также те из них, кто имел самостоятельную практику в 20-50 гг. и позже, явились промежуточным звеном, представители которого заполнили лакуну и продолжили эту русскую медицинскую традицию в Стране пирамид, заложенную еще братьями Вороновыми в начале XX столетия и широко развитую благодаря деятельности советских врачей с 60-х гг. XX в.

Александрийские интеллигенты, и не только врачи, отдают должное деятельности Г.В. Анрепа (1889-1955), известного русского физиолога, ученика И.П. Павлова. Доктор Анреп, приехавший по приглашению в Египет из Англии в 1931 г., заведовал кафедрой физиологии на медицинском факультете Каирского университета, где провел свои самые известные исследования в области нервной деятельности человека. Кро-

ме того, он «воспитал большую группу талантливых египетских физиологов», в том числе для медицинского факультета Александрийского университета²⁷³.

На этом вклад русской эмиграции в развитие Александрии не ограничивается. Есть общеизвестные сведения, которые стали доступными вследствие интервенции русской культуры в свой александрийский ареал. Но имеются и до сих пор скрытые факты, которые еще, в силу тех или иных причин, не стали известными широкой общественности. Среди последних, в частности, до сих пор существует еще не до конца выверенный факт участия русских инженеров и архитекторов в строительстве центрального стадиона в районе Мухаррам-бек в Александрии. О вкладе россиян в культуру Александрии и Египта, а через них в мировую сокровищницу цивилизации, разумеется, еще предстоит много узнать. Но факт остается фактом, что это влияние имело место. Речь же в целом идет о комплексном воздействии русской культуры. Что касается некоторых направлений ее интервенции на Египет, особенно в узком смысле слова «культура», то этому посвящена заключительная глава монографии.

Глава 3

РУССКАЯ КУЛЬТУРА И АЛЕКСАНДРИЯ

Культурное взаимодействие между Россией и Египтом началось сравнительно давно и охватывало несколько направлений. К главному из них относилась литература как ведущая форма взаимопроникновения культур. Здесь можно отметить издания и переводы русских классиков в Египте — А.С. Пушкина, А.М. Горького, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и других русских классиков, своим творчеством олицетворявших для египтян русскую литературу, культуру, традицию и в целом русский характер и менталитет. Безусловно, издатели, переводчики и вообще высокообразованные интеллигенты в Стране пирамид были знакомы с творчеством выдающихся российских поэтов типа А.С. Пушкина из западных изданий, но таких просвещенных египтян было немного в начале XX в., а именно об этом времени мы ведем речь, так как тогда арабы впервые услышали о существовании вышеназванных русских классиков Горького, Чехова, Толстого, находившихся в тот период в зените славы в России.

У этого культурного диалога есть еще одна сторона, которая оказалась намного богаче вышеуказанной первой — это египетские темы в творчестве поэтов и писателей России. По существу темой номер один для них был ислам и священный Коран. Знакомясь с ними, русские литераторы черпали сведения об Арабском Востоке, о Египте и творили свои выдающиеся произведения, которыми зачитывались образованные люди в Российской империи, повышая и углубляя свои знания и познания о далеком и таинственном исламском мире¹.

Однако не только литература являлась основой российско-египетского культурного диалога. Развивался он и через другие формы культурного взаимодействия. Важнейшими из них были музыка и музыкально-театральное искусство, в которых Россия достигла значительных высот. Здесь, конечно, на первом месте находился музыкальный и оперный

театр. Заметно умножало возможности духовного взаимообогащения балетное искусство. Наконец, гастрольные и концертные поездки русских композиторов и исполнителей в долину Нила значительно повысили уровень российско-египетских культурных связей в рассматриваемый в этой книге временной отрезок времени.

Взаимному проникновению культур в наши страны способствовало изобразительное искусство. Во-первых, набирались опыта и творческих сюжетов русские художники, которые путешествовали в египетскую «старину». Развернули свою активную деятельность отечественные коллекционеры. Во-вторых, в результате неутомимой деятельности тех и других заимствовались и осваивались египетские художественные формы в российской архитектуре, все чаще появляясь в Санкт-Петербурге, Москве и других крупных городах страны.

Часто этот культурный обмен был неэквивалентным, однако он шел и его было невозможно остановить.

Конечно, здесь доминировал Каир, так как основные исторические и культурные ценности египетской цивилизации находились здесь — пирамиды, сфинкс, исламские культурные и исторические памятники. Однако Александрия тоже привлекала внимание русских людей своим прошлым: исчезнувшими, но по-прежнему возбуждающими воображение — Фаросским маяком, иглой Клеопатры, а также время от времени появляющимися настойчивыми слухами о неудачных попытках найти могилу Александра Македонского, ныне сохранившимися — крепостью Каит-бея, колонной Помпея, катакомбами Ком аш-Шукафа и др.

3.1. Русская культура и Александрия

Влияние русской культуры на многонациональное содружество Александрии оказывалось отечественными мастерами искусства через поездки в этот город из России, позднее — представителями русской эмиграции, главным образом в Европе, и эмигрантами из Каира, а также талантливыми беженцами-соотечественниками из самой северной столицы Египта.

Русская культурная экспансия в Александрию, а также знакомство с ее историческими и художественными памятниками за ука-

занный период облегчались тем, что въезд в Египет осуществлялся, главным образом, через этот город-порт (редко через Думьят, Рашид и Порт-Саид). Поэтому наши соотечественники должны были, по крайней мере, провести несколько часов или суток во второй столице страны.

Идеологическое обоснование и широкую основу сравнительно тесному взаимопроникновению двух культур, российской и египетской, обеспечило сближение двух мыслителей обеих стран — писателя Льва Толстого и реформатора Мухаммеда Абдо, имевшее место в самом начале XX в. Мухаммед Абдо, прослышав об отлучении великого русского писателя от церкви, переправил ему весной 1904 г. через английского востоковеда Сиднея Кокрелля письмо поддержки, в котором Мухаммед Абдо высоко отозвался об учении Льва Толстого, о влиянии взглядов писателя «на всех просвещенных людей», «на тех, кто идет по праведному пути» и кто свернул с него, «на бедных и богатых» и т.д. В конце своего послания муфтий Египта заявляет, что отлучение Л. Толстого от церкви является лишь доказательством правоты его дела.

Лев Толстой ответил на это послание большим письмом от 13 мая 1904 г., в котором изложил сущность своих идейных и нравственных воззрений. Его радовало общение с просвещенным деятелем Арабского Востока, который исповедовал, по его мнению, те же нравственные гуманистические идеалы, что и он сам. Ответ не пришел. Вместо него старый друг Толстого Кокрелль сообщил ему, что Мухаммед Абдо скоропостижно скончался.

Переписка великих людей своего времени, оборвавшаяся в самом начале с кончиной египетского реформатора, их знакомство, закономерный приход друг к другу очень символичны для истории взаимообщения русского и египетского народов².

Главные темы Александрии, глубоко затронутые российскими мастерами словесности, в основном поэтами, задолго до переписки этих двух гигантов, касались, в основном, Александра Македонского и Клеопатры, причем в большей степени последней.

Одним из первых александрийской тематике посвятил свои стихи очарованный Востоком Александр Сергеевич Пушкин в стихотворении «Клеопатра», входящем составной частью в его лирическую повесть «Египетские ночи»:

И вот уже сокрылся день.
Восходит месяц златорогий;
Александрийские чертоги
Покрыла сладостная тень;
Фонтаны бьют, горят лампы,
Курится легкий фимиам,
И сладострастные прохлады
Земным готовятся богам;
В роскошном сумрачном покое,
Средь обольстительных чудес,
Под сенью пурпурных завес,
Блится ложе золотое.

Далее А.С. Пушкин вопрошает, так почему же печальна царица Древнего Египта в «своей блистательной столице», где она «спокойно властвует»? Но ответа не дает, повторяя снова описание ее «чертог, которые полны чудес»³.

Позже становится понятным мнение исследователей, что его стихотворение «Клеопатра» не закончено. Именно это обстоятельство привлекло В.Я. Брюсова⁴, одного из крупнейших литераторов первой четверти XX в. и вождя русского символизма, и заставило его закончить поэму А.С. Пушкина. По этому поводу сам Валерий Яковлевич писал так: «Пушкин не довершил своей поэмы. Он показал нам, какой великий соблазн, какая страшная сила сокрыта для человеческого существа в сладострастии. Показал нам, как люди готовы ринуться в эту черную пропасть, даже если бы за это надо было заплатить жизнью. Намекнул нам на таинственную близость между страстью и смертью. Но Пушкин не договорил начатых слов... тайну своей поэмы Пушкин унес с собой...». В. Брюсов предложил свое понимание Клеопатры в одноименном сочинении, не ясно, правда, можно ли считать его слова логическим продолжением и завершением поэмы А.С. Пушкина «Египетские ночи»:

КЛЕОПАТРА

Я — Клеопатра, я была царица,
В Египте правила восемнадцать лет.

Погиб и вечный Рим, Лагидов нет,
Мой прах несчастный не хранит гробница.

В деяньях мира мой ничтожен след,
Все дни мои — то празднеств вереница,
Я смерть нашла, как буйная блудница...
Но над тобой я властвую, поэт!

Вновь, как царей, я предаю томленью
Тебя, прельщенного неверной тенью,
Я снова женщина в мечтах твоих.

Бессмертен ты искусства дивной властью,
А я бессмертна прелестью и страстью.
Вся жизнь моя — в веках звенящий стих.

Ноябрь 1899 г.

Необычная судьба этой правительницы Египта привлекала внимание и долгое время волновала многих русских поэтов первой величины — А. Блока (1880-1918), И. Бунина (1870-1953), А. Ахматовой (1889-1966г.) и др., подаривших ее памяти свои поэтические откровения и написавших одноименные стихотворения «Клеопатра».

При исследовании «александрийского» наследия русской поэзии имя В.Я. Брюсова стоит особняком. И дело не в том, что он побывал в Александрии (И.А. Бунин тоже в ней был!), Валерий Яковлевич по образованию был историком, поэтому, вероятно, исторические перипетии, связанные с Клеопатрой и Александром Македонским, безусловно, интересовали его и с профессиональной точки зрения. Древний Египет привлекал его внимание еще и потому, что он постоянно искал первоисточник человеческой цивилизации, считая долину Нила, наряду с Атлантидой, тем местом, где зародилась человеческая цивилизация.

Перечень александрийских поэтических зарисовок А.Я. Брюсова достаточно велик — «Цезарь Клеопатре», «Смерть Александра» («И во граде Александра, // где столица двух морей, // замышляет трон воздвигнуть // хитроумный Птолемей //»), «Александрийский столп» и т.д.

Как видим, основателю северной столицы Египта Александру Великому тоже отведено немало места в русской поэзии. Одно из самых

удачных, на наш взгляд, принадлежит российскому поэту-эмигранту Ю.К. Терапиано⁵:

АЛЕКСАНДРИЯ

Здесь, под звук дикой лиры Скамандра,
Из туманов морей и дождя,
Шли в Египет полки Александра
Богом сделать царя и вождя.

«Тут, над морем, — гласит нам преданье, —
Царь, пришедший из северных стран,
Вдохновенный, в пылу созиданья,
Намечая для города план.

Сыпал известь; ее не хватило —
План велел продолжать он мукой;
Налетев, стая птиц легкокрылых
Расклевала муку под рукой...»

Так, от царственного мукомола
К высшей доле для мира влеком,
Город встал вдоль широкого мола
Метить небо своим маяком.

Грек, еврей и сириец из Гада,
Скифы шли от бунтующих рек -
И вошла «Александра Услава»
В Александра блистательный век...

Терапиано Ю. // «Эстафета», Париж, 1946, с.253-154.

1906-1907 гг. были особенными для русских литераторов: именно в эти годы наибольшее их число посетило Египет. Примерно в одно и то же время там побывали И. Бунин и Н. Гумилев. Последний, правда, не оставил нам стихов об Александрии. Кстати, в 1907 г. объявился в долине Нила и поэт К. Бальмонт, что говорит об известном периоде «египтомании» в России.

Доказательством этой египтомании в Серебряный век русской поэзии служат «Александрийские песни» Михаила Кузмина⁶. На сей раз

обходится и без Александра Македонского и Клеопатры, но, разумеется, эти имена подразумеваются, когда Михаил Кузмин излагает свои стихи о «трижды блаженной», «трижды мудрой» и «трижды великой» Александрии:

Когда мне говорят: «Александрия»,
я вижу белые стены дома,
небольшой сад с грядкой левкоев,
бледное солнце осеннего вечера
и слышу звуки далеких флейт.

Когда мне говорят «Александрия»,
я вижу звезды над стихающим городом,
пьяных матросов в темных кварталах,
танцовщицу, пляшущую «осу»,
и слышу звук тамбурина и крики ссоры.

Когда мне говорят: «Александрия»,
я вижу бледно-багровый закат над зеленым морем,
мохнатые мигающие звезды
и светлые серые глаза под густыми бровями,
которые я вижу и тогда,
когда не говорят мне: «Александрия!»

Приведенное выше стихотворение входит составной частью во «Вступление», далее следует основная часть лирической поэмы, включающая «Любовь», «Она», «Мудрость», «Отрывки», «Канопские песенки» и, наконец, «Заключение». Эти «Александрийские песни», проникнутые нежной любовью и проникновенным вниманием к средиземноморской столице Египта, принесли ему первый успех на поприще литературы. Они несколько ошеломили своей неожиданной свободой, недосказанностью, искренностью, хотя автору в это время было уже более тридцати лет.

Русский литератор Максимилиан Волошин сразу после появления «Песен» представил Михаила Кузмина как «одну из египетских мумий, которой каким-то колдовством возвращена жизнь и память. Только он не из мумий древнего Египта. Такие лица встречаются часто на эль-файюмских портретах... У Кузмина такие же огромные черные глаза, такая

же гладкая черная борода, резко обрамляющая бледное восковое лицо, такие же тонкие усы, струящиеся по верхней губе, не закрывая ее... Он мал ростом, узкоплеч и гибок телом, как женщина...

У него прекрасный греческий профиль, тонко моделированный и смело вылепленный профиль, лоб на одной линии с носом и глубокая, смелая выемка, отделяющая нос от верхней губы и переходящая в тонкую дугу уст-

Но характер бесспорной античной подлинности лицу Кузмина дает особое нарушение пропорций, которое встречается только в греческих вазах: его глаз посажен очень глубоко и низко по отношению к переносице, как бы несколько сдвинут на щеку, если глядеть на него в профиль....

Несомненно, что он умер в Александрии молодым и красивым юношей и был весьма набальзамирован...»⁷.

Ему вторят другие российские литераторы, например Э.Ф. Голлербах, который пошел еще далее, говоря: «Я не верю (искренне и упорно), что он вырос в Саратове и Петербурге. Это только приснилось ему в “здешней” жизни. Он родился в Египте, между Средиземным морем и озером Мереотис, на родине Эвклида, Оригена и Филона, в солнечной Александрии, во времена Птолемеев. Он родился сыном эллина и египтянки, и только в XVIII веке влилась в его жилы французская кровь, а в 1875 году — русская. Все это забылось в цепи перевоплощений, но осталась вещая память подсознательной жизни»⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ах, покидаю я Александрию
И долго видеть ее не буду!
Увижу Кипр, дорогой богине,
Увижу Тир, Эфес и Смирну,
Увижу Афины — мечту моей юности,
Коринф и далекую Византию
И венец всех желаний,
Цель всех стремлений -
Увижу Рим великий!
Все я увижу, но не тебя!
Ах, покидаю я тебя, моя радость,
И долго тебя не увижу!

Разную красоту я увижу,
В разные глаза насмотрюся,
Разные губы целовать буду,
Разным кудрям дам свои ласки,
И разные имена целовать я буду
В ожиданьи свиданий в разных рощах.
Все я увижу, но не тебя!

1905-1908.

По оценке Л.Г. Пановой, досконально изучившей литературное наследие М.А. Кузмина в своем фундаментальном исследовании, «Александрийскими песнями» поэт достиг определенной вершины в своем творчестве⁹.

Важнейшим направлением российско-египетского духовного взаимообогащения было музыкально-театральное искусство. Заметно умножал возможности культурного диалога между двумя странами балет, в котором Россия, как известно, достигла высочайших вершин.

Здесь пальма первенства принадлежала великой Анне Павловой, которая трижды посетила Египет в 1908-1928 гг. В первый раз она побывала в долине Нила во время кругосветного турне в 1908 г. Однако детальных сведений о посещении ею Каира и Александрии в это время у нас нет.

Ее подвижническое служение танцу пробудило во всем мире интерес к хореографии, для отечественных любителей музыкального искусства Анна Павлова навсегда стала «божественной Анной», великим символом русского искусства XX в.

Творчество выдающейся русской танцовщицы неразрывно связано с Египтом, историю искусства и культуры которого она хорошо знала и ценила. И даже дело не в том, что она с большим вдохновением исполняла главные роли в балетах «Дочь фараона», «Египетские ночи» и в других спектаклях, где раскрыла сложный характер и пленительный образ своих восточных героинь.

Для нас, может быть, важно то, что в ходе многочисленных турне после эмиграции из России она дважды побывала в Египте и, что главное, — в Александрии, где пленила воображение александрийцев, заставив их по-новому взглянуть на собственное культурное наследие, высоко оценить и принять ее великолепную пластику, совершенное исполнительское мастерство.

В феврале-марте 1923 г. она в составе группы русского балета в очередной раз посетила Египет, где 25-27 февраля и 1-7 марта выступила в каирском театре «Курсаль» при поддержке Александра Волинина и 30 других выдающихся артистов русского балета (музыкальный директор Теодор Стиер) под общим руководством антрепренера Томаса Шафто (Bandman's Eastern Circuit Lmt.). В основу представлений вошли три балета «Осень уходит», «Ундина», «Дивертисменты».

«Иджипшн газетт» отмечала: «Ни одно из представлений, данных Павловой со времени прибытия в Каир, даже танец "Лебедя", не превзошло по красоте "Осень уходит", которое описывают как хореографическую поэму под музыку Шопена... В постижении этого изысканного балета сама Павлова доказала, что она не только виртуозная танцовщица и превосходная артистка, но и мастер современного балета...

Второй балет "Ундина" дает возможность по-настоящему увидеть страстный танец и актерскую игру Павловой... прекрасное оформление сцены...

Балет "Дивертисменты" включил в себя превосходный танец раба в исполнении Александра Волинина и необыкновенно реалистичный и очаровательный танец стрекозы в исполнении Павловой, помимо нескольких других танцев»¹⁰.

Эта же газета в статье «Роль музыки» писала: «Большая часть секрета необычайно гармоничного эффекта танцевального исполнения Анны Павловой и Александра Волинина находится в совершенной гармонии между танцором и дирижером, а также в сверхъестественном чувстве ритма, которым наделены эти два великих танцовщика.

Что касается дирижера, когда мы понимаем, что он должен обучить новый оркестр в каждом городе в ходе мирового турне и по причине ежедневных изменений в программе должен репетировать каждый день, чтобы создать законченное представление каждый вечер, появится некоторое представление о качествах, которыми он должен обладать. Доктор Стиер не просто более чем отвечает задаче: у него тридцатилетний опыт дирижирования театральными оркестрами, большей частью в самом Лондоне, а также тринадцать лет работы с Павловой. В то же время работа изнуряющая, и ничего, кроме абсолютной преданности этому искусству и восхищения и симпатии тех, для кого он работает, не поддерживает его. Эту компанию артистов объединяет атмосфера взаимопонимания и доброй воли...»¹¹.

Grand Theatre Mohamed Aly

ALEXANDRIA.

Under the Management of
THOMAS SHAFTO.

BANDMAN'S EASTERN CIRCUIT Ltd.

have the honour to present
the Peerless & Incomparable

Anna Pavlova

THE WORLD'S GREATEST DANCER,
supported by

ALEXANDRE VOLININE

AND HER ORIGINAL LONDON COMPANY OF
Thirty distinguished artistes in Russian Ballet.
Musical Director, Mr. THEODORE STIER.

FOR A SEASON OF SEVEN DAYS ONLY.

PROGRAMME.

Monday	12	March.....	Amarilla, Chopiniana, Divertissements.
Tuesday	13	Magic Flute, Snowflakes, Divertissements.
Wednesday	14	Enchanted Lake, Fairy Doll, Divertissements.
Thursday	15	.. (Matinée)	Enchanted Lake, Fairy Doll, Divertissements (including <i>The Swan</i> .)
Thursday	15	.. (Evening)	Coppelia, Autumn Leaves, Divertissements, Ondines.
Friday	16	Polish Wedding, Flora Awakening, Divertissements.
Saturday	17	Amarilla, Chopiniana, Divertissements.
Sunday	18	.. (Matinée)	The sleeping Beauty, Divertissements and Special Divertissements (including <i>The Swan</i> .)
Sunday	18	.. (Night)	Autumn Leaves, Divertissements (including <i>The Swan</i> .) and Spec. Divertissements.

Box Plan now open.
Phone 5106 and reserve seats.

Любопытно, что проживавший во время египетских гастролей балерины Иван Билибин принял самое активное участие в выступлениях ее труппы в Каире. По словам его приемного сына М.Н. Потоцкого, во время выступлений были использованы билибинские декорации и эскизы к костюмам. В частности, во время демонстрации балетов Н.Н. Черепнина «Русская сказка» и «Роман мумии».

С 12 по 18 марта в течение семи дней труппа «божественной» Анны совершила поездку в Александрию, где она провела девять спектаклей. 15 и 18 марта они были даны еще и утром для детей, билеты которым продавались за половину стоимости. Хорошо осведомленная египетская пресса писала по этому поводу, что эти утренники давались в пользу Дома русских сирот-беженцев в Париже, который был устроен в 1921 г. в местечке Сен-Клу под Парижем, куда были помещены 15 русских девочек-сирот. Сама Анна Павлова с удовлетворением отмечала, что дела в этой школе-интернате шли успешно¹².

Однако не только парижским сиротам предназначались доходы от благотворительных утренников русской балерины и ее труппы, часть их шла также в пользу приюта «Либертэ», находившегося под высоким патронажем губернатора Александрии Хусейна Сабри-паши, что, несомненно, делает честь всей труппе и вызывает заслуженное признание жителей города.

Александрийские гастролы А. Павловой были не менее насыщенными, чем в Каире. Они проходили в одном из самых великолепных зданий северной столицы, где помещался театр Мухаммеда Али¹³. Программа более чем недельного пребывания труппы в Александрии была следующей¹⁴:

12 марта «Амарилла», «Шопениана», «Дивертисменты»

13 — «Волшебная флейта», «Снежинки», «Дивертисменты»

14 — «Очарованное озеро», «Сказочная кукла», «Дивертисменты»
15 — (утро) «Очарованное озеро», «Сказочная кукла», «Дивертисменты» (вкл. «Лебедя»)

(вечер) «Коппелия», «Осень уходит», «Дивертисменты», «Ундина»

16 — «Польская свадьба», «Просыпающаяся Флора»
«Дивертисменты»

17 — «Амарилла», «Шопениана», «Дивертисменты»
18 — (утро) «Спящая красавица», «Дивертисменты»
и «Специальные дивертисменты» (вкл. «Лебеда»)
(вечер) «Осень уходит», «Дивертисменты» (вкл. «Лебеда»),
а также «Специальные дивертисменты».

Александрия очень тепло встретила гастрольную труппу Анны Павловой. Практически в каждом номере местной прессы появлялись блестящие отклики абсолютно на все ее выступления¹⁵. Александрийский корреспондент каирской «Иджипшн газетт» так описывал события в театре Мухаммеда Али: «Во вторник вечером в Театре Мухаммеда Али было доказано еще раз, какое непреодолимое притяжение артистической личности Анны Павловой может произвести на публику. Театр был заполнен модной публикой, которая была заморожена прекрасной музыкой, красивым убранством сцены, неподражаемым искусством танцоров. Каждый танцор в ее компании являлся артистом до кончиков его или ее пальцев или, возможно, будет правильнее сказать, кончиков пальцев его или ее ног.

Первым балетом, который они дали, была «Волшебная флейта» Дриго, красиво интерпретированная мадмуазель Бутсовой, г-ном Волининым и труппой из восьми танцовщиков. Следующим были «Снежинки» на музыку Чайковского. Павлова и Волинин танцевали основные роли и в конце выходили за кулисы снова и снова. Третья часть программы состояла из серии дивертисментов, которые включали рапсодию Листа № 1, «Танец часов» из «Джоконды» Понкиелли. В этих танцах приняли участие все члены труппы. Когда занавес упал в последний раз, публика, казалось, неохотно покидала театр»¹⁶.

В восторге от шедевров Анны Павловой и ее труппы были не только коренные жители Александрии, но и представители иностранных общин города. Можно представить, какую радость испытали русские александрийцы! Иван П. Умов, уже цитированный нами, воплотил свою реакцию в стихах, которые посвятил своей великой соотечественнице, за успех которой он был по-настоящему счастлив. Он сравнивает и себя с уставшим лебедем с «надломанным крылом», умирающим на чужбине, который, тем не менее, не забывает свою родину, вспоминая ее «весну», хотя и воспекает «блеск чуждой земли».

УМИРАЮЩИЙ ЛЕБЕДЬ

Анна Павлова

О, лебедь! Лебедь мой усталый!
Больной, с надломленным крылом,
Ты, от родных станиц отсталый,
Приемлешь смерть в краю чужом.

Еще, красу воспринимая,
Ты славишь блеск чужой земли,
Но не забыл родного мая,
Весны, манящей издали.

И на горячих мелях Нила
Все помнишь ты лесной затон.
Где верба ветви наклонила,
Где лес дождями напоен.

В изгнании тихо умирая,
Ты бьешь надломленным крылом,
Поешь красу чужого края,
А втайне плачешь о былом¹⁷.

На самом деле гастроль Анны Павловой продолжались до 20 марта включительно. Правда, 20 марта не было обычного выступления балерины. В этот день организаторами ее александрийского турне был устроен прощальный бал-маскарад с участием Павловой, Волинина и нескольких участников балета. В программу этого вечера входили аттракционы, лотереи, вручение призов за лучшие костюмы. Вход для дам 40 пиастров, для господ 80, ложи 350 и 500 пиастров¹⁸.

Этот последний заключительный вечер в Александрии египетская пресса отмечала исключительно тепло: «Вчера вечером Павлова попрощалась со своими александрийскими поклонниками программой, которая включала “Осень уходит”, “Лебедя”, а также несколько других любимых вещей. Мы в Египте во многом в долгу перед ней и г-ном Волининым, перед мадмуазель Бутсовой и другими членами ее труппы. Также перед г-ном Теодором Стиером, которым, начав костяком, состоящим всего лишь из 2-3 музыкантов, показал нам, как быстро может быть со-

здан прекрасный оркестр с использованием местных талантов... Труппа сейчас уезжает в Европу на хорошо заслуженный отдых. Они выступали без перерыва несколько месяцев¹⁹, и мадам Павлова намеревается поехать в Лондон, в свой дом в Голдерз Грин, и не будет думать о тяжелой работе снова в течение четырех-пяти месяцев. В октябре, однако, она направится в США с тем, чтобы начать репетиции новых балетов, которые будут даны там, в течение лета». Далее эта газета говорит о специфике каирской и александрийской аудитории: «Мы надеемся, что она (Павлова.— Авт.) не была разочарована публикой в Каире и Александрии. Она говорит, что нашла ее, в целом, действительно умеющей ценить или, возможно, более заинтересованной в искусстве, чем она того ожидала. Каир, как она сказала нам, показался ей более восторженным, чем Александрия: по меньшей мере, публика в столице выражала свое удовольствие более явным и более слышимым образом. Богатство туалетов александрийской публики и красивые драгоценности привлекли ее внимание»²⁰.

Гастроли 1928 г. в Египте были менее масштабными, поэтому о них меньше и писали. Но по-прежнему и в этот раз Анне Павловой рукоплескали Каир и Александрия²¹.

Посещение Египта вообще и Александрии в частности труппой Анны Павловой произвело на египтян неизгладимое впечатление. Она, во-первых, убедительно показала величие русского балета, во-вторых, заронила в душах жителей долины Нила любовь к этому виду искусства. Можно сказать, что впервые египтяне смогли ознакомиться с поразительной красотой балета на столь высоком уровне мастерства. После гастролей А. Павловой в Страну пирамид этот вид искусства приобрел значительное число сторонников. Русский балет стал высоко цениться здесь. В Каире и Александрии появились россиянки, начавшие на постоянной основе культивировать балетное искусство. Конечно, их было больше в Каире, где находился Хедивский театр оперы и балета, где было больше возможностей трудоустроиться. Так, Нина де Ветлин в середине 20-х гг. была главной балериной этого театра. Она часто посещала Александрию, демонстрируя ее жителям свое мастерство. По данным Ю.В. Луконина, Н.А. Поль, победительница конкурса красоты «Мисс Россия» 1932 г., который ежегодно проводился редакцией журнала «Иллюстрированная Россия» в Париже, после успешного турне в крупных городах Египта получила

ангажемент в Каирской королевской опере в качестве примы-балерины²².

Достойна упоминания судьба А.Н. Стрекаловской, супруги одного из очень известных в Египте братьев Стрекаловских, Николая. После революции 1917 г. она с семьей эмигрировала сначала в Эстонию, а затем во Францию, где окончила балетную школу. Перед самой Второй мировой войной семья переезжает в Каир (любопытный факт!), где она сначала танцует сама, а затем стала учить балету других. В помещении Школы модных танцев на площади Антикхана, а потом в Русском клубе на улице Имад ад-Дин²³.

В Александрии постоянно проживала танцовщица З. Никитина (сконч. в 1973 г., в возрасте 73 лет)²⁴. Она учила искусству балета детишек Александрии, не прошло мимо нее и упомянутое нами редкое дарование русской колонии, уже сравнительно опытная балерина Катя Умова, погибшая в расцвете лет.

Благодаря этой традиции, заложенной еще А. Павловой, которая существовала до наступления советских времен и позже («...в области балета мы впереди планеты всей!»), внимание александрийцев к этому виду искусства продолжается и поныне. Балетные студии второй столицы до сих пор заполнены александрийскими девочками. Особенно в этом преуспевает РЦНК Александрии. Его студия балета была создана в декабре 1991 г. До недавнего времени организатором и бессменным руководителем была российский хореограф и педагог Лариса Евгеньевна Пинчукова. За время существования студии в ней занимались более 3000 юных александриек. Стабильное количество учащих ежемесячно составляло Юо-120 человек. Студийки станцевали практически все наиболее популярные партии из классических балетов, а также модерн и фольклорные русские, египетские, восточные танцы.

Учащиеся студии балета александрийского РЦНК принимали участие в египетских конкурсах балета в разных возрастных группах, в том числе наряду с профессиональными артистами, и неизменно занимали в них призовые места или получали дипломы конкурса. За годы работы автора директором РЦНК юные балерины занимали на таких конкурсах дважды первое место, четыре раза — второе, три раза — третье, пять участниц студии были награждены дипломами конкурса. Несколько студий принимали участие в международных конкурсах, например, в Варне и Салониках.

В центре внимания различных мероприятий РЦНК в Александрии, посвященных балету, всегда была Анна Павлова. В честь 120-летия со дня ее рождения был устроен торжественный вечер с фотовыставкой знаменитых партий, исполненных ею во время пребывания в Александрии²⁵.

Когда была открыта новая Александрийская библиотека («Александрина») в 2001 г. и встал вопрос перед представителями различных государств о выборе культурного символа для представительства их страны в этой библиотеке, то для Генконсульства и РЦНК в Александрии было совершенно бесспорным, что представлять русскую культуру в «Алексадрине» должна Анна Павлова. Вот почему в библиотеке была поставлена ее статуэтка работы скульптора Е.А. Безбородовой, изображающая великую танцовщицу во время исполнения танца «Стрекозы»²⁶.

Как уже говорилось, среди важнейших форм российско-египетского культурного взаимодействия были музыка и музыкально-театральное искусство. Здесь пальму первенства держало оперно-музыкальное творчество, которое, правда, по своему прямому воздействию на египетскую культуру не достигло уровня русского балета, но гастрольно-концертная деятельность началась гораздо раньше, еще в XIX в.

Александрийская пресса еще до начала XX в. констатировала этот факт: «Знаменитый русский пианист г. Сергей Бартенев²⁷ только что прибыл в Каир, где он дает концерт»²⁸. На следующий день газета отчиталась, что 24 января в большом салоне отеля «Континенталь» был дан замечательный концерт пианистом Императорской консерватории Сергеем Бартеневым, который проходил при превосходном сопровождении музыкантов Хедивской оперы. Концерт имел огромный успех. На нем присутствовали принцы Мухаммед Али, Осман-паша и Тусун-паша²⁹.

Через два года эта газета публикует еще один анонс о русских музыкальных артистах: «Сегодня в субботу в театре Зизиния в Александрии состоится третий и последний концерт знаменитой русской капеллы маэстро Дмитрия Славянского-Агренова с участием мадмуазель Маргариты Славянской-Агреновой и мадам Ольги Славянской-Агреновой. Очень интересная программа привлекла заслуженное внимание многочисленной публики. Прекрасные костюмы. Прекрасный спектакль»³⁰.

В начале XX в. россияне по-прежнему выступают в Египте, в том числе и в Александрии. Так, певицы Вера и Надежда Чернецкие давали свои концерты в марте 1907 г. Особенно понравилось египетской публике их исполнение арий из оперы «Жизнь за царя» Глинки³¹.

Примерно в это же время в первый раз побывал в долине Нила Ф.И. Шаляпин. «Египтомания» охватила и его. Поездка Федора Ивановича состоялась в феврале 1903 г.³² Это была не гастроль, а путешествие в «старину». В Александрии певец пробыл всего несколько часов. Намного больше удалось ему быть в Каире, где он знакомился с пирамидами, сфинксом, с другими историческими достопримечательностями столицы, с Музеем египетских древностей. Затем побывал в Верхнем Египте, в Луксоре и Асуане. Помимо всего прочего, что созерцают иностранные туристы в Каире, Ф.И. Шаляпин побывал на английской оперетте в Хедивском театре столицы. Оставшись недовольным увиденным и услышанным в театре, Федор Иванович сказал своим спутникам: «Может быть, и меня когда-нибудь пригласят петь в этом театре»³³.

Пригласили Федора Ивановича в Египет ровно через тридцать лет после первого приезда, т.е. в 1933 г., за пять лет до его кончины. Организовал эту гастроль знаменитый импресарио Александр Левитов, тот самый, который ровно пятьлеттому назад устроил выступление в Стране пирамид труппы Анны Павловой. На сей раз он скоординировал свои действия с владельцем театра «аль-Хамбра» Дженегиано. Первоначально предполагалось выступление Ф.И. Шаляпина в «Триумфе» Александра Аптекмана в Каире, также встречавшего великого русского артиста в александрийском порту, затем по каким-то причинам, скорее всего ввиду усталости певца, оно было отменено. Египетская гастроль была ограничена двумя выступлениями в северной столице 15 и 16 февраля 1933 г.

Шаляпин, проживавший во Франции, прибыл из Марселя в Александрию на борту парохода «Марьют-паша», принадлежавшего «Мессаджери Маритим». О поездке в Египет Ф.И. Шаляпина стало известно за месяц, поднялась огромная рекламная кампания. Казалось, что город Александрия только и жил, что предстоящим выступлением великого певца. Несмотря на старость (60 лет) и болезни, в 1930-1931 гг. он дал много концертов, гастролируя по известнейшим театрам мира, исполняя свои самые лучшие и известные арии из опер «Борис Годунов»,

«Князь Игорь», «Руслан и Людмила» и т.д. в «Метрополитен-опера» в Нью-Йорке, «Ла Скала» в Милане и т.п. Все эти знаменитые арии александрийская публика ждала и здесь. Потянулись сюда и любители оперы из Каира.

Задолго до прибытия Ф.И. Шаляпина появились анонсы в газетах: «Театр аль-Хамбра. Единственный концерт великого Федора Шаляпина с аккомпанементом Ивана Базилевского. Цены на билеты³⁴:

Ложи бенуара — 600 пиастров

Первые ложи — 500 —

Вторые ложи — 300 —

Кресла А — 100 —

Кресла Б — 75 —

Балкон — 75 ~

Галерея — 50 —

Галерка — 25 пиастров».

Стоимость билетов, определенная организаторами гастролей, была заоблачной. Правда, во время гастролей Анны Павловой в Александрии цены на билеты на роскошных местах театра Мухаммеда Али в северной столице также были высоки и достигали 500 пиастров (бенуар)³⁵.

С самого начала певец заявил, что он не будет исполнять арии из опер, а ограничиться романсами и русскими народными песнями. В его репертуар вошли «Два гренадера» Шумана, «Вниз по матушке по Волге», «Стенька Разин» и т.д. Самым выдающимся исполненным номером, по мнению прессы, была «Песня блохи» Мусоргского. Несмотря на требования публики исполнить ряд известных арий, Федор Иванович отказался это сделать³⁶.

Выступления Ф.И. Шаляпина на александрийской сцене вызвали некоторое разочарование. Кстати, одна из послеконцертных статей так и называлась «Шаляпин в аль-Хамбра. Разочарование». От внимательных александрийских журналистов не укрылась усталость артиста, его неготовность исполнить полный концерт. Второй концерт продолжался всего 90 минут, включая два фортепианных соло Ивана Базилевского. Общее заключение прессы: конечно, концерт не стоил тех огромных денег, которые заплатили зрители, — «в три раза превышающие цену билета на концерт любого известного музыканта, выступившего в Египте за последние годы»³⁷.

Главный упрек публики заключался в том, что Ф.И. Шаляпин не исполнил знакомые слушателям оперные арии. Тем не менее, несмотря на шестидесятилетний возраст артиста, даже при исполнении им русских народных песен и романсов их очень приятно поразила шаляпинский голос, о чем приходилось не раз слышать от старожилов Александрии³⁸.

Изобразительное искусство явилось одним из направлений, по которым шло взаимообогащение культур России и Египта. Русские художники находили в Стране пирамид мотивы для своего творчества (Верещагин, Ефимов и др.). Не обошли они стороной и Александрию. В рассматриваемый исторический период времени очень тесно связал свое творчество с этим городом И.Я. Билибин³⁹.

Как уже упоминалось, Иван Яковлевич прошел тот же путь беженца, что и большинство россиян февральско-мартовской волны эмиграции 1920 г. Вслед за отступлением белой армии он оказался в Новороссийске. Билибин позже писал: «...под влиянием панического страха и соблазна увидеть экзотические страны, о чем, как художник, всегда мечтал, в феврале 1920 года с волною беженцев отплываю на пароходе в неизвестном направлении»⁴⁰. В начале его был александрийский карантин в Сиди-Габере, затем лагерь для перемещенных лиц в Телль аль-Кебуре. Благодаря упомянутым послаблениям британской администрации и своей известности в культурных и дипломатических кругах Египта, И. Билибин вскоре смог перебраться в Каир. Получив солидный аванс под картину в византийском стиле для одного богатого грека, Иван Яковлевич снял большой дом на улице Антикхана, в самом центре Каира, где была просторная мастерская, и называл себя «Иоанн из Антикхании».

Художник вспоминал впоследствии: «Как было написано в книге моей судьбы, в 1920 г. попадаю в совершенно новую и чуждую, но драгоценнейшую для художника обстановку, в Египет, где живу и работаю пять лет. Я никогда не забуду того потрясающего впечатления, когда впервые попал в старинные кварталы Каира, с изумительными мечетями первых времен Хиджры, с его рынками, с его толпой. Мне казалось, что передо мною ожила одна из страниц "Тысяча и одной ночи", не верилось, что это все существует в натуре»⁴¹.

Поначалу, до тех пор пока И. Билибин не стал получать много заказов, ему пришлось несладко: «После долгих мытарств я обосновался в

Каире. Работу нашел, но денег дают ужасно мало, так что я живу на старости лет, словно мне двадцать лет, как студенты, а не сорок пять. Временами это раздражает. Так как нельзя купить нужной книги или какой-нибудь живописной старой тряпки. Все же кое-какие книги, необходимые для работы, хотя и с трудом, но куплены.

Египтов, как Вы знаете, два: древний, классический, и мусульманский. Прежде всего меня заинтересовал второй, так как он понятнее нам и ближе. Кроме того, мусульманская старина, если хотите, жива и сейчас, а жизнь осталась почти та же. Мусульманские кварталы в Каире — очень специфичны, архитектура великолепная, старины очень много. Тут же кругом базары, лавчонки, торговцы, нищие, бедуины, негры. Верблюды, разукрашенные ослики, ковры, сладости. Фрукты — словом, садись и рисуй восточную сказку.

Другой Египет — древний, величественный, непонятный и страшный — молчит, и насколько оглушительно крикливы, до боли в ушах, все эти разноцветные люди, от белых до негров, в фесках и тюрбанах, настолько же тихи и бессловесны остатки того далекого мира.

Моя работа не пристала ни к тому, ни к другому Египту, и специальностью моею сделалась Византия.

Я делаю большую декоративную картину, 5,5 метров на 2,5, которая украсит комнату в византийском стиле одного богатого грека. Размеры, как видите, для меня необычные, но очень интересно... На картине есть император с императрицей, и процессия мужчин и женщин, и иконный город, много орнаментики. Стиль — приблизительно VI века, юстиниановской эпохи», — писал он своему другу в Париж⁴².

«Очень важно отметить, что, несмотря на пристрастия Билибина к византийской эпохе, что, естественно, вытекало из всего его предыдущего творчества, он любил искусство и историю Древнего Египта и мусульманского Египта. Одинаково. Не у всех было такое равное отношение. Одни предпочитали древность, другим была по душе современность. Кстати, среди деятелей русской культуры, у деловых россиян, государственных мужей, посещавших Египет, часто наблюдался односторонний подход, больше было интереса к Древнему Египту.

Как представляется, Ивану Билибину в его отношении к народу, к стране, где он провел 1920-1925 годы, был характерен чисто "русский" подход к творчеству. Если Вы внимательно осмотрите нашу выставку, то обнаружите эту "русскость" этого большого художника. Посмотрите на

сюжеты его картин, его иллюстраций. Главное действующее лицо их — Иван-царевич и Жар-птица, что означает одну из основных тем русских сказок. Это — поиск идеала, мечта русского народа о вечном счастье и добре, с одной стороны. И вечное ускользание этого идеального счастья, с другой. Иван-царевич, олицетворявший русский народ, хочет поймать эту Жар-птицу, но хватает ее лишь за хвост, в руках остается всего одно перо»⁴³.

Иван Яковлевич упоен Египтом. «Каир — это клад для художника». Он счастлив. Работает с утра до ночи в этом сказочном мире.

Несмотря на изнурительную работу, Билибин выкраивает время для осмотра достопримечательностей Каира и для поездок по стране. Дважды художник ездил в Верхний Египет, бывал в Луксоре. Во время второй поездки он посетил только что открытую Картером гробницу Тутанхамона. Встречался с людьми, делал зарисовки, много фотографировал. «Не имея возможности коллекционировать, я очень много снимал, — писал Иван Яковлевич другу в январе 1924 г., — по Древнему Египту, и по арабскому искусству, и что очень близко моему сердцу, это так называемое коптское, или раннехристианское искусство египетского производства...»⁴⁴.

В начале 1923 г. в Египет по приглашению И. Билибина прибыла его ученица А.В. Щекатихина-Потоцкая с сыном Мстиславом. Вскоре они поженились.

Лето 1924 г. художник провел в путешествии с семьей по Палестине и Сирии. «Иерусалим, Мертвое море, Галилея, Дамаск. Продолжение восточной сказки», — вспоминал он⁴⁵.

По возвращении в Египет семья по приглашению друзей поселилась в Александрии, где, по свидетельству приемного сына Мстислава, он «подолгу пропадал в знаменитом Греко-римском музее с его изваяниями, коллекциями монет, шедеврами мозаики, керамики»⁴⁶, делая многочисленные эскизы и зарисовки для будущих картин. Для Ивана Яковлевича северная столица была привлекательна и потому, что там проживало много европейцев, включая русских эмигрантов, среди которых попадались знатоки живописи и маститые художники. Поэтому не случайно, что в галереях города практически круглый год устраивались «биеннале» как местных, так и европейских мастеров.

Александрийский период египетской жизни и творчества художника оказался очень плодотворным. Не отягощенный преподавательской

деятельностью, он сосредоточил основные усилия на приведении в порядок своих заготовок, эскизов и незавершенных работ.

Александрийские друзья из Общества любителей искусства помогли ему организовать выставку, экспонатами которой были выставлены как труды Ивана Яковлевича, так и Александры Васильевны. В александрийской прессе появилось объявление: «Общество друзей искусства в Александрии организовало выставку работ замечательного художника Билибина в своих салонах по улице Фуад 1, № 13, с 5 по 20 января. Желаем успеха этому большому событию в мире искусства»⁴⁷.

Неплохо были представлены труды А.В. Щекатихиной-Потоцкой: в акварельной живописи — «Зернохранилище в феллахском поселении по дороге в Луксор», станковой графике и зарисовках с натуры — «Продавец сладостей», «И.Я. Билибин на берегу моря в Александрии», «Портрет старого араба», в театрально-декорационном искусстве (эскизы костюмов к гастрольным выступлениям Анны Павловой) и др.⁴⁸

Биеннале семейной пары пользовалось огромным успехом. «Почти все работы с этой выставки ушли в Америку и Грецию, — писал М. Потоцкий в воспоминаниях, — в местной прессе она получила высокую оценку»⁴⁹.

В короткий александрийский период творчества маэстро очень много и плодотворно трудился. Известно, что он сделал портрет мадам Гроппи, владелицы крупных кондитерских магазинов в Каире и Александрии, существующих под этим именем и в настоящее время. Заказчиками И. Билибина были крупные греческие предприниматели Бенаки и Кастаглы. Александриец Мидхат-паша заказал ему панно с маркизами. Кроме того, также в Александрии было выполнено еще одно панно в византийском стиле 5,5 на 2,5 м. Мы не знаем местонахождение этих работ. Известно только, что для виллы Бенаки, крупнейшего торговца хлопком в Александрии, он написал громадное панно «Поклонение византийскому царю и царице». Но вскоре после смерти своего хозяина, не имевшего детей, оно пошло с аукциона.

К сожалению, вероятно, многие работы И. Билибина, выполненные им в Египте, остались безвестными и находятся до сих пор здесь, в частных коллекциях. О некоторых из них есть сведения. Так, в частности, в одном из своих писем художник писал в 1923 г.: «Я получил новый заказ у мадам Нагиб-паша Бутрос Гали: большое декоративное

панно площадью около 4 кв. м в стиле персидских миниатюр. Цена — 350 фунтов стерлингов»⁵⁰. Эта картина сейчас находится в Каире. На переднем плане ее — гибкая танцовщица, справа от нее — девушки-музыканты, слева — зрители: принц и его друзья, а на втором плане — роскошный сад и дворец. По всему полотну — типично билибинские краски. Внизу — автограф по-французски, инициалы по-русски и дата «1924».

Теперь о монументальных работах, выполненных Иваном Билибиным во время пятилетнего проживания в Египте. Он приступил к декорированию стен большого сирийского православного храма в Александрии. Поиски фресок и иконостаса этого храма пока не принесли результата. Зато известно, что в церкви греческого госпиталя Аббасии в Каире имеется иконостас работы Ивана Яковлевича в стиле XV в. На алтарных дверях — по архангелу в человеческий рост. Справа — Гавриил, слева — Михаил. У них удивительно знакомые по старорусским иконам лица, какой-то светлый праздничный облик. Здесь же инициалы Ивана Билибина и год — 1921. Особенно поражает посетителей госпитальной церкви двойная икона на Царских вратах. Справа — смятенная и вместе с тем радостная Дева Мария, слева — архангел Гавриил, посланный ей Господом, чтобы сообщить благую весть: «Зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь имя Ему Иисус». Внизу — те же инициалы, дата и вензель⁵¹.

В Александрии Иван Яковлевич тоже хотел выполнить фундаментальную работу — фрески и иконостас в сирийской православной церкви города. Уже сделал эскиз, но закончить не успел, поскольку начал трудиться над этим заказом сирийского духовенства города только в 1925 г.

К этому времени им было окончательно принято решение покинуть Египет. На вырученные деньги от продаж картин на александрийской выставке Билибины в августе 1925 г. выехали в Прагу, затем в Париж, а в сентябре 1936 г. он вернулся в родной город на Неве. В феврале 1942 г. Иван Яковлевич погибает во время немецкого обстрела города. «Так стоило ли художнику выезжать из Египта, Франции, чтобы умереть под развалинами обрушившегося дома? На этот вопрос ответим словами самого Билибина из письма, написанного другу из Каира в 1921 г.: «Порою меня очень тянет в Россию, в частности в Крым»⁵². Я стал ярким националистом, чем когда-либо, насмотревшись на всех этих носителей куль-

туры — англичан, французов, итальянцев и пр. Сейчас только начинаешь чувствовать, как много мы потеряли”».

Здесь хотелось бы пока поставить точку. Пока. Потому что узнали о пребывании замечательного русского художника в Египте не все, далеко не все. Но все же открыта новая страница в истории русско-египетских культурных отношений»⁵³.

В отличие от Ивана Я. Билибина, другой представитель российского изобразительного искусства, подготовивший и оставивший после себя учеников в Египте и Александрии, Б.О. Фродман-Клюзель, снискал здесь заслуженную славу и известность⁵⁴. Автор замечательного скульптурного памятника «Невеста Нила» в александрийском саду «Нузха» Борис Оскарович Фродман-Клюзель родился в Санкт-Петербурге в 1878 г. В 16 лет будущий скульптор поступил в художественное училище, закончил образование в Шведской академии изящных искусств. Затем получил хорошую практику во всемирно известной ювелирной фирме Фаберже. Позднее Фродман-Клюзель принимал активное участие в создании популярной серии каменных фигурок «Русские типы».

Борис Оскарович очень любил балет и вылепил около 60 статуэток артистов балета, в том числе Анну Павлову, балерину номер один в истории русского балетного искусства. Сохранился фотоснимок: Анна Павлова позирует Фродману-Клюзелю при его работе над скульптурой «Стрекоза». Именно эта статуэтка сейчас представлена в Мемориальной зале «Александрины». В 1915 г. он даже сделал слепок с ее ноги. Первая бронзовая отливка с этого слепка была затем приобретена Британским музеем, вторая нашла место в Государственном музее театра и музыкального искусства в Петербурге.

В начале 20-х гг. Фродман-Клюзель эмигрировал в Париж. Там он до 1928 г. преподавал в Школе прикладных искусств в должности профессора, а затем уехал в Каир, вероятно, из-за того, что в Европе разразился в то время жесточайший экономический кризис. Вполне возможно, что его пригласили в Египет и предложили хорошее место. Дальнейшее развитие событий подтвердит эту версию. Понятно и другое, для каждого творческого работника, будь он скульптор или простой художник, Египет, Каир были очень привлекательны. Как показывает опыт русской культуры, многие российские литераторы, деятели музыкального искусства, художники стремились ознакомиться с Востоком, обо-

гатить свое творчество, мечтая увидеть этот вечно манящий, таинственный, загадочный и мистический мир Востока. В их числе оказался и талантливый, приобретший уже мировую известность российский скульптор Фродман-Клюзель.

Фродман-Клюзель поселился в центре Каира, в районе Эзбекия, в доме № 9 по улице Гинена. Там у него была студия. Поскольку он не был женат, его хозяйством занималась экономка-француженка, мадам Кара.

Русского скульптора пригласили работать на факультет изящных искусств Каирского университета в должности профессора и заведующего кафедрой скульптуры. На этом посту в 1937 г. Бориса Оскаровича сменил его ученик Ахмед Осман.

В 1933 г. состоялся первый выпуск факультета изящных искусств. Первые девять выпускников были учениками Фродмана-Клюзеля. Здесь возникает мысль, не пригласили ли его в Каир специально для создаваемого в Каирском университете факультета изящных искусств?

Среди воспитанников Бориса Оскаровича оказались Гамаль Сегини, Абдель Кадер Ризк, Абдель Хамид Хамди, Мустафа Митвалли, Мустафа Нагиб, Ахмед Осман. Последний не только сменил своего профессора в должности заведующего кафедрой скульптуры факультета изящных искусств столичного университета, но и стал основателем и первым деканом факультета изящных искусств Александрийского университета, который был учрежден в 1957 г. Он руководил факультетом до ухода на пенсию в 1968 г.⁵⁵

Помимо преподавательской деятельности, он основал Каирский выставочный комплекс «Эхнатон», был его первым директором. Борис Оскарович много времени уделял любимому делу — лепке. Обычно делал 4-5 вариантов одной скульптуры, потом выбирал лучший, а на остальных показывал, какие сделал ошибки. Был профессионалом высочайшего класса.

Он неплохо говорил по-арабски, а то как же жить в стране, любить ее и не говорить на родном языке ее народа? Когда в 1945 или 1946 г. перестал преподавать и вышел на пенсию, на вопрос, часто задаваемый, почему остался в Египте, в Каире, а не уехал, например, в Европу, всегда отвечал: «Я люблю Египет, зачем же мне уезжать отсюда?» Умер Борис Оскарович 30 декабря 1959 г. Похоронен в Египте. Несмотря на активные поиски, его могила до сих пор не найдена⁵⁶.

В книге «Художники и скульпторы современного Египта», изданной еще в 1935 г., ее автор-француз Морис Брин пишет, что он часто посещал мастерскую российского скульптора в Эзбекии и потому имеет право говорить о творчестве Фродмана-Клюзеля. Он отмечал: «В природе Фродмана-Клюзеля интересует все — животные не менее, чем люди. Однако его процесс познания мира не мгновенен. Он всегда учил основательности в работе: «Вот уже три года я в Египте, но мне все еще трудно взяться за лепку верблюда». Фродман-Клюзель не признает права по своему усмотрению менять форму, требует уважения к природному мастерству и достоверности. Поэтому он много времени тратит на изучение анатомии. Как только появляется уверенность в том, что «пришел момент истины», он реализует ее. Анализ скульптора позволяет препарировать, синтез оживляет. Его «Борзые» действительно бегут, а «Балашова» танцует, как будто мы видим ее на сцене Большого театра.

В хореографии для Бориса Фродмана-Клюзеля, как скульптора, вообще нет секретов. Подробно изучив элементы и мельчайшие детали танца, он воспроизводит их с величайшей достоверностью в гипсе и бронзе. Даже в скульптурной неподвижности застывшая поза всегда дышит у него жизнью». Далее француз заключает: «Невозможно быть более правдивым. Невозможно быть более артистичным!»⁵⁷

Да, повезло Ахмеду Осману и его коллегам на учителя, который удостоивается такой высочайшей оценки за свое мастерство и профессионализм!

По свидетельству египетских художников и скульпторов, лично знавших и друживших с русским скульптором, работы Фродмана-Клюзеля находятся, главным образом, в частных коллекциях. Одно время в большинстве своем они хранились в Художественном музее на площади Тахир, который открылся в 1940-м и закрылся в 1965 г.

Известны солидные труды Клюзеля, выполненные в Египте, — большой барельеф Святого Георгия при входе в православный храм Св. Георгия в Старом Каире. Вторая крупная работа — бюст Моркуса Симайко-паши, основателя и первого директора Коптского музея — расположена при его входе, тоже в Старом Каире. Третья скульптура — бюст Гамалья Абдель Насера, выполненный Борисом Оскаровичем незадолго до смерти. Он был установлен в глубине торгового зала на улице Шериф, в центре Каира. Однако по неизвестным причинам его оттуда убрали.

Главным памятником творчества египетского периода, а возможно, главным итогом его жизни, если не брать во внимание преподавательскую деятельность и подготовку кадров египетских скульпторов, остается изваяние «Невеста Нила», установленное в александрийском розарии «Нузха», что между садом Антониадеса и городским зоопарком (см. Иллюстрации).

Эта скульптура, на наш взгляд, совершенна, идеальна. Посмотрите на выражение лица красавицы-египтянки, стоящей на коленях, через минуту готовой броситься в Нил. На этом лице застыла загадочная улыбка невесты в ожидании совершения обряда, отражающая одновременно и покорность, и гордость, и величавость, и самопожертвование, и еще многое другое, характерное для древней эпохи, древнего народа, этой древней страны. Все это прекрасно уловил великий русский скульптор Фродман-Клюзель.

3.2. Эмигрантская поэзия Александрии

Александрии святая пыль...

Клио, Иван Умов

К апрелю 1920 г. вместе с прибывшими беженцами (около 5 тыс.) в феврале и марте в результате разгрома Деникина русская колония достигла примерно ю тыс. человек. Со временем, отчасти рассеявшись по миру, отчасти натурализовавшись, она составила в 1927 г. 2410 человек, а в 1937 и 1947 гг. — соответственно 1176 и 1174 чел. (по всеобщим переписям населения Египта).

Несмотря на утрату капитуляционных прав (окт. 1923 г.), которые предоставляли иностранцам в Стране пирамид ряд существенных льгот, египетское сообщество россиян оказалось компактным и самодостаточным. По словам Татьяны Конн, «это была малая Россия».

Пользуясь служебным положением и своими общественными и личными связями, сложившимися за продолжительное пребывание в Египте, не признавшие советскую власть дипломаты А.А. Смирнов, А.М. Петров и др. в значительной степени помогли самоорганизоваться русской общине и выжить многим россиянам.

В 1920 г. была создана Русская поликлиника в Каире, при ней было создано Русское медицинское общество. Поликлиника стала одним из важных центров общения и сплочения «русских египтян», в том числе тех, кто проживал в северной столице. К тому же при ней была открыта часовня, заменявшая русским церковь. В Александрии на средства консула Петрова был создан православный храм, а затем на греческом христианском кладбище в Шатби построена часовня, а под ней склеп для погребения ушедших из жизни россиян.

В Каире действовал Русский клуб с бесплатными читальней и библиотекой. В зале клуба читались лекции, давались концерты, ставились драматические и музыкальные спектакли, проводились Дни русской культуры, в которых активное участие принимали соотечественники из Александрии. Концерты и спектакли устраивались Русским артистическим обществом.

Наряду с «общеегипетскими» культурными общественными организациями Каира и мероприятиями, проводимыми ими и распространявшимися, естественно, и на Александрию, последняя была вполне самостоятельна и автономна. Но в то же время культурное влияние второй столицы часто, если не всегда, распространялось на остальной Египет. В 1921 г. здесь было организовано Русское культурно-просветительное общество, которое издавало журнал «На чужбине» и газету «Эмигрант», которые носили также общеегипетский характер. Здесь же выходило издание Союза русских студентов — журнал «Орион». Союз объединял около 300 студентов и имел филиалы в Каире и Телль аль-Кебире.

В северной столице в распоряжении любителей русской словесности оказалась библиотека, которую возглавлял большой почитатель литературы и искусства, сам не чуждый творческого вдохновения, один из интеллигентнейших и авторитетнейших деятелей русской александрийской эмиграции П.Я. Добрыня-Конюхов.

Практически в каждом их крупных скоплениях россиян в Египте существовало интеллектуальное ядро, которое объединяло окружающих соотечественников и притягивало их к себе, помогая раскрывать свои творческие способности. В Исмаилии, где обосновался Донской кадетский корпус в 1920-1922 гг., примером этому может служить журнал «Донец на чужбине».

Вокруг этих журналов сосредоточились творческие силы. Так, в частности, кадетское издание «Донец на чужбине» дало дорогу в творческую жизнь печатавшимся в нем воспитанникам Донецкого кадетского корпуса Ю.Ф. Гончарову и Н.Н. Воробьеву, которые выросли в известных поэтах. Ими гордилась не только казачья эмиграция, но и впоследствии соотечественники на их исторической родине. Поэтически одаренные эмигранты-россияне попробовали свои силы в упомянутом журнале «На чужбине». В нем же печатался бывший вице-консул Иван Умов. Египетские россияне-поэты имели прямые связи с крупными белоэмигрантскими ассоциациями литераторов в Париже, Берлине, Белграде и других эмигрантских центрах.

Русские эмигранты стремятся к публикации своих поэтических опытов как за рубежом, так и непосредственно в Египте. Надо сказать, что возможности для их издания были невелики. За неимением даже ограниченной полиграфической базы поэтические книжки выходят в примитивном виде, иногда просто в машинописном виде, порой с многочисленными дефектами в самой печатной машинке. Кстати, сам журнал «На чужбине» грешил этими недостатками.

К подобным изданиям относится машинописный сборник стихов Ольги Егоровой⁵⁸. Вероятно, она прошла Гражданскую войну. Прибыла с ранеными в Александрию в марте 1920 г., проживала здесь в лагере Сиди-Бишр. Осталось стихотворение, написанное в Сиди-Бишре «Кто-то стукнул»: «Кто-то стукнул... показалось мне в окне... Наяву я это вижу, иль почудилось во сне. Ночь немая... звезд мерцанье... тишина... Я одна... одна с тоскою у окна». // Камп Сиди-Бишр, 1922 (Сборник, с. ю)⁵⁹.

Большую часть из 35 лет, проведенных в Египте, Ольга Егорова прожила в Каире. Но тот, кто знаком с этой страной, знает, что лето в ней проводят на море, в чуть прохладной Александрии. Вот и Ольга здесь написала много стихотворений: «Море» (1927), «Он играл для меня» (1938), «Чайка» (9 июля 1939), «Птичка» (б.д.), «Тучка» (июль 1939), «Тоска одиночества...» (20 августа 1945), «Она плыла» (1946), «Сон» (8 сентября 1949) и др.

Одно из них она посвятила памяти соотечественника, тоже сочинявшего стихи, безвременно скончавшегося М.С. Новакова, сына действительного статского советника, александрийца С.И. Новакова. Стихотворение датировано 14 июля 1938 г.

Памяти Мих. Серг. Новакова

Умолк поэт... Умолк так рано,
Отрады жизни не познав;
Уж песни нет... И стих забудут,
Его, быть может, не поняв.

Уж не Ольге Егоровой ли посвятил свои стихи И.П. Умов? Почему нет? Ведь жили они в одно и то же время. Могли встречаться как в Каире, так и в Александрии. На почве тех же стихов, влечения к лирическому описанию окружающей действительности... Иван Умов написал проникновенные стихи о таких медсестрах, как О. Егорова, набравшихся необходимого опыта во время Первой мировой войны и прошедших Гражданскую войну⁶⁰:

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

В чужом краю, чужих цветов раю,
Друг детских лет, тебя я узнаю
Седой, больной. Сквозь темь годов скитаний,
Потерь и бед, сверхсильных испытаний,
Ты пронесла, как светоч, жизнь свою.

Вновь пред тобой склоненный я стою.
Все та же, без жалоб, без роптаний,
Среди больных, создав свою семью
В чужом краю.

Вся — для других, как ты была в бою,
Средь визга пуль, шрапнели грохотаний:
Вся — честь, вся — долг! Над пушкинскую Таней
Я вознесу тебя — сестру мою,
Тебя пою, с тобою слезы лью
В чужом краю.

Лирика О. Егоровой пронизана ностальгией. Эта бесконечная тоска о России приводила к тяжелым стрессам и к такому состоянию души, из которого эмоциям можно было выйти только в виде стихов.

ВАСИЛЬКИ

Часто рвала васильки
В поле на родине милой,
Грусть навевают они
Здесь мне при жизни постылой.

Милый пришел навестить,
Он мне принес василечки;
Нежности тихой полны
Милые эти цветочки.

Смотрят с тоской на меня —
Здесь и я с ними в неволе —
Хочется мне побежать
В наше родимое поле.

Египет, 1944 (Сб., с.95)

Еще более острее это щемящее чувство тоски по Родине передает александрийский поэт-дипломат Иван Умов⁶¹:

НЕИЗМЕННЫЙ СОН

Все тот же сон — далекая Россия!
К тебе одной летит моя мечта,
Влечет твоя родная красота,
Зовут поля, твои леса глухие,

И серых дней напевы дождевые,
И вечеров осенних долгота,
Унылых рощ багрец и пестрота -
И зимние сугробы снеговые!

Я вновь живу средь отроческих грез,
Вновь чувствую, что мир земной не тесен...
Далекий звук знакомых с детства песен

Дарует мне поток неожиданных слез.
В чужой среде, где сердце холодеет,
Оно, в любви к отчизне, молодеет.

О сне говорит и О. Егорова, когда хочет объяснить, что такое чужбина:

Я СПЛЮ

Я сплю упорной, властной спячкой,
Мне все на свете все равно.
Была всю жизнь горячкой,
Любила, будто... — так давно.

Устала я от жизни, горя —
И нет теперь огня во взоре:
Не слышу я призыв родной.
Мне все равно: я так устала...
И отсыпаюсь я теперь.
Страдать, любить я перестала.
В своей берлоге сплю, как зверь.

13 октября 1943 г (Сб., с. 128)

Особенно остро Иван Павлович воспринимал себя как эмигранта на старости лет. Умерла любимая дочь Катя, стали разъезжаться сыновья. Иногда стихи оставались единственным занятием и досугом, особенно тогда, когда в Александрии наступает зимняя пора с ее дождями и порывистыми ветрами⁶²:

О, если б знали вы, как больно сердце бьется
Под шум дождей ночных, под шепот вечных дум,
Что мать — твой лучший друг — на зов не отзовется.
Что сердцем ты — старик, не нужен и угрюм!

О, если б знали вы, что русский на чужбине
Непонят, одинок, всегда живет в мечтах,
О липах, о дубах, о вьюге на равнине,
О белых лебедях на заливных лугах!

О том, как оценивали себя русские изгнанники, какой они считали свою юность и молодость, особенно молодежь, и каковы были их мечты, можно понять из лирики Николая Войтенкова, «гордости» русской

эмиграции в Александрии⁶³. Братья-близнецы Николай и Алексей Войтенковы служили сержантами в александрийской полиции, за что действительно испытывали гордость их земляки-россияне. Нижеследующие строки из стихотворения Н. Войтенкова за 1928 г.⁶⁴ очень четко характеризуют это настроение:

ИЗГНАНЬЕ

Всю жизнь разрушило изгнание.
Погасли ранние мечты.
И дней былых очарованье
Сменилось чувством пустоты.

Сменилось чувством пустоты.
В тоске безмолвного страданья,
Как образ нежной красоты,
Тая печали увяданья.

Тая печали увяданья,
Сгущая муку пустоты,
Чертили след напоминанья
Мои угасшие мечты.

Состояние эмигрантов было таковым, что иногда им все надоедало до такой степени, что они даже отрицали то положительное, что они имели до революции и Гражданской войны и хотели отказаться от всего прошлого. Тот же Николай Войтенков, хотя и достиг с братом определенного общественного статуса и материального положения в Александрии, хотел бы «замолчать прошлое»:

ЮНОСТЬ

Потонула в тумане холодном
Одинокая юность моя.
Промелькнули в движеньи свободном
Дни за днями, события тая.

Безталанный и, будто, ненужный
На подмостках я жизни стоял

И, движенью вещей непослушный,
Увлечений и страсти не знал.

Никогда ничего не жалея,
Я на прошлое ставлю печать,
И, желаний других не имея,
Я о прошлом стараюсь молчать.

1930

Вероятно, благодаря резкости и возможной бескомпромиссности этого александрийского поэта в силу его молодости станет более рельефным отношение большей части наших александрийских соотечественников к Советской России и порядкам, царившим в ней в то время⁶⁵:

РУСЬ

Посвящая родине

Написано под музыку
Отто Дютше «Новгородъ».

Стонет Русь Святая.
Стонет. Слезы льет.
Нищая, больная
Сыновей зовет.

После славы громкой
И былых побед,
По миру с котомкой
Ходит много лет.

Храмы осквернили.
Царь с семьей убит.
Верных перебили.
Произвол царит.

Не шумят знамена
С ликами икон,

На ступенях трона
Вражш легион.

Родина страдает.
В рубище она.
К Господу взывает
Нищая страна.

Так бывший солдат белой армии Н. Войтенков воспринимал новую Россию, свое место в истории бывшей России и нынешнее положение в Египте, который его временно приютил и даже предоставил неплохую работу. По-иному глядели на мир русские мальчики, едва повзрослевшие в эмиграции. Об их настроении поведал уже цитированный нами юноша Юрий Мазараки:

Тише... Тут дремлют знамена,
И вьется дымок фимиама,
Тут в бледном мерцании храма
Стоят боевые знамена.

Их много... Склонились и дремлют,
И снятся им сказки бывшего...
В мерцании храма святого
Знамена склонились и дремлют.

Чу... Тише... Вы слышите шепот?
То деды собрались на страже знамен,
Свидетели славы и лучших времен.
Вы слышите тихий их шепот?

И под шепот седых ветеранов
Дремлют штандарты родные.
Где вы, потомки лихие,
Дети седых ветеранов!

Александрия 1927

Русские александрийцы, естественно, внимательно следили за событиями, происходившими в России. Некоторые из них принимали по-сильное участие в различных благотворительных мероприятиях, прово-

дившихся, например, в пользу голодающих в Советской России. Эта кампания достигла своего размаха в ноябре-декабре 1921 г.

По распоряжению египетских властей с 2 по и декабря 1921 г. проводилась декада помощи голодающим в России под патронажем губернатора Александрии Хидаит-паши. На улице Фуада и напротив муниципалитета была сооружена иллюминированная триумфальная арка, проведены праздничные мероприятия с участием ведущих александрийских артистов.

В воскресенье 8 декабря в Розеттском саду устроили различные аттракционы, лотереи и другие акции. Чуть ранее, 4 декабря провели костюмированный бал-маскарад для детей. По сведениям «Ля Реформ», такого благотворительного праздника Египет еще не видел. В этих акциях принимали участие и русские беженцы, которые с состраданием следили и с болью воспринимали бедственное положение своих соотечественников в Советской России.⁶⁶ Причем такое отношение к соотечественникам было и в 30-е гг. Власти властями, но отношение к рядовым советским людям со стороны эмиграции было достаточно теплым и участливым.

Особенно это участие и сострадание было заметным во время Великой Отечественной войны, во время которой эмигранты, затаив дыхание, сопереживали грозным событиям на Родине.

Патриот России Иван Умов не мог не отреагировать стихами на те суровые испытания, которые постигли его Родину. В разгар Сталинградской битвы он пишет стихи, посвященные героическим защитницам будущего города-героя⁶⁷.

ГЕРОИНЯМ СТАЛИНГРАДА

Вы — преемницы мучениц, жен декабристов.
И сестер, что видали Малахов курган,
Тех подвижниц, что помнили Шипку и Систов,
Тех, окрасившись кровью своей гаолян.

Там, в оврагах, где крут хмурый берег нагорный,
Там, где солью сверкает за Волгой Эльтон,
Вы зарыты с запекшейся раной черной
И приволжские ветры лелеют ваш сон.

Сестры, сестры! Вам снится ль пожар Сталинграда,
Русь в слезах и крови у последней черты,
Где, под громы и вопли кромешного ада,
Вы без слов сожигали девичьи мечты?

К вам, безвестным и юным, пришедшим на Волгу,
Чтобы жизнь положить за братьев-солдат,
К вашим теням взываем и плачем подолгу,
Души вновь обновляя средь жизни утрат.

Как ничтожно-бедны тусклых дней треволненья
Перед пламенем чистым возжженных сердец!
И всевластно влечет мощных душ притяженье
В высь, где славой горит женской жертвы венец.

В это грозное время О. Егорова активно участвует в общественной жизни колонии. Она выступает на Дне русской культуры, посвященном Волге, со стихотворением «Волга»: «Нам, изгнанникам России, // Светят волжские огни; // Быстротечны ея воды, // Быстротечны наши дни. / / Красотою небывалой // Плещет волжская волна; // Волга! Мать родная, Волга! // Ты красива и вольна!» (Сб., с. 107-108).

Стихотворение было написано 19 сентября 1942 г. в разгар германского наступления на Сталинград. День русской культуры был приурочен русской эмиграцией в Египте к этим событиям и состоялся 8 октября 1942 г. 4 ноября поэтесса вновь обращается к этой теме, появляется еще одно стихотворение «Волга» (Сб., с. 107-108). Она возвращается к прошлому, к дням, проведенным на Волге с любимым: «Не забыть былого! // Этой красоты! // Мне здесь на чужбине. // Где-то, милый, ты! // Звездочки мерцают // В небе голубом. // Сердце надрывает // Память о былом» (Сб., с. 108).

В апреле 1943 г. она пишет два стихотворения под одним названием «Родина». В первом она говорит (Сб., с. 109):

Вся залита кровию родина;
В небе багровый закат;
И ночью, и днем там разносится
Пугающий грома раскат.

Слезами, потоками жгучими
Там плачет и мать, и жена;
Там туча разверзлась могучая
И ливнем проходит она.

Та буря пройдет — успокоится -
И радуга в небе блеснет.
Но сердце, разбитое горем,
Возможно ль, что вновь оживет?

Второе стихотворение, датированное 4 апреля 1943 г. (Сб., с. но): «Я вспоминаю: сверкнула зарница! // Сад наш зеленый, деревья и сень; // Снова мелькнули знакомые лица. // В темной алее — родная сирень. // Стоны души! Тактоскливо и больно... // Грезы былого встают чередой... // Родина милая! Света, приволья! // Сердце наполнено только тобой!»

Бросается в глаза, что за 1943 г. О. Егоровой написано больше стихотворений, чем за какой-либо другой год (27 из 255). При этом многие стихи ее поэтического сборника⁶⁸ не датированы. Невольно приходит мысль о том, что это связано с особыми переживаниями Егоровой во время страшных испытаний для ее Родины, особого накала этих испытаний, закончившихся Сталинградской победой.

Эмигрантская поэзия Александрии, на наш взгляд, является еще одним правдивым источником, который в значительной степени дополняет картину жизни русских изгнанников не только в северной столице, но и во всем Египте. В концентрированном виде она доносит не только пафос настроения александрийских россиян, но и их физическое и моральное состояние во время пребывания в Египте. В этом отношении в качестве некоторого итога приведем стихотворение Ивана Петровича Умова «Две арфы»⁶⁹.

ДВЕ АРФЫ

Посмотри: зацвели джакаранды
И жасмина ползучий побег,
Бугенвиллий лиловых гирлянды
Покрывает, как девственный снег.

Но за Волгой, в России, далеко,
В разоренном старинном гнезде,

Скромный ландыш цветет одиноко,
И зовет к позабытой весне.

Посмотри: в сонной глади канала
Отразился немой кипарис,
У мечети, за насыпью вала,
Шелестит возле хлопка маис.

Но все снятся родимые нивы,
Где шуршат возле гречи овсы,
Где в прудах опрокинулись ивы
И белеют луга от росы.

Посмотри: многолюдный Египет
В бликах солнца, весь в сети дорог.
Кубок счастья не здесь ли был выпит?
Здесь твой мир, и семья, и порог.

Но над Нилом я думаю долго,
Размышляя о милых местах,
Где так царственно стелется Волга,
Где соловко рокочет в кустах;

И стремится душа к бездорожью
И к безлюдью заволжских полей,
Где над тучей склоняется рожью
Полоса у заросших колеи.

Заключение

Россия не стоит в ряду тех стран, уроженцы которых с незапамятных времен стали селиться на земле Египта. Россияне появились в долине Нила сравнительно недавно, насчитывая в эпоху Мухаммеда Али лишь десятки, но с развитием российско-египетских культурно-политических и торгово-экономических связей к концу XIX в. численность россиян здесь достигла нескольких тысяч человек.

В силу особенностей многонациональной структуры населения России выходцы из нее прибывали в составе трех потоков. Один из них составляли выходцы из мусульманских районов Российской империи — Поволжья, Северного Кавказа и Закавказья, Средней Азии и т.д. Второй поток представляли евреи из Белоруссии, Украины и собственно России. Третья часть прибывавших в Страну пирамид жителей империи приходилась на остальных эмигрантов, принявших решение проживать в Египте; подавляющее большинство из них были православными. Что касается количественного соотношения между этими тремя потоками, то на рубеже XIX-XX вв. (1897 г.) последний поток официально охватывал до 80% мигрантов из России, остальные два — лишь по ю %. До известной степени эта общеегипетская пропорция соответствует делению российских беженцев и в самой Александрии. Она менялась в зависимости от времени и обстоятельств. Доля еврейских беженцев в общем количестве покидавших пределы Российской империи граждан вследствие черносотенных погромов и преследований революционеров во время первой русской революции значительно возросла. Другое дело, что не все они оставались в северной столице Египта навсегда, а рассматривали ее в качестве транзитного пункта на пути в Европу, Австралию и Америку.

Что касается мусульманской миграции, то, помимо тех, кто приезжал для получения образования в аль-Азхаре и других теологических учебных заведениях Каира и Александрии, остальные старались остаться в Египте, как, впрочем, и некоторые из студентов. Вероятно, самым удачным примером может служить опыт внедрения и укоренения в Александрии азербайджанского керосинового бизнеса на рубеже XIX и XX столетий крупного нефтепромышленника Манташева в лице его представителя в северной столице Мутафова и его преемников, много сделавших для трудоустройства здесь своих бывших российских соотечественников. Оказавшись в Александрии, так же как и в Египте в целом, российские мусульмане относительно легко вживались в однородную среду своих единоверцев через существовавшие землячества, постепенно теряя, однако, свою индивидуальную самобытность. Как российские мусульмане, так и евреи знакомили своих египетских единоверцев с элементами русской культуры и вместе с основной массой российских эмигрантов доносили до теперь уже новых сограждан второй столицы Египта, правда, в различной степени, элементы российского менталитета.

Этому процессу способствовал сравнительно высокий культурно-образовательный уровень российской эмиграции, который уже в тот период (до прибытия основной группы беженцев в феврале-марте 1920 г.) превосходил соответствующие средние показатели практически всех иностранных общин города, без исключения.

Конечно, прибытие основной группы русских беженцев, несмотря на значительное число рядовых солдат в ее составе (кстати, многие из них вскоре отправились на фронты Крыма, Сибири и Дальнего Востока), усилило культурный потенциал россиян в Стране пирамид. В основном изгнанники-россияне представляли собой высшие культурные слои России, помещиков, интеллигенцию, юнкеров, кадетов и пр., достаточно вспомнить состав пассажиров парохода «Саратов». По словам последней русской александрийки Татьяны Николаевны Монти (Сериковой), относившей себя к первой волне русской эмиграции, большинство из русских были «помещики, буржуазия и интеллигенция». В этом отношении не было никакого сравнения и конкуренции с членами многочисленных традиционных средиземноморских общин Александрии, в том числе и при выборе профессии на чужбине.

Поэтому и род занятий русских беженцев в Александрии в значительной степени оказался связанным с инженерно-техническими специальностями. Эмигранты, имевшие высшее техническое образование, нашли работу на солидных инженерных предприятиях, в том числе в Компании Суэцкого канала: М.И. Старицкий, Д.А. Конн и многие другие. Широкой известностью в Александрии пользовались инженеры Е. Вильбериевич, П. Гольденберг, А. Кашкин, В. Мельников и др.¹ Автор брошюры «Русские в Египте» Фламбуриани отмечает, что часть беженцев выбрала профессию шофера, со временем многие из них стали владельцами собственных машин. В уже цитированном списке проживавших в Александрии фигурировали шоферы: Демидов, Дмитриев, Копельников, Писенин, Потапов, Силляндер, Седвин, Федоров². Именно этой профессиональной группе александрийских россиян посвятил несколько строк с некоторой долей безысходности их товарищ по несчастью поэт Николай Войтенков:

ВПЕРЕД!

Русским шоферам

Улица пылью клубится вдали,
 Мчатся навстречу, бегут фонари,
 Рвется машина и режет простор,
 Стонет, клокочет и воет мотор.
 Люди мелькают, мелькают дома,
 Ход прибавляет машина сама;
 Словно большой и неведомый зверь,
 Мчится машина куда-то теперь.
 Ветер свистит, — не пускает вперед,
 Пылью бросает в глаза мне и в рот.
 Воздуху мало! Мне трудно дышать!
 Мчится машина... Куда?.. Не понять!

1927К

Дм. Фламбуриани пишет, что «часть русских была приглашена в различные компании и общества, например, трамвайное депо насчитывает сегодня значительное число русских служащих»⁴. Трамвайщиками ус-

троились генерал Генерального штаба и полковник Генерального штаба А.А. Васильев и Д.А. Конн. Здесь, видимо, сыграли свою роль дисциплинированность и опыт работы с людьми. Ряд молодых военных, наоборот, пригодились александрийскому муниципалитету в качестве образцовых полицейских, в их числе оказались братья-близнецы Николай и Алексей Войтенковы.

К многочисленной категории русских беженцев, которые оказались востребованными в Александрии, относятся русские военные и гражданские врачи, прибывшие с ранеными и больными с деникинского и врангелевского фронтов. Излечив последних в Тель аль-Кебуре и Сиди-Бишре, часть из них покинула Египет, другие навсегда остались в Каире, Александрии и Порт-Саиде, послужив верой и правдой египетскому народу до 50-60-х гг., оставив после себя десятки учеников и сотни и тысячи исцеленных больных. Памятные доски на стенах часовен каирского кладбища при храме Св. Георгия и александрийского в Шатби до сих пор сохранили имена этих медиков-россиян: В.Э. Беллин, Б.В. Булгаков, А.А. Волкенштейн, Н. Ильичев, В.М. Новосильцев, К.Я. Теплов, М.Д. Троицкий, А.М. Троицкая, А.А. Адливанкин

К сожалению, для многих русских беженцев оказалось очень трудным приспособиться к новым природно-климатическим, культурно-социальным и общественно-политическим условиям. Были и другие мотивы, чтобы оставить Египет в пользу Европы или Америки. Среди этих причин — отсутствие возможности получить образование для молодежи. Однако, по словам эмигрантов, после учебы и приобретения диплома практически никто не вернулся в Египет, и родители доживали свой век в Александрии одни, изредка навещая своих детей в Европе или принимая их у себя во время отпуска или каникул.

Природно-климатические условия явно не способствовали процветанию русской общины Александрии, хотя они там были мягче и привлекательнее, чем в подавляющем большинстве других районов Египта. Мнение большинства русских беженцев сводилось к тому, что при наличии определенных материальных, социальных и духовных удобств можно было бы пренебречь некоторыми климатическими издержками. Поэтому после суровых испытаний Гражданской войной жизнь на Средиземном море или на Горьких озерах под Исмаилией казалась молодому поколению прекрасной, особенно после скитаний и мытарств. Одна-

ко долго такдлиться немогло. Великобритания нехотела продолжительное время содержать здесь «гостей английского короля», да и международные фонды поддержки русских изгнанников постепенно иссякали. Надежда на возвращение этих средств таяла с каждым месяцем и днем после поражения белых армий и успехов Советов в налаживании контактов с Западом. Поэтому Лига Наций и Антанта постепенно приходили к выводу о более равномерном распределении первоначальных средоточий русских беженцев по Балканским странам и другим «свободным» районам мира.

Проблемы адаптации к местным условиям оказались весьма сложны для их успешного решения за короткое время. Изгнанники оказались почти в чужой среде, в которой имелись лишь некоторые «зацепки» для того, чтобы приспособиться к местным условиям. Одной из таких благоприятных возможностей была своеобразная религиозно-этническая ситуация в средиземноморской Александрии. Наличие здесь с незапамятных времен инонациональных общин заметно повышало шансы русских продержаться определенное время, а некоторым из них окончательно закрепиться в северной столице Страны пирамид. Самым распространенным здесь был французский язык, что было на руку россиянам, которые, как известно, издавна предпочитали его для общения с иностранцами.

Более того, присутствие в Александрии, равно как в других крупнейших городах страны, сравнительно многочисленной сирийской православной прослойки привело к поразительным результатам. Возникла некая общность интересов русской эмигрантской политической и культурной элиты, прежде всего дипломатов и близких к ним кругов, и ливантской верхушки. В основе этого взаимоприятия, помимо всего прочего, было православие.

Не этническая или национальная общность, а единоверие и общая религиозная принадлежность оказались прочнее. Из приведенных в тексте (с. 32-33) данных следует, что из 776 зарегистрированных в 1837-1890 гг. в Египте браков ливано-сирийских католиков только 195 составляли смешанные, но из них 151 — с представителями других католических и униатских церквей, лишь (sic!) с приверженцами сирийской православной церкви. Другими словами, смешанные браки преимущественно заключались с единоверцами — примерно 3/4⁵. Это об-

стоятельство подтверждает брак православной ливанки Александры Хури и православного русского Ивана Умова в Александрии. Близость интересов единоверцев подтверждает состав христианских консульских агентов в провинциях Египта, выполнявших директивы российского дипломатического агента и Генконсула. Возникшее последругих российское консульское представительство в оазисе Файюм возглавлял один из самых богатых и влиятельных людей Египта православный ливанец Жорж-бей Лутфалла, близкий друг посланника А.А. Смирнова. Его брат Мишель являлся членом Законодательного собрания Египта. Оба — сыновья православного ливанца Хабиба Лутфаллы. Их семейный склеп находится в нескольких десятках метров от могилы А.А. Смирнова.

Помимо единоверия, взаимопонимание между ливано-сирийскими и российскими православными было закономерным по нескольким причинам. Во-первых, на Ближнем Востоке Сирия, Ливан и Палестина были единственными вилайетами Османской империи, где компактно жили православные. Во-вторых, сказывалась деятельность Императорского Православного Палестинского общества (ИППО), которая именно здесь и концентрировалась. В-третьих, выходцы из сиро-ливано-палестинского ареала имели наиболее высокий культурно-образовательный уровень в арабском мире. Все эти достоинства, а также ряд других, например, неплохое знание местной интеллигенцией французского языка, а также то обстоятельство, что ливано-сирийцы и русские находились за пределами своей Родины, подталкивали их друг к другу. Кстати, не случайно и то, что последнее пристанище в их жизни находилось неподалеку на египетской земле.

Все вышеуказанные факторы, свидетельствующие о благоприятной языковой ситуации в Александрии, о наличии там благоприятного климата в смысле сосуществования различных инациональных сообществ, говорят нам также о том, что в целом Египет был страной, в которой вполне мирно уживались разные этносы еще со Средних веков, а может быть, и еще раньше. Толерантность — одно из главных качеств и свойств египетского народа.

Вот и в этот раз «египтяне спокойно отнеслись к тому, что некоторое количество московских гостей, — писал Дм. Фламбуриани, — осталось у них в стране. Уже были и другие беженцы — греки, турки,

армяне. Будут и русские. Существовали колонии французская, итальянская, немецкая, швейцарская, греческая. К ним присоединилась и русская. Появление русских стало обычным явлением, и зрелище бедных офицеров, продающих сигареты, не вызывало сожаления. "Московцы", редко бывшие в роли беженцев и всегда славившиеся великодушием, проходили теперь незамеченными. Их рассказы больше никого не интересовали, их постоянные жалобы утомляли. Навсегда прошли времена, когда космополитическое население Александрии считало, что все русские либо князья, либо генералы, либо миллионеры...

Старого полковника, участника трех кампаний и кавалера многих русских и иностранных наград, иногда можно было увидеть в Александрии продающим сигареты праздно шатающейся молодежи, убивающей время в барах и кафе.

Этот скромный кондуктор в трамвае, ничем не отличающийся от своих коллег и вынужденный по 8, а иногда по 12 часов без перерыва торговать билетами, когда-то был блестящим офицером-гвардейцем. Этот капитан, свидетель эпопеи Порт-Артура, герой Великой войны стал ныне водителем такси.

Эти офицеры в одном из баров Старой биржи, возможно, несколько лет назад величественно шествовали в салонах обеих российских столиц...

Многие, особенно среди интернациональных средних слоев населения Александрии, доброжелательно отнеслись к новым пришельцам, оказывали им помощь...

...благодаря помощи и сердечному участию госпожи К. Команос, г-жи Параскевой, г-жи Боден, П. Бенаки, господина Маллисона, патриархов Фотия и Мелетия небольшая русская колония избегала безработицы», — так заканчивает Дм. Фламбуриани свою социальную зарисовку русских в Александрии в 20-х гг.⁶

Такие близкие отношения между русскими и ливанцами, даже брачные союзы, были редким явлением, можно сказать, даже своего рода феноменом. Что же касается браков между русскими и мусульманами, то они были просто исключены. По свидетельству неоднократно цитированной Т.Д. Робертс-Конн, смешанные браки между ними «осуждались членами русской общины и не поощрялись. Большинство русских не

ассимилировались, они держали свою идентичность. Были русские, которые в конце концов приняли ислам, как, например, старшая сестра моей бабушки тетя Наташа, иначе она не могла работать гувернанткой в богатой арабской семье. Она никогда не выходила замуж». Кстати, такие случаи смены веры были крайне редкими. Нам известен еще один переход из веры в веру: так, в 1927 г. приняла иудейство Хвостова Людмила Александровна⁸. Скорее всего, это были крайние случаи, чтобы выжить. Подавляющее большинство александрийских русских не шли на такие меры, а предпочитали при ухудшении жизненных условий оставить страну.

Как уже указывалось, были и политические мотивы, повлиявшие на решение выехать из долины Нила. Одним из них была насеровская революция 1952 г. Большинство из российских эмигрантов посчитало, что в Египте повторяются события, происходившие на их Родине в 1917 г. Тем более, на решимость египетских националистов уже указывали предпринятые ими шаги во время арабо-израильской войны 1948-1949 гг., в результате которых страну покинуло значительное число местных евреев. Еще одна волна реэмиграции приходится на периоды Тройственной агрессии 1956 г. и так называемые «социалистические» декреты первой половины 60-х гг., когда широкие меры по египтизации и национализации крупных и даже средних объектов банковской сферы, страховых обществ, торговли, транспорта, промышленности и т.д. нанесли окончательный удар по тем, кто еще колебался относительно направленности революционных преобразований в Египте. Не случайно на надгробных плитах русских могил на греческом православном кладбище в Шатби появилось сравнительно много дат смерти, связанных с 50-60-ми гг. XX в. Спокойная жизнь россиян — эмигрантов первой волны, кто не успел выехать, закончилась, хотя на многих надгробиях можно видеть и даты 80-х гг. прошлого столетия.

Тем не менее, русская эмиграция первой волны оставила после себя глубокий след не только в истории Александрии, но и в летописи российско-египетских культурных связей. Главный итог существования «белой» эмиграции состоит в том, что она, несмотря на далеко не «сладкие» условия своего бытия как в Египте вообще, так и в его северной столице в частности, не только сохранила результаты развития российско-египетского цивилизационно-культурного диалога на протяжении

двух-трех столетий, официально прерванных Первой мировой войной и революцией 1917 г., но и в некоторых отношениях продвинула его вперед. Другими словами, благодаря усилиям русских изгнанников «мертвого сезона» в историческом опыте российско-египетского взаимодействия практически не было вплоть до официального возобновления этого диалога при установлении дипломатических отношений между СССР и Египтом в 1943 г. Более того, на некоторых направлениях, например, в области балетного искусства, был совершен определенный прорыв, который послужил трамплином для продолжения развития культурных связей в советский период и одновременно доказательством наличия «сквозного» диалога между нашими странами.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Секретное предписание Сазонова²
(черновик)

3 марта 1920, № 307

Лично. Весьма доверительно.

В случае признания Правительства, при коем Вы аккредитованы, и большевистского правительства и принятия официального представителя последнего, Вам надлежит:

Закреть деятельность вверенных Вам учреждений, отказавшись от непосредственной передачи их большевикам; во-вторых, уничтожить наиболее секретный архив последних лет, если невозможно его сокрытие; в-третьих, уничтожить шифр; в-четвертых, передать недвижимое и движимое имущество по описи местному правительству; в-пятых, из сумм, находящихся в Вашем распоряжении, рассчитать служащих; в-шестых, (этот параграф не относится к вверенному вам учреждению); в-седьмых, денежную отчетность за последние годы сохранить в надежном месте; в-восьмых, хранящиеся в наших учреждениях наследственные документы и другие депозитивы изъять и передать на хранение местным судебным властям или нотариусам; в-девятых, консульствам преподать по наступлении предвидимых событий указания применительно к вышеизложенному; в-десятых, по наступлении вышеозначенных обстоятельств стараться поддерживать связь с правительством генерала Деникина и со мною, а в случае моего к тому времени отъезда, со старшим послом М.Н. Гирсом для получения дальнейших указаний объединения действий; в-одиннадцатых, настоящий циркуляр уничтожить, как могущий дать большевикам ценные указания.

Подпись Сазонов

(Копия)

Верховному Комиссару Великобритании в Египте

Заявление

Мы, нижеподписавшиеся, русские беженцы, проживающие в лагере Сиди-Бишр, по своему положению, как рядовые солдаты Деникинской армии, вследствие амнистии Правительства Российской Социалистической Федеративной Советской Республики в память 4-й годовщины Русской Октябрьской Революции, получили право вернуться на родину на общих условиях с военнопленными.

Имея непреодолимое желание возвратиться на родину, мы с начала этого года хлопочем перед разными учреждениями Великобританского Правительства об отправлении нас в Россию и, несмотря на все наши усилия, мы до сих пор не получили удовлетворения этого желания.

Мы томимся, гибнем и разлагаемся нравственно и физически в тоске по родине, в непривычном нам климате, среди чуждых для нас условий жизни.

Нам непонятны и вследствие этого кажутся враждебными все распоряжения Английских властей в амнистии нас. Наши права никем не защищаются, официальных представителей наших интересов Английское Правительство к нам не допускает.

Мы избрали уполномоченных, и английский комендант в Сиди-Бишре арестовал их и посадил их на гауптвахту, продержав там их с 22 по 29 сентября с.г.

В сентябре месяце с.г. 102 человека русских беженцев (один из них насильно) были посажены на пароход «Маршал Фош» и отправлены по направлению Константинополь — Крым несмотря на то, что английской администрации было известно, что эту партию отправлять нельзя. Вследствие чего юг человека в течение 30 дней плавали в Константинополь и обратно, не имеющие теплой одежды, пережили и холод и голод и даже режим, применяемый обычно к опаснейшим каторжникам (в Константинополе).

Отправленный насильно Кухаренко Григорий и 4 человека русских беженцев получили от Советского Правительства в марте сего года разрешение на возвращение в Россию, но они до сих пор не отправлены и 8 месяцев томятся ожиданием и в неизвестности.

Мы вполне сочувствуем и разделяем желание английских властей уменьшить расходы на содержание русских путем предоставления после-

дним честного заработка, организации из русских беженцев охранных команд, имеющих полувоенный характер, — является для нас, ждущих с нетерпением отъезда в Россию, нежелательным по причине той, что лишает и затрудняет связь между нами и вообще нас распыляет и главным образом потому, что честный заработок найти совершенно невозможно, а жизнь в лагере, способствующая нравственному разложению, умственному отупению и лени, при полном отсутствии производительного и целесообразного труда, заставляет отчаянно искать выхода из положения и, чтобы избавиться от бессмысленного и жалкого существования в лагере, записываются в эти команды с военной дисциплиной.

Мы очень благодарны Английскому Правительству за помощь, приют и заботы, оказанные по отношению к русским беженцам, выброшенным бушующей стихией за борт русского революционного корабля и оставленным на произвол суровой судьбы теми людьми, которые пользовались нами как пушечным мясом для достижения своих классовых целей. Многие из нас, благодаря исключительно английской помощи в Египте, не вычеркнуты из списка живых людей, вылечившись от разнообразных инфекционных и других болезней, от ранений, калечий и т.п. Но мы неудержимо, стихийно стремимся на родину к своим семьям, своим привычным занятиям, к своему народу.

Мы просим вас, г. Верховный Комиссар, принять все меры, зависящие от вас, для скорейшего отправления нас в Россию. Просим вас довести до сведения Английского правительства содержание настоящего заявления и принять во внимание, что большинство из нас земледельцы, которые желали бы попасть в Россию к началу весенних полевых работ.

О последующем благоволите известить нас по адресу: Египет, Александрия, Сиди-Бишр, камп «В». Роману Станиславовичу Ильницкому.

1. Ильницкий Роман
2. Карасев Иван
3. Агафончик Стефан
4. Лубенко Тихон
5. Поняшин Сергей
6. Максименко Семен
7. Новачук Лука
8. Жимайлов Владимир
9. Баришев Алексей
- ю. Кравец Хаим
11. Кравченко Василий

12. Курт Ромазан
13. Филиппов Федор
14. Гончаров Федор
15. Гончаров Василий
16. Касюков Илия
17. Данилин Дмитрий
18. Мищенко Георгий
19. Чубец Иван
20. Белик Карп
21. Бабченко Григорий
22. Заборский Сергей
23. Аброскин Василий
24. Шестаков Василий
25. Карпов Михаил
26. Тимофеев Иосиф
27. Глухов Василий
28. Затолокин Иван
29. Дмитренко Степан
30. Кореньков Павел
31. Макеев Павел
32. Байбузан Кондрат
33. Воробин Федор
34. Шарапов Михаил
35. Гащенко Иосиф
36. Климентьев Александр
37. Потапов Иван
38. Голубовский Григорий
39. Шабанов Григорий
40. Назаров Афанасий
41. Воробьев Филипп
42. Шевляков Михаил
43. Пеньков Григорий
44. Семношков Алексей
45. Курняков Ефим
46. Чурилов Дмитрий
47. Смирнов Демьян
48. Смирнов Павел
49. Васненко Иван
50. Коваленко Максим

51. Скрипников Максим
52. Кременчгский Георгий
53. Хандус Иван
54. Занкевич Алексей
55. Штейнбек Валентин
56. Чепурнов Афанасий
57. Смирнов Иван
58. Полянцев Павел
59. Охримерко Николай
60. Дворецкий Яков
61. Дьяков Семен
62. Асеев Михаил
63. Цаллагов Владимир
64. Ерин Макар
65. Бондаренко Иван
66. Дроботов Михаил
67. Николаев Павел
68. Диков Борис
69. Ганжа Тимофей
70. Рудь Андрей
71. Елисеев Петр
72. Филиппов Матвей
73. Мурашко Ипполит
74. Петровское Георгий
75. Дмитриев Иван
76. Блохин Василий
77. Молибога Дмитрий
78. Каценелен-Богин Дм.
79. Шульц Петр
80. Фоменко Семен
81. Безов Иван
82. Антоненко Яков

Приложение 3*

Его Высокопревосходительству М.Н. Гирсу
Александрия, 3/16 октября 1923 г.
№ 145

Милостивый Государь, Михаил Николаевич!

Секретной телеграммой, отправленной мною при содействии Французского посланника г-на Гальяра, я имел честь уведомить Ваше Превосходительство о внезапно принятых независимым египетским правительством чрезвычайных мерах относительно русских, проживающих в Египте.

Состоявшееся 6-го октября и опубликованное в официальном журнале решение Совета министров я имею приложить при сем в вырезке.

Уже в конце мая в здешней печати стали появляться настойчивые заметки о предстоящем прибытии в Египет большевистского представителя, но сведения потом были категорически опровергнуты различными корреспондентами, сообщавшими из почерпнутых ими непосредственно в правительственных кругах сведений.

На запрос по этому поводу, сделанный мною Председателю Совета министров и Министру иностранных дел, я получил уверения, что эти газетные слухи не имеют никакого основания и что у правительства нет намерения признать большевиков и допустить в Египте их представителя.

Мне известно, однако, что как раз в это время сюда приезжал большевистский агент г-н Галоп, а еще ранее — г-жа Лючия Морена, еврейка из Москвы, с весьма важными и широкими полномочиями. Им удалось, по-видимому, добиться свидания с некоторыми из второстепенных чиновников министерств.

В половине мая здешняя печать подняла большой шум из-за уголовного процесса армян русско-подданных ростовщиков отца и сына Девлетян.

Как я имел честь своевременно осведомить Ваше Высокопревосходительство, в 1921 г. (1-14 ноября) мною были учреждены Судебные комиссии по уголовным делам. Невозможность отправлять уголовных преступников в Россию для суда над ними в Одесском Окружном суде, как это практиковалось до войны, вызывала необходимость суда над ними на месте, так как нельзя было допустить, чтобы они оставались безнаказанными или без срока томилась в предварительном заключении. Проект учреждения Уголов-

ных комиссий был выработан на точном основании законов; египетское правительство и Британская резиденция были мною осведомлены о принимаемых мною мерах, и наш Уголовный суд начал функционировать над русско-подданными, встречая полную поддержку со стороны Египетских Смешанных судов.

Девлетианы были уже ранее судимы за мошенничество и ростовщичество местным судом, но приговор не был приведен в исполнение, так как они заявили о своем русском подданстве и представили тому доказательство.

Правительство интересовалось делом Девлетианов; Министр иностранных дел неоднократно говорил мне, что ростовщики эти сосут кровь целого мусульманского квартала, и прибавлял, что справедливый и строгий приговор по их делу будет лучшим доказательством египетскому правительству и будущему парламенту необходимости для страны нашей юстиции и наших учреждений.

Девлетианы были присуждены нашей Комиссией к тюремному заключению — отец на 1,5 года, сын — на 2,5 с лишением некоторых прав, между прочим права держать ссудную кассу.

Процесс Девлетианов поднял сильнейший шум. Адвокат их русско-подданный Косров-Зограб предоставил мне и Министерству иностранных дел меморандум, доказывающий, что суды наши при отсутствии правительства и живого источника власти являются незаконными, что они даже и с точки зрения русского законодательства не могут существовать, что приговор не может произноситься во имя закона, что полномочий моих уже шесть лет не существует и что далее Дипломатические и Консульские русские власти не могут признаваться властью.

Со своей стороны и я написал меморандум Министру иностранных дел, передав копию с него Британскому Верховному комиссару. Считаю долгом представить при сем копию этого меморандума. Я опроверг в нем нападки Зограба и указал точные основания закона, предоставляющего мне право учреждения Судебных комиссий. На словах я прибавил Министру иностранных дел, что как бы ни были законны наши судебные учреждения, я высказываю полную готовность — в виду щекотливости положения нашего и неудобств и трений, вызываемых на практике существованием наших уголовных судов — войти в соглашение с Египетским правительством, каким образом, с полной гарантией справедливости, могли бы быть судимы русские подданные.

Одновременно и в печати поднялись голоса против русских судов и признания русских властей в Египте. Озлобленные статьи, обыкновенно

анонимные, исходили, конечно, от Зограба и его сообщников, и постепенно становились все резче и увереннее.

В разговорах с председателем Совета министров и Министром иностранных дел я неоднократно упоминал о нападках печати и спрашивал, имеют ли они какое-нибудь основание. Мне отвечали в успокоительном тоне, что все это одна газетная болтовня, что и на них самих газеты нередко нападают.

В конце сентября посетил меня Британский Верховный комиссар. Он заявил мне, что, вследствие моих с ним разговоров, он запросил инструкций в Лондоне; теперь он приехал мне сообщить, что британское правительство, твердо стоя на признании независимости Египта, не нашло бы возможность вмешаться, если бы Египет перестал признавать мои полномочия и даже лишил бы русских подданных капитуляционных прав.

На мой запрос, как это последнее можно согласовать с 3-м пунктом признания Англией независимости Египта, так как по этому пункту она принимает на себя защиту иностранных интересов в Египте, — г-н Скотт ответил мне, что Англия и не отказывается защищать русских в каждом отдельном случае, когда они будут притесняемы.

Я напомнил ему, что до снятия протектората, пока Англия несла ответственность за все, что делается в стране, она не только признала силу моих полномочий, но даже выдавала мне от себя пособие на содержание наших учреждений, и когда, два года тому назад, по ликвидации бюджета войны, я остался совершенно без средств, пособие от египетского правительства было нам дано по настоянию из Лондона. Почему же теперь Англия ничего не хочет сделать для нашей поддержки? Г-н Скотт возразил мне снова, что теперь Египет самостоятелен и Англия не должна вмешиваться в его внутренние дела. Он прибавил еще, что поневоле приходится считаться с фактом уже шестилетнего существования власти большевиков, а с другой стороны, с тем, что элементы антибольшевистские не проявили до сих пор достаточной силы отпора и поэтому должны считаться мертвым обломком прошлого.

Под влиянием этого разговора и слишком уже определенной газетной заметки о том, что кампания против русских властей и судов выиграна, и на днях они будут уничтожены, — я отправился к председателю Совета министров (7 октября), и он мне объявил, что действительно накануне — 6-го октября — состоялось вышеприведенное решение Совета министров.

Считаю своим долгом прибавить, что за несколько дней до этого я испрашивал аудиенцию у короля, которую всегда получал немедленно, при-

чем нередко она продолжалась часа полтора. На этот раз король не принял меня, а на все празднества 9-го октября, по случаю восшествия на престол, даже на прием во дворце, где я до сих пор являлся деканом дипломатического корпуса, никакого приглашения я не получил.

Мне до сих пор не прислано никакого письменного извещения о происшедшем; решение Совета министров было напечатано в *Journal officiel*. По полученным мною из достоверных источников сведений, и гувернорату, и другим правительственным органам дано знать, что русские подданные более капитуляциями не пользуются и что Российская миссия и Консульство с 6-го октября не существуют, а следовательно, и все акты и документы, выданные ими после этого числа, незаконны и недействительны.

Примите, Милостивый Государь, уверение в моем глубоком почтении и таковой же преданности.

Алексей Смирнов

Его Высокопревосходительству М.Н.Гирсу
Александрия, 4/17 октября 1923 г.
№ 146

Милостивый Государь, Михаил Николаевич!

Решение Совета министров от 6-го октября состоит из двух определенных пунктов: 1. непризнание египетским правительством русского дипломатического и консульского представительства в Египте; 2. прекращение заимообразного пособия, до сих пор мне выдававшегося на содержание наших учреждений.

К этим двум пунктам присоединено заключение, якобы вытекающее из сущности решения, что русские отныне находятся в Египте на положении подданных других некапитуляционных стран.

Почему и каким образом такое заключение вытекает из двух пунктов постановления, которое, казалось бы, требовало более широкого разъяснения всех последующих изменений и создания какого-либо нового порядка для обеспечения русско-подданных, это остается непонятным.

Принимая во внимание общее настроение в стране, очевидно такое заключение сделано в угоду националистическому чувству, явно и определенно высказывающемуся против капитуляций. Мне неоднократно приходилось выслушивать жалобы министров на капитуляции, которые душат страну, «хватают ее за горло», и пожелание как можно быстрее сбросить с

себя эти цепи. Поэтому и прибавка, сделанная в решении Совета министров, рассматривается ими как первый шаг к уничтожению капитуляций.

Между тем и по содержанию своему прибавка эта отнюдь не вытекает из двух пунктов решения Совета министров и даже находится с ними в явном противоречии. Приравнявая русских к подданным других некапитуляционных стран, она упускает из виду, что у последних имеются посланники и консулы (как, например, у сербов, чехов, персов) или хотя бы консул (как уяпонцев) для обеспечения прав колонии и персонального статута, для выдачи паспортов, свидетельств и составления актов. При непризнании же нашего представительства русские подданные оказываются в совершенно ином, бесправном, невиданном до сих пор положении, и к другим иностранцам приравнены быть не могут.

В объяснениях моих с председателем Совета министров и министром иностранных дел я заметил много разногласий. Первый мне говорил о том, что это мера временная, подразумеваемая, по-видимому, установление и признание законного порядка в России и прибавляя, что русские дела отойдут к смешанным судам. Министр иностранных дел временности принятой меры и о смешанных судах не упоминал, а говорил мне про суды местные. Когда я его спросил об упомянутом мне председателем Совета министров заключении юрисконсульской части, послужившем, якобы, основанием решения Совета министров, — министр иностранных дел ответил, что такого заключения не было и Совет министров принял свое решение совершенно самостоятельно.

Вообще обнаруживается полная неопределенность в предстоящем проведении на практике решения Совета министров и желание взять это дело исключительно в свои руки, с подчеркиванием, что нас более не признают и не намерены считаться с нашим мнением по этим вопросам.

Хотя, как я уже упоминал выше, никакого письменного извещения от египетского правительства я не получал, я нашел необходимым после устных объяснений написать министру иностранных дел прилагаемую при сем записку. Преклоняясь перед решением независимого Египта о непризнании русского дипломатического и консульского представительства и о прекращении выдававшейся мне субсидии, поблагодарив даже за то, что в течение шести лет нас вполне признавали и нас поддерживали, я высказал в ней протест против лишения русских капитуляционных прав.

Ответа на мой протест я до сих пор не получил, но независимо от этого я счел долгом препроводить копии с него представителям капитуляционных прав, причем просил Англию, Францию, Америку и Италию принять русскую колонию под свое покровительство. Я указал им при этом, что унич-

тожение русских капитуляций лишает юридического основания добавления, которые были внесены в трактаты Екатерины II и получены ими исключительно *sur la base de la nation la plus favorise*. Обращения мои к представителям держав по этому вопросу в копиях при сем прилагаю.

Все иностранные коллеги отнеслись ко мне с большим сочувствием, особенно в виду резкой и неделикатной формы, в которой проведено было решение Совета министров, и охотно согласились сообщить мое ходатайство своим представителям.

Но американский посланник сегодня уже передал мне устно полученный им отрицательный ответ из Вашингтона. Вполне сочувствуя положению русских и находя по существу неправильным отнятие у них прав капитуляций, правительство Соединенных Штатов не находит возможным в виду положения, которое Англия занимает в Египте, выступить активно в этом вопросе.

Подобный ответ надо предвидеть и со стороны Франции, руки которой связаны еще и вопросом о Марокко. Едва ли Италия решится выступить на нашу защиту, что же касается Великобритании, то она, судя по заявлениям г-на Скотта, не пожелает отступить от намеченного ею пути, несомненно, ей на руку всякие затруднения, в которые впутывается независимое египетское правительство.

Примите, Милостивый Государь, уверение в глубоком моем почтении и таковой же преданности.

Алексей Смирнов

Его Высокопревосходительству М.Н. Гирсу
Александрия, 5/18 октября 1923 г.

№ 147

Милостивый Государь, Михаил Николаевич!

Русская колония в Египте крайне волнуется по поводу отнятия у нее капитуляционных прав и неопределенности своего положения.

Как и следовало этого ожидать, особенно активно выступают деятели самых левых партий, стремясь захватить власть над колонией и хотя бы отчасти поставить себя на место непризнаваемых более консульств. По-видимому, они были своевременно и широко осведомлены из большевистских источников о близости падения здешней русской власти, и успели уже достаточно сформировать свою партию.

Предполагавшееся по их инициативе на 14-ое октября общее собрание колонии в Каире не было, однако, разрешено местною полицией, ибо инициаторы не внушают ей, как видно, достаточного доверия.

Конечно, печать усмотрела в этом запрещении следы моего прежнего влияния и возобновила свои нападки на меня. Впрочем, это могло показаться тем более вероятным, что созывавшие собрание заранее заявили, что они намерены призвать прежних дипломатических и консульских представителей к суду колонии, потребовать у них отчета в расходовании казенных денег и составить рапорт с оценкою их политической и административной деятельности. Такие требования вызвали отпор в благо разумной части колонии и усилили разлад между сторонниками различных мнений.

В виду устранения власти, руководившей доселе колонией, и полной неизвестности, какие меры примет египетское правительство для ее организации, следует предвидеть немало затруднений.

Правительству неизбежно придется создать особое отделение для заведывания русскими делами, и оно не может обойтись в таком случае без людей, знающих русский язык, законы и обычаи и могущих служить посредниками между русскими и местной властью. Интересы большинства колонии очень пострадали бы, если б египтяне поручили это дело кому-нибудь из крикунов, старающихся теперь всеми мерами выставить себя истинными выразителями мнений колонии.

Вследствие этого я употребляю здесь все зависящие от меня меры, чтобы на подобные роли были приглашены лица уважаемые, опытные и энергичные. Быть может, самыми подходящими были бы наши консульские представители, о чем меня уже просили некоторые из здравомыслящих членов колонии.

Полагая, однако, что с моим мнением при настоящем положении вещей особенно считаться не будут, я прошу Ваше Высокопревосходительство не отказать с вашей стороны принять во внимание интересы почти трехтысячной колонии в Египте, и путем переговоров — и особенно с великобританским представителем в Париже — побудить египетское правительство не медлить с устройством отдела для заведывания русскими делами и привлечения в этот Отдел достойных людей.

Примите, Милостивый Государь, уверение в глубоком моем почтении и совершенной преданности.

Алексей Смирнов

Его Высокопревосходительству М.Н.Гирсу
Каир, 8-го ноября 1923 г.

№ 149

Милостивый Государь, Михаил Николаевич!

Как я имел честь сообщить письмом моим от 18-го октября с.г. № 146, решение египетского Совета министров о дальнейшем непризнании русских Дипломатического и Консульского представительств в Египте делает вывод, что отныне русские подданные приравниваются здесь к подданным некапитуляционных стран. Соответственные распоряжения были даны губернаторам и полиции, и новый режим был введен немедленно, без какого-либо хотя и краткого срока для ликвидации текущих и иных дел и для предоставления русским, неозаботившимся ранее получением от Консульства необходимых документов, возможности устроить свои дела.

Более того, решение Совета министров от 6-го октября было опубликовано в *Journal officiel* лишь п-го числа, а между тем документы, выданные Консульствами, уже не признаются действительными не с п-го, а с 6-го октября.

Я не буду снова возвращаться к вопросу ни о закономерности решения египетского правительства по отношению к капитуляционным правам русских подданных, ни о соответствии самого решения с сделанным из него выводом. В настоящую минуту самым важным вопросом является нынешнее положение, созданное для русских этим мероприятием.

Фактически русские отнюдь не пользуются теми сравнительно обширными правами, кои предоставляются иностранцам помимо капитуляций. Прежде всего, они лишились своих представителей и естественных ходатаев за них в случаях, когда их интересы нарушены или они подверглись произволу агентов местной власти. Русские остались бесправны и жаловаться им некуда; уже был ряд случаев, когда полиция им заявляла, что они местные подданные, и обращалась с ними соответственно, чего, конечно, она никогда себе не позволила бы по отношению к немцу, чеху или даже персу. От арестованного за мелкую провинность русского, для установления его личности, свидетельство его консульской власти уже не принимается, а требуется, чтобы его признал египетский квартальный старшина (шейх аль-хара), простой безграмотный араб, имеющий дело только с туземцами. Подкупность же таких агентов и вообще египетской полиции сомнению не подлежит и служит постоянной темою газетных статей.

Не менее важно принадлежащее независимо от капитуляций иностранцам право личного статута, по которому все акты гражданского состоя-

ния совершаются по национальному закону (рождение, брак, смерть, наследование и пр.).

Даже местные подданные христиане и евреи имеют свои органические статуты, и дела этой категории вершатся их духовным начальством. Одни русские лишены ныне этого основного права. Ныне русский уже не может распорядиться своим именем по своей воле, ибо шариат завещаний не признает.

Откуда русские, среди коих многие беженцы не имеют надлежащих документов, могут теперь получать паспорта, виды на жительство, удостоверения в добром поведении и пр.? Кто даст русскому, не говорящему на иностранном языке, возможность защититься и даже объясниться в местном суде?

Все страны мира, даже германцы, признавшие большевиков, и китайцы, отказываясь признавать прежних русских представителей, взвесили последствия такого акта и сохранили в той или другой мере русские организации или создали новые, включив туда прежних русских агентов.

Одно египетское правительство в своем слепом стремлении покончить с капитуляциями разрушило все и ничего на его место для русских не создало, не стесняясь ни их тяжелым положением, ни чувством элементарной справедливости. Принятая мера русскими отнюдь не заслужена, ибо колония наша в Египте одна из наиболее спокойных, и применение этой меры заставляет опасаться наихудших последствий. Во всяком случае, такое неслыханно бесправное положение иноверной колонии в мусульманской стране совершенно недопустимо и является позором для держав, против него не протестующих.

В виду настроения египетского правительства добиться на месте хотя бы некоторого смягчения принятого им решения не представляется возможным. В виду этого, озабоченный благосостоянием колонии, интересы которой я столько раз защищал, и принимая во внимание явно выраженное колонией желание сохранить над собой руководство прежних представителей, считаю долгом обратиться к Вашему Высокопревосходительству в надежде, что Вы не откажетесь повлиять на британское правительство, дабы оно внушило египетскому правительству, в виду встречающихся уже затруднений в ведении русских дел, необходимость создать в Египте особые организации наподобие уже существующих в других государствах, с включением в состав прежних русских агентов. Принимая во внимание исключительную роль Англии в Египте, было бы вполне естественно рассчитывать, что эти организации будут устроены по образцу, допущенному в самой Великобритании.

Примите, Милостивый Государь, уверение в глубоком моем почтении и таковой же преданности.

Алексей Смирнов.

Приложение 3

Черновик письма РОССИЙСКОГО Дипломатического агента в Египте АМЕРИКАНСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ о положении РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ И КОНСУЛЬСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ И РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ ЗА ГРАНИЦЕЙ И ОБ ОКАЗАНИИ ИМ ДЕНЕЖНОЙ ПОМОЩИ⁵.

Положение, занятое Американским правительством относительно советской власти в России, отношение его к генуэзской конференции и общие симпатии американского народа, так много раз проявленные к русским, очутившимся в столь безвыходном положении вследствие захвата их родины шайкой узурпаторов, заставляет меня сообщить вам изложенные соображения, которые, быть может, Вы найдете нужным представить Вашему правительству.

Положение русских, очутившихся по различным обстоятельствам со времени начала великой войны в Египте, стало особенно затруднительным с момента падения в России законной власти и захвата ее большевиками. В стране, где существуют капитуляции для подданных 17 держав, в том числе и России, лично мне удалось с того времени по настоящую минуту сохранить представительство законной преемственности власти Российского государства, де-юре продолжающей существовать и дающей прочное основание существования и деятельности в Египте Русских Дипломатических и Консульских учреждений.

Наплыв русских беженцев со всех концов России после падения Колчака, Деникина и Врангеля естественно потребовал расширения круга деятельности Дипломатического Агентства и Консульств, вызвав также необходимость в учреждении новых судебных комиссий. Несмотря на самые благожелательные отношения и содействия как со стороны Дипломатических Представителей других стран, так и Египетского Правительства, затруднением в деятельности вышеуказанных русских учреждений явилась чисто финансовая сторона дела. С 1917 года все кредиты России нашим представителям за границей были прекращены. Благодаря ссуде в половинном размере против прежних ассигнований, выдававшихся в первые годы Англо-египетским правительством и продолженной доньше еще в меньшем размере Египетским Правительством, наши учреждения могли существовать, хотя и с большими затруднениями, до настоящего времени.

Едва ли можно рассчитывать на дальнейшее продолжение выдачи этой ссуды ввиду изменения политического положения Египта и умаления влияния англичан. Между тем увеличение русской колонии столь значительным чис-

лом русских беженцев, не пожелавших из-за политической обстановки в настоящее время быть отправленными за английский счет в Болгарию и таким образом лишившихся всякого дальнейшего попечения со стороны английских военных властей, не только не дает возможности сократить расходы по содержанию наших учреждений, но еще несомненно вызывает необходимость располагать средствами для удовлетворения тех неотложных потребностей (больница, похороны и т.п.), которые ранее выплачивались за счет англичан.

На 400 ег. ф., получаемые ныне, содержать Дипломатическую Миссию и три Консульства⁶ является почти невозможным, так как при таком размере ссуды приходится оплачивать служащих в менее чем половинном размере. В нормальное время ассигнование на Русские Представительства достигало юоо ег.ф. в месяц; а между тем теперь, как это явствует из вышеизложенного, непомерное увеличение русской колонии и поддержка ее расширенной юрисдикции значительно увеличивает потребности в расходах сравнительно даже с прежними нормами. Эти вышеизложенные условия для дальнейшего существования наших учреждений становятся весьма затруднительными. А вместе с тем нельзя оставить русских в Египте без защиты, без русской консульской юрисдикции, требующей и высшего органа контроля и надзора — Российской Миссии⁷.

Те чувства и те надежды, которые возлагаются русскими на Америку, ясно выразились и в поднесенном Вам 4 мая адресе.

Полагаю, что от внимания Вашего не ускользнули и проникли в печать сообщения г. Чарлса Крена, посетившего Советскую Россию и вообще прекрасно знающего нашу родину. Мне представляется вполне правильным его взгляд, что для воссоздания России пока не устранено давление советского режима, всякая помощь в самой стране является гораздо менее существеннее, чем поддержка зарубежных элементов (полезнее истратить на них 1 доллар, чем десятки долларов на помощь в самой России, — говорит г. Ч. Крен).

Имеются сведения, что Американское Правительство дало в свое время Русскому Временному Правительству ссуду в 167 млн. долларов и ныне озабочено получением остатков этих сумм от лиц, неоправдавших его доверия и подпавших влиянию большевизма.

Являя в лице Русского Дипломатического представительства в Египте почти единственное в мире учреждение, сохранившее в полности и чистоте преемственность законной России, я хочу надеяться, что Америка найдет целесообразным оказать мне содействие в счет русского государственного долга хотя бы из числа имеющих поступить сумм.

Алексей Смирнов.

Приложение 4⁸

«О положении русских в Египте. 1929 г.» CAIRO, 1 OCTOBRE 1929.

MR RAZOUMOWSKY. — THE ABET SCHOOL, AVENUE FOUAD I.

Господину Директору
Национального осведомительного бюро
в Нью-Йорке.

Имею честь приложить при сем ответсдополнительным к нему Приложением. Буду искренне рад, если эти сведения будут полезными для оказания помощи моим соотечественникам.

В Египте, как Вы изволите усмотреть из моих ответов, нет единой центральной по беженским делам организации; существует же несколько отдельных организаций, друг от друга не зависящих, работающих по своим линиям и иногда идущих вразрез одна другой. Каждая из таких организаций считает себя главнейшей. Дабы не оставить Вас без сведений, я решил послать этот бланк для заполнения г-ну Петрову, Председателю Общества дешевого кредита в Александрии, прося его дать вам непосредственные ответы.

Бывший атташе Дипломатического Агентства, ныне хранитель русских дипломатических архивов в Египте С.П. Разумовский.

Приложение

1. Количество русских беженцев и их распределение по центрам.

Точной цифры дать не могу, ибо идет постоянное колебание. Приблизительно 600-650 человек. Центры: Каир с окрестностями, Александрия с окрестностями, Порт-Саид и зона Суэцкого канала.

2. В чем заключаются главные нужды беженцев?

А) В виду отсутствия единого начала над беженцами и в виду действия этих организаций по разным линиям, у беженцев нет определенного места, куда они могли бы обращаться за приисканием заработка.

Б) Образование детей обьязано главным образом благородной помощью двух американцев: г-на Крэна из Чикаго и г-на Вайтмора, не знаю, из какого города, но ни одна местная организация этим вопросом специально не занимается. Есть студенты из русских школ, не закончившие образования из-за недостатка средств и из-за невозможности добиться помощи для продолжения образования.

В) Забота о больных. Нет средств на лечение тех больных, которые нуждаются в перемене климата, хотя бы на два-три месяца, и равным образом нет средств на приобретение права помещать в больницы лиц острого за-

болевания (тиф, лихорадки местные). Имеются случаи хронических последствий военных ранений и ряда лет недоедания.

Г) Судебная защита. — Русские лишены капитуляций, в связи с этим: а — вопрос о «личном статуте» висит в воздухе, нет определенной инстанции, куда обращаться в затруднениях по наследственному и семейному праву, б — русские, не в пример прочим иностранцам, должны отбывать наказание в местных тюрьмах, а не в европейских. Здесь нужна юридическая защита.

Прочие нужды:

Необходимость объединения разрозненных организаций под одним началом. Нет общегития, куда можно было помещать по праву только что вышедших из больницы лиц, лишившихся временно заработка, впавших в тяжелую нужду или вынужденных приехать по настоятельным делам.

1. Организации, заботящиеся о русских беженцах.

А) Три бюро для регистрации русских подданных. Египетские правительственные учреждения, открытые в 1927 г., зависят от Департамента общественной безопасности Министерства внутренних дел.

Задачи Русских бюро: выдача видов на жительство внутри Египта, а также в их компетенцию входит часть нотариальных обязанностей. Но эти бюро не имеют права касаться «личного статута» и юридической защиты русских. Во главе стоят русские, числящиеся на египетской службе. Таких бюро три: Каир, Александрия и Порт-Саид. Эти бюро принесли и приносят несомненную пользу всем русским, но их обязанность касается вообще всех русских, а не только беженцев.

Б) Русский клуб. Cairo, Cercle Russe, 9 rue Kantaret el Dekka. Председатель — адвокат К.О.Тихий.

Этот клуб существовал задолго до появления беженцев. Дает бесплатно залу для устройства благотворительных спектаклей, имеет за небольшую абонементную плату библиотеку из русских и французских книг и читальню, помогает — по мере возможности — бесплатными и дешевыми обедами, а также предоставляет, в крайних случаях, бесплатное помещение.

В) Три русских благотворительных общества Societe Russe de Bienfaisance. Cairo.

Существует с 1927 г., преимущественно из беженцев, кои воспользовались существовавшим до их приезда Обществом при русском клубе. Определенного адреса не имеет. Письма доходят по месту работы казначея Общества: Cairo, Polyclinique Russe, rue Bedak. Pour la Societe de bienfaisance.

Societe Russe de Bienfaisance, Alexandrie, 15 Boulevard de Remleh.

Societe Russe de Bienfaisance, Port-Said. Mr. A. Staritsky, Companie du Canal de Suez.

Все три Общества не располагают большим количеством членов по разным причинам. Выдают мелкие пособия на лечение, инвалидам и старикам на жизнь. Средства получают главным образом от устройства концертов и спектаклей.

Г) Русская поликлиника, учрежденная Обществом русских врачей-беженцев, восемь лет тому назад на заем, данный в свое время русским Дипломатическим Агентством. В настоящее время в деятельности поликлиники принимают участие и иностранные врачи. Она оказывает бесплатную медицинскую помощь исключительно для бедных.

Adresse: Cairo, Polyclinique Russe, rue Bedak derriere de l'Opera.

Д) Общество дешевого кредита для русских беженцев в Александрии. Выдает ссуды. Основано и создано благодаря заимообразной помощи одного бывшего русско-подданного.

Председатель этого Общества А.М. Петров. Адрес: Alexandrie, Egypte. — Mr. A. Petroff, 15, Bid de Ramleh.

Общество дешевого кредита — очень полезное учреждение. Но оно не располагает достаточными суммами, и поэтому нуждающимся приходится ожидать очереди. Это Общество главным образом существует для Александрии. Было бы желательно распространение его действий в более широких линиях и на Каир и на Порт-Саид.

5. Существуют ли ограничения в приискании работы?

Прямых ограничений нет. Но в виде общей тенденции обвинять поголовно всех в том, что виновата лишь часть, получение работы для русских обставлено требованиями исключительных рекомендаций и даже поручительства, чего часто невозможно добиться. Другие колонии здесь богаты, русская бедна, следовательно, условия для русских здесь тяжелы.

6. Чем главным образом занимаются здесь русские?

Шоферство, в частности, перевозка тяжестей на камионах. Наиболее серьезная организация: Cairo, Heliopolis. Mrs. Toutourine et Boklevsky. Есть собственники легковых такси, есть работающие у хозяев, есть служащие у частных лиц.

Имеется сравнительно небольшой контингент беженцев, которые служат клерками в египетских смешанных судах, банках, в торговых предприятиях, в компании Суэцкого канала, компании по водоснабжению, в качестве контролеров, а иногда даже кондукторов натрамвае; дают уроки в школах, большей частью преподают языки в частных школах, математику, музыку; в совершенно исключительных случаях работают в правительственных учреждениях.

КА ТАЛОГ

*Экспонатов выставки**РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЕГИПТЕ. 1920-1950-е годы.*

Выставка состоит из трех разделов, включает 72 экспоната.

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ

отражает общеегипетский этап пребывания русской эмиграции:

1. Авиация времен Первой мировой войны. 1914 г.
2. Офицеры Финляндского полка. 1915 г.
3. Русские беженцы в Египте.
4. «Русский лагерь» в Тель аль-Кебире.
5. Русский эмигрант за обедом в своей палатке. Тель аль-Кебир, 20 июня 1920 г.
6. Новогодний базар в пользу русского благотворительного общества.
О.Г. Желичкина (сидит), Н.Смирнова и Зоя Бобылева. 8 янв. 1950 г.
7. Новогодний праздник 1951 г., устроенный в пользу русской общины Русским благотворительным обществом. О.Петрова, Зоя Бобылева.
8. Дом для престарелых русских эмигрантов в Гелиополисе (Каир), на снимке П.В. Алябьева.
9. Плита на могиле русского Генконсула в Египте А.А. Смирнова. Кладбище при православном греческом храме Св. Георгия в Старом Каире,
- ю. Греческий православный храм Св. Константина и Св. Елены в Булаке (Каир), где отпевали многих русских эмигрантов, в том числе Генконсула А.А. Смирнова.
11. Заупокойную службу по усопшим на чужбине ведет Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II. 1991 г. Греческое православное кладбище в Старом Каире.
12. Могила Стрекаловских на кладбище Св. Георгия в Старом Каире.
13. Могила О. Волкова — последнего представителя Русского землячества в Каире, автора нескольких книг о пребывании россиян в Египте.
14. В.С. Голенищев. Крупнейший египтолог — создатель кафедры египтологии в Каирском университете.
15. Портрет Фродмана-Клюзеля. Работа египетского художника Хусейна Бакра. 1938 г.
16. О. Фродман-Клюзель лепит Анну Павлову, великую русскую балерину, неоднократно бывавшую в Египте.

Приложения

17. Барельеф Св. Георгия при входе в православный храм Св. Георгия. Старый Каир. Работа Фродмана-Клюзеля.
18. В мастерской на улице Антикхана. Каир. Стоят И.Я. Билибин и О.А. Сандер. На заднем плане панно «Поклонение византийскому царю и царице».
19. И.Я. Билибин за работой в своей мастерской в Антикхании. Каир.
20. И.Я. Билибин. Портрет Людмилы Чириковой. 1919 г. Разделила участь художника в египетской эмиграции.
22. Феллах. Одна из работ И.Я. Билибина в Египте.

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ

включает экспонаты о жизни русских эмигрантов в г. Александрии:

1. Александрия. Морской порт.
2. Александрия. Бульвар Рамля.
3. Александрия. Ул. Саад Заглюль, 1930 г.
4. Александрия. Памятник Мухаммеду Али-паше.
5. Александрия. Ул. Шерифа-паши.
6. Александрия. Памятник Нубару-паше.
7. Александрия. Казино Рамль.
8. Русские беженцы в Александрии в 1920 г.
9. Русские эмигранты братья Николай и Алексей Войтенковы — сержанты Александрийской полиции,
- ю. Консул А.М. Петров в 1939 г., сидит второй справа.
11. Аттестат об окончании А.М. Петровым Института восточных языков Московского университета.
12. Меню обеда в честь Великого князя Бориса Владимировича в Александрии. 1 марта 1938 г. Александрия.
13. Обед в честь Великого князя Бориса Владимировича в Александрии 1 марта 1938 г., устроенный офицерами в квартире Ольги Сергеевны Кирпичевой.
14. Русские эмигранты в Александрии.
15. Пикник в александрийском районе Сиди-Бишр. Лето 1925 г.
16. Детский бал-маскарад. Александрия, 1923 г.
17. Цыганские песни и танцы в исполнении ансамбля русских соотечественников в Александрии. 30-е годы.
18. Ансамбль русской песни и пляски г. Александрии.
19. Александрия, 50-е годы.
20. Россиянки в Александрии на рубеже 40-50-х годов.
21. Арабское православное кладбище в Шатби. Александрия.
22. Могила Умовых на православном арабском кладбище в Шатби. Александрия.

23. Русский склеп на греческом православном кладбище в Шатби. Автор П.В. Рерберг. Освящен в 1934 г.
24. Могила русского консула в Александрии А.М. Петрова в Шатби. Александрия.
25. Могила русского эмигранта генерала Федора Рерберга с супругой в Шатби. Александрия.
26. Русская церковь в г. Александрия. Ул. Саад Заглюль.
27. Скульптура «Невеста Нила» русского эмигранта, скульптура Фродмана-Клюзеля. Розарий «Нузха». Александрия.

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ

посвящен семье Сериковых-Монти в Александрии:

1. Петроград 1912 г. Квартира прадеда Т.Н. Монти на левой стороне дома от арки.
2. К.В. Гуревич (бабушка Т.Н. Монти).
3. Д.И. Андриевский (дедушка Т.Н. Монти). Фото 1905 г.
4. Один из видных александрийских россиян — генерал Гельмгольц.
5. Имение Сериковых под Никополем — папа, его сестра, друзья.
6. Н.М. Сериков (отец Т.Н. Монти) с другом генерал-майором Ф.П. Рербергом в своем имении под Николаевом.
7. Русские беженцы. Сиди-Бишр. 1920-1921 гг.
8. Продажа рукоделий русских беженцев. 1920-1923 гг.
9. Ф.К. Андриевская, мачеха мамы Т.Н. Монти. 1920 г.
10. Мама Т.Н. Монти с мачехой, ее сыном и дочерью,
11. Мама Т.Н. Монти со своим отцом и мачехой.
12. Мама Т.Н. Монти, Рерберг с женой в 1925 г.
13. Отец Т.Н. Монти в 1917 г.
14. Н.М. Сериков. Александрия, Ибрагимийя, 1930 г.
15. О.Д. Серикова (мама Т.Н. Монти) в 1970 г.
16. Мама и папа Т.Н. Монти в 1962 г.
17. Мама Т.Н. Монти с друзьями, женой консула А.М. Петрова в 1969 г.
18. Т.Н. Монти-Серикова (Люка) в 1950 г.
19. Муж Т.Н. Монти — Алессандро Монти. 1961 г.
20. Т.Н. Монти на приеме в советском консульстве в 1970 г.
21. Т.Н. Монти у могилы своих родителей в Шатби. Лето 2000 г.
22. Подруга Т.Н. Монти — Зоя Бобылева. Проживает в г. Бордо (Франция). Александрия, конец 2000 г.
23. Супруги Монти перед отъездом в Италию. Александрия, конец 2000 г.

Примечания

Предисловие

¹ Поскольку на этот счет нет точной статистики, цифры очень разнятся. Так, А.Н. Вертинский считал, например, что «...во Франции русских было, вероятно, тысяч двести-триста. В Париже было нас тысяч восемьдесят...». Вертинский А.Н. Дорогой длиною. М., 2003, с. 165.

² У автора книги до сих пор хранятся толстые общие тетради архивных записей с вырезанными ножницами цензоров страницами, где содержались сведения о пребывании русских белоэмигрантов в Египте.

³ В 1988 г. депутат Верховного Совета СССР, дважды герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, ректор МВТУ им. Н.Э. Баумана А.С. Елисеев, назначенный в 1987 г. главой Общества по культурным связям с соотечественниками (общество «Родина»), писал: «Вообще история эмиграции ждет своего летописца и исследователя. Здесь много белых пятен, пропущенных страниц. А по-моему, не должно быть забытых имен, вычеркнутых историей из русской культуры писателей, художников, композиторов, артистов, ученых, оказавшихся в зарубежье из-за личных трагедий, попавших в водоворот социальных катаклизмов». Аргументы и факты. Москва, № 21, 21-27 мая 1988.

* Речь идет о дипломатических документах представителей русских учреждений и организаций, которые попали в распоряжение советских дипломатических работников после установления политических отношений между СССР и Египтом в 1943 г.

⁵ В этом Архиве действует правило, как в большинстве других крупных архивах мира: материалы его становятся доступными по прошествии 50 лет со дня того или иного события.

⁶ См., например: Горячкин Г.В. Египет в русских архивах до 1917 г. // Ученые записки Центра арабских исследований. М., 2003, с. 36-57; он же. Египет в русских архивах // Египетский архивный ежегодник. № 1, 2003, Каир, с. 29-62.

⁷ См. подробнее: Горячкин Г.В. Последний царский генконсул в Египте // Азия и Африка сегодня. М., № 5, 2001. Он же. Он был не только дипломатом. К 150-летию со дня рождения А.А. Смирнова // Восточный архив. М., № 17, 2008,

с. 54-65; он же. Страницы российско-египетского культурного диалога. Ч. 1, Александрия: «Культурные вызовы», 2003, с. 125-132.

⁸ Горячкин Г.В., Гриценко Т.Г., Фомин О.И. Русская эмиграция в Египте и Тунисе (1920-1939 гг.). М., 2000. Имея в активе важные сведения, особенно о датах событий, а также о лицах, связанных с российско-египетским культурным диалогом, было проще работать с хорошо сохранившейся и неплохо представленной александрийской прессой: «Le Phare d'Alexandrie», «La Reforme» etc.

⁹ Корреспондент газеты «Комсомольская правда», а затем «Труд» В.В. Беляков, проведший в Египте более 15 лет, так и назвал одну из своих статей «Одна на всю Александрию».

¹⁰ В сентябре 1977 г. он обнародовал «Обращение к российским эмигрантам» в связи с намерением создать Всероссийскую мемуарную библиотеку ...с целью собирания всяких личных воспоминаний наших соотечественников с обязательным... их хранением, постепенной перепечатки и каталогизации их...». Книжное обозрение, № 23, 8 июня 1990, с. ю.

Глава 1

¹ См. подробнее: Горячкин Г.В. Александрия между Россией и Египтом // *Meueriana*, 2006, с. 129-186.

² Хасан Мухаммед Субхи. Европейские колонии в городе Александрии (1805- *939) // Александрия сквозь века. Александрия, 1999, с. 150 (на араб.яз.).

³ Андреевский В. Египет. Александрия, Каир, его окрестности, Саккара и берега Нила до первых порогов. Описание путешествия в 1880-81 году. СПб., 1884, с.9.

⁴ Карманный ежегодник 1949,1950 гг. Каир, Министерство национальной экономики, 1953, с. 14 (на араб. яз.).

⁵ Горячкин Г.В., Дятлов В.И. Роль «предпринимательских» этноконфессиональных меньшинств в формировании современной социальной структуры Египта // Вестник МГУ — Востоковедение, № 1,1990, с.3-17.

⁶ Картавцев Е.А. По Египту и Палестине. Путевые записки. СПб., 1892, с.14.

⁷ Vallet J. Contribution a l'etude le la condition des ouvriers de la grande industrie au Caire. Valence, 1911, p.34-37.

⁸ Cromer. The modern Egypt. London, 1908, vol. I, p. 250.

⁹ Politis Ath. L'Hellenisme et L'gypte moderne. T.i Contribution de l'Hetlenisme au developement de l'Egypte moderne. Paris, 1930.

¹⁰ Кстати сказать, скорее всего это имя образовано от арабского слова «Надджар».

¹¹ Цит. по: Хасан Мухаммед Субхи. Указ. соч., с.146.

¹² «Le Phare d'Alexandrie» (далее — «Фар д' Александрии») соответствующие дни, месяцы и годы.

¹³ Charles-Roux J. L'isthme et le canal de Suez. Vol. 2. Paris, pp. 194-424.

¹⁴ «Фар д'Александрии» за соответствующие дни, месяцы и годы.

¹⁵ См.: Кошелев В.С. Проблема генезиса партийной системы в странах Востока в конце XIX — начале XX в. (на примере Египта) // Вестник Белорусского университета. Серия 3. История, философия, политология, социология, экономика, право. №1,1994.

¹⁶ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Фонд 151. Политархив, опись 482, дело 962,1908 год, лист 359.

¹⁷ «La Reforme» (далее — «Ля Реформ»), 24 июня 1921.

¹⁸ От слова «лазарет», который находился в километре от моря в центре Александрии.

¹⁹ В1967 г. готовившийся к показу в Египте фильм не вышел на экраны из-за требования советского посла запретить демонстрацию этой ленты антисоветского содержания. Помнится, в начале 70-х гг. по этой же причине приходилось существенно переплачивать музыкантам московских ресторанов за исполнение запрещенного вальса «Шансон долора» из этого фильма.

²⁰ Сильсиля — это небольшая стрелка, вдающаяся мысом в Средиземное море в районе Шатби. В начале 70-х гг. на ней располагался советский ракетный дивизион, предохранявший с воздуха Александрию.

²¹ Всеобщая перепись населения Египта 1882 г. 4.1, с.22-23 (на араб.яз.).

²² Разумеется, мы не ставим под сомнение деятельность и вклад представителей других европейских колоний в Александрии. Так, например, нельзя пройти мимо активности немцев. Это подтверждает брошюра директора германского культурного центра (Институт Гёте) Александрии Антона Регенберга «Quelques celebres allemandes en Egypte. Alexandrie. 1971». Самым примечательным из этих четырех был Андрэ фон Думрейхер-бей (1865-1953), дед которого был первым датским консулом при Мухаммеде Али (с 1810 г.). Думрейхеры обосновались в Стране пирамид в конце XVIII в. Его сын Альфред, родившийся в Вестфалии и имевший германское подданство, основал в Александрии фирму в районе улицы Сестер. Именно в здании «викаля» Думрейхера останавливался Наполеон Бонапарт. Кстати, через некоторое время в районе Сабабаша Александрии появился и сам дед с поручением покупки египетских лошадей для короля Максимилиана. Сам Андрэ Думрейхер родился в Вюртемберге, в возрасте 25 лет первый раз попадает в Египет и работает там банковским служащим. Во второй раз Андрэ прибывает сюда и организует египетскую пограничную службу. В 1907 г. женится на англичанке Рассел; дочь

Элен и сын Уго, так же как отец, полюбили Египет. Из-за войны ему пришлось его покинуть, но он вновь возвращается уже германским послом в 1922-1923 гг. В 1925 г. он окончательно приезжает в Египет, обосновывается в Александрии в Рамле, где на своей вилле в 1953 г. он умер, и там же похоронен. Он посвятил оставшуюся жизнь изучению пустыни, северо-западного края Египта от Александрии до Марса аль-Матрух. Результатом исследований стали две книги: 1. *Trackers and smugglers in the deserts of Egypte*. Methuen, ed. Londres. 1931; 2. *Le Tourisme dans les Deserts d'Egypte*. Larose, ed. Paris, 1931. В этих трудах сравнительно глубоко изучена фауна этих областей страны. Кроме того, фон Думрейхер-бей принимает активное участие в урбанизации главного города края Мерса аль-Матруха, строит здесь мечеть и христианскую церковь. Он сделал неплохие описания также юга страны, оазисов Дахийля и Харга, пустынь, граничащих с Красным морем. Там же, с. 8-12.

Туже привязанность к Египту, служение этой стране продемонстрировали создатель Египетского географического общества, географ и ботаник Джордж-Август Швайнфурт (1836-1925), врач, анатом и зоолог Теодор Максимилиан Бильхарц (1825-1862), который обнаружил и нашел противодействие самой главной болезни Египта, впоследствии названной его именем — бильгарциозом. Наконец, четвертый немец, прославившийся на земле Египта, бактериолог Роберт Кох (1843-1910). Автор открыл бактериологическую палочку, по мнению Антона Регенберга, именно в Александрии, в 1883 г., когда в ней разразилась чума, унесшая сотни жизней. И тогда же он, жертвуя своей жизнью, спас многих александрийцев. Там же, с. 13-57. Отметим, что немцы Дж.-А. Швайнфурт и Т.М. Бильхарц, главным образом, трудились в Каире, а имя Р. Коха, как и А. фон Думрейхера, связано с Александрией.

²³ Египет глазами россиян середины XIX — начала XX вв. Политика. Экономика. Культура. Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XV. Народы Ближнего Востока. Кн. 2 (Составление, предисловие, комментарии, примечания и перевод Горячкина Г.В.). М., 1992, с. 315.

²⁴ Цит. по: Горячкин Г.В., Дятлов В.И. Роль «предпринимательских», этноконфессиональных меньшинств в формировании современной социальной структуры Египта // Вестник МГУ — Востоковедение. Москва, 1991, № 1, с. 4, 13-14.

²⁵ Цит. по: Дятлов В.И. Торгаши, чужаки или посланные богом? Москва, 1996, с. 47.

²⁶ Там же, с. 47-48.

²⁷ Всеобщая перепись населения Египта 1882. Ч. 1. Каир, 1885 г., с. 22-23 (на араб. яз.).

²⁸ Всеобщая перепись населения Египта 1897 г. Ч. 1 Каир, 1898, с. 68 (на араб. яз.).

²⁹ Название «Александрия» часто встречается среди городов мира. Их число достигает 58. Существует даже Всемирная Ассоциация Александрии, которая устроила в мае 2004 г. «Первый международный фестиваль городов Александрия всего мира». Кстати, в конце прошлого столетия установлены побратимские связи между Александрией и владимирским Александровом. Делегации двух городов обменялись взаимными визитами дружбы, в которых участвовали ансамбли песни и танца. В советское время городами-побратимами были Одесса и Александрия.

³⁰ Хосроев А.Л. Александрийское христианство. М., 1991, с. 3-91.

³¹ Хождение архимандрита Агрефенья // Православный палестинский сборник. СПб., 1896. Вып. 48, с. 2

³² Александрия, роман об Александре Македонском по русской летописи XV в. М.-Л., 1965, с. 255.

³³ Мисюрь-Мунехин означает что-то вроде Мунехина Египетского (в переводе с арабского «Миср» — это Египет). Все это косвенно указывает на значительное пребывание Мисюрь-Мунехина в Египте. См.: Шахматов А.А. Путешествия М.Г. Мисюря-Мунехина на Восток и хронограф редакции 1512 г. // Известия АН. Отделение русского языка и словесности. СПб., 1899, Т.4. Кн.1-4, с. 216.

³⁴ Рукопись Московской Синодальной библиотеки. № 562, л. 457.

³⁵ Сношения России с Востоком по делам церковным в 2-х частях. СПб., 1858. Ч. 2, с. 2Ю, 344.

³⁶ Проскинитарий Арсения Суханова. 1649-1653. СПб., 1889, с. 124.

³⁷ Григорович-Барский В. Странствия Василья Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г. Ч. 1. СПб., 1885, с. 212.

³⁸ Цит. по: История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990, с. 196.

³⁹ Яроцкий И. Замечания об Александрии, Смирне и Константинополе в физическом и медицинском отношениях // Журнал министерства внутренних дел. Ч. XXXIX. СПб., 1841, с. 116.

⁴⁰ Мубарак, Али-паша. Описание Каира и других городов Египта. Каир. Изд. 1985 г. Т. 7, с. 145 (на араб.яз.).

⁴¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Фонд. 317, опись. 820/3, дело. 35, л. 12.

⁴² «Le Progres egyptien» (далее — «Ле Прогрэ ежипсьен»), Le Caire, 15 июня 1902. Менее чем через полгода александрийская газета красочно сообщала о проводах посланника Кояндера из Египта: «Вчера вечером во дворце Абдин состоялся предложенный Его Величеством Хедивом обед в честь г. Кояндера, бывшего Дипломатического Агента России, переведенного послом в Лиссабон.

Отменный и роскошно сервированный обед, соответствующий этикету двора Абдин, состоял из 24 блюд. Всего были приглашены четыре дамы: м-ме Кояндер, которая не могла отказать всемилостивейшему приглашению Хедива по случаю текущего траура; м-е Хольцке, м-е Иванов и м-е де Мартино-паша. Среди гостей назовем: г-н Хольцке, г-н Иванов, г-н Мартынов, г-н Базилевский и др.»

Ниже следует меню обеда:

- Бар Его Величества
- Филе из говядины по-талеирански
- Перепела по-соседски
- Жирная печень в лучшем виде
- Спаржа в голландском соусе
- Виноградный черенок, начиненный жареными трюфелями
- Русский салат
- Персики по-ришельевски
- Бомба по-московски
- Хлебцы по-парижски
- Десерт.

В отличие от прежних торжеств вечер проходил в теплой непринужденной обстановке. По инициативе Его Величества Хедива звучала следующая музыкальная программа:

Русский гимн

Марш Преображенского полка

Петр I

Жизнь за царя

Глинка

Вальс «Нева»

Фальтис

Большая фантазия на славянские мелодии

Комзаль

Бал-маскарад, ария тореадора и Андалузии Рубинштейн

Русская кадрили

Фальтис

Польская мазурка «Царица»

Гунэ

Полька «Тройка»

Ельзен

Хедивский гимн

«Ле Фар д'Александри», 22 ноября 1902.

⁴³ Горячкин Г.В. Египет в русских архивах до 1917 г. // Ученые записки

Центра арабских исследований. М., 2003, с. 50-53.

⁴⁴ АВПРИ, ф. 317, оп. 820/3, д. 99 «Списки российских Генконсулов и Управляющих российским Генеральным Консульством в Египте за 1818-1851 гг.»

⁴⁵ Les juifs en Egypte. Le Caire, 1938, p. 176-178.

⁴⁶ Всеобщая перепись населения Египта 1897. Ч. 1, с.68.

⁴⁷ Les juifs en Egypte. Le Caire, 1938, p. 306.

⁴⁸ Там же, с. 241, 306, 308-309. Последняя цифра была получена автором от руководителя еврейской общины Александрии г-на Макси Саяма в мае 2003 г. В ответ на просьбу директора РЦНК дать сведения о количестве русских евреев, похороненных на кладбище общины, сотрудница Лина Маттатыйя предоставила список 77 человек за 1920-1960 гг. Список оказался явно неполным, даже если принять во внимание, что по внутреннему уставу общины последнее пристанище на этом кладбище мог получить только человек, говорящий на еврейском языке.

⁴⁹ Там же, с. 306.

⁵⁰ Любопытно, что в отчете российского Генконсула И. Лекса за 1880 г. говорилось: «русских подданных и живущих в Египте под нашим покровительством: Черногорцев, Сербов, Болгар и уроженцев Средней Азии считают 250; чисто русских весьма мало, так как русско-подданные большей частью: Греки, Армяне, Черкесы, Ташкентцы и Самаркандцы» // Египет глазами россиян..., с.125-126.

⁵¹ См. об этом подробнее: Т.Ю. Кобищанов. Русские мамлюки в османском Египте // Вестник МГУ — Востоковедение. № 2, 2008, с. 47-68.

⁵² Эти данные сообщил автору его внук Сами Кулдаш в 2003 г. Он — работник александрийской таможни. Устроил своего сына Мухаммеда, окончившего коммерческий факультет Александрийского университета, на курсы русского языка РЦНК с целью дальнейшего сотрудничества с торговыми организациями России.

⁵³ Х. Альмушев. Хадж-наме. Книга о хадже. Путевые заметки. Н.Новгород: Изд-во НИМ «Махинур», 2006, с. 39.

⁵⁴ По данным проф. Ф.М. Ацамба, уже к началу XIX в. в египетских городах насчитывалось свыше 50 медресе, где студенты со всего мусульманского мира получали высшее образование. Кроме того, при многих сотнях и даже тысячах мечетей имелись куттабы — начальные школы. Ацамба Ф.М. Интеллектуальная жизнь в Каире и ислам (XVIII — начало XIX в.) // Религии стран Азии и Африки: история и современность. Ломоносовские чтения. Тезисы докладов. Апрель 2001 г. ИСАА при МГУ, с. 161,170. См. также: Горячкин Г.В. Россия глазами египтянина. Поездка Мухаммеда Талаата в Петербург в 1906-1907 гг. // Восточный архив, Москва, № 2 (20), 2009, с. 58-64.

⁵⁵ Шихаббуддин Марджани. Рихлат аль-Марджани // Хадж российских мусульман. Сборник путевых заметок о хадже. Н. Новгород: ИД «Медина», 2008, с. 14.

⁵⁶ Всеобщая перепись населения Египта 1897 г. Ч. 1, с.92, 104, юб (на араб.яз).

⁵⁷ Там же, с. 70.

⁵⁸ «Ле Фар д'Александри», 31 ноября 1895.

⁵⁹ Там же, 26, 29-30 июля; 1, 7,14,15,17, 21, 30 августа; ю октября 1906.

⁶⁰ Впервые эта тема была нами затронута более 20 лет назад в арабском варианте: Горячкин Г. «Египет и русские революции» // «Советский журнал». Каир, 1987, №1 (на араб. яз.). Усилению внимания александрийцев к теме первой русской революции способствовала местная пресса. В 1905 г. в александрийской периодике появляется специальная рубрика «Революция в России». По нашим подсчетам, от 1/3 до 5/6 ее было посвящено революционным событиям в Империи. Нами подсчитано также, что только с августа по декабрь 1906 г. на страницах «Александрийского маяка» было опубликовано около 500 сообщений о революционной России.

⁶¹ Горячкин Г. Египет и русские революции, с. 2.

⁶² «Ле Фар д'Александри», 26 июля 1906; 18 января 1907.

⁶³ АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (новый). Оп. 502 б, д. 5341, л. 138.

⁶⁴ Российский центр хранения и изучения документов новой истории (РЦХИДНИ), ф. ДП, 00, оп. 1898, д. 5, ч. 19, лит. «Г», л. 46.

⁶⁵ АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 2407, 1902-1903, лл. 8, 15.

⁶⁶ Там же, д. 859, 1907, л. 4.

⁶⁷ Там же, д. 2407, лл. 3, 15-16.

⁶⁸ См. подробно: Горячкин Г.В. «Египетский путь» искровских материалов в Россию // Вестник МГУ — Востоковедение, 1987, № 1, с. 3-11.

⁶⁹ Там же, с. 10-11.

⁷⁰ АВПРИ. Ф. «Канцелярия», оп. 470, д. 3, 1907, лл. 44-47.

⁷¹ «Ле Фар д'Александри», 22, 23, 25, 27 января 1907; см. также: Горячкин Г.В. Александрия между Россией и Египтом, с. 171-176.

⁷² «Ля Реформ», 23 января 1907.

⁷³ АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 859, л. 37 об.-38.

⁷⁴ Центральный государственный исторический архив (ЦГИА), ф. 678, опл, д. 1345, 1910-1915, л. 11 об.-12.

⁷⁵ АВПРИ, ф. 149, оп. 502 б, д. 5341, л. 92.

⁷⁶ Там же, ф. 151, оп. 482, д. 874, л. 33.

⁷⁷ Египет глазами россиян..., с. 176-186, 319-322.

⁷⁸ Там же, с. 188-190, 322.

⁷⁹ АВПРИ, ф. 317, оп. 820/1, д. 508, л. 6.

Глава 2

¹ АВПРИ, ф. 151 «Дипломатическое агентство и Генеральное консульство в Египте. Оп. 820/3, д. 210 «Сведения об эвакуации больных и раненых офицеров и солдат белогвардейской Добровольческой армии из Новороссийска в Египет. 1920», лл. 6-16.

² Рукописные мемуары своего отца Дмитрия Конна «Детство», состоящие из двух частей «Россия» и «Египет», передала автору Т.Д. Робертс (Конн). Всего ю страниц.

³ Булгаков Борис Васильевич родился в 1885 г. Похоронен в 1957 г. под склепом русской часовни при погосте греческого храма Св. Георгия в южном Каире. Один из руководителей Русской поликлиники в Каире. В дальнейшем куратор музея медицинского университета Каирского университета. До настоящего времени с большой теплотой вспоминают его вклад в развитие египетской университетской медицинской науки Каира и Александрии.

⁴ Митрофорный протоиерей Неделька Симеон Трофимович родился в 1864 г., похоронен в 1939 г. на кладбище при церкви Св. Георгия. Прибывший с госпиталем из Новороссийска, он возглавил церковный приход при Русской поликлинике, в то же время заведующий ее хозяйственной частью, был бухгалтером и кассиром.

⁵ Горячкин Г.В., Гриценко Т.Г., Фомин О.И. Русская эмиграция в Египте и Тунисе (1920-1939 гг.). М., 2000, с. 1-16; Бюллетень Русской поликлиники, № 15-16, с. 1.

⁶ «Ля Реформ», 3 марта 1920.

⁷ Там же, 23 апреля 1920.

⁸ Александр Яблоновский. Письма эмигранта // Африка глазами эмигрантов. Россияне на континенте в первой половине XX века. М., 2002, с. 12-13.

⁹ АВПРИ, ф. 317, оп. 820/3, д. 193, лл. 13, 19-21, 81.

¹⁰ АВПРИ, ф. 151, оп. 820/3, д. 70, л. 17.

¹¹ Там же, д. 194 «О положении русских беженцев в Египте, списки беженцев, умерших в русских госпиталях Египта. 1920», лл. 12-24. См. подробнее: Беляков В.В. Российский некрополь в Египте. М., 2001, с. 3-55.

¹² АВПРИ, ф. 317, оп. 820/3, Д-194. лл. 12-24.

¹³ Горячкин Г.В., Гриценко Т.Г., Фомин О.И. Ук. соч., с. 17-8.

¹⁴ Яблоновский А. Ук. соч., с. 9-10.

¹⁵ Здесь и далее сведения о лагере Телль аль-Кебира приводятся из книги: Горячкин Г.В., Гриценко Т.Г., Фомин О.И. Ук. соч.

¹⁶ АВПРИ, ф. 317, оп. 820/3, д. 193, лл. 203-204.

¹⁷ Горячкин Г.В., Гриценко Т.Г., Фомин О.И. Ук. соч., с. 18. Факты, следующие ниже, тоже взяты из этой книги.

¹⁸ Воробьев Николай Николаевич (настоящая фамилия Богаевский) родился в казачьей семье в Санкт-Петербурге в 1908 г., умер в 1989 г. в Калифорнии. Оказался в кадетском корпусе. Литератор, художник, обладатель прекрасного баритона, музыкант. Один из видных представителей казачьей поэзии. Его главная книга — поэма «Кондратий Булавин». Монтерей, 1965 г. После пе-

реезда в США стал преподавать русский язык в Военном институте иностранных языков Министерства обороны США в Монтерее, Калифорния. Почетный член Союза русских инвалидов за рубежом. В 1950 г. создал хор из 120 американских студентов, покоривший все западное побережье США. Хор исполнял исключительно русские народные и церковные песнопения.

¹⁹ «аль-Мокаттам», 9 ноября 1917 (на араб.яз.).

²⁰ Там же, 19 ноября 1917.

²¹ Там же, 22 ноября 1917.

²² Ля Реформ. Alexandrie — november-december 1917.

²³ «Ля Реформ», 6 марта 1920.

²⁴ Рерберг Ф.П. Воспоминания. Архив Библиотеки-фонда «Русское зарубежье». Ф.-і, д. М-86, л. 1509.

²⁵ Там же.

²⁶ «На чужбине», № 5, 1921.

²⁷ В землю Тель аль-Кебира осталось 39 россиян, преимущественно в возрасте от 20 до 40 лет, третья часть которых умерла от туберкулеза. «На чужбине», № 5, ноябрь 1921, с. 34.

²⁸ Горячкин Г.В., Гриценко Т.Г., Фомин О.И. Ук. соч, с. 19-20.

²⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. М., 1991 г., с. 27, 30.

³⁰ Этот небольшой очерк в несколько страниц русского эмигранта, проживавшего в Александрии, находится в Приложении к книге Белякова В.В. «К берегам священным Нила...». М., 2002, с. 244-250: Перевод с французского. Flamburiani. Les Russes sur la Terre Egyptienne. Apercu Historique. 2me Edition. Alexandrie, 1936. Далее: Фламбуриани...

³¹ Из воспоминаний детства Дмитрия Конна.

³² Сейчас от него не осталось и следа, все занято под современные городские строения.

³³ «На чужбине», январь 1922. Копию этого номера журнала автору также предоставила Т.Д. Робертс(Конн)

³⁴ Горячкин Г.В., Гриценко Т.Г., Фомин О.И. Ук. соч., с. 20-21

³⁵ Бюллетень Русской поликлиники № 15-16, с. 9.

³⁶ См. подробнее: Горячкин Г.В. Русская поликлиника в Каире // Азия и Африка сегодня, № и, 1998.

³⁷ Бюллетень Русской поликлиники № 15-16, с. 3.

³⁸ Там же, с. 5.

³⁹ Юрий Николаевич Мазараки родился в октябре 1907 г. в Петербурге. В 1916 г. поступил во 2-й кадетский корпус. После революции попал в Египет, где закончил среднее образование. Получив стипендию в Льежском университете, успешно закончил его в 1932 г., служил инженером в Брюсселе. После Вто-

рой мировой войны переехал в Монреаль, где работал по специальности инженера-строителя. Умер в апреле 1976 г. в Монреале. Друзья отмечали, что «его вежливость, остроумие и гитара очень помогли созданию приятной дружественной атмосферы». [Htt://www.xxiz.ru:80/kadeti/kpi4.htm](http://www.xxiz.ru:80/kadeti/kpi4.htm) Магнитные бури нашего Отечества. Белое дело. Из журнала «Кадетская переключка № 14-19, 1976-1979 г.».

⁴⁰ Цит. по: Беляков В.В. «К берегам священным Нила...», с. 155.

⁴¹ Фламбуриани..., с. 249.

⁴² Беляков. Ук. соч., с. 155.

⁴³ «Ля Реформ», 22 октября 1921.

⁴⁴ Фламбуриани..., с. 246.

⁴⁵ Там же, с. 245.

⁴⁶ «Ля Реформ», 18 января 1921.

⁴⁷ «На чужбине», № 5, 1921, с. 38.

⁴⁸ Фламбуриани..., с. 13.

⁴⁹ Этот номер также был послан нам Татьяной Робертс (Конн).

⁵⁰ «На чужбине», № 5, ноябрь 1921, с. 35-36.

⁵¹ АВПРИ, ф. 317, оп. 820/3, д. 196, л. 87.

⁵² «На чужбине», № 5, 1921, с. 35.

⁵³ «На чужбине», № 5, ноябрь 1921, с. 36.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, с. 16.

⁵⁶ Там же, с. 40.

⁵⁷ «На чужбине», № 5, 1921, с. 38.

⁵⁸ «На чужбине», № 5, 1921, с. 40.

⁵⁹ См.: Горячкин Г.В., Гриценко Т.Г., Фомин О.И. Ук. соч., с. 22.

⁶⁰ Фламбуриани..., с. 247.

⁶¹ «На чужбине», № 5, 1921, с. 41.

⁶² Там же.

⁶³ «Ля Реформ», 9-10 октября 1921.

⁶⁴ «Ля Реформ», 2 июля 1921. См. также о его выступлениях: там же, 29 августа 1921.

⁶⁵ Там же, 9 сентября 1921.

⁶⁶ Фламбуриани..., с. 247.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ «Ля Реформ», 29 июня 1921.

⁶⁹ Там же, 20 июля 1921.

⁷⁰ Там же, 30 августа 1921.

⁷¹ Фламбуриани..., с. 247.

⁷² «Ля Реформ», 3 сентября 1921.

⁷³ Там же, 7 сентября 1921.

⁷⁴ Там же, 22 августа 1921.

⁷⁵ Там же, 14 декабря 1921.

⁷⁶ В лагерях беженцев Лигу Наций называли «Фигой наций». См.: Рерберг Ф.П. Воспоминания..., л. 1526.

⁷⁷ «Ля Реформ», 30 июня 1921.

⁷⁸ Там же, 23 июля 1921.

⁷⁹ См. напр., «Ля Реформ» за май-июнь 1921.

⁸⁰ Цит. по: там же, 1 сентября 1921.

⁸¹ Цит. по: «Ля Реформ», 14 сентября 1921.

⁸² Цит. по: там же, 14 сентября 1921.

⁸³ Там же, 20 сентября 1921.

⁸⁴ Там же, 21 сентября 1921. Дальнейшая судьба русских изгнанников с этого парохода не известна.

⁸⁵ «Ля Реформ», 27 сентября 1921.

⁸⁶ «На чужбине», № 5, 1921, с. 26.

⁸⁷ Вследствие ряда жалоб на плохое положение русских беженцев в Египте по просьбе международных организаций сделанная служащими голландского консульства проверка состояния их лагерей в середине 1920 г. показала его вполне удовлетворительный характер. По свидетельству цитированного выше журнала «На чужбине», «было сделано все возможное в деле улучшения в смысле удобств. Часть беженцев была поселена в деревянных бараках, преимущественно которыми пользуются далеко не все войсковые (британские. — *Авт.*) части в Египте». Там же, с. 35.

⁸⁸ Там же, с. 36. Впоследствии некоторые из них вернулись в Сиди-Бишр: «Некоторые беженцы, терзаемые муками по Родине, — писал Фламбуриани, — пытались вернуться в Россию. Однако "там, наверху", в СССР, кое-кто поступил по своей прихоти. Их признали бесполезными и нежелательными, и они снова возвращались в Сиди-Бишр». Фламбуриани. Указ. соч., с. 248.

⁸⁹ «Ля Реформ», 3 ноября 1921.

⁹⁰ Рерберг Ф.П. Воспоминания..., л. 1524.

⁹¹ Там же, л. 1526.

⁹² Там же, л. 1526-1527.

⁹³ Д. Конн. Воспоминания, с. 5.

⁹⁴ Цит. по: Луконин Ю.В. С «нансеновским паспортом» на берегах Нила // Российская диаспора в Африке. М., 2001, с. 32-33.

⁹⁵ «Ля Реформ», 13 апреля 1920.

⁹⁶ В 1916 г. Николай Михайлович Сериков поступил в авиационную школу в Крыму, после окончания которой был послан на Галицийский фронт, где за мужество и отвагу его наградили двумя Георгиевскими крестами, со слов его дочери Татьяны Николаевны Монти (Сериковой), проживавшей в Александрии. Это о ней писал «Одна на всю Александрию» («Труд», 1 сентября 2000) В.В. Беляков, корреспондент «Комсомольской правды» и «Труда» в Каире в 1986-2000 гг.

⁹⁷ Конн Д. Воспоминания..., с.5.

⁹⁸ У нас имеется возможность представить данные о дороговизне в Александрии (1914=100).

	1918	1919	1920
Пшеница (местная)	290	226	-
Чечевица	187	173	486
Сахар	255	398	319
Патока	158	158	239
Лук	105	94	288
Масло раст.	177	312	336
Яйца	47	228	261
Масло слив.	192	200	376
Рис	170	162	334
Мыло	227	630	396
Керосин	218	227	282

Источник: «Ля Реформ», 7 мая 1920. Цены в 1918-1920 гг. увеличились примерно в 1,5-2 раза. Быстрыми темпами росли они и позже.

⁹⁹ Гончаров. Донской кадетский корпус в Египте, с. 22.

¹⁰⁰ «Ля Реформ», 2-3 июля 1922.

¹⁰¹ Фонд 317, оп. 820/3, д. 184, лл. 16-19. Обе Анастасии скончались в Египте и похоронены на александрийском кладбище в Шатби.

¹⁰² Эгерт Василий Петрович родился в 1853 г. Действительный тайный советник. Окончил в 1873 г. Императорское училище правоведения в Санкт-Петербурге. Присяжный поверенный Петербургской судебной палаты. Работал юрисконсультom в Александрии и Каире.

¹⁰³ Фонд 317, оп. 820/3, д. ио, лл. 2-3; там же, д. 194, лл. 90-91.

¹⁰⁴ О проживании Голенищевых-Кутузовых в Египте см. подробно: Владимир Беляков. Приютила Африка жар-птицу. М., 2000, с. 138-147.

¹⁰⁵ АВПРИ, ф. 317, оп. 820/3, д. 191, лл. 1-2.

¹⁰⁶ Там же, д. 215, л. 7.

¹⁰⁷ Оно было сформировано при помощи японских интервентов братьями С.Д. и Н.Д. Меркуловыми и просуществовало только в 1921-1922 гг.

¹⁰⁸ Байков Н.А. По Белу Свету. Харбин, 1937, с. 145 // Цит. по: Луконин. Указ. соч., с. 33.

¹⁰⁹ Уже цитированный нами Ю.В. Луконин допускал эту цифру в 15 тыс. человек. Луконин. Указ. соч., с. 27.

¹¹⁰ АВПРИ, ф. 317, оп., 820/3, Д- 207, л. 9. Многие из них просто не регистрировались. Тот же С.П. Разумовский в письме бывшему сотруднику российского консульства в Александрии И.П. Умову в 1927 г. писал: «...я знаю очень много русских, которые регистрировались только тогда, когда была необходимость в исполнении разных официальных формальностей: поездка за границу и получение паспорта на выезд, венчание» (АВПРИ, ф. 317, оп. 242, д. 242, лл. 30-30 об.).

¹¹¹ Луконин. Указ. соч., с. 36.

¹¹² Там же, д. 201, л. 17.

¹¹³ См. подробнее: Фридман Л.А. Египет. 1882-1952. Социально-экономическая структура деревни. М., 1973, с. 401-417.

¹¹⁴ Всеобщая перепись населения. Ч. 2. Общие таблицы. Каир, 1953, с. 56-58 (на араб.яз).

¹¹⁵ «На чужбине», январь 1922.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Общая структура дипломатических представительств России в Египте выглядела следующим образом: Дипломатическое агентство и Генеральное консульство возглавлялись одним лицом и находились в Каире на улице Имад ад-Дин, 16. Вице-консульство пребывало на улице аль-Маграби, 2. В Александрии консульство располагалось на улице Розетта, 68. В Порт-Саиде был консул, в Суэце и Думьяте — вице-консул. Управляющий вице-консульством — в Мансуре и Исмаилии. В Заказике, Бени-Суэйфе и Минье — управляющий консульским агентством. В Танте, Файюме, Асьюте, Гирге, Кене, Иене, Луксоре, Сохаге — консульский агент. Консульские представители в Каире и Александрии были из россиян. В остальных городах интересы России представляли, главным образом, православные из греков, сирийцев, а также копты.

¹¹⁸ АВПРИ, ф. 317, оп. 820/3, д. 209, лл. 2 об.-3.

¹¹⁹ Там же, л. 3.

¹²⁰ Капитуляциями в Османской империи назывались грамоты, предоставившие европейским купцам особые права и привилегии. Первоначально турецкий султан мог в любое время лишить их европейцев. С XVI в. капитуляции принимают характер международных договоров, а в XVIII в. европейцы стали рассматривать капитуляции как свои бесспорные привилегии, не подлежащие отмене

¹²¹ АВПРИ, ф. 317, оп. 820/3, Д- 209, лл. 106.-2.

¹²² Здесь и ниже материал излагается по: Горячкин Г.В., Гриценко Т.Г., Фомин О.И. Ук. соч., с.25-29.

¹²³ АВПРИ, ф. 317, оп. 820/3, д. 201,1923, лл. 2-3. См. Приложение 2.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же, л. 4.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же, л.3.

¹²⁸ А.А.Смирнов имеет в виду тот факт, что никакого письменного уведомления о прекращении деятельности и финансирования возглавляемого им учреждения он не получал. Кроме того, ему не прислали приглашения и на празднества 9 октября по случаю восшествия на престол египетского короля, даже на прием во дворце, несмотря на то что он в течение 15 лет являлся дуайеном дипломатического корпуса в Каире. См. Приложение 1.

¹²⁹ АВПРИ, ф., 317, оп. 820/3, л. 6.

¹³⁰ Там же

¹³¹ Там же, д. 200,1923. Положение русских в Египте, л. 67 об.

¹³² АВПРИ, ф. 317, оп. 820/3, д. 161 «Просьба Кременчугского мещанина Владими́рова о разрешении ему перейти в иностранное подданство». 1923, лл. 1-2.

¹³³ Далее материал излагается по журналу «На чужбине» (январь 1922, Александрия), содержание которого опубликовано В.В. Беляковым в: «Восточный архив», № 3, 2005, с. 86-97.

¹³⁴ Там же, с. 90.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Рерберг. Воспоминания..., л. 1517.

¹³⁷ Там же, л. 1518.

¹³⁸ «На чужбине», № 5, ноябрь 1921, с. 43.

¹³⁹ Ас-Саид, Рифаат. История социалистического движения в Египте. 1900-1025. Каир, 1981, с. 185-187.

¹⁴⁰ Гире Михаил Николаевич (1856-1932) — российский дипломат. В МИД России работал с 1878 г.: был посланником в Бразилии, Китае, Баварии, Румынии, послом в Константинополе (1911-1914) и в Риме с 1915 г. После Октябрьской революции как старейший из оказавшихся за рубежом послов в 1919-1920 гг. входил в состав Политического совещания в Париже, возглавлял Совет послов.

¹⁴¹ См. Приложение 2.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ АВПРИ, ф. 317, оп. 820/3, д. 200, л. 12.

¹⁴⁴ См. Приложение 2.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ К истории установления дипломатических связей между СССР и Египтом. *Документы //Международная жизнь*, 1964, № 6.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (бывший Центральный партийный архив). Фонд 539, оп. 2, д. 629, л. 18. См. также: ас-Саид, Рифаат. *История египетского коммунистического движения с 1900 по 1940*. Каир, т.1, 3-е изд.1987, с.297-304.

•^{5°} Во время суда над Египетской компартией и активистами ВКТЕ.

⁴¹ «Ля Реформ», 19 июня 1925. За «Чичериным», видимо, отчасти в силу того, что он носил имя Наркоминдела, велось постоянное наблюдение в египетских портах и потом: «Согласно нашей информации от 14 января, мы узнали, что “Чичерин” погрузил на платформе № 15 свой хлопок в следовании на Одессу. Он вышел из порта в прошлую субботу в 4.30 после полудня по своему регулярному расписанию». 14 января 1928.

⁴² «Ля Реформ», 20 июля 1925.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ *Документы внешней политики СССР*. М., 1963, Т. 8, с. 478.

¹⁵⁵ С его именем мне впервые довелось познакомиться четверть века тому назад в документах Архива внешней политики Российской империи. Найденные здесь материалы о русской белой эмиграции привлекли внимание к этой колоритной и трагической фигуре русского зарубежья и отечественной культуры. Уже тогда из архивной копии завещания А.А. Смирнова я узнал, что российский Генконсул умер и был похоронен на православном кладбище Каира в феврале 1924 г.

Несколько раз я предпринимал попытки найти могилу нашего дипломата. И лишь 4 января 1999 г., спустя 75 лет после кончины Алексея Смирнова, мне удалось ее обнаружить. Последнее его пристанище находилось недалеко от акрополей богатых египетских греков на южнокаирском христианском кладбище при храме Святого Георгия. Здесь же располагаются захоронения россиян 1920-1960-х гг. из первой волны русской эмиграции и сооруженная в начале 1990-х гг. русская часовня, освященная Его Святейшеством патриархом Алексием II.

На одной из кладбищенских аллей подошел к небольшой плите, посередине лежал упавший каменный крест. Ожидая, как и на большинстве других могил, увидеть опять греческое имя, я вдруг наткнулся на слог «новъ». Почувствовал некоторое волнение, рукой стер ссохшуюся грязь, под которой оказалась знакомая дата «1857 год». Сердце застучало сильнее. Смахнув пыль с другой стороны креста, я обнаружил имя «Алексей» и ниже «родился» и «скон-

чался». Дрогнувшим от волнения голосом окликнул находившихся тут же коллег, мы подняли крест и увидели надпись:

АЛЕКСЕЙ СМИРНОВ

Родился 14 сентября 1857 года

Скончался 5 февраля 1924 года

¹⁵⁶АВПРИ, ф. Департамент личного состава и хозяйственных дел. Оп. 464 «Формулярные списки», 1881-1916, д. 3054, лл. 1-2. См. также: Горячкин Г. Последний царский генконсул в Египте // Азия и Африка сегодня. М., 2001, № 5; Горячкин Г.В., Холов Н.М. Русский консул Смирнов А.А. (К 200-летию российской дипломатии) // Дипломатический вестник, М., 2002, № 12; Горячкин Г. «...мой прах навсегда оставят в Египте» // Родина. М., 2008, № 1; Горячкин Г. Камергер Императорского двора // Воинское братство. М., 2009, № 1; его же: Последний царский генконсул в Египте // Страницы русско-египетского культурного диалога. Т. I Александрия, 2003 (на араб. яз.).

¹⁵⁷АВПРИ, ф. 151 Политархив, оп. 482, д. 2410 «Вопрос о пересмотре Константинопольской конвенции о нейтрализации Суэцкого канала. 1904-1909», лл. 506.-19.

¹⁵⁸Там же, в. 317 Дипломатическое агентство и Генеральное консульство в Египте, оп. 820/1, д. 153.1906, л. 13; д. 499,1904-1905 «Проход эскадры Суэцким каналом»; д. 505,1905 «Возвращение русских из Порт-Артура, пленных из Японии и войск с Дальнего Востока».

¹⁵⁹Об этом, как в целом о политической и литературной деятельности см.: Горячкин Г.В. Он был не только дипломатом. К 150-летию со дня рождения А.А. Смирнова // Восточный архив. М., 2008, № 17, с. 54-65.

¹⁶⁰ Египет глазами россиян..., с.48. В Крымской войне на стороне Порты участвовало 50 тыс. египетских войск. Они сражались в районе Евпатории, Севастополя и на Кавказском фронте. В войне 1877-1878 гг. в составе османских войск против русской армии воевали примерно 20 тыс. человек. Тусун, Омар. Египетская армия в русской войне, известной под названием Крымской. 1853-1856. Каир, с. 245 (на араб. яз); Российский государственный военно-исторический архив. М., Ф. 485, оп. 1, д. 753, с. 57.

¹⁶¹АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 64,1904, л. 26.

¹⁶² Визит в Санкт-Петербург состоялся в 1888 г. Еще раз в России Аббас II Хельми побывал инкогнито в 1900 г. АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 843, лл. 188-188 об.

¹⁶³Там же. Ф. 317, оп. 820/1, д. 154, лл. 23-23 об.

¹⁶⁴> См.: АВПРИ, ф. Политархив, д. 859,1907, лл. 4-48.

¹⁶⁵АВПРИ, ф. 317, оп. 820/3, Д-71. л. ю.

¹⁶⁶Там же, л. 8.

¹⁶⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонд 678, оп.1, д.1345, лл. 19-20. Переписка с А.Е. Молчановым хранится в фонде «Молчанов А.Е.» и включает 14 отправленных ему А.А. Смирновым писем в течение 1910-1915 гг.

¹⁶⁸ См., напр., АВПРИ. Ф. 317, оп. 820/3, д. 205, лл. i-б «Списки русскоподанных, проживающих в Египте»; там же, д. 206, лл. 1-8.

¹⁶⁹ Там же, д. 53, л. 2. Кстати, отметим, что и с возвращением евреев в Палестину по окончании войны проблемы у посланника не закончились. Дело в том, что центральные эмигрантские власти в Париже поручили ему, как главе единственного российского дипломатического учреждения на Ближнем Востоке, заниматься делами русской казенной и общественной собственности, а также делами россиян в Палестине. В этой связи А.А. Смирнов сообщает в депеше № 81 в российское посольство в Париже 26 марта 1919 г. следующее: «Сообщаемые мною данные и не точны и не полны. Через некоторое время я рассчитываю получить запрошенные мною дополнительные сведения, кои не замедлю передать посольству для направления по назначению. Но и ожидаемые мною сведения не могут быть исчерпывающими.

Чтобы получить всесторонние данные о наших участках и постройках в Палестине и Сирии, необходимо было бы командировать туда одного из наших штатных чинов в сопровождении двух лиц: от духовной Миссии и от Православного Палестинского Общества. Но такая командировка потребовала бы непосильных для Дипломатического агентства затрат, и при нашем стесненном денежном положении в настоящее время немыслима и неосуществима. Все же другие приемы, по собранию сведений, лишь затрагивают вопрос, но отнюдь его не решают».

Далее в Приложении А.А. Смирнов приводит объекты Русской духовной миссии в Палестине и Палестинского православного общества и степень их ущерба от военной кампании во время войны, упоминая, что большинство учреждений захвачено для нужд английской армии, а также сообщает о том, что многочисленные паломники просят отправить их в Россию.

В очередной депеше в Париж 25 сентября 1919 г. Смирнов сообщает: «прибывший сюда из Иерусалима недавно назначенный Управляющий палестинскими имуществами Селезнев доложил мне об ужасном положении дел общества. К осенним дождям необходимо произвести ремонт зданий, обеспечить сбор вод, охранять растения, нанять сторожей, обеспечить юридически право на оспариваемые у нас участки. Без немедленной помощи в юооо фунтов погибнет имущество огромной ценности. Служащие общества очень бедствуют. Посланник Смирнов». Фонд Ambassade de Russie. Paris. Archives secretes, d.73 // Hoover Institution on war, revolution and piece, Stanford, California, USA.

¹⁷⁰ РГИА, ф. 678, д. 1345, лл. 12-12 об.

¹⁷¹ Там же, лл. 16-17. Письмо от 30 апреля 1914 г.

¹⁷² Там же, лл. 11-11 об. В известной мере позицию Смирнова могут объяснить слова самого Сазонова: «Некоторые петроградские круги, довольно близко стоявшие ко двору, и вся столичная печать националистического лагеря, издавна враждебно настроенная к министру иностранных дел, повели против русской внешней политики шумную кампанию, выражавшуюся в уличных демонстрациях, собраниях, на которых произносились шумные речи, требовавшие войны в защиту славянских интересов, и целом потоке газетных статей, обвинявших русскую дипломатию чуть ли не в государственной измене. Особенно страстное к себе отношение вызвали у нас выдвинутые королем Николаем черногорским претензии на город Скутари и прилежащую к нему область...». Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж, 1927, с. 87 и далее.

¹⁷³ АВПРИ, ф. 317, оп. 820/3, Д-279 «О завещании Смирнова. 1916», лл. 236 об.-237.

¹⁷⁴ Там же, ф. 151, оп. 482, д. 876, 1915-1917, лл. 326-327.

¹⁷⁵ Там же, ф. 317, оп. 820/34, д. 209, л. 1.

¹⁷⁶ Более подробно об этом см.: Горячкин Г.В. Он был не только дипломатом. К 150-летию со дня рождения А.А. Смирнова // Восточный архив, 2008, № 17, с. 54-65.

Один из столпов русской поэзии, Федор Иванович Тютчев, «любимый поэт Льва Толстого», избрал для жизненной карьеры дипломатический путь. Он родился в 1803 г. в центре России в Брянцевском уезде Орловской губернии. В 1819 г. поступил в Московский университет на словесное отделение. В юношеском стремлении постичь мир, всю полноту бытия он с университетскими товарищами обращался к литературе, истории, философии. На почве их споров и бесед о французской, немецкой и прочей словесности, о месте среди мировой культуры русской литературы у молодого Тютчева, на наш взгляд, проявился интерес к дипломатии. Университетский курс он закончил всего за два года и весной 1822 г. был зачислен на службу в Государственную коллегию иностранных дел. Вскоре был направлен в русскую дипломатическую миссию в Мюнхен. Затем была Швейцария, Турин. Большой дипломатической карьеры ему не удалось сделать из-за того, что он был противником царившего тогда в России крепостного права и сторонником представительной конституционной монархии. Зато он стал известнейшим российским лириком. Это проявилось уже в Баварии, где дом дипломата Тютчева называли «прекрасным оазисом» культуры. Широко известны гениальные слова Ф.И. Тютчева: «Умом Россию не понять, // Аршином общим не измерить: // У ней особенная статья — // В Россию можно только верить. // Ф.И. Тютчев. Стихотворения. Письма. Воспоминания. М., 1988, с. 129.

Кстати сказать, Александрийский культурный центр уделял большое внимание этому великому русскому поэту. Так, 7 декабря 2003 г. здесь был проведен праздничный литературно-музыкальный вечер, подготовленный слушателями курсов русского языка. Он был посвящен 200-летию Ф.И. Тютчева. Руководителем курсов Ларисой Омар был прочитан доклад о жизни и творчестве Федора Тютчева. Учащиеся Мари Мазлумян, Асма Фейсал, Магед Абдель Рахман, Надия Тарек, Адель Хамди декламировали стихи поэта, ряд из которых был переведен самими участниками. Со стихами «Silentium» и «Не говори, меня он, как и прежде, любит» выступила поэтесса, наша соотечественница Ольга ас-Сейид. Профессор Александрийского университета доктор Мохсен Адам прочитал стихи «Пошли нам Бог...» и «Последняя любовь», посвященные музе Тютчева — Денисьевой. Были исполнены несколько танцев под музыку Свиридова, написанную на стихи поэта. Это был один из лучших музыкально-литературных вечеров РЦНК, настоящий праздник поэзии. В фойе была развернута выставка.

¹⁷⁷ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2692, оп.1, д. 91 «Стишки нигилистке Верочке Шервуд от нигилиста Алёши Смирнова. Стихотворения. 1880». См. также ф. 640, оп. 1, д. 283.

¹⁷⁸ Смирнов А.А. Две недели на Святой горе. М., 1887 г. На экземпляре, хранящемся в библиотеке им. Горького МГУ, имеется автограф: «Милому спутнику и сотоварищу Алексею Николаевичу Харузину от автора. Буюкдере. Июль 1888 г.».

¹⁷⁹ Там же, с.39-40, 46.

¹⁸⁰ Там же, С. 52, 67.

¹⁸¹ РГИА, ф. 678, д. 1345, лл. 7-7 об.

¹⁸² Фонвизин С. Семь месяцев в Египте и Палестине. СПб., 1910, с. 131.

¹⁸³ Смирнов А.А. Из сумрака былого. М, 1909.

¹⁸⁴ Альманах товарищества «Гриф». М., 1905, с. ю.

¹⁸⁵ Алексей Смирнов. Стихотворения. Т.1-2.1917,1919. Каир, Типография Я. Лискевича. На руках автора имеется лишь по несколько страниц каждого из двух плохо сохранившихся томиков А.А. Смирнова, отправленных в Москву из Центра русской культуры Амхерстского университета США. На обложке обоих томиков надпись: «Льву Карловичу фон-Ромеру на добрую память от автора. Алексей Смирнов. Александрия. Рамлэ. Булкелей. 20 авг. 1919».

¹⁸⁶ Там же, т. 1, с.39.

¹⁸⁷ Там же, с. юб.

¹⁸⁸ Там же, т. 2, с. 63.

¹⁸⁹ Кстати, упомянутая историческая повесть «Склирена» хранится в Государственной исторической библиотеке, а сборник повестей и рассказов «Из сумрака былого» находится в Российской государственной библиотеке.

190 РГИА, ф. 678, оп. 1, д. 1345, лл. 20-20 об.

¹⁹¹Жорж-бей Лутфалла — российский консульский агент в Файюме, близкий друг покойного. Его брат Мишель являлся членом Законодательного собрания Египта. Оба — сыновья православного ливанца Хабиба Лутфаллы. Их семейный склеп находится в нескольких десятках метров от могилы А.А. Смирнова.

¹⁹²АВПРИ, ф. 317, оп. 820/3, Д- 279 «О завещании Смирнова. 1916 г.».

¹⁹³ Вследствие провозглашения независимости Египта и принятия султаном звания Его Величества Короля Египта Российское Дипломатическое агентство и Генеральное консульство с 15 марта 1922 г. получают статус Российской Дипломатической миссии. АВПРИ, ф. 317, оп. 820/3, д. 132, л. 6.

¹⁹⁴АВПРИ. Ф. 159. ДЛС и ХД. Оп. 464 Формулярные списки, д.665, лл. 1-2 об.

¹⁹⁵АВПРИ, ф. 317, оп. 820/3, д. 112, л. 1.

¹⁹⁶ Схему генеалогического древа А.М. Петрова любезно предоставила автору этой книги его дочь Мария Александровна во время ее приезда со своей дочерью Еленой в Александрию в 2001 г.

¹⁹⁷АВПРИ, ф. 317, оп. 820/3, Д-161,1923, л. 1.

¹⁹⁸Там же, ф. 149, оп. 5026, д. 7384, л. 1.

¹⁹⁹АВПРИ, ф. 317, оп. 217/3, Д- Н2, лл. 1-3 об.

²⁰⁰ См. подробно об этом: Горячкин Г.В. Личности русских консулов на Аравийском полуострове на рубеже XIX-XX в. // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. Вып. 4. М., 2000; Горячкин Геннадий. Кто они, русские консулы в бассейне Персидского залива в конце XIX— начале XX в.? // Журнал «аль-Васийка», № 46, июль 2004. Бахрейн, Манама (на араб. яз.).

²⁰¹См.: Горячкин Г.В. Российский консул в Александрии // Азия и Африка сегодня. № и, 2001; Горячкин Геннадий. Один из благороднейших...родился в России, захоронен на Александрийском кладбище Шатби // Газета «аль-Кахира». Каир, 15 октября 2002 (на араб, яз.); Горячкин Геннадий. 36 лет, отданные Александрии // Страницы русско-египетского культурного диалога. Александрия, 2003, Изд-во «Культурные вызовы» (на араб.яз.).

²⁰² Автор, неоднократно бывавший на этом кладбище, всегда поражался виду двух стелющихся на могильной плите красных побегов кустов жасмина.

²⁰³ В разговоре с автором этой книги Мария Александровна Ульман-Петрова, которая участвовала в похоронах своей матери, рассказывала, что «в могиле обнаружили от отца только один кортик».

²⁰⁴АВПРИ, ф. 317, оп. 820/3, д. 71, л. 13.

²⁰⁵К сожалению, несколько лет тому назад она перестала существовать, и россияне стали ходить молиться в греческую церковь. Закрытие церкви, осно-

ванной А.М. Петровым, произошло в результате неправильных и безответственных действий по сдаче помещений в аренду и субаренду. Грустно, что с таким трудом созданная А.М. Петровым «домашняя» церковь была утрачена для русской колонии. Даже энергичные и настойчивые меры, предпринятые Генконсулом Н.М. Холовым в 2002-2003 гг. по сохранению ее для нынешних российских верующих, ни к чему не привели.

²⁰⁶ Шатби — это центральный район Александрии между Азаритой и Университетом, где в нескольких сотнях метрах от моря за высокой облагороженной стеной находится большинство кладбищ города — и католическое, и иудейское, и православное, и др. Захоронения россиян находятся как в левой, так и правой стороне греческого православного кладбища, где находится часовня. К его правой части примыкает также относительно небольшой участок безымянных могил. С учетом этого общее число россиян, покоящихся в Шатби, видимо, можно оценить в 300 человек.

²⁰⁷ АВПРИ, ф. 317, оп. 820/3, д. 71, 1917, л. 11.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ АВПРИ, ф. 317, оп. 820/1, д. 657, лл. 124-129 об.; д. 576, л. 49.

²¹⁰ Там же, ф. 317, оп. 820/1, д. 1071, л. 122 об.

²¹¹ Там же, л. 14, 24.

²¹² Луконин Ю.В. Указ. соч., с. 38-39.

²¹³ Ольга Егорова. Стихотворения. Книга 2. «Жизнь и сон». Каир, б.г., с. 145. Родилась в 1898 г. в Санкт-Петербурге. Закончив гимназию, попала на фронт Первой мировой войны медсестрой («На фронт стремились все»). Пройшла Гражданскую войну, оказалась в Египте. Умерла в Каире в 1955 г.

²¹⁴ «Ля Реформ», 8 декабря 1921.

²¹⁵ Воспоминания Димы Конн, с. 8-9.

²¹⁶ Этому событию, состоявшемуся 4 октября, предшествовала сравнительно длительная подготовка. По запросу директора александрийского Российского центра науки и культуры Архив внешней политики Российской империи 27 ноября 2000 г. направил в РЦНК ксерокопии документов АВПРИ о российском консуле в Александрии в 1910-1914 гг. А.М. Петрове в количестве 23 листов, включавших в том числе: аттестат об окончании Лазаревского института восточных языков, свидетельство о рождении (см. Приложения), свидетельство о потомственном дворянстве, послужной список (1898-1916 гг.), послужной список (1923 г.). Были предприняты меры по обнаружению новых захоронений россиян на кладбищах Александрии, уточнено число могил, подлежащих восстановлению. На средства, выделенные Генконсулом Н.М. Холовым, было приведено в порядок около 30 могил в Шатби, включая могилы самого А.М. Петрова, генерал-лейтенанта А.А. Безкровного, генерал-майоров С.И. Новакова,

Ф.П. Рерберга и др.: зацементированы надгробья, поставлены обрушившиеся кресты, заменены мраморные плиты, отреставрированы надписи и т.д. Кста-ти, основной объем подготовки и выполнения реставрационных работ по вос-становлению памятника А.А. Смирнова, часовни и некоторых могил на погосте при храме Св. Георгия в Каире также был осуществлен Генконсульством и РЦНК Александрии.

Предпринимаемые РЦНК попытки отыскать родственников А.М. Петрова принесли положительный результат, который привел к приезду на эти торже-ственные мероприятия дочери консула (от второго брака) Марии Александр-овны из ЮАР и его внучки Елены Владимировны из Парижа.

²¹⁷Кстати, самое старое захоронение принадлежит матросу крейсера «За-бияка», погребенному здесь в 1882 г. Крейсер «Забияка» и военный пароход «Эриклик» отслеживали здесь у берегов Александрии действия английской эскадры.

²¹⁸Клуб «Александрия» был создан в ноябре 1988 г. при Российском цент-ре науки и культуры, т.е. через 20 лет после появления самого РЦНК, по предло-жению российского Генконсула и при активной поддержке самих россиянок. Его организатором и первым председателем была Оксана Жербина, вышедшая за обучающегося в СССР Хани аль-Банни, преподавателя Александрийского уни-верситета. У них на квартире и происходили первые заседания клуба. Тогда же был разработан устав и организационная структура. В бытность автора ди-ректором РЦНК (2000-2005 гг.) клуб соотечественниц объединял около 30 че-ловек, главным образом россиянок, были и гражданки Украины, Белоруссии, стран Средней Азии. В состав клуба входили Ольга ас-Сейид, Ольга Манюкова, Елена Котовская, Наталья Угейди. Некоторые члены клуба привлекались к ра-боте в самом Центре. Так, курсами русского языка руководила кандидат био-логических наук Лариса Омар, жена профессора сельскохозяйственного фа-культета Александрийского университета, прожившая в северной столице свы-ше 30 лет. В начале 60-х гг. оказалась в Александрии кандидат математических наук, выпускница мехмата МГУ Людмила Яковлевна Обломская, преподавав-шая в Морской академии города, которая выступала с блестящими лекциями по актуальным проблемам науки и техники в РЦНК. Огромную помощь в по-вседневной работе РЦНК оказывали Е. Крамаренко, Л. Пинчукова, В. Судилов-ская, Е. Шуст и др. Благодаря поэтическому дару ряда соотечественниц неко-торые вечера в клубе проходили в стихотворной форме. Сама Ольга ас-Сейид подготовила поэтический сборник. Подборки ее стихов печатались в российс-ких журналах. Вместе с Генконсульством и РЦНК члены клуба участвовали в мероприятиях, связанных с русской эмиграцией, помогали ухаживать за мо-гилами и русской часовней в Шатби. Со своей стороны, РЦНК помогал клубу в

организации экскурсий по достопримечательностям Александрии, новогодних и прочих праздников, отмечал лучших активисток клуба, приглашал сотрудников Генконсульства на встречи и беседы с соотечественницами и оказывал клубу «Александрия» и его членам посильное содействие в решении тех или иных проблем повседневной жизни. Горячкин Г. «Александрия» — клуб соотечественников // *Азия и Африка сегодня*. М., март 2005, с. 79-80. В настоящее время клуб (45 членов) возглавляет Ольга Евгеньевна Монакова, также склонная к стихосочинительству.

²¹⁹ См. Иллюстрации.

²²⁰ При открытии экспозиции в РЦНК Генконсул Н.М. Холов отметил основные вехи российской дипломатии, особенности работы российских дипломатов в прошлом и настоящем, состояние двусторонних отношений между РФ и АРЕ.

Вторая часть торжественной церемонии была продолжена на православном греческом кладбище в Шатби. Здесь состоялось возложение венка на могилу А.М. Петрова с надписью: «Российскому консулу А.М. Петрову от Генерального Консульства РФ в Александрии». Корзина цветов была возложена у русской часовни, возведенной А.М. Петровым еще в 1934 г., где покоится прах более двухсот наших соотечественников (см. Альбом).

²²¹ Геннадий Горячкин. Страницы русско-египетского культурного диалога. 4.1. Александрия: Изд-во «Муншаат аль-Маариф», 2003 г. (на араб, яз.); он же: Страницы русско-египетского культурного диалога. 4.2. Александрия: Изд-во «Муншаат аль-Маариф», 2004 (на араб. яз.).

²²² Автор обнаружил могилу И.П. Умова на ливанском православном кладбище в Шатби. Похоронен вместе с дочерью Катей.

²²³ АВПРИ, ф. 317, оп. 820/3, д. 290, лл. 3-7 об.

²²⁴ Умов, Иван. Незримый гость. Стихи. Churaevka. Southbury. Conn., USA, 1949, 176.

²²⁵ Там же, с. ю.

²²⁶ Там же. На наш взгляд, поэтическое наследие Ивана Умова нуждается в дальнейшем изучении.

²²⁷ Недзельский, Евгений. Мемуары лагерей // *Африка глазами эмигрантов*. М., 2002, с. 126.

²²⁸ Любопытно, что один из циклов стихов «Новый храм», опубликованных И. Умовым в поэтическом сборнике «Незримый гость», имеет посвящение: «Памяти Великого князя Константина Константиновича («К.Р.»), направлявшего первые мои шаги в русской поэзии». Иван Умов. Незримый гость, с. 155.

²²⁹ Цит по: Oumov, Ivan. Offrande. Poemes. Alexandrie, 1958, p. 6.

²³⁰ Там же.

²³¹ Иван Умов. Незримый гость., с. 123.

²³² Из письма Т.Н. Монти от 26 июля 2009.

²³³ Эти полотна Татьяна Н. Монти подарила В.В. Белякову. В.В. Беляков. «...К берегам священным Нила», с. 204-205. См. Иллюстрации.

²³⁴ Мемуары в настоящее время хранятся в Москве, в библиотеке-фонде «Русское Зарубежье», созданной А.И. Солженицыным.

²³⁵ Из письма Т.Н. Монти автору этой книги от 26 июля 2009.

²³⁶ П. Рерберг. В 5-м конном корпусе генерала Юзефовича осенью 1919 г. // Россия. Забытая и неизвестная. Белое движение. Офицеры российской гвардии в белой борьбе. М., 2002, т.8. П. Рерберг описывает бои своего корпуса под г. Глуховом во время «начала конца продвижения белых на Москву», когда «весь фронт генерала Деникина начал катиться на юг», когда «выскочил из сыпняка поручик Петро Рерберг», с. 560-565.

²³⁷ Из письма Татьяны Конн автору книги от 7 августа 2009 г.: «Я хорошо знала вдову Алексея Яковлевича Бретцеля Римму Константиновну. Это очень элегантная женщина, которая часто говорила по-французски, была подругой моего дедушки. Они были очень близки. В конце концов, как только дедушка приехал к нам в Англию, она решила ехать к сыну в США (Нью-Йорк). Но до отъезда она умерла в Александрии. Я получала от нее очень чудные подарки и ее очень любила. Ее внучка — старше меня — была крестницей моего дедушки».

²³⁸ См. подробнее: В.В. Беляков. «... К берегам священным Нила», с. 205-206.

²⁴⁰ Из письма автору и октября 2009 г.

²⁴¹ Цит. по: Беляков В. Приютила Африка «жар-птицу». М., 2000, с. 150.

²⁴² Скончалась в 1976 г. в возрасте 80 лет. Похоронена в Шатби в отдельной могиле. У Т.Н. Монти самые высокие оценки ее учительской деятельности.

²⁴³ Арабское верхнее платье, длинная рубаха.

²⁴⁴ В разговоре с автором Т.Н. Монти в августе 2009 г. сообщила о том, что собираются с мужем вскоре продать свою фабричку ввиду того, что с годами стало трудно уже вести бизнес.

²⁴⁵ Наряду с ним существует еще и официальный итальянский культурный центр. Всего в Александрии ю иностранных культурных центров: французский, испанский, германский, британский, российский, греческий, американский, шведский, два итальянских.

²⁴⁶ Речь идет о преподавателе естественных наук в колледже «Виктория» Б., сыне россиянина и мальтийки. О существовании Б. рассказал его друг александрийский ливанец, большой любитель русской классической музыки, очарованный творчеством Бородина, сочинение последнего «Прогулка по Средней Азии» легло в основу доклада ливанца о творчестве Бородина в РЦНК.

Александриец Б. с трудом (по телефону) вышел на контакт с директором РЦНК, отказываясь от очной встречи. По словам ливанца, у Б. не было даже

вида на жительство в Египте. Генконсул Н.М. Холов был уже готов пойти на ходатайство о выдаче Б. российского паспорта. Нежелание Б. встречаться с российскими представителями, думается, объясняется теми же вышеуказанными причинами.

²⁴⁷ Цит. по: Беляков В. «Приютила Африка жар-птицу», с. 152.

²⁴⁸ См. Иллюстрации.

²⁴⁹ Дм. Конн. Воспоминания, с. 7.

²⁵⁰ «Ля Реформ», ю декабря 1924.

²⁵¹ Криваксины похоронены в склепе под русской часовней на греческом православном кладбище при храме Св. Георгия.

²⁵² Дм. Конн. Воспоминания..., с. 7-8.

²⁵³ Там же, с. ю.

²⁵⁴ Иван Александрович Рубинский родился в 1890 г. в Харьковской губернии на Украине (она в то время входила в состав Российской империи) в семье священника. После окончания в 1910 г. Харьковской духовной семинарии поступил на механическое отделение Императорского Московского технического училища (ИМТУ). Уже на первом курсе активно включился в работу Воздухоплавательного кружка, созданного при училище Н.Е. Жуковским. В 1916 г. был назначен в Первый авиационный парк, переведенный из Петрограда в Одессу. Здесь его застала Октябрьская революция. Ввиду приближения австрийских войск парк был эвакуирован в Саратов. Осенью 1918 г. вошел в коллегию только что созданного Центрального Аэродинамического института (ЦАГИ) в составе Н.Е. Жуковского, А.Н. Туполева и И.А. Рубинского.

Участвуя в работе Центрального Управления авиационными заводами, в 1919 г. был направлен в Одессу, занятую в то время белогвардейцами, для регулирования взаимоотношений с рабочими на авиационном заводе, Рубинский принимает решение выехать из России и искать возможность добраться до Америки. С этой целью Рубинский поступил кочегаром на пароход, который был реквизирован Добровольческой армией (это был, скорее всего, тот же «Саратов». — *Авт.*) и превращен в госпитальное судно для тифозных больных. На его борту Рубинский заболел тифом и был высажен в Александрии в 1920 г. www.ihst.ru/projects/emigrants/rubinski/htm.

²⁵⁵ Когда в 2001 г. Татьяна Н. Конн-Робертс посетила Египет, мы побывали в Каире, в том числе на этой улице Шарифейн, но тогда в квартире мы никого не нашли. Зато во дворе встретили пожилого египтянина, отлично помнившего дедушку Татьяны Н. Конн. «Представляете, мне, молодому египтянину, он предлагал виски!» — смеется каирец, не скрывая симпатии к бывшему соседу (из репортажа Рафаэля Бикбаева, возглавлявшего представительство ИТАР-ТАСС, от 1 апреля 2003 г.). Пожилая женщина, которая проживает в этом же

подъезде, узнает Татьяну Д. : «Она по-прежнему такая же светлая, белобры- сая!» Далее продолжает Рафаэль Бикбаев: «Ее супруг, мистер Норманн, в Стра- не пирамид в первый раз. Пожилой импозантный британец с мудрыми глаза- ми смотрит на супругу с добрым снисходительным пониманием: "Ох, уже эти русские!" По джентльменской традиции он пытается не дать волю чувствам и скрыть их с помощью знаменитого британского чувства юмора. На мое пред- ложение не снимать обуви в квартире отвечает: " Ну что Вы, у меня же чистые носки!"».

²⁵⁶ Воспоминания на двух страничках, переданных автору Т.Н. Конн-Ро- бертс.

²⁵⁷ Эти дарения автор монографии не смог найти ни в библиотеке истори- ко-филологического факультета Александрийского университета, ни в обще- университетском хранилище книг.

²⁵⁸ Так, Татьяна Дм. Конн подарила автору этой книги оригинал письма Петра Яковлевича, направленное ее отцу Дмитрию Анатольевичу 22 декабря 1952 г. с улицы Ибн Яссар, 21, Клеопатра, Александрия. Оно, наряду с детски- ми рисунками, содержало шутивно-новогоднее поздравление, часть которого было адресовано Тане, «маленькой, но уже коварной женщине», которой он «посылает иллюстрации (для игры) к сказкам: 1. Дед и репка. 2.Блоха». Далее в поздравлении П.Я желает «всем здоровья, счастья и пиастров!»

²⁵⁹ Впервые автор писал о нем в: Российская поликлиника в Каире: воп- росы о судьбах российской эмиграции в Египте в 20-30-е годы XX в. // Россия и Восток: взгляд из Сибири. 4. 2. Иркутск, 1998; См. также: Доктор Геннадий Горячкин. Русская белая эмиграция в Египте // Страницы русско-египетского культурного диалога. 4.1. Александрия, 2003, с. 86-87 (на араб.яз.). О К.Э. Ваг- нер — руководителе Русской поликлиники см. подробнее: Горячкин Г. Египет. Русская поликлиника в Каире // Азия и Африка сегодня. М., № и, 1998.

²⁶⁰ К.Э. Вагнер окончил Петербургскую медико-хирургическую академию в 1886 г. Защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора медици- ны на тему «Материалы к клиническому изучению колебаний в свойствах же- лудочного сока (влияние покоя, движения, физической работы и сна)». Науч- ные исследования были посвящены нарушениям обмена веществ, болезням сердца, органов пищеварения, туберкулезу.

²⁶¹ Дело в том, что в Египте с конца XIX в. существовала достаточно силь- ная и влиятельная русская медицинская традиция, в соответствии с которой они, в частности братья Сергей и Георгий Вороновы, являлись лечащими вра- чами хедива, издателями «Медицинской газеты» Египта и руководителями профсоюза медицинских работников Египта.

²⁶² «Ля Реформ», 8 июля 1921 г.

²⁶³ Читаем в газете «Ля Реформ» за 25 июня 1921г.: «Мадам Веневитинов дает уроки пения на лучших условиях и в соответствии с прекрасной методикой. Обращаться: улица Тэб, 35, камп Чезар (Рамля)».

^{264/1} Бюллетень Русской поликлиники, № 15-16, 1935, с.3.

²⁶⁵ «Ля Реформ», 2 января 1925 г.

²⁶⁶ См.: Беляков В.В. «...К берегам священным Нила...», с. 206-215.

²⁶⁷ Неизвестно, жена она или однофамилица, тоже врач.

²⁶⁸ Бюллетень Русской поликлиники, № 15-16, 1935, с. 3.

²⁶⁹ «Ля Реформ», ю февраля 1921 г.

²⁷⁰ Бюллетень Русской поликлиники, № 15-16, 1935, с. 21.

²⁷¹ Б.В. Булгаков родился в 1885 г., умер в 1957 г.; его прах покоится в склепе под русской часовней на погосте при греческом православном храме Св. Георгия.

²⁷² В силу занятости текущей работой в РЦНК автору не удалось это выполнить.

²⁷³ Горячкин Г.В., Гриценко Т.Г., Фомин О.И. Ук. соч., с. 37.

Глава 3

¹ См., например: Игорь Ермаков. Ислам в русской литературе XV-XX вв. // Восточный сборник «Лотос» № 2, Москва, 2000. См. также недавно вышедший фундаментальный труд Лады Пановой «Русский Египет».

² См. эту переписку в: Египет глазами россиян середины XIX — начала XX вв., с. 21, 295-297, 328-329. А также на араб, яз.: Геннадий Горячкин. Страницы русско-египетского культурного диалога. Ч. 2. Александрия, Муншаат аль-Маариф, 2004, с. 41-48 (на араб. яз).

³ Цит. по: Панова Л.Г. Русский Египет. Александрийская поэтика Михаила Кузмина. М., 2006, Т.2, с.83.

⁴ Валерий Яковлевич Брюсов родился в 1873 г. в Москве в купеческой семье. Он - крупнейший поэт Серебряного века. Кроме того, В.Я. Брюсов прославился как прозаик и переводчик, как литературный критик, знаток и историк русской, французской и римской поэзии, теоретик стиха.

⁵ Терапиано Юрий Константинович (1892-1980) родился в Керчи, эмигрировал в начале 20-х гг. XX в., умер под Парижем. Русский поэт, прозаик, переводчик и литературный критик первой волны эмиграции, организатор и участник ряда литературных объединений эмигрантов в Париже. Автор мемуаров.

⁶ Кузмин М. Избранные произведения. Ленинград, 1990, с. 61-81. Михаил Алексеевич Кузмин родился в 1875 г. в Ярославле в семье дворянина. Учился в

Петербургской гимназии, затем в консерватории по классу композиции, но по причине болезни консерваторию не закончил. В 1896 г. М. Кузмин совершает поездку в Египет. До 1904 г. литературной деятельностью не занимался. «Александрийские песни» начал публиковать в 1906 г. Умер М. Кузмин в 1936 г. в Ленинграде.

⁷ М. Волошин. «Александрийские песни» Кузмина // «Средоточье всех путей...». Избранные стихотворения и поэмы. Проза. Критика. Дневники. Москва, 1989, с. 389-390.

⁸ М. Кузмин. Избранные произведения. Ленинград, 1990, с. 5.

⁹ Панова Л.Г. Русский Египет. Александрийская поэтика Михаила Кузмина. В 2-х тт. Москва, 2006.

¹⁰ «Иджипшн газетт», 6 марта 1923. См. также: Keith Money. Anna Pavlova. Her Life and Art. New York. 1982, pp. 312-317.

¹¹ «Иджипшн газетт», 19 марта 1923.

¹² Там же.

¹³ Keith Money. Op. cit., p., 314.

¹⁴ «Иджпшн газетт», 7 марта 1923.

¹⁵ См., например, «Ля Реформ», 13,14,15,16,17,18,19 марта 1923.

¹⁶ «Иджипшн газетт», 15 марта 1923.

¹⁷ Иван Умов. Незримый гость. Стихи..., с. 138.

¹⁸ «Ля Реформ», 18-19 марта 1923. Один рубль равнялся 14 пиастрам.

¹⁹ Кроме Египта, она выступала в Японии, Индии, Австралии и в др. странах.

²⁰ «Иджипшн газетт», 21 марта 1923.

²¹ Keith Money. Op. cit., p. 381.

²² Луконин . Ук. соч., с. 39.

²³ Беляков В. Приютила Африка жар-птицу, с. 172-175.

²⁴ АВПРИ, ф. 317, оп. 820/3, д. 208. Списки русских в Александрии, л. 3 об.

²⁵ Вечер совпал со 120-летием со дня рождения А.Павловой. Он стал в Александрии настоящим праздником искусства классического танца и привлек внимание жителей города: большой зал с РЦНК с трудом вместил многочисленных зрителей. На вечере присутствовали представители Министерства культуры Египта, руководства академий искусств Каира и Александрии, Александрийской консерватории, известные деятели культуры и искусства страны, а также Генерального консульства РФ в Александрии, центральной и местной прессы. В рамках празднования юбилея в РЦНК была развернута выставка балетного костюма. На ней было представлено несколько десятков уникальных костюмов, созданных родителями учащихся к разным балетным партиям.

²⁶ Это событие произошло 1 октября 2004 г. в Большом зале «Александрийны», где состоялось открытие скульптуры русской балерины Анны Павловой, а

также выставки, посвященной ее жизни и творчеству. Здесь же экспонировались образцы книг, которые в количестве 5 тысяч экземпляров передавались «Александрине».

Собрание открыл дипломатический советник директора библиотеки посол Тахер Халифа. В присутствии нескольких сот человек он поблагодарил заместителя руководителя Росзарубежцентра А.С. Сарымова, исполняющего обязанности Посла РФ в АРЕ А.М. Захарова, Генконсула РФ в Александрии Н.М. Холова и в их лице российское Правительство за большой вклад в развитие культурных отношений между двумя странами. В свою очередь выступившие А.С. Сарымов, А.М. Захаров отметили важность плодотворных контактов представителей российской культуры и «Александрины». Статуэтка Анны Павловой заняла достойное место в мемориальном зале библиотеки. Представитель Росзарубежцентра в АРЕ О.И. Фомин зачитал приветственное письмо Союза писателей РФ, собравшего свыше двух тысяч книг для Александрийской библиотеки.

²⁷ Известный русский пианист, сын не менее известного русского книжного деятеля, составителя и издателя очень популярного в дореволюционной России «Русского архива» П.И. Бартенева.

²⁸ «Ле Фар д'Александри», 17 января 1895.

²⁹ Там же, 25 января 1895.

³⁰ Там же, 13 марта 1897.

³¹ Там же, 17-18 марта 1907.

³² О первой поездке Ф.И. Шаляпина в Египет см.: Горячкин Г.В. Египет глазами россиянин..., с. 297-305, 329; Надия Султан, Николай Тарасов. Поездка Ф.И. Шаляпина в Египет // Азия и Африка сегодня, № 3, 1992. Каир, с. 36-37 (на араб, яз.); Геннадий Горячкин. Страницы русско-египетского культурного диалога. Ч. 1. Александрия: Изд-во «Культурные вызовы», 2003, с.53-66.

³³ Горячкин Г.В. Египет глазами россиянин..., с. 298.

³⁴ «Ле Фар д'Александри», 28 января 1933.

³⁵ «Ля Реформ», 15 марта 1923: «Иджпшн газет», 17 марта 1923.

³⁶ «Ле Фар ежипсьен», 14.2.1933.

³⁷ Там же.

³⁸ Это убедительно доказал и вечер, проведенный 13 февраля 2003 г. в РЦНК Александрии в честь 130-летней годовщины со дня рождения певца, а также юбилея первого и 70-летия второго его посещений Египта. Оказалось, что александрийцы прекрасно знают нашего великого певца; с интересом прослушали его арии из знаменитых опер, романсы и песни; с удовольствием просмотрели фильм-оперу «Дон-Кихот» на французском языке, где главную роль исполнял Ф.И. Шаляпин, осмотрели фотовыставку, посвященную его жизни и творчеству. Любопытно, что ряд материалов о Ф.И. Шаляпине предоставили РЦНК александ-

рийские интеллигенты, любители русской классической музыки и творчества певца, главным образом получившие высшее музыкальное образование в СССР.

³⁹ См.: Геннадий Горячкин. Иван Билибин в Египте // Страницы русско-египетского культурного диалога. Александрия: Изд-во «Культурные вызовы», 2003, с. 35-46.

⁴⁰ Цит. по: Билибин И.Я. Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1970, с. 59.

⁴¹ Там же, с. 60.

⁴² Беляков В.В. «К берегам священным Нила...», с. 207-208.

⁴³ Из доклада директора РЦНК Г.В. Горячкина 26 сентября 2001 г. на вечере, посвященном 125-летию со дня рождения И.Я. Билибина, в присутствии около 200 гостей. Затем была открыта фотовыставка более 60 экспонатов, рассказывающих о жизни и творчестве Ивана Яковлевича, в основном, за египетский период. Здесь же экспонировались фотоснимки, сделанные самим И. Билибиным в Каире, Александрии, Луксоре, а также газетные публикации о пребывании Ивана Яковлевича в долине Нила. Выставка была открыта до 4 октября.

⁴⁴ Билибин И.Я. Статьи. Письма. Воспоминания..., с. 114.

⁴⁵ Там же, с. 61.

⁴⁶ Там же, с. 239.

⁴⁷ «Ля Реформ», 4-5 января 1925. Сейчас в этом помещении, что находится рядом с кинотеатром «Рамзее», расположилось агентство по продаже мебели «аль-Фарук Лиль Мубилия. Аль-Лямса аль-Искендерийя фи аль Алем аль-Мубилия».

⁴⁸ Горячкин Г.В., Гриценко Т.Г., Фомин О.И. Указ. соч., с. 91.

⁴⁹ Билибин И.Я. Статьи. Письма. Воспоминания..., с. 240.

⁵⁰ Заказчик — известная семья Гали, из которой, как известно, вышел будущий Генеральный секретарь ООН Бутрос Гали.

⁵¹ Владимир Беляков. Приютила Африка жар-птицу, с.123.

⁵² Еще в начале 1910-х гг. И. Билибин приобрел участок земли недалеко от Балаклавы. У него там был небольшой домик с мастерской, выходящий на глубокий залив Батилиман, где он отдыхал летом ежегодно после напряженной работы. Из-за революции зиму 1917 г. он провел в Батилимане, откуда позднее с отступающей белой армией попал в Новороссийск, на пароход «Саратов».

⁵³ Из доклада на вечере в РЦНК по случаю 125-летия со дня его рождения.

⁵⁴ Геннадий Горячкин. Русский скульптор Фродман-Клюзель // Страницы русско-египетского культурного диалога, ч. 1, с. 71-76.

⁵⁵ Александрия. Время. Место. Человек. Александрия, 2002, с. 536 (на араб.яз.).

⁵⁶ См. подробно: Владимир Беляков. Приютила Африка жар-птицу..., с. 216, 227-230.

⁵⁷ Цит. по: там же, с. 226.

⁵⁸ На корешке этого сборника стихов написано: «Ольга Егорова. Стихотворения». Ольга Иоанновна Егорова (урожд. Соболева) родилась в Санкт-Петербурге в феврале 1898 г. («Я рождена туманным Петербургом»; умерла в Каире в августе 1955 г. В возрасте 16 лет она стала сестрой милосердия, о чем мы узнаем из ее стихотворения «Война»: «Я сестра — все в этом слове: все, и любовь и добро. // И жажду я правого дела и подвига — сердце полно. // Вся жизнь наполнилась делом. // И ясна на фартуке белом красная лента Креста». Петроград, 1915 г. В стихотворении «Бал» она уточнила свою биографию: «Я кончила гимназию // Война была в разгаре. // Работала сестрой. // Все были, как в угаре. // На фронт стремились все. // И подвига я наяву хотела, не во сне» (Сборник, с.145).

⁵⁹ В Сиди-Бишре находился еще один поэт-эмигрант А.П. Ладинский. Он нам известен как автор исторических романов. См.: Алина Рубинская. Воспоминания, № 3.

⁶⁰ Иван Умов. Незримый гость, с. 132.

⁶¹ Там же, с. 194.

⁶² Там же, с. 83.

⁶³ В нашем распоряжении имеется газетно-журнальный снимок братьев в мундирах полицейских, под которым имеется надпись: «Наши достижения» (см. Альбом). Речь идет о каком-то русскоязычном периодическом издании, выходящем в Александрии, возможно, газете «Эмигрант».

⁶⁴ Николай Войтенков. Стихотворения. Александрия <1937>, с. 9. На экземпляре, обнаруженном автором в фонде «Рубакин» ГПБ, имеется дарственная надпись: «На добрую память глубокоуважаемому Павлу Николаевичу Милюкову от автора. 16.1.37. Александрия, Египет». Нам не известно о пребывании П.Н. Милюкова в Египте. Возможно, дарение происходило в Париже. На эту мысль наталкивает обозначенный на книге Н. Войтенкова адрес издательства, находящегося в Париже: «Librarie "Le PAON", 59. Rue de la Republique, Meudon-presse. Paris. France».

⁶⁵ Николай Войтенков. Ук. соч., с. 8.

⁶⁶ «Ля Реформ», 2-12 декабря 1921.

⁶⁷ Иван Умов. Указ. соч., с. 148.

⁶⁸ В конце этого сборника имеется фраза, написанная рукой автора: «Книга II-ая «Жизнь и сон».

⁶⁹ Иван Умов..., с. 171.

Заключение

¹АВПРИ, оп. 820/3, д. 203, л. юб.

²Там же.

³Николай Войтенков. Стихотворения. Александрия, с. 36.

⁴Фламбурины. Русские в Египте..., с. 249.

⁵Дятлов В.И. Указ. соч., с. 47-48.

⁶Фламбуриани Дм., Ук. соч., с. 246, 248-249.

⁷Из письма автору от 28 сент. 2009 г.

⁸АВПРИ, оп. 820/3, д. 208, л. 6 об.

Приложения

¹АВПРИ, ф. 317, оп. 820/3, д. 38, 1920, л. 2

²Сазонов Сергей Дмитриевич - русский государственный деятель, дипломат. Родился в Рязанской губернии в 1860 г., умер в эмиграции в Ницце в 1927 г. На дипломатической службе с 1883 г. С 1910 по 1916 г. — министр иностранных дел царской России. В 1918-1919 гг. представлял в Европе белогвардейские правительства Колчака и Деникина, добивался расширения интервенции против Советской России. Затем входил в Совет послов Центрального эмигрантского правительства в Париже.

³Подобное заявление было направлено также председателю парламентской фракции лейбористской партии в палате общин.

⁴Источник: АВПРИ, ф. 317, оп. 820/3, Д-²⁰¹ О постановлении Совета министров Египта от 6 октября 1923 г. и об отношении правительств США, Англии, Франции и других держав к этому вопросу. 1923.

⁵АВПРИ, ф. 317, оп. 820/3, д. 209, б.д., лл. 1-9.

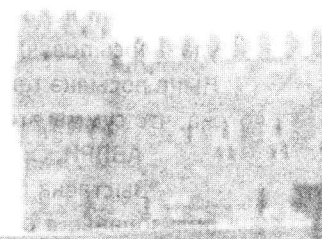
⁶В Каире, Александрии и Порт-Саиде.

⁷При недостатке средств Дипломатическому агентству в прежние годы удавалось получать некоторую поддержку Российского Посольства из Парижа. Ныне посылка таких сумм совершенно прекращена, после сообщено из Парижа, что суммы эти исчерпаны.

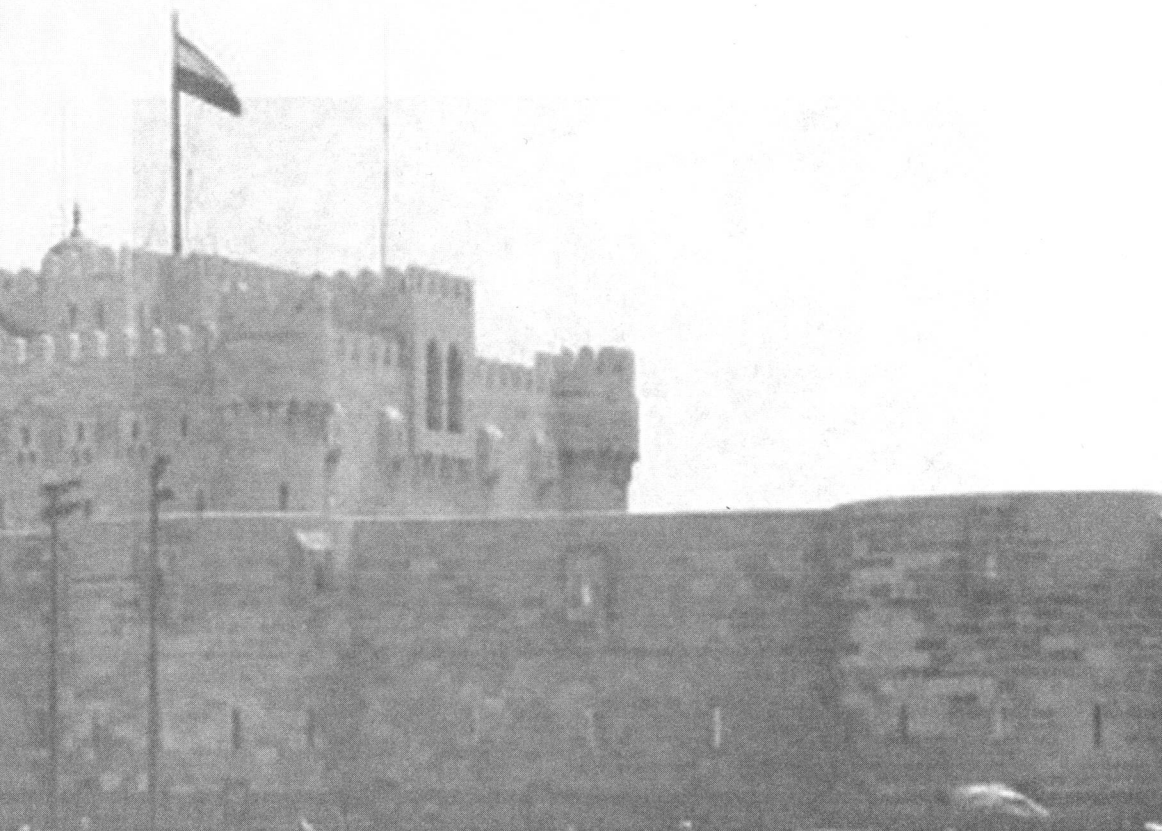
⁸АВПРИ, ф. 317, оп. 820/3, д. 242, лл. 6-9.

⁹Выставка была проведена 15 марта 2001 г. в РЦНК г. Александрии. Используются, в основном, личные архивы Т.Н. Монти (Сериковой). Большинство снимков демонстрировалось впервые. Через некоторое время инсталляция была перевезена в Москву, в Росзарубежцентр, где вскоре затерялась.

Faint, illegible text covering the majority of the page, possibly bleed-through from the reverse side.

АЛБОМ

Александрия. Мечеть в Аттарине. Начало XX века

Александрия. На площади Консулов. 1930-е

Александрия. Площадь Мухаммеда Али.
1920-е

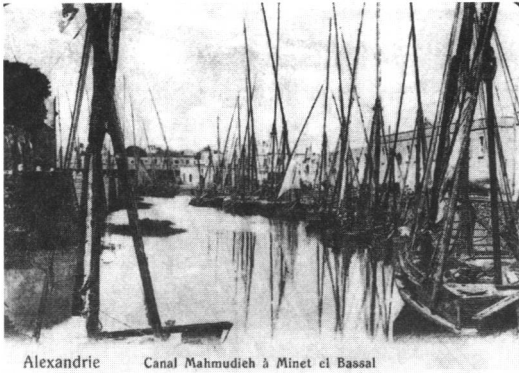
Александрия. Сад и памятник Нубару-паше.
1920-е

Александрия. Бульвар Рамля.
1920-е

Александрийский порт.
1920-е

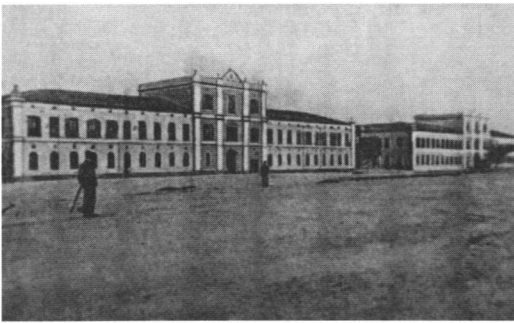

Alexandrie Canal Mahmoudieh à Minet el Bassal

Александрия. Канал Махмудий.
Мина аль-Басаль. Начало XX в.

Александрия. Улица Саада Заглюля.
1930

Александрия. Казармы Мустафы Барака.
Начало XX в. Почтовая открытка

Александрия. Казино Рамля.
1920-е

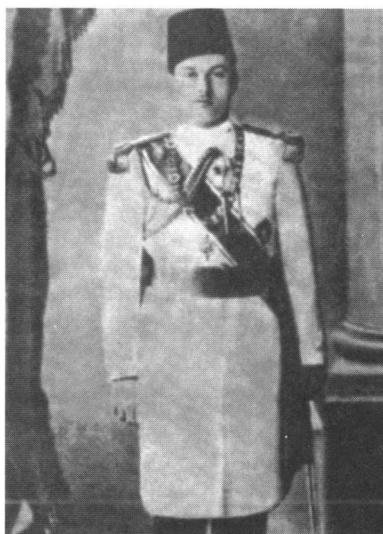
Хедив Аббас Хельми
(1892-1914)

Султан Хусейн Кямиль
(1914-1917)

Король Фуад I
(1917-1936)

Король Фарук I
(1936-1952)

Губернаторы Александрии в 1913-1952 годах

Ахмед Зивар-паша.
5.3.1913 — 30.12.1917

Ахмед Мидхат Якин-паша.
31.12.1917 — 18.4.1919

Хасан Абдель Разик-паша.
2.5.1919 — 9.11.1920

Мухаммед Хидайя-паша.
10.11.1920 — 27.3.1923

Мухаммед Мукбил-паша.
28.3.1923 — 9.2.1924

Мухаммед Сидки
Мухаммед-паша.
10.2.1924 — 17.3.1925

Хасан Сабри-паша.
18.3.1925 — 10.1.1937

Мухаммед Хусейн-паша.
3.3.1937 - 24.4.1942

Мухаммед Абдель Халек
Хассуна-паша.
25.4.1942 - 15.5.1948

Бадави Халифа-паша.
19.5.1948 — 14.8.1949

Ахмед Лутфи-бей.
14.8.1949 - 27.4.1950

Ахмед Муртада аль-Мараги-
паша. 27.4.1950 — 27.1.1952

Feu Son Excellence A. A. SMIRNOFF

Chambellan i la Cour de Sa MajesM ГEmperear de Russie
Envoys Extraordinaire et Ministre Pteaipotenciaire en Egypte.

Действительный Статскій Совѣтникъ А.А.Смирновъ
Камергеръ Двора Его Ииператорскаго Величества
Чрезвычайный Посланник* и Полномочный Министр*
въ Египт—fc.

А.А. Смирнов

В.В. Беляков и Г.В. Горячкин (*справа*) у только что обнаруженной могилы А.А. Смирнова.
4 ноября 1999

Отреставрированное надгробие
посланника А.А. Смирнова. Старый
Каир, кладбище при храме Св. Георгия

Выступление посла Н.В. Картузова на панихиде
по случаю установки нового надгробия на
могиле А.А. Смирнова на кладбище в Старом
Каире при храме Св. Георгия.
22 Сентября 2002

Мужская часть русской колонии Александрии.
Консул А.М. Петров сидит второй слева. 1939

Консул А.М. Петров. Александрия

Консул А.М.Петров и его невеста Наталья Ивановна. Александрия, начало 1920-х

Отец консула А.М. Петрова генерал М.И. Петров

Две Анастасии:
мать и дочь консула А.М. Петрова

Могилы двух Анастасий, матери и дочери консула А.М. Петрова. Шатби, Александрия

Русская часовня, освященная в 1934 г.
Шатби, Александрия

У русской часовни в Шатби.
Справа налево: консул А.Б. Кожин,
генконсул Н.М. Холов, Т.Н. Монти,
атташе Д. Тесленко, директор РЦНК
Г.В. Горячкин

У могилы консула А.М. Петрова
в день 125-летия со дня его рождения.
Шатби, Александрия, 2001 г.

Восстановленное надгробие
на могиле консула А.М. Петрова.
Шатби, Александрия

Свадьба Варвары Рерберг и Анатолия Демидова. В середине Ф.П. Рерберг. Александрия, около 1925

Русские невесты Александрии.
Слева — Мария, дочь консула А.М. Петрова.
Рубеж 1940-50-х

Дочь Мария и внучка Елена у могилы отца и деда консула А.М. Петрова. Шатби, Александрия, 2001

Дочь Мария и внучка Елена консула А.М. Петрова у ворот их бывшей виллы. Александрия, 2001

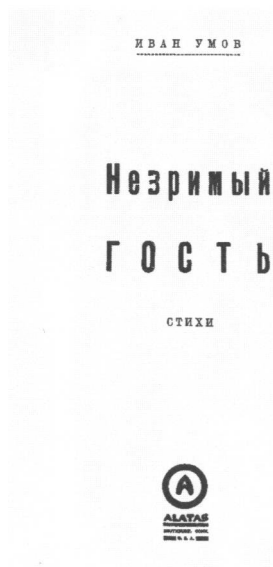
Дочь Мария и внучка Елена консула А.М. Петрова А.М. в саду РЦНК. Александрия, 2001

Директор РЦНК, вице-консул Г.В. Горячкин с супругами
Татьяной и Сандро Монти. Александрия, 2000

Вице-консул в Александрии
И.П. Умов (1881-1961)

Сборник стихов И.П. Умова

Могила Кати и И.П. Умовых на христианском кладбище в Шатби, Александрия

Фрагмент надгробия на могиле Кати и И.П. Умовых на христианском кладбище в Шатби, Александрия

Открытие выставки о российской эмиграции в Египте (1920-1950). Слева направо: библиотекарь РЦНК Тая Сабер, префект Центрального округа Александрии М. Мухаммед, Татьяна Монти, директор «Александрины» Мохсин Захран, директор РЦНК Горячкин Г.В. 15 марта 2001

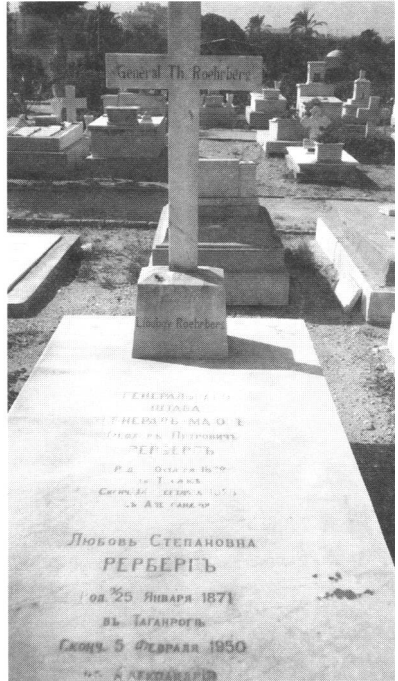
Генерал Н.Ф. Гельмгольц (1856-1937)

Татьяна Николаевна Монти (Серикова) у могилы своих родителей. Шатби, Александрия. 2000

Подруги Т.Н. Монти и З. Бобылева.
Александрия. 2000

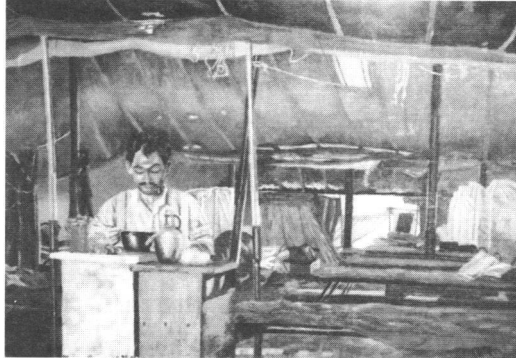
Могила генерал-лейтенанта
Ф.П. Рерберга и его супруги
Любови Степановны в Шатби,
Александрия

Надгробие на могиле генерал-майора
Хоперского на английском военном кладбище
в Шатби, Александрия

Фрагмент надгробия на могиле ге-
нерал-лейтенанта А.А. Бескровно-
го. Шатби, Александрия

Ф.П. Рерберг. Русский эмигрант за обедом
в своей палатке. Тель-аль-Кебир. 1920

Детский бал-маскарад. Александрия, 1932

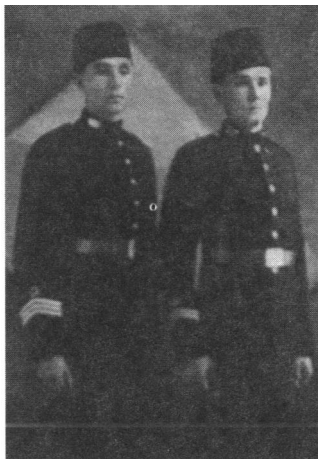
Ансамбль цыганской песни и танца.
Александрия, 1930-е

Ансамбль русского танца. Александрия, 1940-е

Ансамбль русской песни и танца. Александрия,
1950-е

Алексей и Николай
Войтенковы

Classe de ... 7A ...
Cahier de ... 25/10/22 ...
Appartenance à l'Élève Никола Конни

Обложка дневника ученика
французского колледжа
Александрии Дмитрия Конна

Семья Конн в Александрии. В центре Татьяна

Группа русских скаутов. В центре с собакой
Дима Конн. Александрия, 1922

Русские эмигрантки. Александрия, 1922

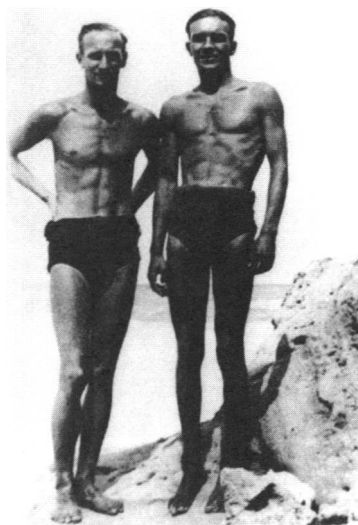
Группа русских детей на пляже в Александрии.
Справа налево: Юра Юнгмайстер, Дима Конн,
Костя Карпинский, неизвестные. 1920-е

Дима Конн с матерью.
Сиди-Бишр, 1920

Группа русских с детьми.
Справа стоит Дима Конн.
Александрия, 1920-е

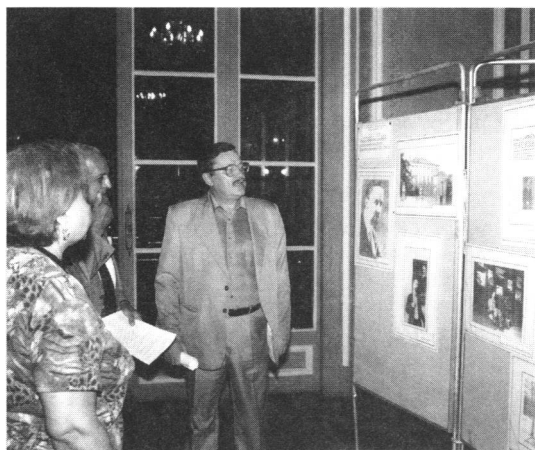
Д. Конн (справа) и Юнгмайстер.
Александрия, 1930-е

Татьяна Робертс-Конн у могилы дедушки и бабушки. Каир, кладбище при храме Св. Георгия, 2001

Супруги Татьяна и Норманн Робертс. Каир, 2001

На выставке, посвященной 125-летию И.Я.Билибина

И.Я. Билибин. Феллах. 1922

И.Я. Билибин на своей персональной выставке
в Александрии. 1925

EXPOSITION IVAN BILIBINE

SOUS LES AUSPICES
DES AMIS DE L'ART

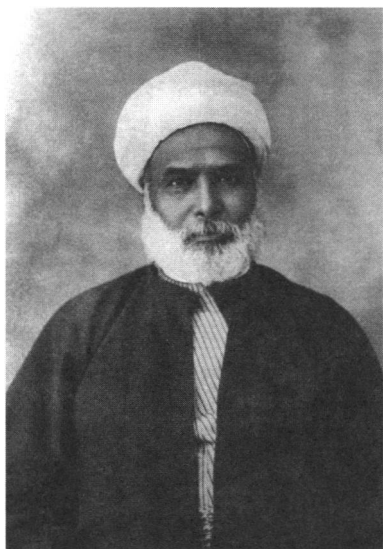

ALEXANDRIE
DECEMBRE + MCMXXIV

Марка александрийского общества
«Друзья искусства». 1924

Пригласительный билет на персональную
выставку И.Я. Билибина в Александрии.
1924

Шейх Мухаммед Абдо

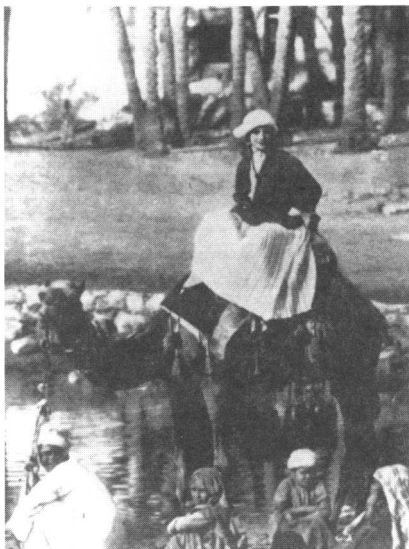
Русский поэт Михаил Кузмин,
автор «Александрйских песен»

К.Э. Вагнер — директор Русской
поликлиники в Каире,
практикующий врач
в Александрии. 1920-е

Б.В. Булгаков — один из руководителей
Русской поликлиники в Каире, куратор музея
медицинского факультета Каирского
университета

Анна Павлова в Александрии.1923

Анна Павлова в Александрии,1923

**Большой театр Мухаммада Али
Александрия**

Под управлением
Томаса Шафто

Компания **BANDMAN'S EASTERN CIRCUIT Ltd.**
 имеет честь представить Бесподобную и Несравненную
 Анну Павлову

Величайшую мировую танцовщицу,

при поддержке
 Александра Волинина
 и ее оригинальной лондонской компании
 из тридцати выдающихся артистов в российском балете.
 Музыкальный директор г-н Теодор Стиер

на сезон только из семи дней

ПРОГРАММА

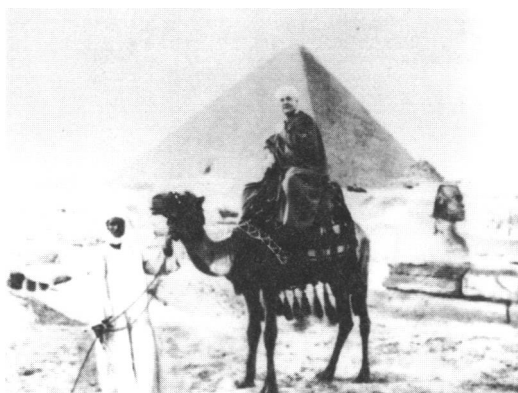
Понедельник, 12 марта	«Амарилла», «Шопениана», «Дивертисменты»
Вторник, 13 марта	«Волшебная флейта», «Снежинки», «Дивертисменты»
Среда, 14 марта	«Очарованное озеро», «Сказочная кукла», «Дивертисменты»
Четверг, 15 марта (утро)	«Очарованное озеро», «Сказочная кукла», «Дивертисменты» (включая «Лебедя»), «Копеллия», «Осень уходит», «Дивертисменты», «Уддия».
(вечер)	
Пятница, 16 марта	«Польская свадьба», «Простающая Флора», «Дивертисменты».
Суббота, 17 марта	«Амарилла», «Шопениана», «Дивертисменты»
Воскресенье, 18 марта (утро)	«Спящая красавица», «Дивертисменты» и «Специальные дивертисменты» (вкл. «Лебедя»)
Воскресенье, 18 марта (вечер)	«Осень уходит», «Дивертисменты» (вкл. «Лебедя»), а также «Специальные дивертисменты».

Открыта схема расположения лож
 Звоните 5106 и заказывайте места

Программа гастролей труппы
 Анны Павловой в Александрии. 1923

Ф.И. Шаляпин на прибывшем
в александрийский порт пароходе. 1903

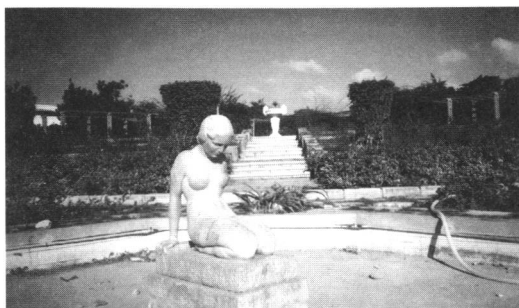
Ф.И. Шаляпин у пирамид. Каир, 1933

Ф.И. Шаляпин. 1903

Ф.И. Шаляпин в Александрии. 1933

Б.О. Фродман-Клюзель. Невеста Нила

Скульптор Борис Фродман-Клюзель

Генконсул Н.М. Холов и директор РЦНК
Г.В. Горячкин в Александрии среди
соотечественников с детьми на встрече Нового
2002 года в Большом зале РЦНК

Здание РЦНК. Александрия

Геннадий Васильевич Горячкин

РУССКАЯ АЛЕКСАНДРИЯ
судьбы эмиграции в Египте

Авторская редакция
Оформление *П. Сандомирский*
Корректор *Н. Вторушина*
Верстка *Л. Фирсова*

Подписано в печать 09.09.2010. Формат 70x108/16.
Уч.-изд.л. 19,8. Тираж 1000 экз.
Заказ № 302Т

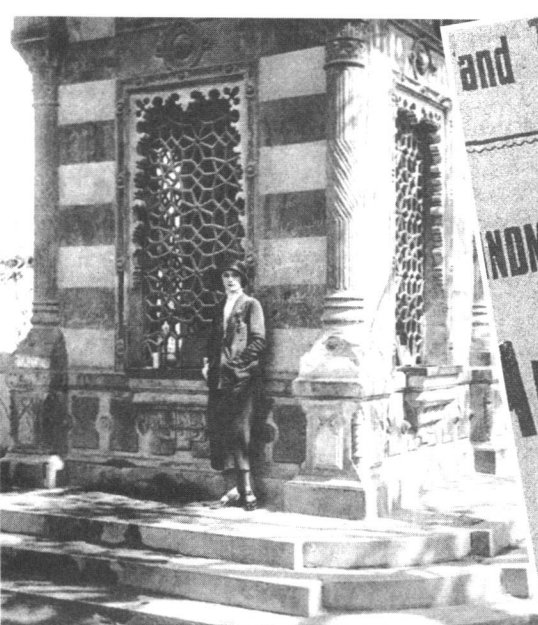
ЗАО «Издательство «Русский путь»
109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел.: (495) 915-10-47. E-mail: info@rp-net.ru.
Сайт издательства: www.rp-net.ru
Сайт магазина «Русское Зарубежье»: www.kmrz.ru

Отпечатано с готовых пленок в типографии НИИ «Геодезия»
141260, г. Красноармейск, пр. Испытателей, д. 14

ISBN 978-5-85887-366-2

9 785858 873662

and Theatre Mohamed Aly ALEXANDRIA.

Under the Management of
THOMAS SHAFTO.
NDMAN'S EASTERN CIRCUIT Ltd.
have the honour to present
the Peerless & Incomparable

Anna Pavlova

THE WORLD'S GREATEST DANCER,
supported by
ALEXANDRE VOLININE
AND HER ORIGINAL LONDON COMPANY OF
the most distinguished artistes in Russian Ballet.
Musical Director, Mr. THEODORE STIER.

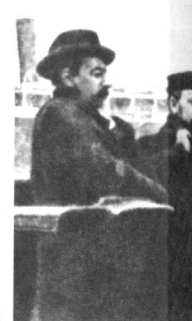
FOR A SEASON OF SEVEN DAYS ONLY.

PROGRAMME.

Monday	12 Mar. ch.	Amarilla, Chopiniana, Di- vertissements.
Tuesday	13 "	Magic Flute, Snowflakes, Divertissements.
Wednesday	14 "	Enchanted Lake, Fairy Doll, Divertissements.
Thursday	15 "	(Matinée)	Enchanted Lake, Fairy Doll, Divertissements (including The Swan.)
Friday	15 "	(Evening)	Coppella, Autumn Leaves, Divertissements, Ondines.
Saturday	16 "	Polish Wedding, Flora Awa- kening, Divertissements.
Sunday	17 "	Amarilla, Chopiniana, Di- vertissements.
Monday	18 "	(Matinée)	The Sleeping Beauty, Di- vertissements and Special Divertissements (including The Swan.)
Tuesday	18 "	(Night)	Autumn Leaves, Divertis- gements (including The Swan.) and Spec. Divertissements.

PAVLOVA'S FAREWELL TO ALEXANDRIA.

Last night Pavlova bade farewell to Alexandria admirers with a programme which included Autumn Leaves, Swan, and several other favourites. She, in Egypt, are indebted to her for her art, to her and to M. Volonine, and to Madame Butsova, and all the other delightful members of her Company. To Mr. Theodore Stier also, who, starting with a nucleus of only two or three musicians, has shown us how quickly a fine orchestra can be created by the utilisation of local talent. At least, he has shown us the result: how it is done it would be hard to say, but a combination of insight, talent, and hard work is no doubt the secret of it. The Company now leaves Alexandria for Europe for a well-earned rest. They have been playing for seven months continuously, and Madame Pavlova intends going to London, to her house at Alder's Green, and will not think about work again for four or five months. In October however she goes to the States, so that rehearsals for the new ballets to be given there will have to be completed during the summer. She has we hope been not dissatisfied with her audiences both in Cairo and Alexandria. She found them she says, the whole, very appreciative, or per-

Music in Alex

CHAI

A DIS

The eager
mous Russ
ne, was he
Alhambra
ering the
mission—3
ous musi
at years-
ent. To s
ly disap

Amis

Les « An
ont organi
du remarq
dans leurs
No. 13, du
Nous sou
manifestati

Chaliapine
upon gesture
pure singing.
artist and in
opera singer
be understood
impulse, when
to seek freedo
ting his hand
the interprets
The Concer
short duratio
ing two Pian
panist, M. I

THEATRE ALHAMBRA

Mercredi 1er Février 1910
à 9 heures 30 p.m.

SEUL ET UNIQUE CONCE
de l'Illustre Chante

FEODOR CHALIAPINE

avec le concours du Pianiste
IVAN BASILEVSKY

PRIX DES PLACES
(Taxe non comprise)

Baignoires	P.T. 600
1ère Loges	" 500
2èmes Loges	" 300
Fauteuils A	" 100
Fauteuils B	" 75
Balcon	P.T. 75
Galerie	" 50
Paradis	" 25

Location aux Guichets
du Théâtre

Les morceaux qui seront
chantés seront choisis par
M. CHALIAPINE pendant le
concert et annoncés

Feodor Chaliapine parle à bâtons rompus

Il y avait foule, hier après-midi depuis deux heures au débarcadère des Messageries Maritimes, dans l'attente de Feodor Chaliapine, le grand chanteur russe, qui donne demain un unique récital à l'Alhambra...

Journalistes, photographes, jeunes femmes avides de savoir celui qu'elles n'entendent que dans un mois, au cinéma, et qui se plaignent du prix prohibitif des places... Mais le « Mariette Pachav » n'est pas encore arrivé, alors on bayarde, on s'appelle, on scrute l'horizon, on contemple avec mélancolie le port vide comme une poche de journaliste, et qu'on veut agrandir...

Voici un des imprésarios de Chaliapine: Alexander Levitoff, qui nous apporta déjà la divine

suis plus blond que sur ce report... que mes yeux ont autre couleur, que mon génait. Pour peu je leur montrai mon... (ici on ne n'écrit pas dans les journaux) Que craignent-ils, que de la propagande comm... mais c'est absurde... On donc faire un homme da... ou quatre jours, un artis... me moi, dont les princip... connus...

Je vous assure, que j'ai un moment donné, que j'irais par le même bal... qu'il me faudrait renonc... l'Egypte...

Nous essayons de cal... coltre de l'illustre chan... de faire dévier la conv... sur un autre terrain, sur... gramme.

Alexandria.

CHALIAPINE AT THE ALHAMBRA.

AN APPOINTMENT.

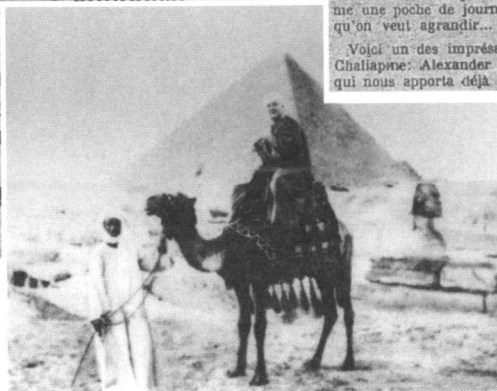
... awaited concert by the Russian bass singer, Feodor Chaliapine on Wednesday evening at the Theatre, Alexandria. Considerably high prices charged for the first time more than for any Russian heard in Egypt during the season—there was a large audience and, at the least, the concert was a great appointment.

de l'Art à Alexandrie

« Exposition de l'Art », à Alexandrie, organisée par le célèbre artiste qu'est Bilbine dans les salons de la Rue Fouad 1er, du 15 au 20 janvier. Nous attendons grand succès à cette exposition artistique.

... seems to rely to-day too much on dramatic action and very little on music. He is primarily a dramatic singer of his day was the greatest of his generation. It can easily be said, therefore, how strong is the influence he took up concert singing, and the freedom of vocal expression by letters and body take a big part in the technique of his singing.

... it was conspicuous for its originality. The whole recital, including the forte solos by his accompanist Ivan Bassilevsky, and entre-

Геннадий Васильевич Горячкин родился в 1945 г. в Иркутской области. В 1963 г. поступил в Институт восточных языков при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, который окончил в 1969 г. Ныне — доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока этого института.

Автор трудов:

- Колониальная модернизация и зарождение рабочего класса Египта (1841–1914) // Народы Ближнего Востока. Вып. XV, кн. 1. М., 1992 (на рус. яз.).
- Египет глазами россиян середины XIX — начала XX в. Политика. Экономика. Культура // Народы Ближнего Востока. Вып. XV, кн. 2. М., 1992 (на рус. яз.).
- Роль национальных меньшинств в формировании современной социальной структуры Египта. Каир: Ас-Саккафа аль-Джадийда, 1996 (совместно с В.И. Дятловым) (на араб. яз.).
- Поездка Н.В. Богоявленского в арабские княжества Персидского залива в 1902 г. М.: Изд. центр Ин-та стран Азии и Африки при МГУ, 1999 (совместно с М.А. Кисловой) (на рус. яз.).
- История Персидского залива и Аравийского полуострова по русским архивным документам. Манама: Марказ аль-Васаик ат-Тарихийя. Даулят Бахрейн, 1999 (совместно с Я.Ю. аль-Джамиль) (на араб. яз.).
- Русская эмиграция в Египте и Тунисе (1920–1939). М.: Гуманитарий, 2000 (совместно с Т.Г. Гриценко и О.И. Фоминым) (на рус. яз.).
- Россия и Египет в свете русских архивных документов (середина XIX — начало XX в.). Каир: Аль-Гейа аль-Мысрийя аль-Амма лиль-Китаб, 2002 (на араб. яз.).
- В поисках золота. Из истории культурных отношений России и Египта в середине XIX в. Александрия: Муншаат аль-Маариф, 2003 (на араб. яз.).
- Страницы русско-египетского культурного диалога. Ч. 1. Александрия: Ат-Тахаддият ас-Саккафийя, 2003 (на араб. яз.).
- Россия и Египет. Неизменная дружба. К 60-летию восстановления дипотношений между СССР и Египтом и 35-летию образования Российского центра науки и культуры в Александрии. Александрия: Муншаат аль-Маариф, 2003 (на араб. яз.).
- Страницы русско-египетского культурного диалога. Ч. 2. Александрия: Муншаат аль-Маариф, 2004 (на араб. яз.).
- Россия и Египет. Неизменная дружба. 2-е изд. Александрия: Муншаат аль-Маариф, 2004 (на араб. яз.).
- Порт-Саид — колыбель египетского рабочего движения. Александрия: Муншаат аль-Маариф, 2005 (на араб. яз.).
- Тройственная агрессия 1956 г. против Египта в воспоминаниях советских современников. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2007 (на рус. яз.).
- Воспоминания советского переводчика на египетском фронте. Александрия: Муншаат аль-Маариф, 2008 (на араб. яз.).
- Египет в русских архивах. Каир: Аль-Маглис аль-Аля ли ас-Саккафа (в печати) (на араб. яз.).